

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера)

ЛЕВ ШТЕРНБЕРГ — ГРАЖДАНИН,
УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ

К 150-летию со дня рождения

Санкт-Петербург
2012

УДК 39
ББК 63.5
Л34

Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог.
Л34 К 150-летию со дня рождения / Под ред. Е.А. Резвана. —
СПб.: МАЭ РАН, 2012. — 336 с.

ISBN 978-5-88431-188-6

Сборник научных статей включает работы, написанные участниками научной конференции, организованной МАЭ РАН в октябре 2011 г. и посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося отечественного этнографа, члена-корреспондента АН СССР (1924), профессора Петроградского университета (1918), одного из создателей знаменитой ленинградской этнографической школы Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927). С 1901 года и до последних дней его жизнь была связана с Музеем антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. Ему принадлежит громадная роль в развитии и становлении Музея как важнейшего отечественного научного и музейного центра.

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-5-88431-188-6

© МАЭ РАН, 2012

«КОМАНДИР» и «КОМИССАР»

Несколько лет назад я оказался в Дубае вместе с отечественным промышленником, создателем крупного высокотехнологичного производства. Мы гуляли вдоль застроенной небоскребами набережной, когда мой спутник, любуясь живым отражением ночного города в воде, сказал:

— Сделаешь что-то по-настоящему крупное, обязательно, сколь бы пионерским ни был проект, скажут: «Пришел на готовое». Это, в принципе, вполне справедливо: не будь забытых достижений царствования Алексея Михайловича, *не будь людей готовых — подготовленных им — к новому*, не было бы и Петра. Вот говорят: «Набили мощну нефтедолларами, пригласили специалистов со всего мира, те и отстроили в пустыне сказочные города, запустили и ведут за шейхов их успешный бизнес». Так и не так. Я послушал, что ты рассказывал, и понял, что народ здесь с древности самым активным образом участвовал в дальней, крайне опасной, но прибыльной морской и сухопутной — через пустыню — торговле, что он издревле инициативен, готов рисковать, не боится трудностей, легко адаптируется к новому. Идеальные качества для бизнесмена! *Не было бы этих людей*, не было бы и Дубая такого. Да, эти люди пришли на

готовое (нефть), но только они и смогли бы сделать такой супер-проект!

Я вспомнил эти слова, когда читал материалы международной научной конференции «Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог (к 150-летию со дня рождения)», которая прошла 24–26 октября 2011 г. в Санкт-Петербургском научном центре РАН и нашем Музее. Без малого тридцать представленных там докладов и составили содержание этого сборника.

Академик В.В. Радлов стал в 1894 г. директором выдающегося музея, однако всего за несколько лет до этого специальная академическая комиссия отмечала [Донесение комиссии...]: «Трудно было представить себе «что-нибудь более забитое и плачевное, чем наш этнографический музей», он «не заслуживает этого названия и справедливо может быть назван только временным складом или кладовой для хранения этнографической коллекции».

Радлов приступает к созданию великого музея для великой страны. Эта цель объединяет группу талантливых ученых. Наступает период коренного обновления и радикальных реформ. Организуются масштабные экспедиции, создаются новые экспозиции, возникает сеть корреспондентов Музея на местах, делающих его, по-настоящему народным. За двадцать лет (1894–1914) коллекции музея возрастают почти в пять раз, площади — в четыре раза, общее финансирование (включая пожертвования) — более чем в пять раз, штат увеличивается с двух до тридцати человек. При Радлове МАЭ постепенно становится международным научным центром. Здесь возникает научная школа, впоследствии получившая название Ленинградской школы этнографии.

Во главе всех этих начинаний стояли два человека — В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг. Последний стал «комиссаром-этнографом» при «командире-тюркологе». Для того чтобы принять его в 1901 г., Академия наук выхлопотала бывшему ссыльному трехмесячное право жительства в столице: «и каждые три месяца акад. В.В. Радлов или акад. К.Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное отделение хлопотать о продлении разрешения. Дело в том, что на Льве Яков-

левиче лежало тогда два несмываемых “позорных пятна”: он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей, еврей без диплома высшего учебного заведения» [Ратнер-Штернберг 1925: 32–33].

Музей стал для этих людей делом жизни. Когда увенчались успехом хлопоты о передаче МАЭ музейного флигеля, встал вопрос о покупке новых музейных витрин, но средств на них не было. «И выход был очень скоро найден: хотя Л.Я. (Штернберг. — *Е.Р.*) был приглашен на место старшего этнографа с соответственным содержанием, но ввиду того, что до получения университетского диплома он считался на службе по вольному найму, от директора зависело назначение ему размера жалованья. И вот, по обоюдному соглашению, было постановлено, что Л.Я., исполняя обязанности старшего этнографа, вместо жалованья в 2800 руб. будет в течение двух лет получать жалованье в размере 1500 руб., а имеющий получиться от этой экономии за два года остаток в 2600 руб. пойдет на нужды Музея» [Там же: 33–34]. Музейные шкафы, заказанные на эти деньги в Германии, до сих пор можно видеть на первом этаже Музея.

Эти люди пришли в Музей с удивительной историей, вроде бы «на готовое», но без них и сам Музей, и история отечественной гуманитарной науки были бы сегодня совершенно другими.

Почти тридцать докладов, прозвучавших на нашей конференции, в целом посвящены этой удивительной эпохе, эпохе бури и натиска, «золотому веку» в истории МАЭ и российской этнографии, который неотделим от личных биографий «командира», «комиссара» и их соратников. В докладах прозвучали разные мнения об эпохе в целом, о тех, чьими трудами создавался один из богатейших этнографических музеев мира, о достигнутых научных результатах. Не со всеми из этих мнений я как научный редактор сборника готов согласиться, но считаю необходимым представить читателю всю информацию.

Е. Резван

Библиография

Донесение комиссии, назначенной для обсуждения вопроса о выгоднейшем размещении библиотеки и открытых для публики музеев Академии» (1887 г.) // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Е.х. 14. Л. 41–41 об.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным). Л., 1925.

МУЗЕЙ, КОЛЛЕКЦИИ, ЭКСПЕДИЦИИ

Е.А. Михайлова

**Л.Я. Штернберг
в Музее антропологии и этнографии АН:
успехи и разочарования**

Работа Л.Я. Штернберга в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) — лишь один из аспектов его интеллектуальной биографии, но именно с этим музеем были связаны самые амбициозные планы и проекты известного ученого и общественного деятеля. И для истории МАЭ первой четверти XX в. Л.Я. Штернберг был, несомненно, фигурой ключевой.

Остановлюсь на двух вопросах, освещающих некоторые грани многоплановой деятельности Л.Я. Штернберга в МАЭ. Во-первых, социально-административный аспект его карьеры в МАЭ. И, во-вторых, музей как воплощение научных воззрений и общественно-политических устремлений Л.Я. Штернберга.

Л.Я. Штернберг поступил на службу в МАЭ осенью 1901 г. внештатным служащим и закончил свою работу в музее, никогда не прерывая ее, членом-корреспондентом РАН 14 августа 1927 г. в связи со смертью. Как выглядел CV Л.Я. Штернберга в тот момент, когда он впервые переступил музейный порог? Народоволец, за плечами которого было три года тюрьмы и восемь лет ссылки на Сахалин. Незаконченное высшее образование (физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и юридический факультет Новороссийского университета). Иудей по вероисповеданию. Отсюда проистекали особые трудности для получения даже временного вида на жительство в Санкт-Петербурге.

Между тем его сильной стороной были эксклюзивные знания в области лингвистики и этнографии нивхов и некоторых других коренных народов Дальнего Востока, значительный опыт полевой и исследовательской работы. Наиболее компетентный исследователь научного наследия Л.Я. Штернберга С. Кан полагает, что работы по этнографии нивхов и поставили его в авангард российской и зарубежной антропологии 1890-х годов [Кан 2009: 11]. Публикации, в том числе в центральных научных изданиях Москвы и Санкт-Петербурга, свидетельствовали о выработанных научных методах

и сложившихся теоретических взглядах ученого. Музейный опыт Л.Я. Штернберга был минимален: в 1893 г. он принял деятельное участие в создании сахалинского краеведческого музея в Александровске.

В Петербург Л.Я. Штернберг отправился в 1899 г. по уже протоптанной В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом дороге, пользуясь их рекомендациями и контактами в академических кругах. Удачный опыт его друзей и соратников показывал, что директор МАЭ академик В.В. Радлов и некоторые другие академики весьма благоволят к этнографам из политических ссыльных и готовы оказывать им всяческую поддержку. Практический аспект этого сотрудничества заключался в том, что музей получал квалифицированных регистраторов поступающих в музей из Сибири коллекций. Это было чрезвычайно важно для музея, поскольку штат МАЭ был крайне мал и вообще вплоть до самого конца XIX в. в Академии наук не имелось не только этнографической школы, но даже группы ученых, занимавшихся этнографией [История АН 1964: 612].

Что же происходило в музее к моменту появления там Л.Я. Штернберга? В 1901 г. В.В.Радлову удалось в дополнение к второму этажу музейного здания в Таможенном переулке получить и первый этаж. К осени 1901 г. были закончены ремонт и меблировка новых залов первого этажа. Существовавшая экспозиция была полностью разобрана. В это время в штате музея, помимо его директора, состоял старший этнограф Д.А. Клеменц. Предусмотренная в штате должность младшего этнографа была не замещена. Вне штата (по вольному найму) работали регистраторы коллекций (Н.М. Могилянский, К.К. Гильзен, Е.Л. Петри, Ю.В. Людевиц, С.М. Дудин). Кроме того, в музее продолжали работать хранитель Ф.К. Руссов и старший служитель П. Саминов.

Создание новой экспозиции — крайне напряженная работа для небольшого штата музея. И именно в этот момент из МАЭ ушел Д.А. Клеменц, чтобы занять должность заведующего вновь созданным этнографическим отделом Музея Императора Александра III. Вместе с ним ушел на должность хранителя того же музея Н.М. Могилянский. В.В. Радлов остался без основного и самого опытного в музейном деле сотрудника именно в тот период, когда он предполагал огромные для преобразования музея планы.

Знания и в еще большей степени память хранителя К.Ф. Руссова были, несомненно, необходимы и ценны, но его вряд ли можно было рассматривать как единомышленника на перспективу: он был серьезно болен. К.К. Гильзен только в свободное от службы в другом учреждении время мог принимать участие в музейной работе. Оставалась только Е.Л. Петри, на которой лежали все текущие дела [Штернберг 1907: 50–53].

Как справедливо заметил В.Г. Богораз, «счастливая звезда привела его в Петербург к дверям МАЭ РАН и сблизила его с академиком В.В. Радловым» [Богораз 1927: 277]. «Счастливая звезда» Л.Я. Штернберга упоминается не случайно. Он попал в МАЭ именно в тот момент, когда обстоятельства сложились самым благоприятным для его карьеры образом. В.В. Радлов не просто пригласил его работать вольнонаемным регистратором коллекций (как, например, В.И. Иохельсона и В.Г. Богораз), а предложил ему в близкой перспективе занять штатное место Д.А. Клеменца. Не удивительно в сложившихся обстоятельствах, что Л.Я. Штернберг, ошеломленный предложением столь высокого поста, «долго и упорно отказывался, но академик В.В. Радлов, успевший к этому времени хорошо с ним познакомиться и, очевидно, оценить, не менее упорно настаивал» [Ратнер-Штернберг 1928: 32].

Одна из первых задач, которую должен был решить В.В. Радлов при реорганизации музея, — это регистрация и каталогизация коллекций. Тысячи предметов были рассортированы и каталогизированы за 1898–1903 гг., и работа эта была организована и выполнена на самом современном уровне. По плану строительства новой экспозиции предметы в шкафы помещались только после их полной регистрации [Штернберг 1907: 53–54].

В частности, экспозиция по этнографии Северо-Восточной Азии была построена главным образом на обширной коллекции, собранной начальником Анадырской округи Н.Л. Гондатти [Путеводитель по Музею антропологии и этнографии 1904: 20]. Собрание это было разбито при регистрации на 12 коллекций. Полагаю, что первой музейной работой Л.Я. Штернберга в МАЭ была регистрация именно этих коллекций. По возрастанию коллекционных номеров первые четыре коллекции были зарегистрированы в 1898 г. В.И. Иохельсо-

ном, следующие шесть коллекций — в 1899 г. В.Г. Богоразом. И завершил регистрацию Л.Я. Штернберг.

По мере регистрации коллекционные предметы перемещались в выставочные шкафы. К концу 1903 г. весь нижний этаж был выставлен единолично Л.Я. Штернбергом при участии одного служителя И.Н. Субоча. Сюда вошли все коллекции по Сибири и Северной Америке, а также все собрания по Южной Америке, помещавшиеся тогда в одном шкафу.

Стоит отметить, что в 1903 г. состоялась первая зарубежная командировка Л.Я. Штернберга. И приступил он к монтажу экспозиции после того, как ознакомился с современными приемами экспонирования в ведущих этнографических (антропологических) музеях Берлина, Лейпцига и других городов Европы.

К 200-летию Санкт-Петербурга 3 декабря 1903 г. в четырех залах открылся, по существу, новый музей — Музей антропологии и этнографии (уже не «преимущественно России») имени Петра Великого. К открытию новой экспозиции был выпущен новый путеводитель под редакцией Л.Я. Штернберга, с написанным им предисловием и разделами в описании отделов Сибири и Америки.

Казалось бы, такой объем рутинной музейной работы, выполненной всего за два года, не оставлял времени ни на что другое. Но Л.Я. Штернберг, руководствуясь напутствием В.В. Радлова — «Музейные люди вырабатываются в процессе работы» [Ратнер-Штернберг 1928: 32] — включился и в решение задач более высокого уровня. Его чрезвычайно интересовали проблемы перспективного музейного строительства. Первая задача, к решению которой он активно подключился и которой весьма успешно занимался, — это организация целенаправленного собирания музейных коллекций и подготовки собирателей. Эта обширная сфера деятельности Л.Я. Штернберга в МАЭ, а также научная (внемузейная) работа ученого остаются за рамками статьи.

Остановлюсь на социально-бюрократическом аспекте карьеры Л.Я. Штернберга в МАЭ. С 1 января 1902 г. он состоял на службе по вольному найму, временно исполняющим обязанности младшего этнографа МАЭ [Формулярный список о службе 1902–1927: 9]. В этом же году по ходатайству В.В. Радлова и других членов Академии наук Л.Я. Штернбергу было разрешено сдать экзамены по юридическому

факультету Санкт-Петербургского университета. Получив, наконец, диплом о высшем образовании, он был зачислен на должность младшего этнографа МАЭ. Должность старшего этнографа осталась незамещенной (его оклад был разделен между служащими). В 1904 г. Л.Я. Штернберг получил пост старшего этнографа МАЭ и стал в музее вторым после Радлова лицом.

В 1912 г. были утверждены новые штаты музея. Судя по выписке из протокола заседания АН, В.В. Радлов ставил перед комиссией по штатам вопрос о необходимости особой должности помощника директора, но возможности такой не получил. Было дано добро на то, чтобы возложить обязанности такового на одного из старших этнографов (их было на тот момент трое). В.В. Радлов попросил АН возложить обязанности помощника директора по общему наблюдению и обзору за музеем на Л.Я. Штернберга, подчеркнув при этом, что он «и до сих пор фактически успешно нес эти обязанности в течение многих лет» [Формулярный список о службе 1902–1927: 101]. К 1915 г. груз управления музеем во многом лежал на плечах Л.Я. Штернберга. Регулярно проводившиеся заседания ученого персонала музея в 1917 г. в соответствии с духом времени превратились во вполне легитимный «совет» сотрудников музея [Ратнер-Штернберг 1928: 55].

12 мая 1918 г. В.В. Радлов умер. Смерть его была ударом для Штернберга. Они проработали вместе 20 лет, были друзьями, соратниками, единомышленниками. Став после смерти В.В. Радлова председателем «совета» МАЭ, Л.Я. Штернберг де-факто стал директором и предпринял первую попытку оставить за собой пост директора официально. Чрезвычайное заседание ученого персонала МАЭ обратилось к Академии наук с просьбой не назначать нового директора, возложив эти обязанности на помощника директора (т.е. на Л.Я. Штернберга) до истечения годичного траурного срока — до 12 мая 1919 г. [Решетов 1995 а: 41].

Вероятно, он надеялся, что Академия наук, учитывая веяния времени, откажется от традиции назначать директора музея исключительно из действительных членов РАН. Однако Академия наук проигнорировала просьбу совета МАЭ, и 23 октября 1918 г. комиссия, назначенная для этой цели, попросила возглавить музей академика В.В. Бартольда. Несколько позже, 22 апреля 1921 г., он был еди-

ногласно избран на должность директора сроком на три года. Как и В.В. Радлов, он был известным лингвистом, востоковедом, специалистом по Центральной Азии. Но, к сожалению, как признал позже и сам В.В. Бартольд, он «оказался совершенно неспособен к музейной работе» [Решетов 1995: 39].

С В.В. Бартольдом сотрудничество не сложилось. И дело, конечно, не только в личных отношениях. В.В. Бартольд, вероятно, не в полной мере включался в дела музея. А Л.Я. Штернберг к этому моменту, очевидно, полагал (и вполне справедливо), что его заслуги перед музеем, его опыт и научный вес позволяют ему по праву занять пост директора МАЭ. Не останавливаясь на этом подробно, сошлюсь на авторитетное мнение С. Кана, который полагает, что к 1910-м годам Л.Я. Штернберг был одним из ведущих российских этнологов и одним из наиболее известных за рубежом российских антропологов [Кан 2009: 141].

Поставленный АН перед фактом назначения нового директора, Л.Я. Штернберг продолжал действовать как фактический директор музея. В.В. Бартольда настолько раздражало поведение Л.Я. Штернберга (его «самоуправство»), что по его ходатайству Штернберг получил несколько выговоров от комиссии, курировавшей МАЭ. Между тем, не проработав после своего избрания и полугода, В.В. Бартольд подал в отставку. Л.Я. Штернберг, разгневанный вынесенными ему порицаниями, также хотел подать в отставку, но любовь к музею и возможность продолжения борьбы за директорство победили.

Попытка Л.Я. Штернберга организовать выборы директора без согласования с Академией наук была вновь ею пресечена, и место покинувшего пост директор В.В. Бартольда 2 ноября 1921 г. занял академик Е.Ф. Карский [Решетов 1995 а: 51; 1996: 24, 25, 43]. В 1924 г. Л.Я. Штернберг был избран наконец членом-корреспондентом. Как свидетельствует неопубликованная статья (написанная, скорее всего, его вдовой), он продолжал чувствовать недовольство членов Академии даже после своего избрания.

В 1927 г. открылись две вакансии академиков, но Л.Я. Штернберг не был включен в список кандидатов [Кан 2009: 477], т.е. Л.Я. Штернберг в МАЭ не добрался до вершины карьеры. Он не стал академиком, не стал и директором музея.

Между тем его социальная карьера представляется из ряда вон выходящей. Успешная работа в МАЭ, продвижение по штатным должностям музея сопровождались получением титулов правительственного служащего. В 1903 г. Л.Я. Штернберг получил титул надворного советника, в 1905 г. — коллежского советника и в 1908 г. — статского советника. При получении чина надворного советника автоматически следовало личное дворянство. Такая карьера на государственной службе для еврея (и, что значительно более важно, для иудея по вероисповеданию) представляется если не исключительной, то весьма редкой.

В соответствии с законодательством России, различие вероисповедания или племени не могли препятствовать определению на службу. Евреи, имевшие ученые степени (диплом 1-й степени университета приравнялся к ученой степени), допускались на службу по всем ведомствам. Государственная служба была двоякого рода: служба на должностях, дававшая чины и пенсию, и служба по найму. В большинстве случаев евреи, состоявшие на государственной службе, были на службе по найму. Именно такие должности имели в МАЭ до 1917 г. В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз — сверхштатные служащие по вольному найму. Л.Я. Штернберг же получил высокий административный пост, на который евреи, как правило, не назначались. Еще раз подчеркну, что это относилось в первую очередь к евреям иудейского вероисповедания.

При поступлении на службу необходимо было принести присягу. В личном деле Л.Я. Штернберга хранится бланк этого «Клятвенного обещания» служить верой и правдой Государю Императору. На отпечатанном типографским способом бланке слова присяги («Клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием») подверглись правке. Слова «Пред святым его Евангелием» обведены рамочкой с выноской от руки: «Богом Израилевым, с чистым сердцем» [Формулярный список о службе 1902–1927: 22].

По мере продвижения по ступеням государственной службы Л.Я. Штернберг получал и положенные чиновникам награды: орден св. Анны 3-й степени, а затем и орден св. Станислава 2-й степени. Среди бумаг фонда Штернберга сохранился Указ Императора Николая II о награждении в 1907 г. орденом св. Анны за заслуги перед

русской наукой с трогательной пометкой награжденного: «Весьма любопытный факт!» [Дубовец 2003: 29].

С работой в МАЭ связаны были, конечно, не только и не столько карьерные устремления Л.Я. Штернберга, но и соображения другого порядка. Музей, который Л.Я. Штернберг строил вместе с В.В. Радловым, а затем и самостоятельно, — это воплощение его научных воззрений и общественно-политических устремлений. Именно поэтому Л.Я. Штернберг придавал такое значение вопросу экспонирования коллекций. При непосредственном его участии были созданы две постоянные экспозиции музея: экспозиции 1903 и (1914) 1925 годов.

Созданная в 1903 г. экспозиция размещалась в залах первого и второго этажа здания в Таможенном переулке. Эта экспозиция была дополнена тремя новыми отделами¹ в 1908 г., когда был надстроен третий этаж здания. К 1914 г. в связи перспективами передачи музею здания Кунсткамеры был подготовлен проект кардинально расширенной экспозиции. Этот проект был представлен Николаю II во время его известного визита в музей 5 марта 1914 г. Удалось осуществить эти планы только в 1925 г., когда по случаю празднования 200-летия АН БАН переехала в свое новое здание, а МАЭ, наконец, получил в свое распоряжение здание Кунсткамеры.

Свои идеи музейного строительства Л.Я. Штернберг сформулировал в ряде публикаций 1907–1925 гг. [Штернберг 1907; 1911; 1925; 1925 а]. Цель этнографического музея, по Штернбергу, — построение эволюции человеческой культуры. Идеальная конструкция такого музея должна была включать два отдела: «морфологический» и эволюционный. Морфологический отдел — это статика культуры по отдельным народам и периодам. Эволюционный (или синтетический) отдел должен представлять общечеловеческую культуру в ее динамике, в процессе ее эволюции и вариационности.

«Морфологический» отдел уже существовал — экспозиция 1903 г., построенная по культурно-этническим группам в географическом порядке и включавшая три отдела. Это отдел физической

¹ Археологическим, Центральной и Южной Америки, Туркестанских древностей (из экспедиции С.Ф. Ольденбурга). Здесь же помещена перевезенная из Эрмитажа галерея Петра I.

антропологии (эволюция человека в физическом отношении), отдел археологии и его прямое продолжение — отдел этнографии (общая картина эволюции разновидностей человеческой культуры).

«Тщательно было продумано расположение выставок: от показа физической эволюции человека, формирования расовых типов и демонстрации богатых археологических коллекций к ознакомлению с культурой современных народов — от австралийцев до китайцев и японцев» [Решетов 1996: 32–33]. Экспозиция демонстрировала картину культур различных народов и давала некоторое представление о процессе взаимодействия культур. В начале XX в. большая часть экспозиций в отечественных и зарубежных этнографических (естественно-исторических) музеях строилась примерно таким же образом, о чем прекрасно знал Л.Я. Штернберг, посетивший за время работы в МАЭ большую часть европейских музеев, а также Американский музей естественной истории в Нью-Йорке.

Для В.В. Радлова эта экспозиция музея — достижение намеченной цели. Музей был космополитическим и научным (академическим), его экспозиция была построена «на широком научном базисе эволюции мировой культуры» [Решетов 1995: 84] и обеспечивала более или менее полную картину эволюционного развития человечества и разнообразной культуры отдельных народов.

Представлениям Л.Я. Штернберга построенный таким образом музей соответствовал лишь отчасти. Для него «морфологический» отдел — это необходимая база, материал для дальнейшего синтеза. В эволюционизме его более всего привлекала идея общечеловеческой культуры. Правильно построенный музей должен был дать картину развития человечества в целом, т.е. представить картину эволюции общечеловеческой культуры во всех формах ее проявления: «Музей общей этнографии имеет своим предметом культуру всего человечества как в статическом, так и в динамическом отношении. Такой музей не только должен дать полную картину отдельных культур самых различных народов, но вместе с тем представить все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры» [Штернберг 1911: 462].

Музей Штернберга должен был давать посетителям урок гуманизма, представлять идею физического единства человечества и братства людей: «Должен выявить единство человечества в его

физической природе и в его психико-интеллектуальном творчестве» [Штернберг 1925]. Для решения этой задачи и предназначался второй (и основной) отдел музея. Эволюционный (типологический) отдел должен был представить взорам посетителей «величавую наглядную картину эволюции человеческой культуры» во всех ее проявлениях. Именно этот не существовавший отдел экспозиции представлялся Штернбергу «венцом всего музейного здания» [Ратнер-Штернберг 1928: 61].

В эволюционном отделе экспозиция должна была быть организована не по принципу принадлежности к тому или иному народу или культуре, не по отдельным народам и культурам, а по группам однородных культурных явлений в порядке их развития от самой низшей до высшей ступени. Предметы на экспозиции группировались без всякой привязки к их происхождению.

Структурно экспозиция должна была делиться на два крупных раздела: культура материальная и культура духовная, а внутри них — на отделы по группам культурных явлений (жилище, орудия, утварь, одежда и т.д.). Эти области культуры, в свою очередь, подразделялись на отдельные культурные категории. И в каждой области культуры каждая отдельная категория и каждый отдельный институт в каждой категории должны быть представлены в их главнейших типах, параллелизмах и разновидностях по возможности в эволюционном порядке (в виде генетически связанных и причинно обусловленных рядов), начиная с доисторического периода и до современного состояния в историческом развитии.

Так, в отделе орудий был предусмотрен особый отдел топоров, начиная с палеолитического и кончая самым совершенным типом — современным американским топором. А в реально созданной в 1927 г. выставке эволюция камня (функция метания) была представлена следующим рядом: камень — праща — бола — ручная граната современных культурных народов [Выставка первобытных... 1927: 7]. Хочу обратить внимание на то, что здесь Л.Я. Штернберг смело выходит за очерченные совместно с В.В. Радловым границы экспонирования, которые не предусматривали включение высших форм современной европейской культуры [Решетов 1995: 85].

В антропологическом разделе эволюционного отдела Л.Я. Штернберг мыслил представить генетику человека как особого вида и общую картину его расовых разновидностей.

Будучи реалистом, Л.Я. Штернберг понимал, что его любимый проект — новый отдел эволюции в МАЭ — мог быть осуществлен только в будущем: как минимум, требовались большие площади и многочисленные дубликаты предметов, которых музей не имел. Все же очевидно, что с самого начала своей музейной деятельности он ясно видел конечную цель. Элементы наглядного построения эволюционных схем Л.Я. Штернберг применял уже в экспозиции 1903 г. Согласно путеводителю, предметы внутри ряда культурно-этнических групп были часто расположены так, чтобы продемонстрировать развитие от простых форм к сложным. Например, модель простого жилища ительменов (XVIII в.) располагалась рядом с моделью современного жилища представителей этой же культуры [Станюкович 1964: 92]. В экспозиции 1905 г. по типологическому принципу была построена т.н. «галерея шаманов» (экспонировавшиеся на ней бубны, колотушки и костюмы шаманов различных народов позволяли делать типологические сопоставления).

Постепенно шло накопление фондов для будущего отдела. Не желая изымать предметы с уже существовавшей экспозиции, Л.Я. Штернберг закупал оригиналы и копии доисторических каменных орудий и других предметов в ряде музеев. Была собрана достаточно представительная коллекция луков и стрел из различных частей света. Наконец, когда в 1925 г. существенно расширились выставочные площади музея, Л.Я. Штернберг смог вплотную приступить к осуществлению своих идей.

В 1926 г. в МАЭ был создан отдел эволюции и типологии культуры (как структурное подразделение, но не отдел экспозиции). Отдел занялся систематизацией своих фондов, материальным оснащением, теоретической разработкой отдельных категорий явлений культуры. Новый отдел располагал более чем 800 предметами. Это были дубликаты предметов из других отделов, новые экспонаты, закупленные или собранные специально во время этнографических экспедиций в других отделах, муляжи, рисунки предметов, заполняющие недостающие звенья в эволюционном или типологическом ряду или иллюстрирующие применение этих предметов, карты, схемы, графики и пр.

Наконец, отдел занялся подготовкой временных выставок, которые в дальнейшем в своей совокупности и должны были соста-

вить новый отдел музея. Первая группа выполненных по плану Л.Я. Штернберга типологических выставок характеризовала производительные силы и производственные отношения первобытного общества. На выставке «Первобытные орудия и оружие» (1927), открывшейся уже после смерти Л.Я. Штернберга, были представлены типологические схемы, сопровождаемые картами распространения того или иного типа орудия или явления, а также «Родословным деревом», ветви которого показывали этапы эволюции данной формы. Наглядно, доходчиво было показано изменение различных исходных форм орудий, например палиц, соответственно разнообразным функциям: колющие (копье), копальные (копалки, мотыги, кирки и, наконец, плуг), оборонительные (щит), наступательные (пики, стрелы, дротики, дубины, булавы ручные и метательные, бумеранги) и др. Аналогичные ряды характеризовали эволюцию камня, лука и стрел, ножа, меча. «Попытка расположить коллекции по эволюционному принципу произведена, насколько нам известно, впервые. И нужно сказать, что эта попытка увенчалась успехом» [Черняков 1928: 119–122].

В дальнейшем отделом было подготовлено значительное число выставок: «Типы жилища», «Одежда в социологическом освещении», «Домашняя утварь», «Средства передвижения», «Жизнь ребенка в свете этнографии».

Вторая группа выставок должна была осветить «надстроечные» явления: «Организация классового и раннеклассового общества», «Наука», «Техника», «Искусство», «Религия» — и в основном осталась лишь в проектах. Последняя крупная выставка отдела «Экономические и общественные корни искусства» была открыта в 1929 г. [Станюкович 1964: 114–117]. В этом же ряду можно рассматривать и «Антирелигиозную выставку», открывшуюся в 1930 г. в Эрмитаже [Михайлова 2010].

В конечном итоге самый амбициозный музейный проект Л.Я. Штернберга — Эволюционный, или синтетический, отдел экспозиции МАЭ — так и не был создан. И причину этого следует искать не столько в трудностях технического порядка, сколько в проблемах концептуальных.

Музейная политика в СССР в целом приветствовала эволюционистский подход, в русле которого работал созданный Л.Я. Штерн-

бергом отдел, но требовала уже ясной и ярко выраженной идеологической составляющей, а та идеология, которую вкладывал в экспозицию Л.Я. Штернберг, была далека от марксизма. Он был последователен в своих убеждениях и никогда не отступался от народнического идеализма своей юности. Его интересовали не классовые различия и общественно-экономические формации, а идеи единства человечества, его поступательного развития, равенства различных культур. Этнография, археология, антропология, по Штернбергу, дают возможность воссоздать историю развития человечества, его путь к царству справедливости.

Он стремился создать музей, который показал бы посетителю, что «человечество идет к гармонии, где каждая культура будет звучать по-своему, как отдельный инструмент в симфоническом оркестре» [Гаген-Торн 1975: 196]. В более широком контексте неудача Л.Я. Штернберга в его музейном строительстве состояла в его упрямой приверженности классическому эволюционизму, от основополагающих теоретических построений которого уже отказались большинство западных и некоторые из советских ученых.

Библиография

Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг как человек и ученый // Этнография. 1927. № 2.

Выставка первобытных орудий и оружия. Л., 1927.

Гаген-Торн Н.Г. Лев Яковлевич Штернберг. Л., 1975.

Дубовец Г.И. Фонд Л.Я. Штернберга в Архиве Российской академии наук // Народы и культуры Дальнего Востока: Взгляд из XXI века. Южно-Сахалинск, 2003. С. 27–32.

История АН СССР. М.; Л., 1964. Т. 2.

Михайлова Е.А. Выставочный проект Музея антропологии и этнографии «Антирелигиозная выставка в Государственном Эрмитаже» и ее создатель В.Г. Богораз // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 90–95.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Этнографический отдел. СПб., 1904.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. VII. С. 35–67.

Решетов А.М. [подготовка к публикации, примечания]. Записка, представленная в академическую комиссию для рассмотрения вопроса об об-

разовании государственного музея антропологии, этнографии и археологии академиком В.В. Радловым // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1995. Вып. 1. С. 82–85.

Решетов А.М. Василий Владимирович Бартольд // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995 а. Вып. 2–3. С. 37–53.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 823. Л. 101.

Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. 1714–1964. Л., 1964.

Формулярный список о службе [Л.Я. Штернберга]. 25 января 1902 г. — 14 августа 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 823.

Черняков З.Е. Выставка первобытных орудий и оружия // Этнография. 1928. № 1. С. 119–123.

Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии императорской академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова. 1894–1906 // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907. С. 29–104.

Штернберг Л.Я. Русские этнографические музеи // Живая старина. 1911. Вып. III–IV. С. 453–472.

Штернберг Л.Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–9. С. 46–66.

Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии. Человек и природа. 1925 а. № 9. С. 46–66.

Kan S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Series: Critical Studies in the History of Anthropology / University of Nebraska Press. Lincoln and London, 2009.

П.А. Матвеева

«Музей общечеловеческой культуры» (еще раз о роли Л.Я. Штернберга и В.В. Радлова в становлении МАЭ)

В мае 2011 г. с целью выявления и публикации материалов из личных архивов потомков В.В. Радлова я отправилась в краткосрочную командировку в Казань. Моей задачей было взять интервью у доктора химических наук, профессора Вильяма Петровича Барабанова, правнука академика В.В. Радлова. В результате поездки у меня в руках оказались ценные материалы, которые были любезно переданы

в Музей Вильямом Петровичем и его родной сестрой Ариадной Петровной — правнучкой В.В. Радлова. В их числе — черновик текста торжественной речи, которая была произнесена коллегами В.В. Радлова 14 мая 1909 г., в день 50-летия его научной деятельности в России. Этот текст меня особенно заинтересовал. К сожалению, ни Вильям Петрович, ни его сестра не знают, кем этот текст был составлен и чьей рукой написан. Очевидно, что в нем присутствуют три разных почерка. Кому принадлежат первые два, пока установить не удалось; что касается третьей (и самой большой) части текста, то детальное изучение личной переписки Л.Я. Штернберга в составе ф. № 282 СПФ АРАН (Фонд Л.Я. Штернберга) дает основание сделать вывод, что текст написан именно им.

Существует огромное количество статей, рассказывающих о научных достижениях этого человека, вместе с В.В. Радловым фактически «сделавшего» Музей в том виде, в каком он существует по сей день. Идея создания *музея общечеловеческой культуры* тогда буквально витала в воздухе. Эта задача была первоочередной для В.В. Радлова, благодаря которому создавался Музей, формировались коллекции и осуществлялись экспедиции. Она стала таковой и для всей его «команды», точно так же фанатично приверженной музейному делу, как и он сам.

Безусловно, каждому человеку в этой команде была отведена своя роль. И если В.В. Радлов зачастую выступал организатором всего музейного процесса с организационно-финансовой точки зрения, то Л.Я. Штернберг был его правой рукой и не менее замечательным *организатором науки*. Именно благодаря ему Музей приобрел не только ряд первоклассных коллекций, но и целые этнографические отделы.

Интересно, что идея создания *музея общечеловеческой культуры*, как его называли его же создатели, или *музея эволюции человека и человеческой культуры*, фактически никогда и никем не формулировалась, но эти словосочетания в незначительных вариациях стали своего рода знаменем нового периода в жизни Музея и встречаются практически во всех документах, отражающих различные стороны деятельности МАЭ. В своих воспоминаниях о том периоде музейной жизни супруга Л.Я. Штернберга С.А. Штернберг говорит о том, что «с самого начала Л.Я. (*Штернберг. — П.М.*) мыслил Музей как

учреждение, имеющее представить полную картину человеческой культуры, и не только в настоящем, но и в прошлом, не только в ее статистике, но и в динамике, в процессе ее эволюции и вариационности» [Штернберг 1928: 36].

Л.Я. Штернберг и В.В. Радлов расстались «со старым воззрением на Музей как на учреждение, задачи которого касаются преимущественно России, ибо, если цель этнографического музея — построение *эволюции человеческой культуры*, то ареной деятельности его является весь мир. И всякое принципиальное разграничение музейной деятельности отдельной территорией или национальностью совершенно извращает основную задачу Музея как научного учреждения, посвященного проблемам эволюции. «Вот почему Музей с одинаковым рвением ищет необходимых для него научных материалов и вблизи, и вдали, в близкой родной России, и в самых отдаленных чуждых уголках мира» [Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 55–56]. Эта формулировка, касающаяся *музея общечеловеческой культуры*, встречается и в первой части текста, впервые публикуемого в данной статье.

Но самое, пожалуй, интересное заключается в последних строках этого текста. Там идет речь о некоей «священной ткани, служащей символом любви и благожеланий у сотен миллионов людей, столь прекрасно представленных своими верованиями в <...> Музее». На ней авторы текста «начертали те немногие слова», адресованные В.В. Радлову в памятный день.

Речь, возможно, идет о *хадаке* — длинном ритуальном шарфе, буддистском символе гостеприимства, чистоты и бескорыстия даящего, дружеского и радушного отношения. *Хадак* может быть преподнесен по любому праздничному поводу, такому как свадьба, рождение ребенка, прибытие-отбытие гостей и пр. Согласно Н.М. Пржевальскому, «при визитах здесь (в Тибете. — П.М.) меняются друг с другом взамен карточек так называемыми *хадаками* — небольшими, в виде платка или чаще полотенца, отрезками белой или зеленоватой шелковой материи различного качества, смотря по состоянию и взаимному отношению знакомящихся лиц» [Пржевальский 1883: 259]. В Тибете *хадак* преподносят в виде поздравления по случаю праздника, для пожелания удачи, при встрече и проводах,

в качестве награды, в виде подношения ламам и святым, по случаю окончания строительства дома.

А.М. Решетов пишет, что «*хадак* считается дорогим подарком: дарящий его выражает свое уважение, любовь, преданность и даже покорность и преклонение; два последних момента особенно подчеркиваются при посещении монастырей. *Хадаки* настолько прочно вошли в повседневную жизнь, что обычно тибетцы носят с правой стороны куртки на короткой лямке мешочек для них» [Решетов 1973: 238]¹.

Хадак надевают на шею гостю или повязывают на дерево возле *обо* или *бурхана*. В Тибете *хадак* изготавливают из неокрашенной ткани — хлопчатобумажной или шелка, а в Бурятии он может быть белого, синего, желтого и зеленого цветов. Особенно популярен голубой цвет, символизирующий небо или долголетие. В коллекциях МАЭ имеется несколько *хадаков* (№ 5959–3, 5959–4, 5959–20, 5959–48). На выставке «Между Туркестаном и Тибетом: салары» представлены два *хадака*, преподнесенные выдающемуся российскому тюркологу Э.Р. Тенишеву [Резван 2010: 348, 350].

Судьба *хадака*, который Л.Я. Штернберг и его соратники преподнесли В.В. Радлову в памятный день 14 мая 1909 г., к сожалению, неизвестна: ни в коллекциях МАЭ, ни в личных архивах потомков В.В. Радлова обнаружить его не удалось.

Ниже приведен текст поздравления. Орфография и пунктуация сохранены.

В.В. Радлову Алтай 1859 г. С.-Петербург 14 мая 1909 г.

Сегодня, дорогой Василий Васильевич в торжественный момент, когда люди, по выражению историка, любят класть камень на дороге времени, чувствуя потребность оглянуться назад на долгий пройденный путь, сегодня обозревая полувековой путь Вашей деятельности, путь непрерывного труда и неиссякаемой энергии, здесь будут говорить о Ваших огромных заслугах перед наукой, разносторонних талантах, творческой инициативе и активности, которые

¹ Такой мешочек из коллекции МАЭ (№ 2563–24), сшитый из кусков желтого, красного и синего шелка, завязывается шнурком с двумя красными кистями. См.: Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919. С. 284, 455 (указатель).

*Вы проявили на всех поприщах и во всех областях, которых только коснулась Ваша легкая, счастливая, творческая рука. * * **

Сегодня день итогов...

*Итоги естественно просятся с уст и Ваших сотрудников по музею, в сборнике, посвященному Вашему семидесятилетию подвели итоги Вашему 12му руководительству Музеем, Вашей неутомимой и творческой деятельности благодаря которой из забытого и забитого склада этнографических и антропологических предметов Музей превратился за годы Вашего управления в серьезное, живое и растущее учреждение, в научную лабораторию для специалистов, ценное воспитательное учреждение для молодежи и широких масс населения. Теперь эти итоги еще более выросли за истекшие годы. И теперь, в эту самую минуту Вы полны новых планов, новых мечтаний о дальнейшем процветании нашего Музея, Вы заняты в эти дни мыслью еще шире раздвинуть стены нашего переполненного помещения, дав ему широкий простор, достойный вместилница памятников великой эволюции человека и человеческой культуры. * * **
(Автор неизвестен. — П.М.)

Но не об этих итогах, быть может, еще более видных посторонним, чем нам, мы больше всего хотели бы говорить в этот радостный момент. Мы, которым выпало на долю работать вместе с Вами изо дня в день, видеть Вас не только в праздничных одеждах конечных успехов, но и в серых одеждах повседневных будней, в которые глубже и яснее познается человек, мы хотели бы говорить о том, без чего объективные заслуги Ваши остались бы холодным памятником, не согретым лучами лучших сторон Вашей цельной натуры. (Автор неизвестен. — П.М.)

Мы хотели бы говорить о величавой и обаятельной простоте Вашей, этом высшем признаке всякой неподдельной силы, простоте, с которой Вы изо дня в день одинаково тихо и легко делали черную работу повседневности и осуществляли широко задуманные планы, преодолевая нередко огромные препятствия, не ощущая при этом сами и еще менее давая чувствовать другим ни тяжести своих забот, ни Ваших преимуществ, ни Вашего руководства, - и этой простотой Вашей Вы создали в нашем дорогом учреждении атмосферу легкого, радостного, солидарного труда, чуждого трений личностей и самолюбий.

Мы хотели бы говорить о Вашем природном гуманном идеализме, для которого Ваш идеализм философский является только маленьким украшением, природном идеализме, который без категорических императивов, без всяких усилий сеет, как природа, вокруг себя доброе и прекрасное. Мы хотели бы говорить о Вашей высокой и простой человечности, с которой Вы во всякую минуту готовы были откликнуться на каждое отдельное горе, без всяких колебаний жертвуя в таких случаях своим досугом, своими трудами, нередко и самолюбием. Мы хотели бы говорить о Вашем высоком беспристрастии к людям, которое всегда ставило дело выше личностей, нередко жертвовав своими личными симпатиями ради интересов учреждения. Наконец, хотели бы говорить о Вашем редком даре привлекать людей, заражать их своей жизнерадостностью и энтузиазмом.

Заканчивая наше приветствие, мы хотели бы напомнить Вам изречение великого поэта Вашей старой родины. Он делил людей на натуры прекрасные, которые служат человечеству тем одним, что они есть, и на те, которые служат ему трудом.

Вы служили человечеству и тем, и другим.

И да будет Вам слава! И да будет нам дано еще долго, долго не разлучаться с Вами, прекрасным и сильным!

На этой священной ткани, служащей символом любви и благожеланий у сотен миллионов людей, столь прекрасно представленными своими верованиями в нашем Музее, мы начертали те немногие слова, которые так скупно приходят на уста именно тогда, когда сердца переполнены. (Л.Я. Штернберг. — П.М.)

Библиография

Ко дню 70-летия В.В. Радлова. СПб., 1907.

Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральную Азию. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883.

Резван Е.А. Между Туркестаном и Тибетом: салары. СПб., 2010.

Решетов А.М. Тибетская коллекция МАЭ (Духовная культура) // Культура народов Зарубежной Азии (Сборник МАЭ. Т. XXIX). Л., 1973.

Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным) // Сборник МАЭ. 1928. Т. VII. С. 36–71.

Текст торжественной речи, произнесенной 14 мая 1909 г.

- 1 -

ВВ Раглову Алтай 1859г С-Петербург 14 мая 1909

Сегодня, дорогой Василий Васильевич в торжест-
венный момент, когда люди, по выражению исто-
рика, любят класть камень на дороге времени,
чувствуя потребность оглянуться назад
на длинный пройденный путь, сегодня обозревая
полувековой путь Вашей деятельности, путь
непрерывного труда и неиссякаемой энергии,
здесь будут говорить о Вашей огромной
заслуге перед наукой, разносторонних
талантах, творческой инициативе и
активности, которые Вы проявили на
всех поприщах и во всех областях, кото-
рых только коснулась Ваша рука,
счастливая, творческая рука. * * *

Сегодня день итогов.....
Итоги естественно проследятся суеты
и Вашей сотрудников по музею,
в сборнике, посвященном Вашей семидесяти-
летию подводили итоги Вашей
12-ти руководительству Музея, Вашей
неутомимой и творческой деятель-
ности, благодаря которой из забытого
и забытого склада этнографических и
антропологических предметов.

Музей превратился за годы Вашего управ-
ления в серьезное, живое и растущее
учреждение, в научную лабораторию

для специалистов, ценное воспитательное
устройство для молодежи и широких
масс населения. Теперь эти итоги еще
более выросли за истекшие годы.

И теперь, в эту самую минуту Вы
полны новых планов, новых мечтаний
о дальнейшем процветании нашего
Музея, Вы заняты в эти дни мыслью
еще шире развить стены нашего
переполненного помещения, дать ему
широкий простор, достойный вместимости
наших памятников великой эволюции
человека и человеческой культуры***

Но не об этих итогах, быть может, еще бо-
лее видных ~~посторонними~~
посторонними, чем нам, мы бы более
мы всего хотели бы говорить в этот радост-
ный момент. Мы, которым выпало на до-
лю работать вместе с Вами из дня в день,
видеть Вас не только в праздничных одеждах
конечных успехов, но и в серых одеждах повсед-
невных будней, в которых шуршат и жужжат по-
застая человек, мы хотели бы говорить о том
без чего объективные данные Ваши остались
бы бледными памятниками, не сохранили му-
жества лучших сторон Вашей цельной натуры.

Мы хотим бы говорить о внешней и о
обаятельный простоте Вашей, том внешнем
признаке великой внутренней силы, просто-

те, с которыми Вы изо дня в день оди-^{3.}наково рихи и легко делаем черную ра-
боту повседневности и осуществляли ши-
роко задуманные планы, преодолевая перед-
ки огромные препятствия, не ощущая при этом
садин и еще менее давая почувствовать другим
ни тяжести своих забот, ни Ваших преимуществ,
ни нашего руководительства, - и Творец проследит
Вашей - Вы создали в нашей дорогой утробе -
или атмосферу легкой, радостной, солидарной
трудо, чуждой брешей и тщеславия и самозабвения.

Мы хотим бы говорить о Вашем природ-
ном гуманном идеализме, для которого Ваш
идеализм философский является основой нашего
нашего укрепления, природном идеализме, кото-
рый без категорических императивов, без вы-
ших учений себя, как природа, вокруг себя
доброе и прекрасное. Мы хотим бы говорить
о Вашем высокой и простой человечности, с кото-
рой Вы во всякую минуту готовы были от-
кликнуться на каждую аудиторную горе, без
всяких колебаний жертвовать в таких случаях
своими досугом, своими рудами, передки и са-
мозабвением. Мы хотим бы говорить о Вашем
высоком беспристрастии к людям, которое
всегда ставило дело выше личности, передки
жертвованиями своим личными симпатиями
реди интересов учреждения. Конечно, хотим
бы говорить о Вашем редком даре привлекать
людей, заражать их своей жизнерадостностью

и интуитивном.

Заключивая наше приветствие,
мы хотим бы напомнить Вам изречение
великого поэта Вашей старой родины. Он
писал: люди не перестают прекрасные,
которые служат человечеству тем одним,
что они есть, и не те, которые служат
ему трудом.

Вы служите человечеству и тем,
и другим.

И да будет Вам слава! И да будет
нам дано еще долго, долго не разлу-
чаться с Вами, прекрасным и сим-
патичным!

На три свещенных оклада, су-
жащих символом любви и благотвори-
тельности у сотен миллионов людей,
стоят прекрасно представленные сво-
ими верованиями в немалом музее, мы
находим те немногие слова, которые
так скупно приходят на уста именно
тогда, когда сердца переполнены.

Н.Г. Краснодембская

Л.Я. Штернберг и индийская экспедиция МАЭ

Как мы знаем, с тех пор как в 1894 г. место директора МАЭ занял академик В.В. Радлов, началась активнейшая работа по усовершенствованию музея. Замысел заключался в том, чтобы к XX в. музейное дело и этнографическая наука в России были поставлены на новый научный и технический уровень. Музей должен был стать крупным научным центром, где бы, с одной стороны, проводились планомерные этнографические изыскания, а с другой — были устроены содержательные экспозиции, способные служить истинно научным пособием по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира. В ряду многих неотложных дел по переустройству музея, укреплению его штата, покупок коллекций и обмена с некоторыми европейскими музеями вынашивались грандиозные планы по организации длительных экспедиций.

Индия стояла на одном из первых мест. Еще на рубеже XVIII в. Петр мечтал о прямых путях в Индию, даже через Северный Ледовитый океан. Он же передал музею собранные им в Европе и полученные в дар индийские раритеты (есть сведения, что подарки Петру посылал сам император Аурангзеб). К сожалению, большая часть этих коллекций погибла при пожаре в 1747 г., но кое-что интересное сохранилось (например, ступки слоновой кости, зарегистрированные лишь в 1910 г.).

К концу XIX в. по Индии были собраны любопытные материалы. Это было сделано трудами разных людей — других царских особ (например, коллекции № 308–312, собранные в путешествии цесаревича Николая Александровича перед его женитьбой и венчанием на царство в 1890–1891 гг.), знати, ученых, иных представителей интеллигенции. Академию наук, судя по всему, любили, и считалось престижным делать дары в академические музеи. Свой вклад в пополнение индийского фонда МАЭ сделал, например, молодой преподаватель кафедры индийской словесности Петербургского университета А. Сталь-Гольштейн, побывавший в Индии в 1903 г. Он преподнес музею фигурки типов населения Индии из Лакнау, мраморное изображение Ганеши, образцы индийских вышивок.

Однако эти коллекции чаще всего бывали в основном случайными. А самое главное, долгое время индийские предметы хранились и выставлялись в музее, не будучи должным образом описаны и зарегистрированы. Поэтому многие старинные экспонаты оказались собранными в отдельные описи уже в позднее время — в 1930-е и даже в 1940-е годы (например, коллекция № 4804 вобрала в себя около 500 старинных предметов неизвестного происхождения, а была составлена только в 1949 г.). Даже коллекция (№ 226, поступление 1993 г.), собранная И.П. Минаевым (1840–1890), основателем русской индологической школы, в его поездках по Южной Азии, не является по-настоящему системной, так как она передавалась в музей не им самим, а после его смерти близкими родственниками [Краснодембская 1983].

По новому же замыслу в МАЭ должны были создать специальную индийскую экспозицию (под Индией в те времена имелся в виду практически весь регион Южной Азии) и выделить ей особый зал. В экспозиции собирались показать сельский и городской быт, предметы материальной культуры, изделия ремесленников, культовые предметы, характеризующие религиозные воззрения и верования народов Южной Азии, образцы различных народных искусств.

Для решения новых задач и была задумана экспедиция 1914 года в Индию и на о-в Цейлон. Целью экспедиции был комплексный сбор коллекций, которые бы в наибольшей полноте характеризовали культуру и быт различных народов Индии и Цейлона. Члены экспедиции должны были, кроме сбора коллекций, вести активную и разнообразную полевую работу: познакомиться с населением разных районов Индии, изучать их языки и культуру. В некотором смысле это было как раз исполнением призыва И.П. Минаева изучать «живую Индию». Он призывал к этому в то время, когда европейская наука занималась главным образом древней Индией: ее языками, литературой, религией.

Готовились к экспедиции основательно. Для выработки ее программы была создана в высшей степени компетентная комиссия, в которую, в частности, вошли крупнейшие индологи той поры — С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской. Участниками экспедиции должны были стать всего два человека — супруги Александр Михайлович и Людмила Александровна Мерварты. До начала сотрудни-

чества с МАЭ они не были этнографами. Правда, они были молоды, полны энтузиазма, образованны и трудолюбивы. И оба были готовы сделать все для развития и пополнения известного петербургского музея. А главными радетелями и устроителями этой экспедиции были В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг. Знакомясь с документами той поры, видишь, что хлопотали они о том, чтобы экспедиция состоялась, невероятно упорно и настойчиво.

Раньше мы уже много раз выражали искреннее восхищение поистине подвижнической работой самих участников экспедиции, ведь она проходила в очень сложных условиях. Начало ее пришлось на конец весны 1914 г. Задумана она была на два года. Не все сложилось так, как планировалось. Свои коррективы внесли события, связанные с началом Первой мировой войны, в частности, удлинились сроки и сократились средства. Многие задачи пришлось решать в ходе полевой работы: выбирать наиболее характерные и интересные, с точки зрения этнографии, объекты изучения, факты и явления, разрабатывать методы этнографических опросов и сбора материалов. На эти темы они, уже находясь в изучаемых странах, вели переписку с коллегами. Однако, забегая вперед, скажем: экспедиция состоялась. Она внесла ценный вклад в развитие русской этнографии, создала богатейший фонд индийских и ланкийских коллекций МАЭ. Этот фонд и позволил впоследствии, уже в советское время, создать полноценную постоянную экспозицию, посвященную народам Южной Азии, что видно из первого путеводителя [Мерварт, Отдел 1927]. Покажем, опираясь на архивные документы, как это постепенно происходило.

До сих пор, как оказывается, мы слабо представляли себе, каких огромных усилий потребовал предварительный — организационный — период этой экспедиции, насколько тщательно и целеустремленно велась ее подготовка.

Александр Михайлович Мерварт был немцем, родился в г. Мангейм и с отличием окончил Гейдельбергский университет. В мужской гимназии Ягдфельдов в Петербурге он с 1911 г. преподавал немецкий язык. В 1912 г. он принял православие и сменил имя (раньше его звали Густав Герман Христиан). Историко-филологическое Отделение ИАН 27 марта 1913 г. рассмотрело предложение В.В. Радлова организовать в Музее специальный отдел культуры Индии и Индо-

Китая и подготовить специалиста, знакомого с языками этих стран, которого можно будет впоследствии командировать в Индию для собирания коллекций. Таковым и стал доктор философии Гейдельбергского университета, преподаватель гимназии Герман Христианович Мерварт, занимавшийся санскритом и дравидийскими языками. Было решено с 1 мая 1913 г. командировать его в Берлин, чтобы он подготовился к экспедиции, поработал в библиотеках и Музее народного доведения под руководством профессора Грюнведела [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Е.х. 160. Л. 367об.].

Людмила Александровна была дочерью известного петербургского врача-инфекциониста Александра Михайловича Левина, который в 90-х годах XIX в. был послан русским правительством в Бомбей (ныне Мумбаи) для участия в борьбе с бубонной чумой, эпидемия которой поразила Индию. Он полюбил эту страну и «заразил» этой любовью свою дочь. Л.А. Мерварт с детства мечтала побывать в Индии и, еще учась на Бестужевских курсах, самостоятельно изучала санскрит под руководством С.Ф. Ольденбурга. У нее были прекрасные лингвистические способности, и она владела многими европейскими и восточными языками. Она была в числе первых трех «бестужевок», добившихся права держать экзамены за университетский курс и поступить на государственную службу. Л.А. Мерварт служила преподавательницей немецкого языка в Санкт-Петербургской 6-й гимназии имени Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 260].

Молодые люди подружились. Людмила Александровна, как рассказывали мне в свое время ее родные, передала жениху свои мечты об Индии. И неожиданным образом эти мечты смогли реализоваться в невероятной полноте.

А.М. Мерварт поступил на службу в МАЭ на добровольных началах (как тогда говорилось — приватно), изучил весь индийский фонд музея, одновременно регистрируя вновь поступающие коллекции. Состоялась его длительная поездка в европейские библиотеки и музеи, прошли консультации с европейскими специалистами — индологами и другими востоковедами. Затем А.М. Мерварт был приглашен на работу в Музей на полноценных основаниях. В.В. Радлов, «считая необходимым расширить отделы Индии и других культур-

ных стран Южной Азии и научное обследование этого материала, который в настоящее время имеется из этих стран в нашем Музее», 25 сентября 1913 г. просил разрешения Историко-филологического Отделения ИАН «принять на службу по вольному найму доктора философии Гейдельбергского университета Германа Христиановича Мерварта, который благодаря подготовке в санскрите и дравидийских языках мог бы научно обрабатывать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии, и назначить ему вознаграждение в размере 80 руб. в месяц, считая с 1 октября 1913 г.» [Там же. Л. 81].

Оформление статуса сотрудника МАЭ потребовало от дирекции значительных хлопот. 14 января 1894 г. директор Музея обращался к Его Высочайшему повелению Министру народного просвещения Л.А. Кассо:

«Милостивый Государь Лев Аристидович.

Пользуясь любезным согласием Вашего Высочайшего повеления уделить [время на] личное мое перед Вами ходатайство, согласно Вашему желанию излагаю письменно это мое ходатайство, состоящее в следующем.

Штатный преподаватель немецкого языка в Санкт-Петербургской Шестой гимназии, доктор Гейдельбергского университета Герман Христианович Мерварт в качестве санскритиста и индолога приглашен мною для подготовки к большой экспедиции в Индию. В виду того, что большие подготовительные работы к этой экспедиции вынуждают его оставить штатное место в гимназии, и в то же время для него очень важно сохранить свои права государственной службы, прошу прикомандировать его к Министерству народного просвещения с откомандированием в распоряжение вверенного мне Музея впредь до утверждения возбужденного Академией ходатайства о введении в штат музейного персонала сверх штатных этнографов.

Прошу принять уверения в истинном уважении и таковой же преданности. В. Радлов» [Там же. Л. 204].

2 апреля 1914 г. был получен положительный ответ.

«Господину Вице-Президенту Императорской Академии наук.

Вследствие отношения от 19 марта с.г. за № 1276, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что на основании Высочай-

шего повеления 8 апреля 1896 г. Министерство разрешает командировать причисленного к Министерству народного просвещения доктора философии Гейдельбергского университета Германа Мерварта и Людмилу Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографических коллекций для Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого при Императорской Академии наук, сроком на два года с 5 сего апреля.

Подлинное подписал за Министра народного просвещения Товарищ Министра В. Шевяков» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 274].

Совет министров 5 мая 1914 г. учредил новые сверхштатные должности МАЭ (VII класс по чинопроизводству, но без присвоения им содержания и пенсионных прав) [Там же, л. 192], одна из которых предназначалась для Г.Х. Мерварта.

К будущей экспедиции супруги Мерварт готовились постепенно. Находясь в командировке в Европе, Г.Х. Мерварт постоянно информировал Музей о своей работе и успехах. Из Берлина он 6 июня 1913 г. сообщал В.В. Радлову о встрече с профессором А. Грюнвеллем, работе с индийскими коллекциями, покупке книг для МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Е.х. 65. Л. 168–170]. Продолжая эту тему в письме из Мюнхена 22 июня / 9 июля 1913 г., он сообщал, что местные коллеги советуют в исследованиях обратить особое внимание на Цейлон, регион Нилгири на юге Индии, Внутренний Декан, Ориссу, Гималаи. В частности, пристально изучать демонические культы [Там же. Л. 263–266].

В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг почти по-родственному хлопотали о молодых ученых. Они готовили необходимые бумаги для Историко-филологического отделения ИАН и Попечительного совета МАЭ, в российские консульства за рубежом. В.В. Радлов специально просил Историко-филологическое отделение ИАН обратиться в Министерство иностранных дел с просьбой «войти в сношение с правительством Великобритании» об оказании этим лицам возможности содействия: *«Прошу разрешения Отделения командировать д-ра Гейдельбергского университета Германа Христиановича Мерварта и Людмилу Александровну Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографических коллекций сроком пока на один год и вместе с тем прошу Отделение обратиться в Министерство ино-*

странных дел с просьбой войти в сношение с правительством Великобритании об оказании этим лицам возможности содействия». В этом же документе от 26 февраля 1914 г. отмечено, что «*средства на экспедицию предоставляются Попечительному совету Почетными членами Б.А. Игнатьевым и К.К. Шейблером*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 271].

Особые хлопоты — перед руководством Добровольного флота (о предоставлении членам экспедиции возможности бесплатного проезда от Одессы до Коломбо ввиду ограниченных средств у Музея). Вот бы и в наше время возникла подобная практика, и нам бы найти *просвещенных содейтелей!* 5 февраля 1914 г. В.В. Радлов обращается к председателю правления Добровольного флота Его Превосходительству адмиралу М.В. Князеву:

«Милостивый Государь Михаил Валерианович.

Позволю себе обратиться к Вашему Превосходительству со следующей просьбой: Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого снаряжает экспедицию в Индию для собирания этнографических коллекций и для научных исследований и командирует для этой цели состоящего на службе в Музее Германа Христиановича Мерварта и жену его Людмилу Александровну Мерварт. В виду крайне ограниченных средств Музея обращаюсь к Вашему просвещенному содействию для предоставления означенным лицам свободного проезда на пароходах Добровольного флота от Одессы до Коломбо и обратно. Экспедиция предполагает выехать из Одессы 10 мая с.г.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем почтении и преданности. В. Радлов» [Там же. Л. 242].

Нужно было еще договориться, чтобы Л.А. Мерварт в нужный срок освободили от служебных обязанностей. 19 февраля 1914 г. В.В. Радлов направляет официальное письмо директору Санкт-Петербургской 6-й гимназии имени Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, известному педагогу, профессору Петербургского университета Его Превосходительству Г.Г. Зоргенфрею.

«Милостивый Государь Густав Густавович.

Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что ввиду непредвиденных мною и не зависящих от меня обстоятельств я вы-

нужден перенести время отъезда состоящей преподавательницей немецкого языка во вверенной Вам гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Людмилы Александровны Мерварт, командирваемой Музеем антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого с научной целью в Индию, с 10 мая на 15 апреля с.г. Перемена эта находится в связи с изменением расписания пароходов Добровольного флота.

Вы бы поэтому очень обяжали меня, если бы Вы нашли возможным освободить Людмилу Александровну Мерварт от возложенных на нее обязательств с 15 апреля с.г.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем уважении и искренней преданности. В. Радлов» [Там же. Л. 260].

Наконец, Музей известил правление Добровольного флота, что Мерварты выедут из Одессы 15 апреля на пароходе «Екатеринослав» [Там же. Л. 261]. Заказаны 12 марта 1914 г. «командировочные листы» для обоих участников экспедиции: «В дополнение к моему представлению о командировании приписанных к Министерству народного просвещения Германа Христиановича Мерварта и Людмилы Александровны в Индию, прошу распоряжения Конференции [ИАН. — Авт.] об изготовлении для них командировочных листов на английском и русском языках и о выдаче им заграничных командировочных паспортов. В. Радлов» [Там же. Л. 295].

27 марта 1914 г. получены «удостоверения Г.Х. Мерварту и Л.А. Мерварт по командировке Академии наук в Южную Индию и на о. Цейлон на два года для собирания этнографических коллекций» (на русском и на французском языках) [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 20–23].

Радлов заботился о получении для членов экспедиции рекомендательных писем, обращался с просьбой о консультациях к некоторым видным европейским исследователям и знатокам индийской культуры. Например, к тому же Альберту Грюнвелелю, консультации которого Мерварты получали в Германии. В результате были получены важные советы, в частности, рекомендации обратить особое внимание на дравидский юг Индии. К этому времени в европейской науке созревало понимание того, что этот регион оставался очень мало известным западным исследователям.

Старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг также использовал свои научные знакомства в Европе, стремясь облегчить эти задачи для молодых исследователей. Например, 17 марта 1914 г. он обратился к известному индологу В.Г.Р. Риверсу, с которым познакомился на Конгрессе американистов в Лондоне, и попросил его подготовить рекомендательное письмо для Мервартов, а также поделиться опытом [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 308об.]. А через два дня, 19 марта 1914 г., уходит официальное письмо в Российское консульство в Коломбо, в котором сообщается о командировке от МАЭ супругов Мервартов и высказывается просьба *«сохранять для них посылки» («транспортные расходы они урегулируют»)*, а также оказывать им *«необходимое содействие при выполнении ими поручений»* [Там же. Л. 280].

Для экспедиции были приобретены новейшие приборы — качественный киноаппарат, фонограф и пр. В хлопотах участвовали и Л.Я. Штернберг, и В.В. Радлов. А Мерварты прошли специальный курс обучения, чтобы уметь пользоваться новой непростой техникой. Благодаря этому впоследствии музей получит от них немалые фотографические коллекции в виде негативов и позитивов. Представителя Генеральной компании «Pathé Frères» 1 апреля 1914 г. Л.Я. Штернберг просил *«отпустить один хронометрический аппарат “Профессионал” с полным комплектом за 900 руб.»*, обещая половину суммы выплатить сейчас, вторую половину — 1 июля. *«Аппарат будет принят г. Мервартом»* [Там же. Л. 343]. Второй счет Генеральной компании фонографов и синематографов братьев Пате на 485 руб. за съемочный аппарат, купленный для экспедиции Г.Х. Мерварта, оплачен в апреле 1915 г. из сумм, ассигнованных для МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 88].

Этот заказ был выгоден фирме, от которой 14 апреля 1914 г. директору поступило письмо.

«Согласно Вашему почтенному заказу за № 186 от 1 с/м мною было выдано г. Мерварту: полный комплект съемочного профессионального аппарата и вертикальная платформа, и III м негативной пленки для пробы аппарата. На эти последние предметы г. Мерварт обещал мне дослать добавочное требование, но до сих пор таковое мною получено не было.

При сем счет за негативную пленку на 26 руб. 64 коп.

Считаю долгом уведомить Вас, что нами принимаются на обработку негативы наших клиентов, т.е. проявление негативов и печатание позитива.

Т.к. г. Мерварт, по всей вероятности, будет проявлять негативы в наших отделениях в Калькутте и Бомбее, то мы можем предложить Вам печатание позитивов по цене 35 коп. за метр. В зависимости от количества метража вышеупомянутая цена может быть значительно уменьшена.

В ожидании Ваших почтенных заказов пребываю в совершенном почтении,

Заведующий Санкт-Петербургским отделением» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 102].

Аналогичные предложения поступили и от конкурентов.

«Кинематолаборатория Ф.К. Вериге-Даровского, Санкт-Петербург, Коломенская ул., д. 5, кв. 102. 10 апреля 1914 г.

В Этнографический музей Академии наук.

Ссылаясь на личные переговоры с уважаемым Г.Х. Мерварт, обученным мною кинематографическому делу и отправившемуся в экспедицию в Индию, настоящим предлагаю Вам мои услуги по печатанию позитивов с негативов, которые будут Вами получены от него из Индии. До отъезда своего из Санкт-Петербурга г-н Мерварт был так любезен предложить исполнение этой работы мне, зная отличное, скорое и дешевое исполнение таковых моей лабораторией под моим личным наблюдением. Печатание негативов для Этнографического музея можно исполнить по крайне дешевой цене в 25 коп. за погонный метр, включая анилиновую окраску ленты, но без химических виражей, за которые обыкновенно взимаю надбавку 5 коп. за метр.

Я надеюсь, что при получении от г. Мерварт негативов таковые будут переданы мне для изготовления соответствующих позитивов и в этом ожидании пребываю,

С совершенным почтением, Ф.К. Вериге-Даровский» [Там же. Л. 176–176об.].

27 марта 1914 г. участники экспедиции получили командировочные удостоверения о поездке «в Южную Индию и на о. Цейлон на два года для собирания этнографических коллекций» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 21]. А 15 апреля они уже отплывали из

Одессы на корабле, державшем курс через Суэцкий канал к берегам Индостана. Первым на их пути лежал остров Цейлон (ныне Шри Ланка). Здесь их застало известие о начале Первой мировой войны. Это привнесло необычайные трудности в исполнении экспедиционных планов, удлинило сроки путешествия, сократило финансирование. Сама переписка с МАЭ стала затрудненной и нерегулярной. Но они всё равно принялись за дело. А также, несмотря на все материальные, организационные и психологические сложности, которые создала обстановка мировой войны, руководство Музея и участники экспедиции старались поддерживать переписку.

Вот первое письмо от экспедиции из столицы Цейлона. Оно содержит финансовый и первичный деловой отчет о начатой на острове работе. На первом этапе участники экспедиции, прежде всего, осваивают местные языки (сингальский, тамильский, а также язык буддийской учености — пали), устанавливают полезные знакомства. Кроме того, они внимательно изучают собрания местного Национального музея, где уже собраны значительные материалы по этнографии ланкийцев и их культуре в целом. Примечательно, что в письме высказывается опасение дублировать работу по дравидам с М.С. Андреевым. Здесь усматривается цель наиболее рационально использовать и материальные возможности экспедиции, и свой собственный человеческий потенциал. Поражает, что за небольшой срок нашим этнографам удастся решить несколько важных организационных задач, которые помогают им в исполнении научных целей.

3 июня 1914 г. Л.А. Левина-Мерварт (именно она взяла на себя переписку с МАЭ, которую вела по-русски и по-английски) пишет из Grand Orient Hotel в Коломбо, Ceylon:

«Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Завтра уходит первая почта в Европу с тех пор, как мы здесь. С нею идут и первые известия о нашем путешествии. До Коломбо мы доехали вполне благополучно, не страдавши даже от морской болезни. Расплатившись на пароходе, мы сошли на землю с 539 англ. фунтами в кармане. Из 7700 руб., полученных нами на экспедицию, истрачено на снаряжение 2028 руб. 74 коп., а на дорогу Петербург — Коломбо 574 руб. 50 коп., остаток и составляет 539 фунт.

В цифру расходов на снаряжение экспедиции выходят 934 руб. 90 коп. на фотографические принадлежности (в т.ч. 450 руб. первый взнос за кинематограф), 140 руб. за седла и обучение верховой езде, 120 руб. за бинокли, запасные очки и т.д., 42 руб. стоимость аккредитива и 791 руб. 84 коп. за наше оборудование, книги, краски и др. расходы.

В расходы на дорогу я включила и 15 фунтов, истраченные в Порт-Саиде на пополнение снаряжения вещами, покупать которые в Петербурге стоило бы дороже.

Сюда мы приехали 16/29-го мая и за эти 5 дней, что мы здесь, благодаря заботливой любезности здешнего нашего консула Б.П. Кадомцева и предупредительности, с какой директор и особенно остальные служащие музея идут навстречу всем нашим желаниям, дело начинает идти на лад. Утро с 8 ч. до 12 ч. мы проводим в Музее, тут два хранителя (один сингалец, другой тамил) освобождены директором на время нашего пребывания здесь от всяких обязанностей и прикомандированы к нам. Один из них нашел нам учителя тамильского языка, у которого Г.Х. ежедневно берет уроки. Я же в это время изучаю сингальский язык. Кроме того, один из этих хранителей, г. Jayasinha, познакомил Г.Х. с здешним главным буддийским жрецом, который занимается с ним ежедневно Pāli. Ввиду этого Г.Х. думает остаться в Коломбо месяца на два. Я же, когда покончу с музеем, думаю уехать в Kandy.

Одновременно с окончанием этого изучения я думаю покончить уже и все нужные и возможные здесь покупки. После полудня я хожу по базарам, улицам, etc. с *boy'ем* (директор Музея Mr. Pearson достал очень толкового сингальца), и я показываю ему, какие вещи он должен потом купить. Вечером он их приносит, и таким образом мы платим едва ли много дороже местных цен. Музей же указал нам человека, которому заказываем модели. Многие вещи придется собирать в Kandy и в деревнях в горах. Очень важно было бы получить костюмы и уборы кандийских вождей и их женщин. Вчера, в день рождения английского короля, мы были на рауте у губернатора и могли рассмотреть их очень подробно. Купить их едва ли представляется возможным, да и стоили бы они не одну тысячу рупий, но консул говорит, что за медаль они бы, вероятно, охотно пожертвовали бы их Музею и, может быть, не только их.

Вообще, если бы только возможно было бы иметь здесь несколько медалей, жетонов или иных наградных знаков за споспешествование процветанию Музея, то они могли бы сыграть большую роль. Мне помнится, что этот проект уже обсуждался у Вас в ноябре вместе с Prof. Grünwedel'ем и был признан исполнимым при том условии, чтобы нагрудный знак этот не имел бы изображения государственного герба.

Кроме того, у нас есть еще одна просьба. Здесь мы узнали, что Андреев везет Музею коллекцию в тридцати ящиках, так не найдет ли кто-нибудь в Музее времени сообщить нам о составе этой коллекции, чтобы мы не приобрели дубликатов.

Вот, кажется, и всё самое главное. О впечатлениях же наших нарочно ничего не пишу, а то никогда не кончу.

Г.Х. (он сейчас в монастыре у буддистов) и я шлем Вам, глубокоуважаемый Василий Васильевич, Вашим и всем в Музее пожелания всего самого хорошего.

Искренне преданная Вам Людмила Левина-Мерварт» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 174–175об., 200–201 об.].

Будет и еще пара писем с подробными отчетами о текущей и уже проделанной работе, об обстоятельствах и возможностях исследований и сборов. Эти письма сохранились и заслуживают особого рассмотрения в контексте собственно цейлоноведения. Поэтому пока мы оставим их в стороне. Обратимся к посланиям, которые идут на далекий Цейлон из МАЭ. Пишет нашим исследователям обычно Л.Я. Штернберг. Похоже, что, конкретные научные вопросы чаще обсуждались именно с ним. В своих письмах он дает научные и практические советы, а также старается и просто поддержать их дружескими словами. Возможно, первоначально Мерварты были именно его знакомыми и он сам рекомендовал их В.В. Радлову. 1 сентября 1914 г. он сообщает:

«Дорогой Герман Христианович,

Вы, разумеется, давно знаете про войну. Война, конечно, не особенно благоприятное обстоятельство для музейного дела уже потому одному, что на прилив пожертвований трудно рассчитывать. Поэтому важно использовать нынешнюю командировку как можно продуктивнее. С этой точки зрения важно прежде всего как можно

больше удлинить срок пребывания в Индии, не только потому, что это облегчает тяжесть накладных расходов по поездке и снаряжению, но потому, что теперь в период войны Вы избегаете конкуренции туристов и при общем денежном застое можно делать сбор гораздо дешевле обыкновенного. Следуйте, при нынешних трудных обстоятельствах, мудрому принципу политической экономии — с наименьшими жертвами достичь наибольших результатов.

Ваше письмо и денежные отчеты получены, и читал с большим интересом и буду надеяться, что и в Индии Вам удастся завязать такие же прочные связи, как на Цейлоне. Слава Богу, Василий Васильевич [Радлов. — Авт.] отлично поправился и снова такой же жизнерадостный и энергичный, как был. В Музее все по-старому. Со всех сторон прибывают коллекции, уже и не знаем, куда их класть. Ваши коллекции рекомендуем пока не посылать, а отдать на хранение либо в посольство или консулам, либо в надежный частный склад. В ближайшем заседании Вы будете представлены сверхштатным этнографом Музея, т.к. Министерство утвердило две новые должности сверхштатных этнографов, т.ч. теперь Вы инкорпорированы в постоянный штат Музея. Этим летом в санатории Либека часто вспоминали вас и были очень благодарны в рекомендации санатория.

За сим желаю Вам и Людмиле Александровне здоровья и бодрости и вообще всего лучшего. Все в Музее шлют привет.

Л. Штернберг

P.S. Еще хотел бы прибавить пару слов. Пусть война и ее служители не очень Вас смущают. Приспособить к обстоятельствам в ответ экономудрования конечно, придется, также вполне в нижеследующем: если понадобится пожертвовать в будущем году счет, мы постараемся выслать кое-что и из штатных сумм, т.ч. собирайте и собирайте! Пусть это будет Вашим девизом!

И еще раз всего лучшего! Не будем с Вами выспрашивать о мировой жизни, ибо сами понимаем, что переходный период. Л.Ш.» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 445–446].

Отчасти получилось некоторое распределение в работе Радлова и Штернберга: Василий Васильевич как директор больше был занят официальной перепиской с высшими начальственными и другими инстанциями, а Лев Яковлевич теснее общался с участниками экс-

педиции. По всей видимости, никаких теоретических споров между участниками описываемых событий в этот период не существует. Все подчинено главной задаче — сбору научных материалов.

Между прочим, в это время Г.Х. Мерварта, уже заочно, оформляют как полноправного сотрудника Музея. Хлопочет Радлов:

«В виду состоящегося 28 апреля с.г. Высочайшего повеления об учреждении двух сверхштатных должностей младших этнографов при вверенном мне Музее, прошу Отделение избрать и представить к утверждению в должности младших сверхштатных этнографов следующих лиц, прикомандированных к Министерству Народного Просвещения и откомандировать для занятий в Музее: 1) окончившего по 1-му разряду Санкт-Петербургский Университет по Естественному Факультету по отделению географии Б.Э. Петри; 2) доктора Гейдельбергского Университета Г.Х. Мерварта. Оба эти лица своей работой в Музее вполне зарекомендовали себя как добросовестные и научно-подготовленные музейные работники. Директор В. Радлов» [Там же. Л. 462]. 10 ноября 1914 г. Г.Х. Мерварт был единогласно избран и утвержден в должности младшего этнографа [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 43].

6 марта 1915 г. В.В. Радлов просил *«Правление выдать младшему этнографу (сверх штата) Г.Х. Мерварту удостоверение в том, что он, состоя ученым хранителем Индийского отдела вверенного мне Музея, на точном основании закона не подлежит призыву к отбыванию воинской повинности»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 62].

С началом войны переписка почти обрывается. Не все письма доходят до адресатов. Сохранилось письмо Людмилы Александровны к родным, в нем ярко запечатлелись трудные обстоятельства жизни экспедиции на Цейлоне (1/14 сентября 1914 г.). Но мысли о своем научном долге, о Музее и его поручении стоят на одном из первых мест:

«Дорогие мои,

Получите ли Вы это письмо, нет ли — не знаю. В Россию отсюда почта не идет, но через неделю или около того из Коломбо пойдет один пароход Добровольного Флота, он попытается прорваться в Одессу или во Владивосток. Мамино письмо от 14 июля я получила вчера — оно шло через Гонконг. Очевидно, тогда о войне еще и не

думали. Здесь она была совершенной неожиданностью. К сожалению, сведений о войне мы имеем очень мало. В газеты проникает лишь немного, и оно, конечно, главным образом касается английских успехов на западном поле действий. Однако из того, что доходит сюда, все же ясно, что Россия спасает положение. Как я рада! Ясно еще и другое: за Японскую победу русский штаб выучился держать в тайне всё, кроме уже добытых успехов. Газеты, разумеется, ворчат. До чего тяжело в это время сидеть здесь! Мы стараемся учиться сколько можем, но делать что бы то ни было очень трудно. Известий из дома Германа никаких, но мужья обеих его сестер (один офицер запаса, другой запасной и притом моторист) должны были оба быть призваны в самом начале войны. У одного трое детей, у другого новорожденная дочка. Кого из моих родных эта война задела? Где Володя, Надя, Люся? Вообще, ради Бога, попытайтесь дать нам весточку о себе и о положении дел. Писать придется, вероятно, на Владивосток. Адрес наш тот же, здешний консул. С этой «почтой» мы посылаем еще несколько писем и всех просим протелефонировать о получении их Вам на случай Вы этого письма не получите. А Вы, пожалуйста, позвоните Петри (Б.Э. или Е.Л. мать), чтобы в Музее знали, что мы живы и работаем сколько можем. Только теперь мы не собираем, потому что не знаем, когда придут следующие суммы из Музея и придут ли вообще. Конечно, теперь для собирания самое благоприятное время. Здесь страшное разорение, потому что почти прекратился вывоз чая, каучука, корицы и т.д. Кроме того, нет и не будет иностранных путешественников и поэтому можно было бы купить много и дешево. Но..? Остается только учиться. Если опять долго не будет известий, не беспокойтесь. Мы здоровы. Но мы очень волнуемся. Ради Бога, пишите. Шурочка всех Вас целует. Кого нельзя поцеловать, тем шлем поклоны. Я тоже всех крепко обнимаю и целую. Ваша Мила» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 10].

Финансирование экспедиции происходило с большими перерывами. На первом этапе экспедиция имела значительные средства — 7700 руб. Л.А. Мерварт, ознакомившись с положением на Цейлоне, немедленно (12/25 июня 1914 г.) сообщила: «Для того чтобы возможно меньше потерять на переводе, придется, если это возможно по телеграфу, посылать сюда деньги всегда английским золотом

(*English pounds in gold*)» [Там же, л. 197–199 об.]. Вторую половину пожертвования Игнатьева (6000 руб.) ожидали к концу июня 1914 г., но получили 30 июля [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Е.х. 46. Л. 1об.] 5/18 сентября 1914 г. Л.Я. Штернберг спешил успокоить Мервартов (перевод с англ. — Авт.):

«Дорогие друзья! Ваша открытка от 5 августа очень нас обеспокоила. Как мы поняли из нее, вы не получили денег, переведенных вам по телеграфу за 12 дней до войны. Из моего детального письма, посланного на днях, вы могли бы увидеть, что мы надеемся даже теперь, что у вас более благоприятные условия составить коллекции по Цейлону, чем на континенте, более богатые и более дешевые. Мы надеемся, что деньги уже у вас в руках и вы продолжите собирать, как и ранее. Ваш самый искренний, Л. Штернберг» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 452].

К 1 января 1915 г. на экспедицию Г.Х. Мерварта на Цейлон было затрачено 13 825 руб. 14 коп., в основном из средств Б.А. Игнатьева и К.К. Шейблера, которые внесли на счет Попечительного совета в 1914 г. соответственно 12 000 и 27 470 руб. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 420 об.].

Возникают сложности с пересылкой уже собранных коллекций. 27 декабря (9 января) Л.Я. Штернберг сообщает Мервартам (перевод с англ. яз. — Авт.):

«С сентября мы не получали никаких известий от вас. Конечно, это не ваша вина. Очевидно, вы не получили одно из наших писем [написанных. — Авт.] по-русски. Прежде всего я должен вас информировать, что мы не получили ваших коллекций. Пароход «Воронеж» выгрузил груз в Александрии, но главное — то, что в коносаменте, присланном в контору Добровольного Флота в Петроград, этот груз вообще не указан. Что это должно означать? Необходимо осведомиться у агента Добровольного Флота. В будущем году вы можете рассчитывать на наше вспомоществование в сумме 5–6 тыс. рублей, поэтому продолжайте покупать коллекции. Помните, что собирание — это Ваша главная цель, телеграфируйте нам по телеграфному адресу: Petromis. Настоящим сообщением илю вам перевод нашего последнего письма.

Желаю вам расторопности, здоровья и успеха,

Искренне Ваш» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 19].

Мерварты отвечают телеграммой из Мадуры 6 февраля 1915 г., что они регулярно писали и получали письма, сбор коллекций продолжают, оправлено пять ящиков, еще 25 находятся в Коломбо, куда и надо послать телеграфом деньги на адрес Русского консульства [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 70. Л. 5].

Эти сведения дали основание В.В. Радлову получить 11 февраля 1915 г. разрешение Историко-Филологического отделения *«из сумм МАЭ на приобретение коллекций ассигновать: 1) Г.Х. Мерварту 6 тыс. руб. на дальнейшие сборы в Южной Индии. До сих пор собрано этими лицами 30 ящиков коллекций по быту, искусству и религии Цейлона, большая серия рукописей, и наряду со сборами они успешно изучали туземные языки и литературу на этих языках»* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 399об.]. При этом он 18 февраля 1915 г. убедил Правление ИАН в порядке исключения отправить средства не через Кредитную канцелярию: *«В дополнение к выписке из Протокола № 320, согласно которому Конференция ассигновала сумму в 6000 руб. на продолжение экспедиции Г.Х. Мерварта в Индию, каковая экспедиция была снаряжена в прошлом году на средства Попечительного совета и в этом году вследствие исключительных обстоятельств им дальше субсидирована быть не может, я, в качестве Председателя Попечительного совета, в виду крайней важности дела, прошу означенную сумму выдать мне для перевода ее по телеграфу в Коломбо»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 51]. 17 марта 1915 г. Мервартами деньги были получены [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 70. Л. 15].

Об этой первой коллекции старший этнограф Л.Я. Штернберг 18 апреля 1915 г. информировал Правление Добровольного Флота:

«По полученным Музеем сведениям груз — 4 ящика с этнографической коллекцией, отправленный на пароходе «Воронеж» из порта Коломбо, был выгружен вследствие событий военного времени в Александрии, где и находится по настоящее время. Коносамент на груз Музеем не получен.

Музей обращается к Правлению Добровольного Флота с покорнейшей просьбой отправить в Александрию телеграфное распоряжение о том, чтобы груз был передан в ведение Таможни и находился там в хранении от имени Музея. Все расходы и платежи по перевозке, выгрузке и хранении в Александрии, равно как и расходы

по телеграфному распоряжению, Музей берет на себя» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 122].

Одновременно он обращался в Императорское Российское консульство в Александрии:

«На пароходе “Воронеж”, который вследствие военных обстоятельств в июне 1914 г. выгрузился в Александрии, находились 4 ящика с этнографическими коллекциями их Коломбо, заадресованные во вверенном мне Музее. Ныне по распоряжению Добровольного Флота груз этот передан на хранение в «Египетские завозные склады», находящиеся в ведении Таможни. Ввиду крайней научной ценности груза, покорнейше прошу Консульство принять в свою очередь меры по охране этого груза и по окончании войны отправить через “Добровольный Флот” в Одессу по адресу: Петроград, Императорская Академия Наук, Музей этнографии. Все расходы по хранению вещей в таможне и сдаче на пароход Музеем будут уплачены» [Там же. Л. 123].

Очевидно, сделать ничего не удалось, и В.В. Радлов обратился к Его Сиятельству г-ну Директору-Распорядителю Добровольного Флота князю Маврокордато: *«Вследствие телеграммы от 30 ноября 1915 г. агента Добровольного Флота относительно предстоящей продажи с аукциона принадлежащих ИАН 4-х ящиков с этнографическими коллекциями по коносаменту за № 14, хранящихся в Таможенных складах Александрии, Музей Антропологии Академии честь имеет просить сделать зависящие от Вашего Сиятельства распоряжения, дабы означенные 4 ящика были отправлены в Порт-Саид агенту Добровольного Флота для хранения впредь до окончания военных действий»* [Там же. Л. 242об.–243]. Вновь Л.Я. Штернберг писал в Одессу, в Управление агентов Добровольного Флота относительно индийской коллекции 21 июня 1916 г. [Там же. Л. 309, 317].

Несмотря на долгие хлопоты по вызволению из временного хранилища, коллекции, к сожалению, так и не дошли тогда до музея. Новых попыток отправлять в МАЭ ящики с вещами Мерварты не предпринимали.

11 ноября 1915 г. В.В. Радлов просил Особенную канцелярию кредитной части еще *«2000 руб. от Попечительного совета перевести в Коломбо в Императорское Русское консульство <...> путешественнику Герману Христиановичу Мерварту»* [СПФ АРАН.

Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 44. Л. 50]. Отправка денег обычно сопровождалась телеграммами с резюме: «Продолжайте собирать коллекции!».

Проходит два года с начала экспедиции, война продолжается. Переписка Музея с Мервартами осуществляется с мучительными перебоями. Для руководства МАЭ каждое дошедшее от них письмо о проделанной работе — праздник, подробные сведения о достижениях экспедиции любовно помещают в ежегодных отчетах МАЭ.

1915 год: *«В отчетном году по командировке от музея состояли А.М. Мерварт и Л.А. Мерварт, находящиеся ныне в Южной Индии, где, кроме собирания коллекций, занимаются лингвистическими и этнографическими исследованиями, преимущественно среди дравидийских народов. В этом году ими собрано 60 ящичков предметов»* [Отчет 1916: 22].

1916 год: *«Командировка А.М. и Л.А. Мерварт. От них в отчетном году получено всего четыре письма — отчета, сличив которые легко заметить, что значительная часть их писем пропала. Тем не менее удастся установить в общих чертах как их маршрут, так и то, что ими сделано, а также получить представление о собранных коллекциях. <...> За два года работы экспедицией, кроме большого и весьма ценного материала, относящегося к наблюдениям над религией, общественным устройством, кастами и материальной культурой жителей Цейлона и Южной Индии, собраны обширные коллекции, полно и всесторонне, судя по отчетам, представляющие жизнь туземного населения. Подсчитать, хотя бы приблизительно, число собранных предметов не представляется возможным. Можно лишь указать, что ящичков с коллекциями набралось уже 140, фотографий — свыше 2000. Коллекции эти, за невозможностью доставить их в Россию, сданы на хранение в различных городах»* [Отчет 1917: 28–30].

В годы войны Л.Я. Штернберг продолжал поддерживать связь с организованными Музеем экспедициями. 11 декабря 1915 г. он писал С.М. Широкоговору, что Мерварты все еще в Индии, из Южной Америки вернулся Манизер, а «дороговизна в России очень большая идобавок многих вещей совсем достать нельзя» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Е.х. 117. Л. 96]. Но при этом он продолжал искать необходимые средства и добивался их отправки за рубеж.

В январе 1916 г. еще 5 тыс. руб. выделяются экспедиции Г.Х. Мерварта на продолжение работы в Индии, т.к. *«там можно купить вещи дешево»*. 22 января 1916 г. *«Комиссия по распределению иностранной валюты для заказов по государственной обороне согласно протоколу своему от 21 октября 1915 г. постановила, что ИАН в счет кредита на январь 1916 г. имеет получить из Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов для платежей по требованию № 1039 пособия сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту через Русское консульство в Коломбо согласно заявлению своему от 20 января за № 125 валюту на сумму 5000 руб. по внесении соответствующей контрвалюты. О постановлении Комиссии вместе с сим уведомлена Особая канцелярия по кредитной части, куда настоящий талон должен быть предъявлен. Подлинный подписал председатель Комиссии Михельсон»*. 30 января 1916 г. 5000 руб. (£ 527–19/8 по курсу 94.70) были переведены [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1916). Е.х. 14. Л. 4, 7, 11]. К этому времени у экспедиции уже практически не было средств, о чем Г.Х. Мерварт сообщал телеграммами [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 21–22].

Свои отчеты супруги Мерварт отправляли через Российское Императорское Вице-Консульство. 28 августа 1915 г. *«один пакет почты за № 1, переданный в Консульство г-жою Мерварт»*, был оправлен консульским агентом Кадомцевым [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 70. Л. 102], в МАЭ он прибыл 30 сентября 1915 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 181]. Таким образом, сообщения достигали адресата примерно через месяц.

Доклад № 3 гг. Мерварт был получен в феврале, № 4 — 15/28 марта 1916 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 43, 52], еще пакеты поступили 18 апреля [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 303], 7 июля 1916 г. [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1916. Е.х. 8. Л. 20]. Почта поступала через III Политический отдел (Средне-Азиатский) Министерства иностранных дел. В.В. Радлов 7 марта 1916 г. в условиях ухудшающего политического положения рекомендовал Мервартам посылать письма на адрес МИД через Русское консульство в Коломбо [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 265].

Эти подробности важны для понимания особенностей переписки. С Цейлоном и Индией Л.Я. Штернберг общался при помощи

писем и телеграмм, сообщая о высылке средств и подбадривая Мервартов. Обычно письма обе стороны писали по-английски, видимо, чтобы успокоить британские власти. Но в почте, отправлявшейся по дипломатическим каналам, имеются письма на русском языке. Так, Л.Я. Штернберг комментировал ситуацию Мервартам в письме 22 марта 1916 г.:

«Многоуважаемые коллеги, Мы получили ваше письмо от 6 февраля н.г., на этот раз оно шло аккуратно. Прежде всего хочу вам сказать пару слов по денежному вопросу. Недоразумение с деньгами вышло потому, что Кредитная Канцелярия вместо того, чтобы переслать по телеграфу, как мы просили, прислала нам спустя месяц чек для перевода Вам по почте. Вот тогда только и заставили Кредитную Канцелярию перевести вам деньги по телеграфу. Что касается дальнейших средств, если понадобится, то постараемся их раздобыть, для того чтобы вы могли использовать свое пребывание в Индии производительно для целей Музея. Я вам телеграфировал, чтобы корреспонденцию направляли в МИД для Музея, для того, чтобы не было проволочек с цензурой, где без сомнения много разных писем до сих пор лежит. Но посылайте всю вашу корреспонденцию через Консульство, хотя и те письма, которые вы посылали через Консульство непосредственно нам, тоже цензурой не задерживались и переводились нам беспрепятственно. Командировочные листы, как вы просили, Вам высылаются» [Там же. Л. 281].

Снова Г.Х. Мерварт просил денег по телеграфу из Дели 23 февраля 1916 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 71. Л. 9]. 15 апреля 1916 г. он телеграфировал о немедленной высылке новых удостоверяющих их статус документов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 570]. Музей отправил запрашиваемые официальные бумаги, в т.ч. на французском языке, свидетельствующие, что *«Г.Х. Мерварт командирован в Индию и на о. Цейлон для собирания этнографических коллекций сроком на два года»*, а *«учительница Петроградской гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Л.А. Мерварт командирована в Индию и на о. Цейлон для собирания этнографических коллекций сроком на два года»* [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1916. Е.х. 8. Л. 15–17].

В середине 1916 г. Мерварты получили уведомление от Музея, что командировка их продлена на два года. Работа продолжалась до

1918 г., пока стала уже совсем невозможной. Официально командировку им больше не продлевали. А тем временем в России к Первой мировой войне «добавилась» и Гражданская. И прошли еще почти шесть нелегких лет до тех пор, когда экспедиция вернулась в Музей.

Консульский агент Кадомцев 15 апреля 1916 г. перевел из Коломбо Мерварту в St. Winifreds, Nuwara Eliya, по телеграфу 500 рупий, поскольку перевод из Петрограда еще не пришел. *«Я слышал, что перевод из России чрезвычайно трудно получить. Министерство дает в ограниченном количестве и только для погашения долговых обязательств. Сейчас exchange 163 за £10!»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 58–58 об.]

Л.Я. Штернберг подбадривал Мервартов 3/16 июня 1916 г.:

«Дорогие коллеги! Я вам писал подробно и многократно телеграфировал. Вы жалуетесь, что вас забывают и не поддерживают письмами. Я вас должен приятно разочаровать в вашем заблуждении. Мы даже слишком много думаем о вас, всегда ломаем голову о деньгах и сочувственно следим за вашей работой. Наоборот, вы слишком мало верите в нас и падаете духом, т.к. Г.Х. даже взял службу. <...> С нетерпением ждем копии ваших списков предметов, которые нам нужны и для ориентировки относительно характера сборов, и для представления Академии и Попечительному совету (в интересах воздействия в отношении средств на дальнейшее)» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 348–349].

Очередную сумму Л.Я. Штернберг обещал отправить Г.Х. Мерварту в сентябре 1916 г. [Там же, л. 343], и тот, находясь в Кашмире 26 июля, очень на это рассчитывал, заказывая коллекции [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 77].

В этот раз из суммы, *«отпущенной Историко-Филологическим Отделением на экстренные расходы по Музею в вакационные месяцы, 3010 руб. были переведены командированному в Британскую Индию сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту в срок (17 августа 1916 г.) по телеграфу по адресу: Colombo, Russian Consulate, Meerwarth»* [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1916). Е.х.14. Л. 94, 99, 116].

За свои усилия *«не имеющий чина Герман Мерварт, VII разряд, служащий в МАЭ по вольному найму с 1 октября 1913 г.»*, был представлен к ордену св. Станислава 3-й степени — в составе группы

сотрудников музея, представленных в конце 1916 г. к Высочайшим наградам [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1916). Е.х. 52. Л. 27об.]. Но исторические события в стране помешали этому награждению.

21 октября 1916 г. Мерварту срочно *«понадобилось еще денег, ибо собрано 130 ящиков»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 190]. Насколько сложно было организовать перевод этой суммы, свидетельствует процедура. Вопрос о выделении средств экспедиции Мервартов вице-президент Академии наук А.П. Карпинский ставил в Комиссии по учету и распределению иностранной валюты 21 января 1917 г. *«Иностранное отделение при Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов 31 января 1917 г. № 1390 согласилось исполнить перевод по получении стоимости его по казенному курсу, еще 10 руб. телеграфные расходы. Комиссия по учету и распределению иностранной валюты II-го Отделения Управления Военного министерства 27 января 1917 г. № 462 уведомила Правление ИАН, что поручение передано для отнесения на свободный кредит в Особенную канцелярию по кредитной части, куда и надлежит обращаться с дальнейшими требованиями по настоящему делу»*. Там 28 января 1917 г. была выписана ассигновка на 5005 руб. (из них 5 руб. — на телеграфные расходы). Талон от ассигновки Правления ИАН № 156 был передан в Особенную канцелярию по кредитной части 31 января 1917 г. Платеж был произведен 6 февраля 1917 г. депешей через старейший торговый банк Лондона — «Братья Баринги и К^о. (Baring Brothers & Co)» — в рапорте Российскому консульству, Индия, переведено £ 523.11/2 (по курсу 95–50), всего 5000 руб. и уплачено 10 руб. за телеграфные расходы, т.е. еще 5 руб. пришлось доплатить 16 февраля/1 марта 1917 г.» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1917). Е.х. 19. Л. 26–32].

Количество ящиков у Г.Х. Мерварта в Дели (Индия) к 2 февраля 1917 г. достигло 150 [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 71. Л. 16]. Дальнейшие сборы зависели от наличия средств [Там же. Л. 32]. В.В. Радлов успокаивал его, что сумел убедить Правление ИАН выделить для покупки вещей еще 5 тыс. руб. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 482].

Точно так же решался вопрос о следующем транше средств в мае — июне 1917 г. II-е отделение валютного отдела Главного управления пограничному снабжению Военного министерства

30 мая 1917 г. № 2561 определяло, какая именно валюта на сумму 4000 руб. требуется для приобретения в Коломбо этнографических коллекций для МАЭ. Получив разрешение на английскую валюту, оно передало ходатайство в иностранный отдел Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, который выяснял у ИАН, ассигнуется ли означенная сумма из казенных средств или же из каких-либо других источников. 26 июня 1917 г. Министерство финансов депешей перевело через Baring Bros. £ 418.17 (по курсу 95.50 = 4000 руб.) и уплатило 10 руб. за телеграфный перевод в Коломбо Российскому посольству (консульство было везде) для Г.Х. Мерварта. Сумма поступила талоном. Платеж был произведен 28 июня 1917 г. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1917). Е.х. 19. Л. 74–84].

Недостающую 1000 руб. (из сумм МАЭ на покупку коллекций), по заявлению этнографа Л.Я. Штернберга, появилась возможность дослать Г.Х. Мерварту в июле 1917 г. Депешей от 7 августа 1917 г. через Baring Bros. в Коломбо Русскому Посольству для Г.Х. Мерварта было переведено £ 104.14/3 (1000 руб.) и уплачено 10 руб. за телеграф [Там же. Л. 99–106].

К маю 1917 г. экспедиция *«собрала обширные сведения научного характера и огромный материал по всем областям культуры о. Цейлона, Южной и Северной Индии (до 20 000 предметов)»*. 17 мая 1917 г. В.В. Радлов информировал Историко-Филологическое отделение ИАН, что *«экспедиции придется задержаться в Индии еще на год, то есть Академии придется и далее изыскивать способ поддержания ее работы, в частности 12 тыс. руб. из средств экстренного ассигнования Министерства народного просвещения»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 73. Л. 11–12 а]. *«Г[осподин] Министр финансов согласен ассигновать необходимую сумму, но курс нашего рубля, бывший в мае месяце, настолько разнится от нынешнего, что ассигнованных 7 тыс. руб. далеко не хватит для расчета по экспедиции»* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Е.х. 164. Л. 481–481об.]. В октябре 1917 г. Особенная канцелярия по кредитной части получила для экспедиции 6000 руб. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 71. Л. 55].

29 сентября 1917 г. Русский консул в Калькутте уведомил музей, что у Мервартов *«нет ни гроша»* [Там же. Л. 49]. В.В. Радлов немедленно попросил хозяйственный департамент Министерства ино-

странных дел отправить ответную телеграмму, сообщая, что в июле и августе в Коломбо Мерварту были отправлены 522 фунта стерлингов и что скоро деньги поступят еще, что экспедиция финансово гарантирована, а также просить Консульство в Калькутте, «чтобы в случае, если Мерварт временно окажется в затруднительном положении, помочь ему заимообразно в счет Музея» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 73. Л. 33].

После Октябрьской революции пришлось искать новые способы помочь зарубежным экспедициям. В частности, впервые оказалось возможным принять на работу в МАЭ Л.А. Мерварт. В новый «окладный список» личного состава, направленный на утверждение в Комиссариат народного просвещения, были включены «заведующий отделом Индии Г.Х. Мерварт и помощник заведующего отделом Индии г-жа Л.А. Мерварт, с определением им по времени действия новой сметы общеустановленного оклада для заведующего отделом — 650 руб., для помощника — 550 руб., и содержание исчислять со дня назначения — с 1 января 1918 г.» [Там же. Л. 77].

В.В. Радлов также 13/26 января 1918 г. обратился с письмом к лорду Д.Дж. Рею, президенту Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии. Вторично он ему написал 5/23 апреля 1918 г. Приведем текст этого примечательного письма (перевод с англ. яз. — Авт.):

«Милорд,

Как почетный член Королевского Азиатского общества, я имею честь обратиться к Вам относительно г-на Мерварта и его супруги, ассистентов Индийского отдела Музея антропологии и этнографии, которые были отправлены Академией наук и Этнографическим музеем весной 1914 г. в Индию для изучения языка, религий и обычаев местного населения, а также для сбора этнографических коллекций. Бывшее Временное Правительство выделило 20 000 рублей, чтобы завершить экспедицию и осуществить возвращение г-на и г-жи Мерварт вместе с 200 ящиками этнографического материала.

В нынешних обстоятельствах, которые мне вряд ли необходимо объяснять Вам в деталях, мы не имеем возможности получить и послать деньги указанным исследователям. Не могли бы Вы найти средства, чтобы обеспечить им какую-нибудь научную или другую

службу в Индии в каком-нибудь музее или ином научном учреждении. Г-н и г-жа Мерварт — очень способные ученые и хорошие работники, и хорошо сведущие в английском языке. Лучшим способом выхода из трудности было бы назначить им за счет нашего Музея необходимую денежную сумму для продолжения их работы вплоть до более благоприятных времен. Мы приложим все усилия, чтобы возместить все расходы как можно скорее, и мы будем искренне благодарны за спасение оказавшихся на мели исследователей.

Остаюсь, Милорд, искренне Ваш В.В. Радлов» [Там же. Л. 64, 79].

Отделению исторических наук и филологии РАН академик В.В. Радлов докладывал 15 апреля 1918 г., что несколько научных экспедиций МАЭ заканчивают свои работы. «Одна под началом Г.Х. Мерварта работает в Индии с весны 1914 г. Этой экспедиции были поставлены <...> задачи: всесторонне изучить материальную и духовную культуры народов Индии и параллельно с этим составить полное собрание предметов, иллюстрирующих эти культуры, с тем расчетом, чтобы это собрание могло бы послужить материалом для оборудования в Музее особого отдела культуры Индии.

Т.к. снаряжение экспедиции в такую отдаленную страну обходится очень дорого и кроме того пребывание в этой стране сопряжено с большими опасностями для жизни и здоровья и потому требует постоянных приспособлений членов экспедиции к местному климату, то эта экспедиция с самого начала по необходимости была рассчитана на несколько лет, с целью путем непрерывной работы собрать столько материала, чтобы в ближайшем по крайней мере времени не было надобности снаряжать новые дорогостоящие и опасные экспедиции. За истекшие три года экспедиция успела собрать огромную коллекцию (свыше 250 ящичков) и обширный научный материал. Работа этой экспедиции еще далеко не закончена, но, уже не говоря о крайней важности продолжения экспедиции в чисто научном отношении, прервать ее работу до окончания мировой войны представляется невозможным и по чисто техническим причинам. Огромный собранный материал в настоящее время лежит в разных местах, вывезти его до окончания войны абсолютно невозможно, но и по окончании войны благополучный вывоз его из Индии возможен только при доставке лично и членов экспеди-

ции. Кроме того, целый ряд предметов (модели и слепки) заказаны в самых различных местах, и за них дан залог, и их необходимо еще собрать, и к тому же крайне важно собрать хотя бы самые необходимые дополнения. Перерыв и прекращение работ экспедиции и немедленное возвращение ее членов в Россию привело бы к гибели всего собранного материала. Что касается размеров требующихся хотя бы минимальных расходов по экспедиции, то на основании опыта прежних лет потребуется на содержание участников экспедиции 700 ф[унтов] (6000 руб.) и 800 ф[унтов] (8000 руб.) на уплату по заказам и долгам прошлого года, т.к. за последние девять месяцев экспедиция ничего не получала.» На две экспедиции МАЭ (С.М. Широкогоров по-прежнему работал в Северной Маньчжурии) «потребуется в английской валюте 1900 ф[унтов] ст[ерлингов], а в русской 6000 руб. В общем итоге, переводя ф[унт] ст[ерлингов] на русские деньги даже по курсу 30 руб. за ф[унт] ст[ерлингов], получим сумму в 63 000 руб.» [Там же. Л. 87–91].

24 апреля 1918 г. директор МАЭ подчеркивал, что экспедиция командированного в Индию Г.Х. Мерварта давно не получала денег и находится в безвыходном положении. Были ассигнованы 10 тыс. руб. Поскольку через Кредитную Канцелярию переводы не производились, то В.В. Радлов принял меры, чтобы можно было перевести эту сумму через местное Английское консульство, которое изъявило на это согласие 1 мая 1918 г.

В.В. Радлову было выдано 10 тыс. руб. из общемузейных сумм для перевода Г.Х. Мерварту через посредство английского консула [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1918). Е.х. 17. Л. 26, 28]. Но академик В.В. Радлов скончался 12 мая (29 апреля) 1918 г., и талон к ассигновке № 287 от 1 мая остался неполученным. Ассигновки для МАЭ теперь выписывались на имя неперменного секретаря РАН С.Ф. Ольденбурга [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Е.х. 165. Л. 406].

Реализуя решение РАН, член коллегии Научного отдела Народно-го комиссариата по просвещению Л.Г. Шапиро прислал в Академию наук отношение от 20 июня 1918 г. № 17698/731: «Сообщаю вам, что Финансовой комиссией 19 июня 1918 г. постановлено открыть Вам кредит в сумме 63 000 руб. на экспедиции в Индию, Маньчжурию, Корею, Амурский край в первой половине 1918 г. О переводе

Вам этого кредита мы сегодня же обратились в финансовое отделение Комитета» [Там же. Л. 71об.].

Деньги Мервартом получены не были, и Академия наук должна была выяснить, когда ему в Индию были отправлены Кредитной канцелярией 5 000 рублей [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Е.х. 72. Л. 30].

Музей по-прежнему числил Мервартов в штате «индийской экспедиции», хотя в отчете за 1918 г. записано, что *«от них, вследствие перерыва сообщения, сведений не поступило»*. Только в 1920 г. до МАЭ дошло одно из писем Мервартов. Наконец-то прояснилась судьба экспедиции. Живы и здоровы сами ученые, велики результаты их работы: собран огромный коллекционный материал. Директор МАЭ академик Е.Ф. Карский в 1923 г. сетовал, что *«МАЭ в последние годы лишился ряда незаменимых работников: Г.Х. и Л.А. Мерварты, С.М. Широкогоров, Б.Э. Петри задержаны долголетними экспедициями на Востоке, и трудно предвидеть, когда они вернутся»* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Е.х. 172. Л. 203об.].

Значительная часть коллекций была оставлена Мервартами на хранение в музеях Коломбо, Мадраса и Калькутты. Чтобы их вызволить, потребовались немалые хлопоты, вплоть до обращения к российским и британским дипломатам. Большая доля работы легла на плечи Л.Я. Штернберга. Все первое полугодие 1921 г. Л.Я. Штернберг, профессор Географического института и Петербургского университета, фактически руководил МАЭ [Там же. Л. 265об.]. Как заведующий музеем, он использовал все возможности для помощи экспедициям. Первая попытка имела место в 1921 г. Совет МАЭ 16 мая 1921 г. избрал К.И. Савича научным сотрудником без содержания для исполнения специальных поручений научного характера. Его предполагалось командировать во Владивосток для вывоза оттуда коллекций, принадлежащих РАН и собранных в Индии хранителем Музея А.М. Мервартом [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1921. Е.х. 169. Л. 26].

28 июля 1922 г. Совет МАЭ, председателем которого был Л.Я. Штернберг, обеспокоило письмо директора Правительственного музея в Мадрасе (Government Museum — Pantheon Road, Egmore, Madras) от 17 июня 1922 г. № 736–1/22 (перевод с англ. яз. — *Авт.*):

«Имею честь обращаться к Вам в связи с ящиками, содержащими этнографические коллекции, которые хранятся в этом Музее по просьбе д-ра Г. Мерварта для Вашего учреждения. Хотя они были сложены здесь около пяти лет назад, они до сих пор не были востребованы. Поскольку местонахождение д-ра Мерварта неизвестно и так как он проинструктировал, что ящики могут быть доставлены всякому, кого Ваш Музей уполномочит взять поставку, я вынужден просить Вас сделать любезность организовать так, чтобы ящики были перемещены как можно скорее. Могу добавить, что ящики и их содержимое быстро уничтожаются белыми муравьями и более чем желательно, чтобы их осмотрели и немедленно увезли» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1922. Е.х. 170. Л. 220].

Непременный секретарь и Историко-филологическое отделение РАН были серьезно обеспокоены состоянием коллекций. Непременный секретарь обратился по этому поводу в Главнауку (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями) и к академику Ф.И. Щербатскому [Там же. Л. 236]. Но только через год их усилия дали результат.

Коллекции Мервартов возвращались частями и попадали в Петроград разными маршрутами — через Лондон и через Владивосток. О признании их важности для науки свидетельствует хотя бы тот факт, что при первом же поступлении части из них Академик-секретарь С.Ф. Ольденбург лично торопился сообщить Историко-филологическому отделению РАН 5 сентября 1923 г., что «29 и 31 июля 1923 г. в МАЭ доставлена из Лондона часть индийской коллекции, собранной для МАЭ Мервартом, в количестве 71 ящик, произведена предварительная разборка коллекций, составлены описи, краткая характеристика коллекции» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Е.х. 172. Л. 217об.], а 1 сентября 1923 г. академик И.Ю. Крачковский доложил, что в МАЭ закончена разборка и составлены списки этих коллекций [Там же. Л. 21об.].

Участие в процессе возвращения приняли Комиссариат просвещения, Внешторг, Комиссариат иностранных дел. Уполномоченному Наркомпути г. Г.Д. Красинскому было поручено получить этнографические коллекции МАЭ, хранившиеся с 1914 г. в Мадрасе, Коломбо и Шанхае. Он их получил и вывез в Сингапур. Оттуда предметы должен был забрать для доставки в Петроград русский

пароход «Декабрист». Красинский неукоснительно выполнял это поручение РАН, даже *«не располагая нужными на указанный предмет кредитами»*, и *«вынужден был позаимствовать на означенную цель 310 ф[унтов] ст[ерлингов] у посторонних учреждений, каковым вышеупомянутая сумма» предполагалась быть возвращенной»* [Там же, л. 221]. 3 ноября 1923 г. по предложению И.О. Непременного секретаря академика А.Е. Ферсмана *«было положено: 1) благодарить г. Красинского за бескорыстное выполнение им поручения Академии наук по доставлению в Россию ценных в научном отношении коллекций; 2) просить Правление внести в смету 1923–1924 гг. 310 ф[унтов] ст[ерлингов] на указанные выше надобности»* [Там же. Л. 29об.].

Представление о сложности решенных задач дает и тот факт, что руководство Главнауки 16 января 1924 г. обратилось в Наркоминдел и предложило РАН самостоятельно выяснить причины недоброжелательного отношения Британских колониальных властей к Г.Д. Красинскому при выполнении им научного поручения РАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 179].

30 декабря 1923 г. на пароходе «Декабрист» прибыли 20 ящиков коллекций с Дальнего Востока. Выгружать их в МАЭ было некуда, только *«на второй этаж Русского Отдела Библиотеки»*. А надо было еще пройти таможенный досмотр [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1923). Е.х. 19. Л. 96, 100].

Дело, видимо, шло небыстро. *«Для получения 14 ящиков коллекций, прибывших на пароходе “Декабрист” в октябре минувшего года, вместе с коллекциями Мерварта из Индии и представленных в распоряжение РАН, необходимо уплатить 30 руб. золотом за полевое. Коллекции не были своевременно получены за отсутствием средств на выкуп. Ныне все пошлины и акцизы сняты, а задержка в получении произошла не по вине Музея, а по случаю заболевания М.М. Гранстрема»*, — утверждал директор МАЭ Е.Ф. Карский 29 февраля 1924 г. В эту сумму входили счета Сухопутной таможни, Добровольного Флота, за доставку ящиков в МАЭ и др. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Е.х. 25. Л. 15, 17]. Чаеуправление также просило РАН о возмещении ему долга по перевозке индийских коллекций для МАЭ. Переписку по делу передали в Правление Академии для выяс-

нения возможных способов оплаты [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 189].

Разборка третьей партии полученных МАЭ индийских коллекций была произведена 23 апреля 1924 г. [Там же. Л. 194об.].

В 1924 г. директор МАЭ академик Е.Ф. Карский вел активную переписку с Индией (туда были отправлены несколько бандеролей) и с Харбином. 30 ноября 1923 г. он телеграфировал в Харбин в Русско-Азиатский банк Мервартам, что им разрешен въезд в страну, бесплатный проезд и беспошлинный ввоз. «*Документы высылаем, визу получите у представителя*» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1923). Е.х. 19. Л. 111]. В списке сотрудников МАЭ (июль 1924 г.) значились сотрудники 1-го разряда А.М. и Л.А. Мерварт [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Е.х. 25. Л. 71]. 10 сентября 1924 г. А.М. Мерварт получил 100 руб. в возмещение расходов по подготовке и транспорту собранных им индийских коллекций (из оставшихся 200 руб., отпущенных на нужды Музея по ученой части) [Там же. Л. 108–109].

3 декабря 1924 г. А.М. и Л.А. Мерварты отчитались о командировке в Индию. Отчеты их и других сотрудников МАЭ было решено передать в Комиссию по научным экспедициям, «*благодарить их за собранные коллекции*» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 218 об.]. Впоследствии директор МАЭ 15 сентября 1926 г. рекомендовал напечатать «Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг.» А.М. и Л.А. Мервартов, вместе с другими отчетами по экспедициям [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1926. Е.х. 175. Л. 161], что и было сделано [Мерварт, Отчет 1927].

Тем не менее часть коллекций ученого хранителя А.М. Мерварта оставалась во Владивостоке, и дирекция МАЭ беспокоилась о скорейшей доставке их в Ленинград. Ректор Владивостокского университета 25 февраля 1925 г. ответил телеграфно о мерах, предпринятых к отправке коллекций [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1925. Е.х. 174. Л. 149об.]. По ходатайству Главнауки Народный комиссариат просвещения обратился в Тарифный комитет и добился права бесплатной перевозки по Октябрьской и Уссурийской железным дорогам от ст. Владивосток до ст. Ленинград коллекций, собранных в Индии А.М. Мервартом, в количестве 12 ящиков весом 50 пудов, направленных в адрес РАН [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Е.х. 20. Л. 149]. 22 сентября 1925 г. 11 ящиков с коллекциями по этнографии Ин-

дии были получены МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1925. Е.х. 174. Л. 166об.].

Таким образом, частью коллекции были получены и оказались в музее раньше самих собирателей. Самое важное из своих сборов Мерварты хранили при себе в течение нескольких лет. К моменту возвращения в родной город у супругов к тому же было двое детей. Так что когда они смогли с Дальнего Востока отправиться в родной город, для их переезда понадобился целый вагон-теплушка, о котором специально хлопотали.

Мерварты вернулись домой и к работе в 1924 г., когда как раз шла подготовка к 210-летию юбилею музея. Ими было привезено около 3000 предметов вещевых коллекций и огромное количество фотоматериалов. Сверх того — почти 800 томов самых свежих тогда книг по проблемам этнографии народов Южной Азии.

В честь юбилея было задумано создать новую (тематическую) индийскую экспозицию. Это стало возможно именно благодаря результатам экспедиции Мервартов. Она была создана в самые краткие сроки. Теперь индийский отдел не уступал другим отделам МАЭ по объему и содержательности. Научные принципы, впервые выработанные именно в «радловско-штернбергский» период жизни Музея и положенные в основу постоянной индийской выставки, в главных установках сохранены и до наших дней, несмотря на все перемены и усовершенствования.

Библиография и источники

Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М., 1983.

Мерварт А.М. Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ. Л., 1927.

Мерварт А. и Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л., 1927.

Отчет о деятельности МАЭ за 1915 год. Пг., 1916.

Отчет о деятельности МАЭ за 1916 год. Пг., 1917.

СПФ АРАН. Ф. 1, оп. 1а, е.х. 161-175.

СПФ АРАН. Ф. 2, оп. 1-1913, е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 2, оп. 1-1914, е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 2, оп. 1-1916, е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1916), е.х. 14.

- СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1916), е.х. 52.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1917), е.х. 19.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1918), е.х. 17.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1923), е.х. 19.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1924), е.х. 25.
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1925), е.х. 20.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 44.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 65.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 66.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 68.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 69.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 71.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 73.
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 2, е.х. 117.

С.А. Корсун

Л.Я. Штернберг как американист

Научная деятельность Льва Яковлевича Штернберга была неразрывно связана с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ). Как этнограф, он занимался изучением народов района нижнего Амура и Сахалина. Что касается его вклада в американистику, то в этой области деятельность Л.Я. Штернберга была направлена на комплектование коллекций. Освещению этого аспекта многогранной деятельности Л.Я. Штернберга (его роли в пополнении американских фондов МАЭ) посвящена настоящая статья.

В студенческие годы Л.Я. Штернберг состоял в революционной организации «Народная воля». В 1886 г. его арестовали, в период с 1889 по 1897 гг. он находился в ссылке на острове Сахалин. Во время ссылки Л.Я. Штернберг решил на практике осуществить свои революционные идеи и «ушел в народ», т.е. стал заниматься изучением культуры коренного населения.

В 1894 г. директором МАЭ избрали академика Василия Васильевича Радлова (1837–1918). С его приходом наступил новый период в истории музея. В.В. Радлов начал коренные преобразования в отношении сбора, учета, хранения и регистрации коллекций; образо-

вательной, выставочной и научной деятельности. К тому времени «тысячи предметов датировались временем Петра Великого и его Кунсткамеры. Документы к ним давно погибли или были не известны; редкие старинные этикетки носили загадочные номера, ничего не говорившие регистратору. Огромные коллекции Адмиралтейского департамента и И.Г. Вознесенского имели кое-какие описи, но, вследствие отсутствия нумерации на самих предметах, требовались огромные усилия, иногда остававшиеся бесплодными, чтобы подыскать предметы, соответствующие описям» [Штернберг 1917: 248].

В 1899 г. Л.Я. Штернберг приехал в Санкт-Петербург для публикации своих полевых материалов по языку и этнографии нивхов. В конце XIX в. в Императорской Академии наук (ИАН) широко обсуждался предстоящий в 1903 г. 200-летний юбилей основания Санкт-Петербурга. В связи с организацией праздничных мероприятий В.В. Радлову удалось добиться расширения экспозиционных площадей музея и увеличения его штата. К юбилею Санкт-Петербурга было решено открыть новую экспозицию, для ее создания провели ревизию коллекций.

Л.Я. Штернберг начал работу в МАЭ в 1901 г. в возрасте сорока лет. К этому времени он имел большой опыт полевой работы, но специального образования и опыта музейной работы у него не было. В.В. Радлов, принимая Л.Я. Штернберга на работу, сказал: «Музейным человеком никто не рождается, музейные люди вырабатываются в процессе работы» [Ратнер-Штернберг 1928: 35]. Эти слова в отношении Л.Я. Штернберга полностью оправдались. Он стал незаменимым помощником В.В. Радлова в деле преобразования музея.

Для создания новой экспозиции несколько тысяч предметов разделили «сначала по крупным территориям, затем по отдельным культурно-этническим группам и внутри каждого подразделения распределили объекты по отделам и подотделам культуры» [Штернберг, Ольденбург 1907: 53–54]. Все сотрудники музея работали с большим энтузиазмом. В течение 1902–1903 гг. они создали новую экспозицию.

Знакомство со всем собранием музея позволило определить лакуны в «культурно-этнических группах». Выяснилось, что среди североамериканских коллекций, кроме народов Русской Америки, имеется лишь около десятка предметов по «канадцам» и около со-

рока по ирокезам. Еще хуже обстояло дело с коллекциями по народам Центральной и Южной Америки. Несколько сот народов этого региона были представлены 257 предметами, из них лишь коллекция Г.И. Лангсдорфа была собрана во время научной экспедиции. Остальные вещи относились к случайным сборам и не могли дать представления о традиционной культуре отдельных народов. В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг пришли к выводу, что дальнейшая работа в музее невозможна без знания методики этнографического музееведения в других странах и без подготовленных специалистов.

При преобразовании музея приходилось преодолевать множество бюрократических преград. Получение дополнительных ассигнований в первые пятнадцать лет работы в музее было главной задачей для В.В. Радлова. «В.В. Радлов взял на себя самую неприятную и, может быть, самую трудную часть работы — изыскание средств, ходатайства перед властями, отстаивание везде и всюду интересов Музея: официальное его положение как директора Музея и академика и престиж его имени давали гарантию успеха. И во всякую погоду, и в дождь, и в слякоть, и в трескучий мороз, и в сильный ветер, он, невзирая на свой уже тогда довольно преклонный возраст, одев на себя для большего престижа ордена и ленты, безропотно шел, как он выражался «антишамбировать», т.е. ждать очереди в приемных министров и других сановников» [Ратнер-Штернберг 1928: 37].

В 1903 г. Л.Я. Штернберг предпринял научную командировку для знакомства с организацией музейного дела в Германии. Он посетил ряд музеев Берлина и Лейпцига и установил партнерские отношения с немецкими коллегами. В Лейпциге Л.Я. Штернберг познакомился с Германом Мейером (1871–1932), (братом Ганса Мейера), который в течение 1895–1896 и 1898–1899 гг. проводил этнографические исследования в Бразилии и Эквадоре. В дальнейшем Г. Мейер стал постоянным корреспондентом МАЭ, он жертвовал музею значительные суммы денег, оплачивал покупку коллекций и организацию экспедиций. В Санкт-Петербург Л.Я. Штернберг привез коллекцию Г. Мейера из 203 предметов культуры индейцев района верховий Шингу (№ 785). В 1904 г. благодаря посреднической деятельности Г. Мейера МАЭ получил две коллекции по арауканам, огнеземельцам, аймара и археологическим артефактам из 698 предметов, собранных Оскаром Менгельбиром в Чили, Перу и Боливии (№ 845 и 846).

Оказалось, что самое главное — это правильно организовать процесс поступления коллекций: найти меценатов в России и партнеров за границей, установить обменные связи с европейскими и американскими музеями, профинансировать экспедиции отдельных исследователей. Еще в 1900 г. В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург во время работы XII конгресса ориенталистов, проходившего в Риме и Гамбурге, выдвинули идею создания Международного комитета по изучению Восточной и Средней Азии для сохранения памятников культуры этого региона. Идея была поддержана участниками конгресса.

В 1902 г. В.В. Радлову поручили подготовить устав этой международной организации и создать ее отделение в России, которое стало называться Русским Комитетом. В.В. Радлов включил в устав пункт, по которому все коллекции, собранные сотрудниками Русского Комитета, поступали в МАЭ. В 1903 г. Русский Комитет вошел в ведение Министерства иностранных дел и получил финансирование — пять тысяч рублей в год. Таким образом, у администрации МАЭ появились свободные средства для планомерных сборов коллекций среди народов Азии, как в России, так и за рубежом. Часть вновь поступавших азиатских коллекций обменивали в зарубежных музеях на коллекции по народам Америки, Африки и Океании. В период с 1903 по 1916 гг. МАЭ ежегодно получал сотни, а в некоторые годы и тысячи предметов по культуре народов Америки.

Сотрудничество между МАЭ и Американским музеем естественной истории Нью-Йорка (АМЕИ) началось в 1898 г., когда руководитель Этнологического отдела этого музея Франц Боас (1858–1942) обратился с письмом к В.В. Радлову. Он просил порекомендовать русских ученых для работы в Джезуповской экспедиции. В.В. Радлов рекомендовал для проведения исследований в Сибири бывшего политического ссыльного, члена ИРГО — В.И. Иохельсона. Он, в свою очередь, привлек к участию в экспедиции В.Г. Богораза — также бывшего народовольца, специалиста по этнографии чукчей. Во время работы в Джезуповской экспедиции в 1900–1902 гг. В.И. Иохельсон занимался изучением юкагиров и коряков, а В.Г. Богораз — чукчей и азиатских эскимосов.

Еще в 1903 г. В.В. Радлов в письмах к Ф. Боасу рекомендовал Л.Я. Штернберга как специалиста по этнографии народов Амура, заинтересованного в сотрудничестве с АМЕИ. В августе 1904 г. Л.Я. Штернберг как представитель МАЭ вместе с В.И. Иохельсоном, делегатом от АМЕИ, и В.Г. Богоразом, делегатом от Московского общества любителей естествознания, участвовал в работе XIV Международного конгресса американистов в Штутгарте. На конгрессе он познакомился с Ф. Боасом и встретился не только с европейскими учеными, но и с исследователями из Аргентины — С. Лафоне Кеведо, Р. Леман-Нитше и Х.Б. Амбросетти. Благодаря новым контактам в 1905 г. МАЭ получил две коллекции из 63 предметов по индейцам Аргентины (№ 938 и 939).

Командировка Л.Я. Штернберга в США состоялась в 1905 г. Ее профинансировали за счет средств Джезуповской экспедиции. Л.Я. Штернберг писал: «Начиная с 15 апреля по 30 июля я работал в Нью-Йорке в **American Museum of Natural History** в антропологическом отделе, знакомясь специально с американскими собраниями, а также с собраниями из Приамурского края. С этой же целью две недели провел в Чикаго, где работал преимущественно в **Columbian Fields Museum**» (цит. по: [Станюкович 1986: 86]). За время совместной работы с Ф. Боасом и куратором этнологического отдела АМЕИ К. Уисслером Л.Я. Штернберг не только договорился об обмене коллекциями, но и лично отобрал вещи, необходимые для МАЭ [Купина 2004: 55]. В ответ МАЭ предоставил коллекцию по культуре ненцев из сборов Е.Н. Ледкова и А.В. Журавского. После этого в отношениях двух музеев наступил длительный перерыв, вызванный отставкой Ф. Боаса в мае 1905 г. с поста руководителя Этнологического отдела АМЕИ.

Обмен с американскими музеями оказался дорогостоящим для МАЭ. При отправке коллекций через океан приходилось оплачивать транспортные расходы и таможенный сбор, что было весьма накладно при скудном бюджете музея. Главным при обмене оказались не научная ценность предметов или их количество, а вес и размеры ящиков, в которых они перевозились. Л.Я. Штернберг писал: «В виду трудности и дороговизны собирания коллекций в Северной Америке, вследствие конкуренции американских музеев, не оста- навливающих ни перед какими материальными затратами, Музею

трудно было, при прежнем его бюджете, делать приобретения в этой части света» [Штернберг 1917: 262].

В дальнейшем В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг стали искать более дешевые и надежные способы пополнения музейных фондов по народам зарубежных стран. В 1906 г. началось сотрудничество администрации музея с меценатом, антикваром Е.И. Александером, когда в МАЭ поступила южноамериканская коллекция из более 250 предметов от Д.Г. Гинцбурга (№ 1063).

В сентябре-октябре 1907 г. В.В. Радлов совершил длительную поездку, в ходе которой посетил музеи Стокгольма, Копенгагена, Лейпцига, Гамбурга, Берлина и еще нескольких городов Германии. Европейские музеи стремились получить коллекции по народам Америки, Австралии и Океании, Африки, Юго-Восточной Азии, Сибири и т.д. У каждого музея были свои возможности формировать коллекции. Некоторые музеи имели тесные связи с колониальной администрацией своих стран, другие организовывали самостоятельные экспедиции, третьи активно скупали этнографические коллекции на аукционах и международных выставках.

Познакомившись с опытом обменных операций между музеями Европы, В.В. Радлов решил принять активное участие в межмузейном обмене. МАЭ должен был предоставить для обмена те коллекции, которые отсутствовали в европейских музеях. Это коллекции по народам России, главным образом — по народам Сибири. Однако дело осложнялось тем, что МАЭ не имел обменного фонда таких коллекций, и вообще народы России были крайне скудно представлены в его фондах. Например, собрание по народам Сибири в 1889 г. насчитывало всего 1223 предмета. Поэтому было необходимо срочно организовать экспедиции по сбору коллекций внутри страны.

В сентябре 1908 г. Л.Я. Штернберг принял участие в XVI Международном конгрессе американистов в Вене, он был единственным представителем от России. Среди участников конгресса были Ф. Боас из США, В. Тальбицер из Дании, К.В. Хартман (Гартман) из Швеции, Э.Г. Зелер, М.Ф. Уле, К.Т. Пройсс из Германии, Р. Леман-Нитше из Аргентины и другие известные американисты. Особое внимание Л.Я. Штернберга привлек доклад Ф. Боаса: «Гвоздем Конгресса был

вступительный доклад профессора в Колумбийского университета в Нью-Йорке Франца Боаса. <...> Тема, выбранная им для своего доклада, “Результаты Джезуповской экспедиции” — по обширности затрагиваемых проблем была вполне достойна и момента, и докладчика. <...> Всестороннее изучение культуры северо-востока Сибири, начиная с берегов Амура и заканчивая Беринговым проливом, обнаружило замечательные сходства в особенностях материального быта, в мифологии, религии, преданиях, эпосе с окраинными народами тихоокеанского побережья С. Америки. Эти сходства настолько поразительны, что докладчик — кстати сказать, вообще принципиальный противник английской теории самостоятельного происхождения подобного рода культурных сходств и держащийся теории индивидуального развития каждого типа культуры, — в этих сходствах видит лучшее доказательство общности и единства происхождения этих культур» [Штернберг 1908: 1251–1252].

На конгрессе Л.Я. Штернберг вновь встретился с Хуаном Баутиста Амбросетти (1865–1917), который с 1904 г. являлся директором Этнографического музея при факультете философии и филологии Национального университета Буэнос-Айреса. «Встретившись в Вене со Штернбергом, Амбросетти предложил ему установить непосредственный обмен экспонатами с музеем в Буэнос-Айресе. Аргентинского исследователя давно привлекали материалы по этнографии России, ему хотелось познакомить соотечественников с обычаями многочисленных народов нашей страны. Музей антропологии и этнографии не менее нуждался в пополнении своих латиноамериканских собраний, и Штернберг охотно принял это предложение. С тех пор между ними началась переписка, и было положено начало регулярному обмену петербургского музея с буэнос-айресским» [Лукин 1965: 132]. В 1909 г. из Аргентины поступила интересная археологическая коллекция из районов Кольчаки, селений Тилькара и Ла-Пайе из 84 предметов (№ 1481). В следующем году — этнографическая коллекция по индейцам чиригуано, матако и чороте из 65 предметов (№ 1745) и археологическая коллекция из раскопок древнего города Ри Кача из 144 предметов (№ 1800).

Также внимание Л.Я. Штернберга привлек доклад сотрудника Музея народоведения Берлина Конрада Теодора Пройсса (1869–1938) о результатах его экспедиции 1905–1907 гг. к индейцам западной

Мексика — кора и уичоль. Л.Я. Штернберг писал: «Замечательным признаком проникновения новых методов этнографии в область изучения американских древностей служит доклад сравнительно молодого мексиканиста — д-ра К.Th. Preuss (Берлин); «Праздник вина у племени Кора западных склонов Сьерра Мандре (Мексика). В методологическом отношении доклад этот, составляющий отрывок из большой работы о религии ново-мексиканских племен, изученных докладчиком на месте, интересен тем, что опытный мексиканист, ассистент профессора Зелера, убедившись в недостаточности изучения кодексов и памятников искусства для понимания духа религии древних мексиканцев, решил обратиться к живому источнику — к изучению современных индейцев, прямых преемниках древних мексиканцев. И действительно, в обрядах годовых праздников этих племен, в песнях и молитвах, доньше ими употребляемых и тщательно записанных докладчиком, он отыскал искомый ключ к пониманию годовых праздников древних мексиканцев. И многие еще очень недавно скептически относившиеся к попыткам этого сравнительно молодого ученого применить данные этнографии к познанию мексиканских древностей теперь, после последней экспедиции Прейса, начинают мириться с казавшимся им раньше претенциозным новаторством» [Штернберг 1908: 1254]. Л.Я. Штернберг договорился с К.Т. Происсом о сборе коллекции по культуре кора и уичоль для МАЭ во время его следующей экспедиции.

На конгрессе Л.Я. Штернберг познакомился с чешским исследователем Альбертом Войтех Фричем (1882–1944), который к тому времени совершил три экспедиции в Южную Америку и выступал с пламенными речами в защиту индейцев. А.В. Фрич с детства увлекался ботаникой. Чтобы изучать тропические растения в природных условиях, в 1901–1903 гг. он предпринял экспедицию в Бразилию. Здесь А.В. Фрич встретился с итальянским художником и путешественником Г. Боджани — автором книги об индейцах кадиувео. Под его влиянием А.В. Фрич постепенно увлекся этнографией. Во время следующей экспедиции в Южную Америку в 1903–1905 гг. А.В. Фрич занимался в основном этнографией. Третья экспедиция А.В. Фрича в Бразилию, Парагвай и Аргентину состоялась в 1906–1908 гг., когда он собирал коллекции, главным образом, для музеев Германии.

После завершения работы конгресса Л.Я. Штернберг посетил Прагу для осмотра коллекций А.В. Фрича, собранных во время второй и третьей экспедиций. Они заключили соглашение о сотрудничестве, которое оказалось очень продуктивным. В 1909 г. у А.В. Фрича было приобретено около 1650 предметов, которые вошли в девятнадцать коллекций. МАЭ полностью профинансировал его четвертую экспедицию 1909–1912 гг. и получил более 700 предметов по традиционной культуре чамакоко, тумраха, моротоко, чиригуано и кадиувео [Зиберт 1961; Бородатова 1996; Ершова, Корсун 2005: 47–50].

Кроме вещевых коллекций, А.В. Фрич передал в музей несколько иллюстративных собраний. Это коллекция № 1391 из 239 фотографий большого формата, сделанных А.В. Фричем и Г. Боджани среди племен бороро, кадиувео, чамакоко, санапано, тоба. Также к оригинальным материалам А.В. Фрича относятся два фотоальбома, в одном из которых имеется карта его путешествий по Южной Америке, фото отдельных предметов этнографической коллекции и фото А.В. Фрича с группой индейцев.

Кроме вышеперечисленных контактов с зарубежными американистами на конгрессе в Вене, Л.Я. Штернберг заключил соглашение об обмене коллекциями с директором Государственного естественно-исторического музея (ГЕИМ) Стокгольма Карлом Хартманом (1862–1941) [Станюкович 1986: 87; Отчет 1909: 24]. Схема обмена выглядела следующим образом. МАЭ через своих сотрудников и корреспондентов собирал коллекции по народам России, которые не регистрировались, а сразу поступали в обменный фонд музея. Затем за счет средств меценатов эти коллекции отправлялись в Лейпциг на имя Г. Мейера, который по своему усмотрению мог их продавать или обменивать. Главное, что требовалось от него, — подобрать коллекции по народам, которые не были представлены в МАЭ. Г. Мейер имел дело со многими исследователями и музеями Германии — Музеями народоведения Берлина, Лейпцига, Гамбурга, а также с коммерческим предприятием «Музей Умлауффа» в Гамбурге.

К.В. Хартман стал третьей стороной в этой системе. Он в обмен на коллекции по народам России регулярно отправлял Г. Мейеру собрания по народам тех районов мира, которые были необходимы для МАЭ. Таким образом, для МАЭ значительно расширилась возможность получения коллекций из «экзотических» стран. «Главное

внимание при этом способе приобретения обращалось на то, чтобы приобретаемая коллекция представляла собой целое, научно собранное и описанное собрание, добытое из специальной экспедиции или от ученых путешественников» [Штернберг 1917: 259].

Соглашение заработало практически сразу, в конце 1908 г. на средства мецената Е.И. Александра музей отправил в Лейпциг собрание по народам России из нескольких тысяч предметов. Также в его состав входили вещи, которыми МАЭ расплатился с Е.И. Александром за покупку коллекций у собирателей. Так, Е.И. Александеру передали коллекцию по ненцам и коми из двух тысяч предметов из сборов А.В. Журавского, так как именно Е.И. Александр в 1906 г. выделил деньги на его исследования. Планировалось, что после доставки коллекции в Санкт-Петербург музей выплатит Е.И. Александеру половину суммы, затраченную на приобретение коллекции, и она будет поделена пополам между музеем и меценатом. Однако осенью 1908 г., когда собрание А.В. Журавского поступило в МАЭ, у В.В. Радлова не оказалось свободных средств. И всю коллекцию, за исключением 75 предметов, передали Е.И. Александеру.

Таким образом, собиратели приобретали коллекции на местах, которые МАЭ покупал на деньги Е.И. Александра, за что он получал часть коллекций. Затем эти коллекции продавали или обменивали в Германии. Пикантность ситуации заключалась в том, что после доставки в Германию все коллекции значились как собственность Е.И. Александра, так как музей, являясь государственным учреждением, не мог продавать коллекции.

Московский этнограф В.В. Богданов, посетивший Германию в 1910 г., писал: «В Лейпцигском этнографическом музее <...> мне пришлось обратить внимание на некоторые предметы сомнительного происхождения. Мне и тогда было известно, что в Гамбурге существовала фирма Александра, которая занималась специальным посредничеством с разными этнографическими музеями по закупке “дублетов”, которые и отсылала заказчикам. В то же время в Петербурге был открыт секрет этой фирмы, изготовлявшей самостоятельно музейные предметы по нужным образцам» [Богданов 1993: 8].

Чтобы официально оформить межмузейный обмен, в 1909 г. в МАЭ создали Попечительский совет во главе с князем А.Г. Романовским, в состав которого вошли несколько богатых меценатов:

Е.И. Александер, В.В. Святловский, Л.М. Скидельский, Г. Мейер, Э. Нобель и др. В отличие от Е.И. Александера другие меценаты помогали музею за моральное вознаграждение — почетные звания, чины или ордена.

С.А. Ратнер-Штернберг отмечала: «75 % южноамериканских коллекций получены как дар либо от самих собирателей, либо от жертвователей, как Герман Мейер, Л.М. Скидельский, Е.И. Александер и др. Этим лицам указывалось на желательность приобретения данной коллекции, и они ее покупали, в награду за что получали иногда от царского правительства ордена и чины, добывать которые, впрочем, было делом далеко не легким и лежало на обязанности В.В. Радлова» [Ратнер-Штернберг 1928: 51].

В мае 1912 г. Л.Я. Штернберг вместе с В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом принял участие в работе XVIII Международного конгресса американистов в Лондоне, где произошла очередная встреча с Х.Б. Амбросетти. После завершения работы конгресса Х.Б. Амбросетти посетил Санкт-Петербург для знакомства с собранием МАЭ, которое он осмотрел с большим интересом. Х.Б. Амбросетти обратил внимание на мумифицированную голову индейца. По его совету К.Е. Гильзен написал статью об этом экспонате и о связанных с ним военных обычаях мундуруку [Гильзен 1918].

В 1913 г. от Х.Б. Амбросетти музей получил пятнадцать археологических и этнографических коллекций из более 700 предметов. В свою очередь, МАЭ отправил в Буэнос-Айрес не только дублетные коллекции по народам Сибири, но и редкие предметы материальной культуры народов Русской Америки [Лукин 1965: 133].

Среди участников лондонского конгресса были А. Хрдличка, К.В. Хартман и Ф. Боас, с которым у Л.Я. Штернберга не прерывалась переписка со времени их знакомства в Штутгарте в 1904 г. Встретившись на конгрессе, они продолжили сотрудничество. После ухода из АМЕИ в 1905 г. Ф. Боас продолжал преподавать в Колумбийском университете Нью-Йорка. В 1908–1913 гг. среди индейцев виннебаго в штатах Висконсин и Небраска проводил исследования ученик Ф. Боаса — Пол Радин (1883–1959). В быту виннебаго уже не отличались от окружающего «евро-американского» населения,

но сохраняли представления о своей духовной культуре и связанные с ней предметы культа. МАЭ частично профинансировал экспедицию П. Радина и в 1914 г. через Колумбийский университет Нью-Йорка получил коллекцию по культуре виннебаго из 62 предметов (№ 2332).

В Лондоне Л.Я. Штернберг приобрел в антикварном магазине В.О. Олдмана шаманский костюм индейцев рукуйен (ояна) с территории Французской Гвианы (№ 2135) и от бразильского археолога А.К. Симоенса да Сильва получил в дар два каменных орудия (№ 1981). Во время работы конгресса Л.Я. Штернберг познакомился и с немецким археологом К.Т. Штёпелем, который в 1911 г. проводил исследования в Колумбии и сделал гипсовые слепки нескольких древних статуй из района Сан-Аугустин. В Германии с них отлили бетонные копии, одну из серий которых МАЭ приобрел в 1913 г. на деньги В.В. Святловского (№ 2227).

Эти примеры показывают, что Л.Я. Штернберг использовал любые возможности для пополнения музейных фондов.

В 1912 г. увеличили штат музея, который до этого менялся только в 1836 и 1899 гг. Впервые появилась возможность создать отделы по регионам и назначить их руководителей. Заведующим отделом Центральной и Южной Америки стал К.К. Гильзен, **регистратором** коллекций отдела Северной Америки назначили С.А. Ратнер-Штернберг (Штернберг), которая с 1910 г. являлась внештатным сотрудником. Л.Я. Штернберг одновременно возглавил два отдела — отдел Северной Америки и отдел Сибири и Севера России (другие названия — отдел Севера России, отдел народностей Азиатской России).

В 1912 г. МАЭ получил из Стокгольма через Лейпциг ряд коллекций из Сальвадора и Коста-Рики из более 270 предметов (№ 1982–1985, 4682, 6741), собранных К.В. Хартманом во время археологических экспедиций 1896–1897 и 1903 гг. К.В. Хартман неоднократно встречался с Л.Я. Штернбергом в Стокгольме, на международных конгрессах американистов и приезжал в Санкт-Петербург. С.А. Ратнер-Штернберг писала: «Так же сердечно было отношение к Л.Я. директора Стокгольмского музея Гартмана, который, приехав в Петербург, проводил с Л.Я. целые вечера и впоследствии органи-

зовал общую с Музеем экспедицию в Мексику» [Ратнер-Штернберг 1928: 49].

Начиная с 1912 г. сотрудники Музея американской археологии и этнологии им. Дж. Пибоди (МАО) проводили археологические исследования на территории Мексики в районе Аскапоцалько. Ф. Боас предложил руководству МАЭ и ГЕИМ принять долевое участие в финансировании этой экспедиции. В 1913 г. Л.Я. Штернберг посетил Стокгольм для обсуждения этого проекта с К.В. Хартманом. Коллекции планировалось разделить между тремя музеями. Свою часть коллекции из 225 предметов (№ 5481) МАЭ получил только в 1936 г.

Л.Я. Штернберг писал о сотрудничестве с К.В. Хартманом: «Несколько экспедиций (в Мексику, Восточную Африку, с.-з. Австралию и Мадагаскар) были предприняты со Стокгольмским музеем, и в настоящее время готовятся, совместно с тем же музеем, экспедиции в Австралию, Полинезию, Переднюю Азию и на Филиппины» [Штернберг 1917: 259].

Как упоминалось, в 1913 г. музей получил ряд ценных коллекций от Х.Б. Амбросетти. «Весной 1913 г. — писал Б.В. Лукин, — в Петербурге была изготовлена новая серия скульптурных изображений представителей народностей Сибири. Эти фигуры, выполненные из бисквитного фарфора по формам работы художника П.П. Каменского, предназначались для аргентинского музея. <...> В свою очередь, Амбросетти вместе с собственными сочинениями послал в Петербург ценные экспонаты, добытые в Парагвае среди индейцев гуаяки, и статью об этом племени, изданную музеем Ла-Платы, коллекцию фетишей индейцев Боливии и собрания предметов из пампы провинции Буэнос-Айрес и внутренних районов страны, материалы по этнографии индейцев чачо и аргентинских гуачо. “Также посылаю предметы с Огненной Земли, — писал он в сопроводительном письме, — подлинные и редкие, ибо индейцы быстро вымирают”. Кроме того, он преподнес музею археологическую коллекцию, присоединив поясняющую ее брошюру своего друга палеонтолога Флорентино Амегино» [Лукин 1965: 134].

В 1914–1915 гг. состоялась Вторая русская экспедиция в Южную Америку. Наряду с другими научными учреждениями МАЭ принял долевое участие в ее финансировании. В состав экспедиции входили

студенты этнографы Г.Г. Манизер, Ф.А. Фиельструп, студенты зоологи И.Д. Стрельников, Н.П. Танасийчук и экономист С.В. Гейман. Участие музея в организации экспедиции ограничилось выдачей небольшой суммы для приобретения коллекций и инструкций по их сбору и хранению.

По прибытии в Аргентину участники экспедиции оказались в трудном финансовом положении. В связи с началом Первой мировой войны им пришлось остаться в Америке не на четыре-пять месяцев, как они планировали, а на полтора года. Большую помощь исследователям из России оказали местные ученые, с которыми Л.Я. Штернберг неоднократно встречался на Международных конгрессах американистов: Х.Б. Амбросетти, Р. Леман-Нитше, С. Лафоне Кеведо, М.Ф. Уле, А. Гальяро и другие.

В течение всего полуторагодичного пребывания в Южной Америке участники экспедиции постоянно поддерживали деловую переписку с Л.Я. Штернбергом. По результатам этой экспедиции МАЭ получил более 750 предметов по традиционной культуре кадиувео, каинган, гуарани, шавантов, терена, арауканов, огнеземельцев.

Связи между МАЭ и зарубежными музеями были прерваны из-за начала в 1914 г. Первой мировой войны. И все же надо констатировать, что за короткий отрезок времени с 1905 по 1914 гг. между зарубежными музеями и МАЭ был проведен ряд крупных обменов коллекциями, в результате которых МАЭ получил около двадцати тысяч предметов по культуре народов Америки, Африки, Австралии и Океании, Юго-Восточной Азии. Ни в какой другой период своей истории музей не получал столь разнообразных и многочисленных коллекций по народам зарубежных стран [Ратнер-Штернберг 1928: 51–53; Штернберг 1917; Шафрановская, Азаров 1984].

Положение сотрудников музея после революции 1917 г. было очень тяжелым, приходилось работать в сырых холодных помещениях, скудный продовольственный паек выдавался по карточкам. Между тем существенно возрос поток посетителей, для которых музей был открыт шесть дней в неделю. Не выдержав нервного перенапряжения, голода и лишений, 12 мая 1918 г. на 82 году жизни скончался директор МАЭ академик В.В. Радлов. Вероятно, по этим же

причинам 30 мая в возрасте 54 лет скончался заведующий отделом Центральной и Южной Америки К.К. Гильзен.

После кончины В.В. Радлова Л.Я. Штернберг фактически возглавил музей. В 1918 г. он принял на постоянную работу В.И. Иохельсона на должность заведующего отделом народов Африки и В.Г. Богораза на должность заведующего отделом народов Центральной и Южной Америки. В 1918 г. благодаря деятельности Л.Я. Штернберга создали Географический институт с двумя факультетами: географическим и этнографическим. Позднее, в 1925 г., он вошел в состав ЛГУ. На географическом факультете ЛГУ осталось два отделения: географическое и этнографическое.

В отчете за 1919 г. Л.Я. Штернберг писал: «С горечью приходится констатировать, что текущая работа в отчетном году велась очень нерегулярно и была малопродуктивна. Нетопленное помещение, бедность и заботы о пропитании, дурное питание — все это тормозило работу; но по мере возможности работа продолжалась. Персонал бывает в Музее при температуре ниже нуля; регистрируются новые коллекции и книги, просматриваются списки, составляются карточки, пишутся новые путеводители и обсуждаются проекты улучшений и новых предприятий; некоторыми лицами готовятся к печати работы по музейным материалам» [Отчет 1920: 148].

В конце февраля 1921 г. В.И. Иохельсона и Л.Я. Штернберга арестовали по подозрению в контрреволюционной деятельности, освобождены они были только по поручительству Максима Горького. В.И. Иохельсон, сравнив годы, проведенные в царской ссылке, когда он участвовал в научных экспедициях, получал за это жалование и публиковался, и неделю в советской тюрьме, решил эмигрировать из страны и в августе 1922 г. уехал в США.

В 1924 г. Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз приняли участие в работе XXI Международного конгресса американистов, который проходил в Швеции и Голландии. За три с половиной месяца пребывания в Европе (с августа по ноябрь) они посетили Голландию, Швецию, Данию, Англию, Францию и Германию.

Во время работы конгресса Л.Я. Штернберг восстановил деловые связи с сотрудниками МААЭ и установил новые контакты с исследователями из США. В качестве дара от американского лингвиста Л. Блумфильда в 1925 г. МАЭ получил ожерелье индейцев кри

(№ 3266) и из МААЭ археологическую коллекцию образцов керамики и каменных орудий (№ 3123). Еще три археологические коллекции (№ 3834, 3913, 3938) от директора МААЭ (С.С. Willoughby) были получены в 1928–1929 гг., уже после кончины Л.Я. Штернберга.

«Более конкретные результаты этой поездки для Музея выразились в том, что Л.Я. добился в Стокгольме компенсации за финансовое участие в довоенной (в 1914 г.) совместной экспедиции в Мексику, лично отобрав в запасных кладовых Стокгольмского Музея (где, несмотря на сильное обострение своего недуга, он проводил целые дни) ряд коллекций по разным народностям Америки, Африки и Австралии в составе более 500 предметов. Кроме того, в Копенгагене он получил и переправил в Музей хранившуюся при Датском Колониальном Управлении большую (230 номеров) коллекцию из быта гренландских эскимосов, собранную незадолго до войны по поручению Музея и по инструкции Л.Я. через посредство супругов Хатт, работавших в нашем Музее целый год по изучению типов одежды» [Ратнер-Штернберг 1928: 48].

В последние годы жизни у Л.Я. Штернберга обострились хронические заболевания. «В 1926 г., уже совершенно больной, он совершил трудную поездку в Токио через всю ширину континента Евразии для того, чтобы участвовать в Тихоокеанском конгрессе. <...> Тридцать дней железнодорожного странствия, бурное море, конгресс и поездка к айнам — все это давало одновременно духовное удовлетворение и физическую муку» [Богораз 1927: 282].

14 августа 1927 г. Л.Я. Штернберга не стало. На его смерть пришло множество писем и телеграмм с соболезнованиями. «Характерно <...> письмо проф. Тальбицера из Копенгагена от 10 октября 1927 г., в котором он, узнав о смерти Л.Я., своего “дорогого друга”, между прочим, пишет: “Ваша страна потеряла в нем человека блестящего ума, искреннейшей и благороднейшей души, искателя идеальнейших и гуманистических истин, выдающегося человека науки”. Точно так же всемирно известный **Smithsonian Institution** в Вашингтоне в письме от 17 октября 1927 г. пишет, что в лице Штернберга “этнография всего мира” понесла “большую потерю”. В том же духе письмо проф. Прейса и мн. др., Франц Боас пишет, что он “гордится, что мог считать его в числе своих друзей”» [Ратнер-Штернберг 1928: 49–50].

Подводя итог собирательской деятельности МАЭ в первой четверти XX в., В.Г. Богораз отметил: «Радлов и Штернберг в полтора десятилетия собрали для музея большую половину наличных коллекций и сборов. Особенно в последние годы, перед самой войной, их работа по организации научных экспедиций, можно сказать, во все области и материка земного шара, развернулась с большой широтой. Мировая война застала экспедиции Музея в таких удаленных друг от друга местах, как Южная Америка, Индия и восточная Азия. <...>

Штернберг, потерявший в разгар разрухи <...> Радлова, был все же счастливее своего старшего друга и учителя. Ему выпало на долю завидное счастье видеть возрождение этого главного дела его жизни и самому участвовать и руководить грандиозной работой перестройки и расширения Музея, связанной с двухсотлетним юбилеем Академии наук в 1925 г.» [Богораз 1927: 278]. Международные связи сыграли существенную роль в дальнейшем пополнении фондов музея коллекциями по народам зарубежных стран.

Библиография

- Богданов В.В. Музейная этнография. М., 1993.
- Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг, как человек и ученый // Этнография. 1927. № 2. С. 269–282.
- Бородатова А.А. Альберто Фрич и его американские коллекции // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1996. С. 284–303.
- Гильзен К.К. Человеческая голова как трофей у индейцев племени мундуруку // Сборник МАЭ. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 351–358.
- Ершова Е.А., Корсун С.А. Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // Аборигены Америки: предметы и представления (Сборник МАЭ. Т. 50). 2005. С. 4–58.
- Зиберт Э.В. Коллекции чешского исследователя А.В. Фрича в собраниях МАЭ // Сборник МАЭ. 1961. Т. 20. С. 125–143.
- Лукин Б.В. Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (К столетию со дня рождения) // СЭ. 1965. № 4. С. 129–137.
- Купина Ю.А. Утраты или приобретения? (История коллекционных образцов МАЭ РАН с американскими музеями) // КПК. 2004. Вып. 10–11. С. 52–85.
- Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1908 год. СПб., 1909.

Отчет о деятельности Российской Академии Наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 г. Пг., 1920.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. 7. С. 31–67.

Станюкович Т.В. Л.Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии (К 125-летию со дня рождения ученого) // СЭ. 1986. № 5. С. 81–91.

Шафрановская Т.К., Азаров А.И. Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ // Культура народов Индонезии и Океании (Сборник МАЭ. Т. 39). 1984. С. 5–25.

Штернберг Л.Я. Отчет по командировке на XVI Международный конгресс американистов в Вене // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. 2. С. 1249–1266.

[*Штернберг Л.Я. и др.*] Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Материалы для истории Академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Т. 2. Ч. 1. С. 241–308.

[*Штернберг Л.Я., Ольденбург С.Ф. и др.*] Музей антропологии и этнографии за 12-летие управления В.В. Радлова // Ко дню семидесятилетия В.В. Радлова. СПб., 1907. С. 29–107.

Список сокращений

АМЕИ — Американский музей естественной истории (Нью-Йорк)

ГЕИМ — Государственный естественноисторический музей (Стокгольм)

ИАН — Императорская Академия наук

ИРГО — Императорское Русское географическое общество

МАО — Музей американской археологии и этнологии им. Дж. Пибоди (Кембридж)

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург)

СЭ — Советская этнография

В.Н. Кисляков

Японские коллекции Л.Я. Штернберга, хранящиеся в МАЭ РАН

Жизнь, научное творчество и общественная деятельность Льва Яковлевича Штернберга изучены уже достаточно полно [Богораз 1928; Памяти 1930; Окладников 1963; Гаген-Торн 1975; Сирина, Роон 2004; Кап 2009]. Необходимо подчеркнуть, что Л.Я. Штернберг стоял у истоков отечественной этнографической школы. Многие крупные ученые середины и второй половины XX в. являлись учениками Л.Я. Штернберга (см. подробнее [Ратнер-Штернберг 1935; Гаген-Торн 1971; Станюкович 1971]).

Последние четверть века его жизни были теснейшим образом связаны с МАЭ, где он прошел путь от внештатного сотрудника до старшего этнографа и заведующего несколькими отделами. В течение ряда лет Л.Я. Штернберг был помощником директора, академика В.В. Радлова. После кончины В.В. Радлова (май 1918 г.) Л.Я. Штернберг всячески способствовал сохранению памяти о нем, активно участвовал в работе Радловского кружка при МАЭ [Штернберг 1928; Станюкович 1986]. На протяжении ряда лет Л.Я. Штернберг передавал в Музей собранные им коллекции, преимущественно по народам Дальнего Востока¹, участвовал в организации новых постоянных экспозиций в Музее.

Ряд сибирских коллекций Л.Я. Штернберга получили освещение в научной литературе [Айнские коллекции 1998; Хасанова 2000; Хасанова 2003]. Однако в Музее антропологии и этнографии хранятся также и коллекции и из других регионов.

В 1926 г. в Токио проходил Третий международный Тихоокеанский конгресс, в котором впервые участвовали и советские исследователи², в том числе и Л.Я. Штернберг. На этом конгрессе он высту-

¹ По данным Книги поступлений Музея, от Л.Я. Штернберга поступило более двадцати вещевых и иллюстративных коллекций.

² В советскую делегацию входили ботаник Владимир Леонтьевич Комаров (руководитель делегации), зоолог Лев Семенович Берг, ихтиолог Петр Юльевич Шмидт, физик и сейсмолог Павел Михайлович Никифоров, геолог Петр Игнатьевич Полевой. Советскую этнографию представлял именно Лев Яковлевич Штернберг.

Об участии Л.Я. Штернберга в работе этого конгресса см., например: [Гаген-Торн 1975: 212–217].

пил с докладом, посвященном айнской проблеме¹. Среди коллекций Л.Я. Штернберга в МАЭ имеются несколько японских собраний. В отделе Восточной и Юго-Восточной Азии хранятся две японские коллекции (№ 3448, 3457).

Первая из них поступила в дар в 1927 г. Она состоит из 86 номеров / 122 предметов (см. табл. 1).

В составе этой коллекции можно выделить несколько групп предметов:

- предметы, связанные с религиозными воззрениями японцев (глиняные и фарфоровые статуэтки божеств и священных животных, храмовые приношения и пр.)²;
- традиционная одежда и обувь;
- образцы материи;
- модели предметов кухонной утвари;
- игры и игрушки;
- детская постель;
- разные предметы.

Таблица 1

Систематический перечень предметов японской коллекции № 3448 (1927 г.)

Предметы, связанные с религиозными воззрениями японцев

№ предмета	Описание предмета
3448-1 /3	Три священных обезьяны. Гипс
3448-2 /2	Лисица (покровитель земледелия) на пьедестале. Фарфор
3448-3 /2	Две лисицы на пьедестале, в футляре. Золотое изображение
3448-4 /4abcd	Священные лисицы в шелковом футляре. Золотые амулеты

О докладах по этнографической тематике, представленных на этом конгрессе, подробно см. [Штернберг 1927].

¹ Доклад уже после кончины Л.Я. Штернберга был опубликован на русском языке [Штернберг 1929]. См. также [Штернберг 1929 а; Sternberg 1929].

² Эта коллекция была частично описана [Ксенофонтова 1981].

3448-5 /2	Священные зайцы в наряде синтоистских жрецов. Один из них держит веер, а другой — барабан. Гипс
3448-6 /2	Священные лисицы, сидящие на пьедестале. Гипс
3448-7	Священный дракон среди морских волн. Фарфор
3448-8	Два бога счастья Daikoku и Ebisu, сидящие на мешках с рисом. Металл
3448-9 /3abc	Три искусственных цветка хризантемы в горшочках
3448-10	Священный барсук. Глина
3448-11	Священный барсук. Глина
3448-12 /2	Священные барсуки
3448-13	Две цветные маски (старик и старуха). Фарфор
3448-14	Бог счастья и долголетия Fukurokuju и Фаянс
3448-15 /2	Две таблицы для имен умерших. Лак с позолотой
3448-16 /2	Связка священной соломы
3448-17	Священный барсук в лодке. Глина
3448-18	Священный барсук. Глина
3448-19	Эма — votivное приношение: священные ворота и лисица (Inari lama)
3448-20	Эма — votivное приношение: картина в черной рамке (две лисицы рядом с воротами)
3448-21	Барсук. Глина
3448-22	Три священные обезьяны
3448-23	Парчовый мешочек для хранения амулетов
3448-24 /2ab	Две куклы для праздника кукол
3448-25	Зонтик бамбуковый
3448-26	Палочка синтоистского жреца
3448-27	Храмовое приношение — пучок соломы. Бумага
3448-28	Храмовое приношение — пучок соломы. Бумага
3448-29 /2	Храмовое приношение — цветки лотоса. Бумага
3448-30 /3	Храмовое приношение — листья клена. Бумага
3448-31	Храмовое приношение — цветок хризантемы. Бумага
3448-32 /2	Храмовое приношение — две ветки с распустившимися цветами. Бумага
3448-33 /3	Храмовое приношение — цветы полевой хризантемы. Бумага
3448-34	Футляр для священного зеркала
3448-35	Храмовое приношение — два круглых печенья в коробке
3448-36abc	Прибор для добывания огня в храме

3448-37	Священный сверток для написания имен умерших
3448-38	Икона синтоистского храма. Божество войны Хатиман
3448-39	O-manugi. Амулет с иероглифической надписью
3448-40	Ложка деревянная, употребляемая во время праздника жатвы
3448-41	Ложка деревянная, употребляемая во время праздника жатвы
3448-84	Ebisu — покровитель моряков и рыбаков, один из семи богов счастья. Глина

Традиционная одежда и обувь

№ предмета	Описание предмета
3448-42ab	Гэта (обувь) деревянные
3448-43ab	Гэта (обувь) лакированные, детские
3448-44ab	Гэта (обувь) деревянные, детские
3448-45ab	Таби (чулки) бархатные, красного цвета, детские
3448-46ab	Таби (чулки) бархатные, черного цвета, детские
3448-47ab	Таби (чулки) белого цвета
3448-50abc	Кимоно для девочки 2–3 лет
3448-51abc	Кимоно для мальчика 2–3 лет
3448-57	Хаори — женская верхняя накидка. Шелк
3448-58	Платок четырехугольный муслиновый
3448-59	Повязка набедренная женская
3448-60	Кимоно нижнее женское
3448-61ab	Оби — пояс поверх женских кимоно
3448-62	Кимоно верхнее женское
3448-78	Рубашка нижняя типа кимоно, мужская
3448-79	Мужской пояс стыдливости
3448-80	Мужской пояс стыдливости
3448-81	Мужской пояс стыдливости
3448-87	Платице детское

Образцы материи для одежды

№ предмета	Описание предмета
3448-52	Отрезок материи для одежды мальчиков 7–8 лет
3448-53	Отрезок материи для одежды девочек 2–3 лет

3448-54	Отрезок материи для одежды девочек 2–3 лет
3448-55	Отрезок материи для платья девочек 10 лет
3448-56	Отрезок материи для платья женщин 20–30 лет

Модели

№ предмета	Описание предмета
3448-48abcd	Сладости (леденцы, лимон). Модель
3448-49	Японская закуска (рыба) на фарфоровом блюде. Модель
3448-63ab	Ступка и пестик. Бамбук. Модель
3448-64	Стол кухонный. Дерево. Модель
3448-65	Ковш. Дерево. Модель
3448-66	Ложка кухонная. Металл. Модель
3448-67	Мельница ручная кухонная. Дерево. Модель
3448-68	Нож кухонный металлический с деревянной рукояткой. Модель
3448-69	Латка кухонная. Дерево. Модель
3448-70	Латка кухонная. Дерево. Модель
3448-72	Горшок кухонный. Дерево. Модель
3448-73ab	Кадка для риса. Дерево. Модель
3448-74abc	Жаровня с крышкой. Дерево. Модель
3448-75	Ведерко с проволочной ручкой. Дерево. Модель
3448-76	Котел плоский с двумя ручками и крышкой. Жесть. Модель
3448-77	Паланкин на четырех ножках. Дерево. Модель

Игры и игрушки

№ предмета	Описание предмета
3448-71ab	Игра вроде волана (лопатка деревянная, пучок из перьев)
3448-83	Голова чудовища с рогами. Детская игрушка

Разные предметы

№ предмета	Описание предмета
3448-25	Зонтик бамбуковый
3448-82 /2	Печенье плоское четырехугольное

3448-85ab	Постель детская, стоящая из двух ватных одеял
3448-86	Кауа — сеть от москитов
3448-88	Зонтик бумажный
3448-89	Палка

Вторая коллекция была также передана от Л.Я. Штернберга в 1927 г. и зарегистрирована в 1940 г. А.А. Савиничем. Она состоит из двух предметов и дополняет предыдущую. Это прибор для добывания огня, употребляющийся в синтоистских храмах (кресало и кремь).

В отделе археологии хранится еще одна японская коллекция (№ 4083, 109 номеров, 151 предмет), поступившая от Л.Я. Штернберга. Она была зарегистрирована В.В. Федоровым в 1930 г.

В описи указано, что предметы были собраны в нескольких районах Японии:

- Shibahara;
- Синсю, в центральной части главного острова Хонсю;
- Мутсу в Аомори, север главного острова Хонсю.

В этой коллекции, как и в предыдущих, можно выделить несколько групп предметов:

- каменные орудия (топоры, наконечники стрел и дротиков и пр.);
- керамика (черепки и фрагменты сосудов, часто с орнаментом);
- кости, зубы, челюсти животных, раковины.

Л.Я. Штернберг внес значительный личный вклад в формирование фондов Музея антропологии и этнографии. Коллекции, переданные им в Музей, отражают особенности традиционной культуры народов не только российского Дальнего Востока (изучению которых он посвятил всю жизнь), но и народов других регионов (см. табл. 2).

Таблица 2

Перечень коллекций Л.Я. Штернберга в МАЭ РАН

Собиратель	Номер коллекции	Год	Место
Штернберг Л.Я.	656	1902	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Разные народы
Штернберг Л.Я.	854	1904	Европа. Франция. Открытки

Штернберг Л.Я.	1020	1904	Европа. Франция. Открытки
Штернберг Л.Я.	1754	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Археология
Штернберг Л.Я.	1761	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Сахалин. Фото
Штернберг Л.Я.	1782	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Фото
Штернберг Л.Я.	1763	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Разные народы
Штернберг Л.Я.	1764	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Разные народы
Штернберг Л.Я.	1765	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Разные народы
Штернберг Л.Я.	1766	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Разные народы
Штернберг Л.Я.	1768	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Археология
Штернберг Л.Я.	1777	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Археология
Штернберг Л.Я.	1884	1892	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Археология
Штернберг Л.Я.	1949	1912	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Разные народы
Штернберг Л.Я.	2801	1921	Россия. Сибирь. Минусинский округ. Археология
Штернберг Л.Я.	2022	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Амур. Фото
Штернберг Л.Я.	2446	1914	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Сахалин. Фото
Штернберг Л.Я.	2601	1910	Россия. Сибирь. Дальний Восток. Разные народы
Штернберг Л.Я.	3045	1924	Азия. Индия. Открытки
Штернберг Л.Я.	3448	1927	Азия. Япония
Штернберг Л.Я.	3453	1927	Северная Америка. Гренландия. Эскимосы
Штернберг Л.Я.	3457	1927	Азия. Япония
Штернберг Л.Я.	4083	1927	Азия. Япония. Археология

Библиография

Айнские коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук / Отв. ред., предисловие, автор текста Ч.М. Таксами; Каталог. Токио, 1998.

Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы // СЭ. 1971. № 2. С. 134–145.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

Ксенофонтова Р.А. Фольклорно-культовые образцы японской гончарной продукции начала XX в. // Материальная культура и мифология. Л., 1981. (Сборник МАЭ. Т. XXXVII). С. 67–80.

Окладников А.П. Значение работ Л.Я. Штернберга для археологии Дальнего Востока // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. II / Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 85. М., 1963. С. 259–267.

Памяти Л.Я. Штернберга. 1861–1927. Л., 1930.

Ратнер-Штернберг С.А. Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904–1927 гг. (по личным воспоминаниям и архивным данным) // СЭ. 1935. № 2. С. 134–154.

Сирина А.А., Роон Т.П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 49–94.

Станюкович Т.В. Из истории этнографического образования (Ленинградский Географический институт и географический факультет ЛГУ) // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. (ТИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XCV). М., 1971. С. 121–139.

Станюкович Т.В. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии (К 125-летию со дня рождения ученого) // СЭ. 1986. № 5. С. 81–91.

Хасанова М.М. Негидальская коллекция Л.Я. Штернберга в собраниях МАЭ // 285 лет Петербургской Кунсткамере. Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры / СПб., 2000. (Сборник МАЭ. Т. XLVIII). С. 85–97.

Хасанова М.М. Коллекции Л.Я. Штернберга в собраниях МАЭ // Народы и культуры Дальнего Востока: Взгляд из XXI века: Доклады международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Л.Я. Штернберга. Южно-Сахалинск, 2003. С. 47–54.

Штернберг Л.Я. Этнография на III-м Всетихоокеанском конгрессе в Токио // Этнография. 1927. № 2. С. 327–336.

Штернберг Л.Я. Айнская проблема // Сборник МАЭ. Т. VIII. Л., 1929. С. 334–376 + 6 табл.

Штернберг Л.Я. Задачи изучения айнской проблемы // Доклады АН СССР. Серия В. 1929 а. С. 27–28.

Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным) // Сборник МАЭ. Т. VII. Л., 1928. С. 31–70.

Kan S. Lev Shternberg. Anthropologist. Russian Socialist. Jewish Activist. University of Nebraska Press, 2009.

Sternberg L. The Ainuproblem // Anthropos. B. XXIV. 1929. S. 755–799.

В.Н. Семенова

Л.Я. Штернберг и его роль в пополнении африканского фонда МАЭ РАН

Шведскому этнографу Герхарду Линдблomu (Gerhard Lindblom, 1887–1969 гг.) принадлежат две коллекции из фонда отдела этнографии Африки № 2130 (216 номеров) и № 3137 (один предмет — щит). Герхард Карл Линдблом работал в Восточной Африке в 1910–1912 гг. Результатом помимо собранной коллекции стала научная диссертация. Коллекция Г. Линдблома появилась благодаря усилиям В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга, которые организовали в начале XX в. активную деятельность по пополнению фондов Кунсткамеры, превращению ее в этнографический музей международного класса, что стало возможным через контакты с зарубежными музеями. Работа руководителей привела к активизации контактов и, как результат, к обмену.

Последнее обстоятельство сыграло решающую роль в пополнении африканских фондов. Российская империя не имела колониальных территорий в Африке, поэтому Л.Я. Штернберг был вынужден прибегнуть к обмену и покупке коллекций. Исключением являлись эфиопские вещи, которые были получены благодаря работе отряда российского общества Красного Креста, направленного в Эфиопию императором для оказания медицинской помощи «темнокожим братьям» по ортодоксальной вере в войне с итальянцами (1895–1896 гг.).

Помимо этого на тот период времени из африканских вещей можно упомянуть коллекцию бенинской бронзы Ганса Мейера¹ и коллекцию африканской скульптуры, приобретенную по рекомендации В.И. Маркова в 1912 г. в Париже [Арсеньев 2009: 12].

¹ Согласно коллекционной описи № 595 дата поступления — 1910 г., время сбора — 1897 г.

Волдемар Матвей (1877–1914 гг.) — художник и теоретик русско-го авангарда начала XX в., один из организаторов художественного объединения «Союз молодежи», представлявшего разные художественные направления (символизм, кубизм, футуризм), своей книгой «Искусство негров» открыл художественную традицию африканских народов для европейского и российского музееведения. В России, однако, он опередил свое время. Свидетельством тому служит судьба скульптур, которые служили лишь дополнением к собранию работ французских кубистов И.С. Щукина. При разделе коллекции африканские вещи попали в ГМИИ им. Пушкина, а живописные работы — в Эрмитаж [Арсеньев 2009: 12].

Все эти факты носили скорее случайный характер. Не так обстояло дело в Европе и США, где коллекционирование и выставочная деятельность предметов материальной культуры народов Африки как предметов искусства и как предметов этнографии уже набрали силу. В качестве примера можно назвать музей, специально построенный Оксфордским университетом для коллекций О.Г. Питт-Риверса (1827–1900 гг.), известного английского археолога и военного деятеля, собравшего замечательную коллекцию оружия и вещей всех времен и народов и подарившего ее в 1883 г. университету.

В основу экспонирования была положена теория эволюционного развития человечества, которая на тот момент благодаря Ч. Дарвину заполнила умы исследователей разного профиля, в том числе и антропологов [Willett 2003: 30]. Этими же принципами при разработке концепции этнографических экспозиций руководствовался Л.Я. Штернберг и отечественные ученые начала XX в. [Кунсткамера 295 лет 2009: 178].

Коллекции, пополнившие фонды Африки, стали частью процесса, запущенного администрацией Музея в начале XX в., в рамках которого произошло увеличение коллекционного фонда по основным регионам и культурам. В отношении африканских обменных коллекций следует отметить, что они обладают архивом. Обменные списки учета и описания вещей были составлены музеями весьма тщательно. Затем по списку проводилась регистрация коллекции¹. 176 номе-

¹ Согласно списку предметов, хранящемуся в архиве отдела, коллекция Г. Линдблома была зарегистрирована в июне 1913 г.

ров из коллекции Г. Линдблома описаны в 1930–1931 гг. Н. Котляровой, № 171–216 (стрелы и медные кольца) внесены в опись позднее в результате перерегистрации от 5 февраля 1941 г. Новая опись с подробным описанием предмета¹ была составлена в 1966 г. сотрудником сектора Африки З.Л. Пугач. На титульном листе указано, что архив содержит опись на 17 листах на английском языке.

Таким образом, основным источником для изучения коллекции послужили два названных документа. Был проведен сравнительный анализ, целью которого стало восстановление принципов отбора предметов, выяснение оправданности той или иной покупки² посредством гипотетической реконструкции выставочного комплексашкафа по данному региону. Последний, к слову сказать, отсутствует на постоянной экспозиции «Африка южнее Сахары», открытой 15 января 2007 г, что отмечают посетители и особенно студенты Восточного факультета СПбГУ, проходящие практику на базе отдела этнографии Африки.

Действительно, в число четырех региональных шкафов³, которые служат опорными пунктами для большинства лекционных и учебных занятий, Восточная Африка не входит. Можно объяснить это недостаточной укомплектованностью фондов по названному региону. Однако коллекция № 2130, приобретенная в 1913 г. при содействии и непосредственном участии Л.Я. Штернберга, наводит на мысль, что не все потеряно. Более того, это отличный стартовый материал для штудирования и выявления принципов этнографического музееведения, т.е. дальнейшего планомерного комплектования фондов, которое позволит в будущем показать культуру Восточной Африки как цельный образ.

Коллекция № 2130 представляет культуру народов камба и паре (устаревшее написание: акамба и вапаре). «Камба населяют восточноафриканские нагорья между рекой Тана и железной дорогой Уганды. Это племя является одним из крупнейших племен британской Восточной Африки. Для беглого знакомства с их обычаями можно

¹ Морфология предмета, размеры, сохранность, этническая принадлежность, географическая локализация.

² В графе «способ поступления» описи 1966 г. написано, что это была покупка.

³ № 39 «Западный Судан» (Мали), № 45 «Верхняя Гвинея» (Бенин), № 46 «Эфиопия (Абиссиния)», № 52 «Центральная Африка» (Конго, Камерун, Габон).

посмотреть книгу С.W. Hobley “Ethnology of Akamba and other East African tribes” (Cambridge, 1910). Страна Паре расположена к югу от Килиманджаро (германская восточная Африка, см. Dr. O. Baumann, “Usambara und seine Nachbarn”, Berlin D. Reimer, 1891, p. 198)» — это запись на втором листе архива. На первом надписано, что предметы являются дублетами.

Согласно переписи 1989 г. численность камба составляла 2 448 302 чел., т.е. 11 % от общего населения Кении. Регион проживания — юго-центральный, округа Мачакос и Китуи, Восточная провинция. В настоящий момент часть проживает уже в районе Квале, Прибрежная провинция. Сельское хозяйство: сорго, кукуруза, просо, бобовые, сладкий картофель, ямс, маниока, сахарный тростник, бананы, табак. Скотоводство: крупный рогатый скот, овцы, козы. Основные занятия: торговля, резьба по дереву. Христиане, традиционные верования, мусульмане. Эта та основная информация об этносе, которую можно найти в любом энциклопедическом словаре [Ethnolog 2005: 235].

У камба из ремесел развито кузнечное (№ 2130-13–17 цепочки, № 18 щипцы, № 19 футляр, № 20, 21 инструменты для изготовления железных цепочек) и резьба по дереву (№ 35 фигурка из красного дерева вырезана маленьким мальчиком, № 36 фигурка из светлого дерева). Характерен зооморфный орнамент на керамике и калебасах (№ 2130-32–34 калебасы, животный орнамент: слон, носорог, хамелеон). Камба — искусные охотники и стрелки из лука (№ 2130-2 лук, № 3 колчан, № 4, 5 древко стрелы, № 6, 8 стрела, № 7 лопаточка для намазывания яда на стрелы). В английской описи сбоку слева помечено «Меч и лук их оружие, они не используют щит и копье». Опись на английском языке построена по блокам, по принципу класса предмета, когда последний выступает как документальное свидетельство иноземных культурных феноменов. Он, конечно, изъят из контекста бытования, но это «кусочек реальности» [Арсеньев 2009: 11].

Данная коллекция состоит как раз из подобных «осколков», которые, взятые вместе, дают некоторое представление о материальной культуре народов камба и паре¹. Современные камба известны на туристическом рынке услуг своим танцевальным и музыкальным

¹ Паре по материальной культуре близки камба и суахили.

фольклором. В коллекции представлена широкая гамма различных музыкальных инструментов (№ 2130-43–46, 48–50, 53). В класс «одежда» входят кожаные покрывала или передники, окрашенные охрой, украшения из металла и бисера (№ 2130-54–88).

О предмете № 2130-55 в описи сказано: полоски кожи обезьяны Колобус, которые служат украшением воина и носятся на лодыжках, используются масаи, гикуйу и многими другими народами. Этнос указывается здесь как конкретная система культуры создания и бытования предмета. В данном случае это акамба, которым Г. Линдлом посвятил диссертацию [Резван 2010: 9].

Помимо этого были отобраны предметы, типологически и функционально близкие в культурных системах соседних этносов. Определен и освещен контекст включенности предмета в обряды, трудовые и прочие процессы. Такая «матрица» научного описания [Арсеньев 2009: 11] и опознания была заложена в начале XX в. теми антропологами и этнологами, которые посвятили свою жизнь науке о народах и, в частности, работе в поле. Эта система — результат осмысления трудов Г. Линдблома, В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга — сложилась в нашем Музее благодаря их усилиям.

Сам Л.Я. Штернберг исследовал традиционную культуру и фольклор народов Амура и Сахалина. Однако, формируя количественный и качественный состав фондов Музея, он деятельно способствовал формированию принципов построения экспозиции, принимал участие в разработке методики собирания и фиксирования этнографических памятников. Собственный опыт, анализ материалов полевой работы, осмысление понятий и явлений других культур сделали Л.Я. Штернберга одним из основателей этнографического музееведения в России. Фотоматериалы, собранные в начале XX в. Л.Я. Штернбергом в Бретани, Галиции и Германии [Кунсткамера 295 лет 2009: 162], свидетельствуют об интересе, проявленном ученым в области этнографической фотографии, которая относительно недавно заняла подобающее ей место в научной системе учета и атрибуции предмета¹

¹ Вместе с коллекцией № 2130 была приобретена фотоколлекция Г. Линдблома (№ 2151), дающая визуальное представление о культуре и быте народа камба в начале XX в.

Методологический и феноменологический уровень Л.Я. Штернберга позволил ему формировать фонды и сделать наш Музей таким, какой он есть сейчас.

Библиография

Арсеньев В.Р. Вместо предисловия // Африканское искусство / Ред. М. и Л. Звягиных. СПб., 2009. С. 10–18.

Архив коллекционной описи № 2130 (старая опись 1930 г. и обменный список).

Коллекционная опись № 595, № 2130, № 3137.

Кунсткамера 295 лет. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого: история, исследования, коллекции. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

Резван Е.В. В зеркале времени. Кенийская фотоколлекция Герхарда Линдблома. Каталог фотовыставки. СПб.; Найроби, 2010.

Ethnolog. Languages of the world. 15th ed. / Ed. by R. Gordon. USA, 2005.

Willet F. African art. N.Y.: Thames&Hudson world of art, 2003.

Е.С. Соболева

Переписка Л.Я. Штернберга и К.В. Хартманна как источник по истории коллекций Петербургского и Стокгольмского этнографических музеев

В первые десятилетия XX в. между ведущими этнографическими музеями Санкт-Петербурга и Стокгольма установились прочные взаимоотношения. Оба музея имеют сложную историю, восходящую к началу XVIII в., но самостоятельное их развитие происходит в новое время. Энергия директоров, общность представлений о назначении и актуальных направлениях деятельности, высококвалифицированный мотивированный персонал способствовали быстрому росту популярности обоих музеев, обогащению их новыми коллекциями.

Стокгольмский Музей этнографии (ныне — Etnografiska Museet) возник как часть Шведской Королевской Академии наук (создана в 1739 г.). В 1831 г. этнографические коллекции были выделены в составе Шведского Музея естественной истории, где с 1841 г. демонстрировались в отдельном зале, с 1875 г. — в шести залах. Яльмар Стоппе (Hjalmar Stolpe, 1841–1905), консерватор Королевско-

го музея археологии Музея естественной истории (Naturhistoriska Riksmuseet), в 1900 г. добился создания этнографического отдела (Etnografiska Afdelning) (фактически выделения этнографического музея) и оставался его директором вплоть до смерти [Med världen 2002]. В 1908 г. эту должность занял его помощник Карл Вильгельм Хартман (Carl Vilhelm Hartmann).

Я. Стоппе в 1880-е годы установил серию контактов с другими музеями, многие посетил лично. Он неоднократно обращался к директору Санкт-Петербургского Музея антропологии и этнографии (далее — МАЭ) В.В. Радлову с научными запросами, просьбами о содействии шведским этнографическим экспедициям в России и пр., которые, как правило, получали поддержку.

Академик В.В. Радлов, возглавивший МАЭ в 1894 г., принимал все возможные меры для упорядочения его работы, расширения площадей, фондовых коллекций, штатов, финансов. Он совершил несколько ознакомительных поездок в европейские музеи и внедрил в МАЭ многие современные методы музейной работы. Документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее — СПФ АРАН), свидетельствуют о том, как этнографические музеи вырабатывали разные способы сотрудничества, многие из которых, достаточно сложные и не всегда очевидные, остались вне поля внимания исследователей. В частности, взаимодействие российских и шведских ученых как части музейной сферы изучено недостаточно.

Так, в МАЭ началась в 1900 г. переписка с профессором Гансом Мейером (Hans Heinrich Josef Meyer, 1858–1929) из Лейпцига, в 1903 г. — с его младшим братом Германом Мейером (Hermann August Heinrich Meyer, 1869–1932). Они владели Библиографическим институтом, выпускавшим энциклопедические и справочные издания, много путешествовали. Братья Мейеры активно собирали и приобретали коллекции. В 1900 г. Ганс Мейер подарил МАЭ первое собрание из 403 предметов (бенинские бронзовые изделия, африканские и меланезийские предметы), его брат Герман вступил в переговоры с музеем в 1903 г., и отношения продолжались вплоть до 1911 г. В 1914 г. Герман Мейер был избран почетным членом Попечительского Совета МАЭ. За значительное содействие МАЭ Президент Императорской Академии наук (далее — ИАН) ходатайствовал

о награждении Ганса Мейера орденами св. Станислава 2-й степени со звездой и св. Анны 2-й степени с бриллиантовыми украшениями, Германа Мейера — орденом св. Станислава 2-й степени со звездой [Соболева 2011].

В 1907 г. Ганс Мейер уже имел португальские, румынские, русские и немецкие награды. В 1907 г. он передал в дар Стокгольмскому этнографическому музею коллекцию предметов из Африки, Новой Зеландии и Меланезии — 613 предметов, в том числе бенинские бронзовые изделия. Но, к своему разочарованию, был удостоен наградой недостаточно высокого ранга: получил только орденский крест командора ордена Полярной Звезды, но без звезды. Споры по этому поводу безуспешно велись пять лет [Whose 2010: 32].

Детали контактов этнографических музеев Стокгольма и Санкт-Петербурга в начале XX в. мало известны. Как выясняется, сотрудники МАЭ неоднократно посещали Стокгольм.

Активизация международных связей МАЭ связана с деятельностью Б.Ф. Адлера и Л.Я. Штернберга. Они были назначены служащими МАЭ по вольному найму, а с 1 мая 1902 г. зачислены в штат [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1902. Е.х. 149. Л. 282об.]. В 1903 г. они оба были впервые откомандированы Академией наук за границу: младший этнограф Б.Ф. Адлер с 25 мая по 15 сентября 1903 г. — для обозрения этнографических музеев Берлина и Лондона, младший этнограф Л.Я. Штернберг — с 25 мая по 1 сентября 1903 г. для обозрения этнографических музеев в Берлин, Кёльн, Дрезден, Бремен, Будапешт [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53. Л. 364–365].

Фактически Л.Я. Штернберг, как он впоследствии указывал, был связан с МАЭ с 1900 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 34]. По отношению Департамента Полиции от 9 июня 1900 г. № 5568 ему было разрешено жить в Петербурге с 1 сентября по 1 декабря 1900 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1900. Е.х. 147. Л. 307об.] С 1 января 1904 г. Л.Я. Штернберг был назначен на вакантную должность старшего этнографа [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53. Л. 413].

Затем Б.Ф. Адлер в 1904 г. был командирован музеем в Аахен [Там же. Л. 468], с 1 июня по 15 августа 1905 г. — в Мюнхен и Вену [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1905. Е.х. 152. Л. 383]. По просьбе В.В. Радлова, он был командирован для ознакомления с коллекциями музеев в Париже и Копенгагене с 25 мая по 1 сентября 1907 г. [СПФ АРАН. Ф. 1.

Оп. 1а-1907. Е.х. 154. Л. 339]. Шведские музеи в план командировки не входили, хотя сведения о визите Б.Ф. Адлера в 1907 г. сохранились в архивах музеев Стокгольма.

Немного позже в Стокгольм прибыли академик В.В. Радлов и сотрудники МАЭ Н.И. Воробьев и С.М. Дудин: с 18 сентября по 21 октября 1907 г. они посетили ряд этнографических музеев Европы (Финляндия — Стокгольм — Копенгаген — Гамбург — Бремен — Кёльн — Дармштадт — Нюрнберг — Лейпциг — Берлин) и подробно изучили их деятельность [Радлов 1907].

Особо дружеские контакты установились между Л.Я. Штернбергом и Карлом Хартманом, который в 1908–1923 гг. был директором Этнографического отдела Королевского Музея естественной истории [Alvarsson, Brunius 1994]. Их интенсивная переписка имела место в 1909–1916 гг., и Хартман нередко адресовал свои послания «Л. Штернбергу, директору». Фрагменты писем и телеграмм, приводимые в данной статье, переведены с английского и немецкого языков автором. Л.Я. Штернберг также переписывался со шведскими учеными Й. Стадлингом (Mr. J. Stadling), Г. Гальстрёмом (Dr. G. Hallström), профессором Уппсальского университета К.Б. Викаландом (Prof. Dr. K.B. Wiklund) и др.

Карл Вильгельм Хартман (1862–1941) получил образование как ботаник. Он работал ассистентом археолога Яльмара Стоппе, который инструктировал его относительно методики археологических раскопок. В 1890–1893 гг. К.В. Хартман принял участие в экспедиции норвежского этнографа Карла Софуса Лумхольца (Carl Sofus Lumholz) в горы Сьерра-Мадре в Мексике. Лумхольц работал в этой стране с 1890 по 1910 гг. Хартман изучал, в частности, особенности использования растений коренным населением. Завершив исследование, он в 1893 г. отправился с Лумхольцем на Всемирную выставку в Чикаго и полгода работал с экспонатами в ее Антропологическом отделе, в 1894 г. опубликовал этнографический труд «Индейцы Северо-Западной Мексики».

В 1896–1898 гг. Хартман руководил экспедицией в Центральной Америке (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала), в том числе в 1896–1897 гг. занимался археологическими раскопками в северной Коста-Рике для стокгольмского Королевского Музея естественной истории. Одним из первых он стал документировать свои раскопки с

помощью метода фотографирования. В 1902 г. впервые он участвовал в XIII Конгрессе американистов в Нью-Йорке. В 1903 г. занял должность куратора по этнографии в Музее Карнеги в Питтсбурге (**Carnegie Museum of Natural History, Pittsburgh**), осуществил раскопки у г. Nicoya (Costa Rica) для этого музея. Экспедиция получила археологические, этнологические, антропологические материалы, а также занималась антропометрическими исследованиями.

По возвращении из экспедиции Хартман стал одним из хранителей (кураторов) стокгольмского Королевского Музея естественной истории. В 1901 г. он завершил монографию «Археологические исследования в Коста-Рике». Став директором Этнографического отдела указанного стокгольмского музея, Хартман совершил несколько поездок в Северную и Южную Америку для покупки доколумбовых археологических предметов и этнографических коллекций. Как свидетельствуют его письма к Л.Я. Штернбергу, К.В. Хартман сумел организовать сеть поставщиков такого рода коллекционного материала.

В документах стокгольмского Королевского Музея естественной истории значится, что там принимали российских этнографов д-ра Б. Адлера в 1907 г., в 1910, 1911, 1912, 1913, 1924 гг. — Л. Штернберга, в 1930 г. — д-ра А. Золотарева.

Поворотным пунктом карьеры Л.Я. Штернберга можно считать его участие в Международных Конгрессах американистов — престижных мероприятиях, попасть на которые было непросто. Л.Я. Штернберг как заведующий Американским отделом МАЭ был направлен в Штутгарт от Императорской Академии наук делегатом XIV Конгресса американистов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53. Л. 484]. Эта поездка позволила ему познакомиться с ведущими учеными, установить и закрепить важные международные контакты, включить МАЭ в систему обмена коллекциями и научными публикациями.

С 15 апреля по 30 июня 1905 г. Л.Я. Штернберг был командирован в США на частные средства для обозрения местных музеев с целью определения этнографических экспонатов, хранящихся в МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1905. Е.х. 152. Л. 366], но по просьбе В.В. Радлова ему по возвращении возместили 100 руб. из сумм МАЭ за поездку Нью-Йорк — Чикаго на 14 дней [Там же. Л. 399 об.].

В Нью-Йорке и Чикаго Л.Я. Штернберг, в частности, вступил в переговоры об обмене коллекциями. Кроме того, по его просьбе Франц Боас (Dr. Franz Boas) отобрал ряд дубликатных вещей, которые были отправлены в Петербург. В конце 1905 г. в МАЭ поступили восемь коллекций от нью-йоркского American Museum of Natural History, за что Императорская Академия наук выразила признательность как Ф. Боасу, так и директору музея г-ну М. Джезупу [Там же. Л. 411]. Результаты командировки Л.Я. Штернберга были одобрены Историко-филологическим отделением ИАН [Там же. Л. 395об.].

В последующие годы вновь предпринимались попытки командировать старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберг на Конгрессы американистов. В 1906 г. — в Квебек (Канада), чтобы и там он мог ознакомиться с коллекциями на местах и устроить обмен [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1906. Е.х. 153. Л. 349]. В 1908 г. — в Вену, причем ему был выдан бесплатный заграничный паспорт [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1908. Е.х. 155. Л. 365об.]. Отчет о командировке Л.Я. Штернберга на XVI Международный Конгресс американистов было решено напечатать в «Известиях» Академии [Там же. Л. 401].

С 24 декабря 1908 г. по 24 января 1909 г. Л.Я. Штернберг направился в Прагу для осмотра некоторых этнографических коллекций [Там же. Л. 82об.].

В 1909 г. К.В. Хартман активно занимался подготовкой шведской «Северной энциклопедии» и намеревался включить туда сведения российских этнологов (в частности, о В.И. Йохельсоне). Он считал ошибкой, что такая информация практически отсутствовала в шведской литературе. Л.Я. Штернберг ответил ему 11/24 ноября 1910 г.: «Относительно Вашего вопроса о разрешении опубликовать имена Богораза и Йохельсона, я должен сообщить Вам, что г-н Йохельсон ныне находится очень далеко от Петербурга (Камчатка), а Богораз — в тюрьме, осужден на год за литературное преступление. Но я думаю, что они оба будут очень рады принять участие в Ваших изданиях» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 56. Л. 404об.].

В письме от 28 сентября 1909 г. Хартман приглашал Л.Я. Штернберга с супругой посетить музей, который должен был открыться в Стокгольме после реорганизации в 1910 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 60. Л. 62–62 об.].

По просьбе шведских коллег Л.Я. Штернберг подготовил список книг и статей о шаманизме. Эту тему исследовал шведский ботаник Йонас Стадлинг (Jonas Stadling, 1847–1935), совершивший несколько поездок по Крайнему Северу. Часть указанных изданий была закуплена для библиотеки шведского музея.

Большой интерес представляют предложения К.В. Хартмана о совместной работе в Америке. Он неоднократно уговаривал Л.Я. Штернберга отправиться с ним в Мексику и сопровождать его в путешествиях до и после Конгресса американистов, обещал служить переводчиком с испанского, найти наилучшие возможности для приобретения коллекций в поле у самих индейцев или у посредников — как правило, немцев и шведов. При этом он гарантировал, что коллекции можно будет приобрести на любую сумму. В письмах раскрывалась география собирательских работ и имена собирателей. К сожалению, многие проекты не состоялись. Хартману не удалось получить для Л.Я. Штернберга обещанный бесплатный билет на суда Норвежской линии в Мексику.

30 января 1910 г. он писал ему из Лунда: «Если Вам удастся добыть денег на покупки в Мексике, я мог бы предложить Вам отличные возможности. У меня сейчас есть экспедиция для музея — в Южной Мексике и другая вскоре начнется в Северной Мексике. Это, однако, пока секрет. Я могу охотно поделиться, так как Вы в Петербурге так далеко от Стокгольма, гораздо дальше, чем Нью-Йорк или Чикаго. Похоже, мы, шведы, рассматриваем вопрос. Ни один музей в Европе [не имеет] и лишь два в Штатах имеют какие-либо важные этнологические коллекции из Мексики. У меня есть подготовленные опытные этнологи, работающие на меня, и шведы — жители Мексики оплачивают расходы и будут постоянно мне помогать. Я намеревался провести несколько месяцев в Мексике. Поедете ли Вы со мной? Я покажу вам Мексику от Касас Грандес до Митлы, и мы будем гостями шведско-американской колонии в Теуатепеке» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 61. Л. 45–45об.].

16 марта 1910 г. К.В. Хартман сообщал, что, по его сведениям, единственными европейцами на Конгрессе будут представитель Испании и Эдуард Георг Зелер (Eduard Georg Seler, в то время — директор Отдела американской археологии Берлинского музея народоведения). Сам Хартман намеревался взять отпуск на месяц или

на шесть недель, посетить главные музеи США, затем провести несколько месяцев среди индейцев — «апачей, сери на о-ве Тибурка, яки, майя и, возможно, также некоторых племен Южной Мексики. Туда отправилась экспедиция для моего музея, в начале этого года, собирая коллекции, в основном этнологические. Как Вы знаете, нет мексиканских этнологических коллекций любого значения в европейских музеях. Есть также возможность, что я воспользуюсь новой железной дорогой через Сьерра-Мадре для краткого визита к моим друзьям тараумара, тубаре, тепеуанам, пима и опата. Я хотел бы, чтобы Вам удалось составить мне компанию в этих экспедициях. Затем Вы сможете обеспечить лучшие коллекции, и дешевле, чем иначе было бы возможно, и я там как дома, в этих районах. Помимо сбора коллекций Вы могли бы, конечно, проводить измерения и делать физические наблюдения об индейцах и прочие интересные исследования и сопоставления. Вы выиграете от такого соглашения. Что касается расходов, то они будут зависеть в основном от суммы, которую Вы пожелаете потратить на покупки, но у этих примитивных людей, как Вам известно, сравнительно мало вещей» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 61. Л. 50–51].

Кроме того, К.В. Хартман предлагал в этом плане воспользоваться услугами шведских археологов Густава Гальстрёма, Эрика Бома и других при условии, что МАЭ авансирует им деньги на покупку этнографических коллекций на Севере Европы, а дубликаты затем можно будет обменивать на вещи из шведских собраний. При этом он старался не раскрывать деталей операций. «Если Арне будет спрашивать, просто скажите ему, что мы совершили небольшой обмен. Детали ему знать необязательно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 62. Л. 108–109].

В конце 1909 г. аргентинский поверенный в делах в Санкт-Петербурге прислал программу XVII Международного Конгресса американистов в Буэнос-Айресе, который планировался на 16–21 мая 1910 г. Аргентинское правительство выражало надежду о командировании русских делегатов ввиду особого научного интереса предстоявшего съезда. По ходатайству академика В.В. Радлова было решено командировать Л.Я. Штернберга на три месяца на конгресс как представителя ИАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1910. Е.х. 157. Л. 327].

Оргкомитет Конгресса письмом от 22 марта 1910 г. обещал оказать Л.Я. Штернбергу всяческое содействие [Там же. Л. 364об.].

Хартман не смог собрать нужной суммы на все длительное путешествие, кроме того, неотлагаемые обязательства вели его в Мексику. 15 марта 1910 г. он сообщал Штернбергу: «Мне предлагают уникальную североамериканскую коллекцию, включающую этнологические образцы от самых важных племен равнин и многих из восточных штатов (восемь племен) и некоторых из юго-запада. Такая уникальная возможность никогда больше не представится.

Я желаю разделить с Вами совершенно по-братски плату, которая может быть внесена в рассрочку, надеюсь. Эта коллекция содержит больше, чем все европейские музеи, вместе взятые, имеют из этих регионов. Возможно, какая-нибудь официальная награда для какого-нибудь тщеславного капиталиста могла бы способствовать возможностям для фондов? Вы всегда можете получить дубликаты из других старых коллекций в моем музее в обмен на другие предметы. <...> Я могу отвезти Вас к племенам, которых никогда не посещали этнологи и которые всё ещё обнаруживаются в одном-двух днях пути от железной дороги. Если так, Вы сможете в течение двух месяцев получить возможность узнать внутреннюю жизнь мексиканских индейцев всех уровней культуры — от сеси, которые пока не достигли уровня каменного века — эолита (Мак-Ги), до сапотекос Теуантепека, самой прекрасной расы на американском континенте» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 61. Л. 54–55].

К.В. Хартман был настроен скептически, когда Амброзетти обещал и «бесплатные билеты, и оплатить, кроме того, все расходы в Буэнос-Айресе, и пр. Он это делал в манере всех испано-американцев, когда они говорят вам, что “их дом — ваш дом, а они и их семьи — к вашим услугам”. Это их способ выражать вежливость и добрые чувства, но они были бы шокированы мыслью, что вы воспользуетесь подобным предложением, которое, как замечено, всего лишь изящное выражение. <...>

P.S. Я только дописал это письмо, когда — о, божественная Немезида, звонок министра образования информировал меня, что он получил каблогранму от аргентинского правительства с информацией, что кто-то перевел 70 ф. ст. (1000 крон) на мой счет как делегату. Это — урок мне по испано-американской этнологии, дока-

зывающий, что на Южном континенте концепции иные. Это было очевидно впервые, после Аргентинского Журнала, что они будут одни на конгрессе, что предложение Амброзетти было рассмотрено. Для меня оно поступило слишком поздно. <...> Вы, несомненно, получили такое же щедрое предложение из Буэнос-Айреса и воспользуетесь этим, или Богораз, возможно, поедет в Буэнос-Айрес, а Вы — в Москву. Я с волнением жду Вашего решения. Если Вы выберете Буэнос-Айрес, то, пожалуй, Богораз будет собирать коллекции в Мексике со мной?» [Там же. Л. 51–52].

В мае 1910 г. было принято решение, что вторая сессия XVII Международного Конгресса американистов состоится в Мексике 8–14 сентября 1910 г. Официальным делегатам были направлены дополнительные приглашения, поскольку своих кредитов на командировку ИАН выделить не могла [Там же. Л. 374об.]. Но, ссылаясь на накопившиеся экстренные работы в МАЭ, требовавшие постоянного участия старшего этнографа, Л.Я. Штернберг отказался от командировки в Аргентину. Вместо этого он был командирован на вакационное пасхальное время в Стокгольм для переговоров с Королевским Естественно-историческим Музеем об обмене коллекциями (на поездку было ассигновано 100 руб.); затем с 1 мая по 15 сентября 1910 г. — на о. Сахалин, в Приамурский край и Японию для этнографических исследований среди инородцев и собирания коллекций [Там же. Л. 363].

С 6 по 17 апреля 1911 г. старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг вновь был направлен в Стокгольм для осмотра и отбора предлагаемых Этнографическим отделом Riksmuseets коллекций из Северной Америки [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1911. Е.х. 158. Л. 357]. В результате «член Попечительного о Музее антропологии и этнографии Совета саксонский подданный д-р Герман Мейер в начале мая 1911 г. приобрел для МАЭ ценные дублетные коллекции Стокгольмского музея, а именно:

- а) коллекция предметов быта мексиканских индейцев, собранная доктором Бауэром (около 500 пр.);
- б) коллекция разных племен североамериканских индейцев, собранная М.Р. Гаррингтоном;
- в) коллекция разных племен североамериканских индейцев от разных собирателей;

- г) этнографическая коллекция из Гватемалы;
- д) археологическая коллекция из Коста-Рики;
- е) коллекция плетений из Верхнего Конго, всего до 1200 пр.» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1911. Е.х. 8. Л. 12–12об.].

Члены Попечительского Совета неоднократно приобретали на свои средства ценные и крупные коллекции, которые поступали в МАЭ как их дары. Они также жертвовали денежные суммы на разные нужды музея, в том числе, на покупку коллекций и снаряжение экспедиций. 17/30 июня 1911 г. Л.Я. Штернберг уведомил К.В. Хартмана: «В ближайшие дни мы будем способны выплатить Вам целиком всю условленную сумму (3000 руб.) за коллекцию, чтобы дать Вам возможность поддерживать другие экспедиции, особенно австралийскую. Чем мы будем рады воспользоваться. Пожалуйста, пусть коллекцию отправят немедленно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 63. Л. 31]. Правда, этот чек по ошибке академической Канцелярии был отправлен в Христианию (Осло) и в Стокгольм поступил с опозданием, что осложнило дело.

Одна шведская экспедиция в то время уже работала в Австралии, другая — в Восточной Африке, третья — на о. Мадагаскар. Ведущие музейные специалисты Ингве Лаурелл (Yngwe Laurell), Карл Герхард Линдблом (Kand. Phil. Karl Gerhard Lindblom), Вальтер Александр Каудерн (Dr. Phil. Walter Alexander Kaudern) сумели собрать очень интересные коллекции. К.В. Хартман вел интенсивные переговоры об обмене этими коллекциями и с другими музеями Европы.

В.В. Радлов докладывал: «Согласно поручению моему, командированный этим летом за границу старший этнограф Л.Я. Штернберг вошел в предварительное соглашение с директором Этнографического отдела Естественно-Исторического Музея в Стокгольме, профессором С.V. Hartmann Гартманом об участии вверенного мне Музея в коллекциях, полученных Стокгольмским музеем из снаряженных им экспедиций в Австралию, Африку и на Филиппинские о-ва. Значительная часть коллекций из упомянутых экспедиций уже получена и была осмотрена г. Штернбергом и найдена очень ценной в научном отношении. Вполне одобряя это соглашение с проф. Гартманом, с которым вверенный мне Музей уже давно находится в тесных сношениях, прошу распоряжения Отделения выслать ему в Стокгольм предварительно, впредь до окончательного расчета,

1 тыс. руб.» [Там же. Л. 271]. В Стокгольм по предварительным расчетам за коллекции из сумм МАЭ было переведено 1917 крон 53 эре (ассигновка № 1253 от 3 октября 1912 г. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1912 г.). Е.х. 26. Л. 95].

5 октября 1912 г. Хартман уточнял, что в Стокгольм поступило из МАЭ 1000 руб. в качестве аванса и уплаты за прошлый год. Из этих денег 500 руб. в декабре получил В.А. Каудерн за мадагаскарские коллекции, 344 руб. были отправлены на Филиппины, прочее — миссионеру А.Р. Кемпе из Уппсальского университета, который уже 10 лет жил среди зулу и сделал словарь их языка. Он предлагал МАЭ обменять сейчас же австралийские материалы на сибирские вещи (просил 2–3 ящика) либо весной купить их за деньги. Найти форму обмена этими коллекциями для двух музеев было непросто.

К.В. Хартман волновался, найдет ли МАЭ вообще средства. Он писал: «Д-ру Каудерну на Мадагаскар 1000 крон [послал] из собственных денег и обещал ему еще 2000 в надежде, что Вы также примете участие». Продолжал работу среди лопарей Гальстрём. Шведская экспедиция, имея 25000 крон, направлялась в Китай. Из Мексики ожидалась коллекция на 10 тыс. песо, а также — из Венесуэлы, Цейлона и др. (письмо 30 сентября 1912 г.) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 64. Л. 265–266].

С 27 мая по 1 июня 1912 г. Л.Я. Штернберг был направлен на XVIII Конгресс Американистов в Лондоне [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 63. Л. 184].

При разработке новых штатов ИАН В.В. Радлов добился того, что в штат МАЭ ввели три должности старших этнографов, при этом на статского советника Л.Я. Штернберга были возложены обязанности помощника директора по общему ведению и надзору за Музеем (поскольку он фактически и успешно нес их в течение многих лет). Ввиду сложности обязанностей, требующих значительной работы сверх служебного времени, ему назначалось добавочное вознаграждение в 40 руб. в месяц с 1 сентября 1912 г. из общих сумм Музея [Там же. Л. 260]. В 1912 г. **годовой оклад Л.Я. Штернберга (по VI кл.) составлял 2500 руб.** [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1912 г.). Е.х. 83. Л. 70об.].

24 октября 1912 г. Хартман «в такой спешке отплыл в Панаму, но мой друг добыл очень быстро значительные суммы, и тогда я решил

воспользоваться этой возможностью» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 65. Л. 366–366об.].

10 ноября 1912 г. Хартман подтвердил получение от МАЭ перевода за коллекции в сумме 1917 крон 55 эре [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 64. Л. 212].

В письме от 19 ноября 1912 г. он цитирует предложения из раннего письма Штернберга: «Я посмотрел наши дубликатные азиатские материалы, трудно собрать комплект вещей народов, посещенных г-ном Стадлингом, но я могу заказать такой набор вещей и послать его, но не так скоро. Так как г-н Стадлинг и я очень заинтересованы получить такую коллекцию, прошу заказать и заплатить за них, и я дам Вам австралийские и другие вещи в обмен. Африканские коллекции г-на Линдблома упакованы недели назад, и описание и первоклассный каталог, написанный по-английски, каковой я собираюсь послать Вам, как только я исправлю английский, — там же. Г-н Стадлинг начал собирать материал для своей обширной публикации “Шаманы”. Г-н Гальстрём — об оленеводстве в Сибири» [Там же. Л. 214].

В ответ на письмо от 9 января 1913 г. Л.Я. Штернберг уведомлял К.В. Хартмана, что всего в Стокгольм отправили 3754 руб. 75 коп. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 63. Л. 352].

В начале 1913 г. В.В. Радлов просил Историко-филологическое отделение ИАН командировать Л.Я. Штернберга в Турку на III Всероссийский съезд деятелей кустарного промысла [Там же. Л. 428], а также в Стокгольм. «Директор Этнографического Музея при Академии наук в Стокгольме проф. Гартман извещает меня, что с 18 марта с.г. Музей открывает специальную выставку этнографических коллекций, собранных различными экспедициями, снаряженными этим Музеем. Так как часть этих коллекций, по соглашению со Стокгольмским Музеем, должна быть уступлена нашему Музею, профессор Гартман просит командировать лицо для осмотра коллекций и распределения их по взаимному соглашению. Ввиду этого прошу разрешить командировать в Стокгольм на 10 дней старшего этнографа Л.Я. Штернберга с 3 апреля с.г., и исходатайствовать для него заграничный паспорт».

12 апреля Л.Я. Штернберг вернулся в Петербург. В.В. Радлов доложил Историко-филологическому отделению ИАН, что за время

пребывания в Стокгольме Л.Я. Штернберг подробно осмотрел этнографическую выставку новых сборов Riksmuseum'a, отобрал для МАЭ три коллекции по Австралии, Африке и Мадагаскару. «Часть этих коллекций поступает в счет авансированных Стокгольмскому Музею 1000 руб., другая будет оплачена по нашей оценке по прибытии коллекций в Петербург». Кроме того, по поручению В.В. Радлова он выработал вместе с директором Этнографического отдела Riksmuseum проекты совместных экспедиций в Австралию, Меланезию, Африку и Переднюю Азию [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Е.х. 160. Л. 353, 381].

В мае 1913 г. Л.Я. Штернберг подвел для Хартмана баланс платежей и обменов: «6 июня 1911 г. Вам перевели из Музея 1570 руб., 8 июня 1911 г. — 664 руб., 13 июля 1912 г. — 800 руб. и в сентябре 1912 г. — 1000 руб. Значит, всего 3734 рубля. Но так как музей Вам должен только 3000 руб., таким образом, Ваш долг составляет 734 рубля, о чем я Вам сообщил сегодня по телеграфу» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 63. Л. 470].

К.В. Хартман подготовил для МАЭ хорошо документированные материалы. «Настоящим посылаю Вам африканские коллекции и каталоги. Когда Лаурелл закончит свой каталог, который он надеется суметь сделать на днях, я пошлю его коллекции тоже. Как только у меня будет время, я напишу Вам подробно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 150].

Из Стокгольма от Национального Музея прибыли 20 мая 1913 г. через фирму «Aktiebelaget Nyman & Schultz Stockholm» три ящика весом 150 кг и один ящик весом 150 кг [Там же. Л. 154, 161]. Всего из Стокгольмского музея было получено две коллекции: 1) крайне ценные предметы быта и культа Северо-Западной Австралии — 226 предметов (оружие, одежда, утварь, религиозные предметы и пр.). В Западной Европе нет коллекций из этой области. 2) 176 предмета быта и культа племен Восточной Африки (Акамба, Вапаре). Условия поступления в Музей обеих коллекций пока еще не выяснены [Там же. Л. 140].

Кроме того, предстояло перевести 200 шведских крон в Стокгольм профессору Гартману за полученные через его посредство коллекцию фотографий из путешествия по Африке д-ра Линдблома

(Ассигновка № 1103 21 сентября 1913 г. на 104 руб. 30 коп.) [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1913 г.). Е.х. 26. Л. 198].

10/23 июля 1913 г. Л.Я. Штернберг писал К.С. Хартману: «Я боюсь, Вы меня не поняли. Я сообщил Вам, что я уверен, что мы сумеем принять участие во всех четырех экспедициях, о которых мы с Вами говорили. Но это может быть реализовано не ранее поздней осени или, самое позднее, в начале следующего года. В частности, обсуждался проект отправки Клейна в Малую Азию и Аравию, при условии что МАЭ примет на себя расходы на 1–2 года и получит половину коллекции» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 46–47]. «Что о сибирских коллекциях, то я найду время на другой день и проверю для Вас сибирские предметы» [Там же. Л. 87].

В письме от 20 июля 1913 г. Хартман сожалел, что Штернбергу так сложно добывать деньги на покупку вещей, поступающих в Стокгольмский музей. Он сообщал, что в 1914 г. ожидаются крупные коллекции из Мексики, Новой Гвинеи, Океании и Китая, где уже не первый год работали нанятые им собиратели [Там же. Л. 233–234].

В конце 1913 г. Хартман опять покинул Стокгольм и направился в США, где осматривал коллекции и познакомился с учеником Ф. Боаса д-ром А.М. Тоззером, работавшим в Международной школе археологии в Мексике. «Со времени моего отъезда из Стокгольма 26 сентября я провел около шести недель в Штатах, посещая Нью-Йорк, Нью-Хейвен, Вашингтон, Питтсбург, Чикаго, Бостон, Кембридж. Я посмотрел коллекции в музеях и сделал выборки, которые я купил. Я также списался с рядом частных собирателей и получил от них материал. Я получил коллекции, в основном, из Юго-Запада и от индейцев прерий. Затем я посетил Ямайку, Панамский перешеек, Коста-Рику, Гватемалу и Гондурас. Мне повезло в Коста-Рике и Гватемале. Я бы вернулся в Коста-Рику следующей зимой, если возможно. Я открыл в одном из озер на высокой горе огромные залежи приношений богам воды, керамику и идолов в слоях толщиной в несколько футов и покрывающих длинную полосу пляжа. Вода была горячей на поверхности около 25 ф., но хороша внизу, и индейцы в былые времена приходили сюда принимать ванны, когда болели. Я взял для удовольствия несколько больших чаш, но время не позволило широких работ. Там были другие сходные залежи на другой стороне озера. Учитывая мои прежние поездки сюда, мне говорили

о подобных отложениях в болоте на Побережье, но у меня не было времени изучить этот вопрос».

15 января 1914 г. Хартман сообщал Штернбергу, что его отпуск продлится до 15 марта, но у него появились неожиданные финансовые проблемы, так что он был вынужден занять денег у брата и пары друзей. Отсрочку выплат он надеялся покрыть из суммы, которую ему обещали прислать из МАЭ до конца февраля [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 33–35].

В МАЭ, наконец, 29 января 1914 г. оценили обе коллекции, полученные в мае 1913 г. «из совместных экспедиций, производимых МАЭ и Этнографическим музеем в Стокгольме, — африканскую и австралийскую, в 3,5 тыс. руб. Кроме того, дальнейшими совместными экспедициями в Австралии и Северной Америке в настоящее время продолжаютсся сборы для нашего Музея, в счет которых необходимо выслать еще 1,5 тыс. руб. По просьбе директора Стокгольмского музея проф. С. V. Hartmann'a, находящегося сейчас в путешествии по Северной Америке, деньги эти нужно переслать кредитору Музея Ivar Engström в Стокгольм». Было положено уплатить 5 тыс. руб. из сумм Музея [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914 г.). Е.х. 26. Л. 34]. 4 февраля 1914 г. эти 5000 руб. (частично за полученные коллекции, частично как аванс на экспедиции) были отправлены чеком. 12/25 февраля 1914 г. чек на 9587 крон 73 эре, выписанный на имя на Ivar Engström, Kreditaktiebolaget, Stockholm, был получен адресатом [Там же. Л. 40, 35].

20 февраля 1914 г. К.В. Хартман уведомил Л.Я. Штернберга о намерении вернуться из США в Стокгольм через Японию, Москву и Берлин, но без возможности посетить Петербург, и вновь просил выслать ему пару небольших ящиков с сибирскими материалами, «главным образом, вещи от племен, которые посетил Стадлинг. Ничего не будет опубликовано, но я должен показать некоторые обменные вещи от Вас» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 247–247об.].

В.В. Радлов рассчитывал командировать Л.Я. Штернберга (если позволит собственное его здоровье) в Вашингтон на XIX Конгресс американистов осенью 1914 г. «Командировка важна в научном отношении, в непосредственных интересах Музея, который крайне нуждается в коллекциях из Северной Америки, которые теперь очень

трудно достать, и только при личных сношениях на месте, благодаря связям г. Штернберга с местными деятелями можно рассчитывать на возможные ценные приобретения» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Е.х. 161. Л. 430об.]. Но в связи с началом Первой мировой войны Конгресс, намеченный на 5–10 октября 1914 г., был отложен на неопределенное время [Там же. Л. 444].

В 1915 г. в Стокгольмском музее, «как мною [В.В. Радловым. — Е.С.] своевременно было доложено Конференции, хранится несколько коллекций, собранных вместе со вверенным мне Музеем Академии и подлежащих распределению между обоими Музеями еще в прошлом году. Не считая возможным дольше откладывать раздел коллекций, я прошу в течение лета командировать для этой цели старшего этнографа Л.Я. Штернберга в Стокгольм с тем, чтобы он вошел в окончательное соглашение относительно раздела коллекций и отобранные предметы теперь же приготовил к отправке при первой возможности. На путевые издержки я прошу ассигновать Л.Я. Штернбергу 150 руб. из сумм МАЭ и сделать распоряжение об исходатайствовании ему заграничного паспорта. Во избежание случайностей уже сделан запрос директору Стокгольмского Музея, и от ответа его будет зависеть окончательно вопрос о поездке и времени отъезда Л.Я. Штернберга» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 427].

Наконец, Хартман определил удобный для него срок и телеграммой предложил Штернбергу сопровождать его в отпуск на воды в августе, а потом заняться коллекциями [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 70. Л. 73]. Но Министерство народного просвещения объявило, что «затрудняется командировать в Стокгольм Л.Я. Штернберга — поездка неудобная, ввиду условий военного времени» [Там же. Л. 69]. Первая мировая война не позволила уладить дела между музеями.

Л.Я. Штернберг писал К.В. Хартману: «Как Вы помните, Академия послала Вам 5000 руб., из этой суммы 2500 — за австралийские и африканские коллекции, и другие — аванс за новые коллекции. Более того, я приготовил на обмен некоторые сибирские коллекции (сойоты, алтайцы, ламуты и пр.), но их нельзя послать до конца войны» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 451].

19/2 октября 1916 г. Л.Я. Штернберг обратился к К.В. Хартману с просьбой найти для его научной работы книгу «Revista Trimensal do Instituto Historico» (Rio de Janeiro, 1875. Bd. 38, I и 1876, Bd. 39, II) и, если она есть в библиотеке, одолжить ее на время, послать в музей, как было принято между учеными [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 377]. Затем переписка надолго оборвалась.

Активная собирательская деятельность К.В. Хартмана принесла солидные плоды. Когда он начал работать в Музее, там было 18 000 предметов, а в 1912 г. — уже 77 000, и музей продолжал пополняться. Хартман начал также собирать киноколлекции и записи музыкального фольклора: «Миссионеры часто предлагают звукозаписи, но музей не может их купить». Стокгольмский музей здесь конкурировал с Берлинским музеем народоведения, в котором пока не применяли современных методов копирования. Хартман склонялся к сотрудничеству с «Laurell&Hornbrotel, которые делали копии на электронном аппарате» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 64. Л. 267–268].

Л.Я. Штернберг продолжал работать в МАЭ. Его заслуги были оценены по достоинству. «Хаим-Лев Штернберг. Старший этнограф МАЭ, статский советник. Вероисповедания иудейского. Награжден орденами для нехристиан: св. Станислава 2-й ст. (1 января 1910 г.), св. Анны 3-й ст. (1898 г.), св. Станислава 2-й ст. (1901 г.), медалью в память 300-летия царствования дома Романовых. В службе с 9.06.1902 г., в ведомстве с 9.06.1902 г., в чине с 7 января 1908 г., в должности с 7 января 1904 г. Класс должности V. Годовой оклад 3680 руб.» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914 г.). Е.х. 74. Л. 41]. Может быть представлен к ордену св. Анны 2-й ст. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1915 г.). Е.х. 62. Л. 6].

В 1913 г. он был избран членом-корреспондентом Берлинского общества антропологии, этнологии и преистории (**Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte**), что было занесено в его формулярный список [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Е.х. 160. Л. 406об.]. В 1924 г. Л.Я. Штернберг успешно баллотировался и был утвержден членом-корреспондентом Российской Академии наук по разряду палеоазиатских языков [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 34].

Почти десять лет дирекция МАЭ беспокоилась о судьбе коллекций, с 1914 г. хранившихся за границей. Непременный секретарь Российской Академии наук С.Ф. Ольденбург в 1918 г. озвучил ходатайство старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга: «Приобретенные Музеем до начала войны этнографические коллекции из Гренландии и Северной Америки вследствие военного времени не могли быть своевременно доставлены в Петроград и находятся в настоящее время в Копенгагене и Стокгольме.

Ввиду прекращения войны и возобновления сношений с нейтральными странами Музей, озабочиваясь о судьбе упомянутых коллекций и о скорейшем получении их, находит желательным командировать зав. Средне- и Южно-Американским отделом Этнографического Музея К.К. Гильзена в Данию и Швецию для выяснения сохранности этих коллекций и для принятия меры по скорейшему получению их. Кроме того, для успешности дальнейшей работы К.К. Гильзена в нашем Музее желательно было бы предоставить ему возможность заняться в музеях Дании, Швеции и Норвегии.

Ввиду этого Музей просит Отделение командировать К.К. Гильзена на четыре месяца за границу и исходатайствовать ему заграничный паспорт и пропуск — как для выезда из России, так и для въезда в Скандинавские государства, снабдить его Открытым листом.

Кроме того, необходимо облегчить г-ну Гильзену приобретение иностранной валюты и разрешение для провоза через границу суммы, более установленной ныне нормы, т.к. возможно, что ему придется уплатить на месте за хранение академических коллекций и перевозку их в Петроград». Положено: командировать, сделать нужные сношения [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Е.х. 165. Л. 405об.]. Но К.К. Гильзен скончался 30 мая 1918 г. Возвращение экспонатов пришлось отсрочить.

В марте 1920 г. заведовавший Музеем академик В.В. Бартольд вернулся к этому вопросу: «В течение целого ряда лет МАЭ состоял в обменных отношениях и соучастии в коллекционировании с Этнографическим музеем в Стокгольме. К моменту начала войны 1914 г. нашему Музею предстояло получить, по сведениям наших счетов, значительную и ценную этнографическую коллекцию, которая не была выслана в свое время исключительно по условиям военного времени. Эту ценную коллекцию, пока еще не забылись старые свя-

зи между Музеями, необходимо как можно скорее получить и вместе с тем возобновить вновь очень важные обменные и сотрудничество с этим крупным этнографическим институтом. Ввиду этого, а также для приобретения новых изданий, не получавшихся в Музее за последних пять лет, Музей считает нужным командировать старшего этнографа профессора Л.Я. Штернберга в Стокгольм и, в случае надобности, по книжному делу и в Лейпциг на два месяца, считая с 1 мая, и просит возбудить соответствующее ходатайство о снабжении его заграничным паспортом и необходимой суммой валютой на расходы в пути, на приобретение книг и на транспортирование коллекции, причем уполномочить Л.Я. Штернберга, путем непосредственных сношений с Комиссариатом, выяснить размеры той суммы, которая могла бы быть представлена в его распоряжение». Положено: командировать Л.Я. Штернберга за границу сроком на два месяца на указанных основаниях [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1919. Е.х. 166. Л. 236об.]. Требовалась сумма приблизительно до 200 000 руб. валютой под последующий отчет [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 73. Л. 240], которой в то время не нашлось.

Директор МАЭ возобновил ходатайство в 1921 г. «Совет Музея постановил командировать старшего этнографа, профессора университета Л.Я. Штернберга в Стокгольм, Копенгаген, Гамбург сроком на два месяца, для организации вывоза из-за границы коллекций Музея, не доставленных в свое время по причине военных действий, прося Отделение принять зависящие меры к осуществлению упомянутой командировки. Ходатайство возбуждено в мае 1920 г., но тогда командировка не могла осуществиться» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1921. Е.х. 169. Л. 236].

Очередное «ходатайство о командировке за границу сроком на три месяца старшего этнографа МАЭ проф. Л.Я. Штернберга для принятия мер к разысканию и получению коллекций Музея, находившихся со времени войны за границей, для возобновления обмена объектами с этнографическими музеями Западной Европы, для приобретения некоторых объектов, необходимых для представления юбилейной выставки и для ознакомления с новейшей постановкой музейного дела и представления этнографии на Западе», было возбуждено еще через год. Директор МАЭ академик Е.Ф. Карский настаивал: «Кроме ассигнований на командировку необходимо пре-

доставить Л.Я. Штернбергу возможность получить у зарубежных представителей РСФСР сумму до 1500 золотых рублей на закупки и на перевозку коллекций в Россию» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Е.х. 172. Л. 202об.].

Когда стали возобновляться отношения между странами, «полпредство СССР в Швеции и Организационная комиссия XXI Конгресса американистов выразили пожелание, чтобы на Конгрессе в августе 1924 г. в Гётеборге присутствовали представители русской науки — проф. Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз». Решением Главнауки они были откомандированы [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 1об.].

В 1923–1924 гг. в МАЭ, наконец, стали возвращаться коллекции, которые с 1914 г. хранились в Стокгольме и в других точках мира.

Сотрудничество между этнографическими музеями России и Швеции, которое было особенно интенсивным в период 1908–1914 гг., оказалось взаимно полезным во всех отношениях.

Куратор американских коллекций Стокгольмского этнографического музея Стаффан Бруниус (Staffan Brunius) составил краткую справку об обменных коллекциях. Происхождение вещей позволяют проследить пометки в коллекционных описях музея; в Швеции регистрация велась по годам, внутри года — по хронологическому принципу.

Ряд этнографических предметов из коллекций, поступивших в Стокгольм из Мексики, предназначался для России (точнее — для петербургского музея): № 1910.10 (в основном, от Mazateco, живущих в горных районах штата Оахака), № 1911.1 (Chontal, Lacandon, Otomi). Составил эти коллекции Д-р Вильгельм Бауэр из Мексики.

Д-р Вильгельм Бауэр (Dr. Wilhelm Bauer), немецкий врач, путешественник и торговец, коллекционировал керамику Центральной Мексики, Оахаки и других районов. Некоторые его собрания пополнили музеи в Берлине, Бремене, Нью-Йорке, Вашингтоне, Мехико. В. Бауэр был учеником Эдуарда Георга Зелера, ведущего специалиста по месоамериканским культурам, первого директора Отдела американской археологии Берлинского музея народоведения в 1904–1922 гг. Зелер и его супруга в 1887–1911 гг. привезли много предметов из Мексики (в основном из Оахаки).

В Стокгольмский музей мексиканские коллекции В. Бауэра передали члены семьи (Cedergren). Один из ее представителей — бизнесмен Цедергрэн (Henrik Tore Cedergren, 1853–1907), основатель и директор Шведской телекоммуникационной компании, в 1880-х годах убедил Ларса Магнуса Эрикссона наладить производство модернизированных и более дешевых телефонных аппаратов. В 1889 г. «Российско-Шведско-Датская Телефонная Компания Цедергрэн А.О.» занималась телефонизацией России и Царства Польского.

В МАЭ значатся поступившие в дар в 1911 г. коллекции от Вильгельма Бауэра из Мексики (штат Оахака): № 1860–1863. Они приобретены на средства Германа Мейера.

Ряд экспонатов из стокгольмской коллекции № 1909.18 был передан в Санкт-Петербург в обмен в 1911 г. Эту коллекцию составил Марк Рэймонд Харрингтон (Mark Raymond Harrington, 1882–1971). Ученик антрополога Франца Боаса, он собирал в США этнографические коллекции для многих американских музеев, производил археологические раскопки. В этой купленной у М.Р. Харрингтона коллекции были, в частности, этнографические вещи ирокезов. В МАЭ значатся как поступившие по обмену в 1911 г. коллекции № 1881, 1882, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893 по культуре индейцев США (201 предмет), собранные М.Р. Харрингтоном. Они частично происходят из коллекции 1909.18, купленной шведами у М.Р. Харрингтона. Согласно приложенному к спискам письму предметы отобрал для МАЭ проф. Л. Штернберг. Коллекции М.Р. Харрингтона поступила в МАЭ благодаря средствам д-ра Германа Мейера (из Лейпцига) через Стокгольмский музей. В 1924 г. в МАЭ поступила по обмену через посредничество К.В. Хартмана еще одна коллекция М.Р. Харрингтона (№ 3142) [Ершова, Корсун 2005].

От Германа Мейера через Стокгольмский музей в МАЭ в 1912–1913 гг. попали центрально-американские коллекции № 1982–1985, от Ганса Мейера в 1911 г. — африканские коллекции № 1851 (собранные миссионером Г.В. Штольбрандом) и № 1852.

Отметим также, что в 1925 г. часть африканских даров Ганса Мейера Стокгольмскому музею, в свою очередь, попала по обмену в МАЭ (№ 3136).

В 1913 г. МАЭ получил из Стокгольма восточно-африканскую коллекцию, собранную К.Г. Линдбломом, и коллекцию фотографий (№ 2130, 2151), а также австралийскую коллекцию, собранную Ингве Лауреллом (№ 2159) [Шафрановская, Азаров 1984].

По данным годовых отчетов Стокгольмского музея, из МАЭ была переведена сумма в 3754 руб. 75 коп., взамен МАЭ получил 746 предметов — дубликаты вещей из Мексики и Северной Америки. Они были приобретены в 1913–1914 гг. К.В. Хартманом, который специально ездил в США для закупки коллекций. В 1915 г. МАЭ перевел еще 5000 руб. для оплаты собранных ранее (в 1914 г.) дубликатов.

Пополнение музеев экспонатами в указанный период определялось состоянием арт-рынка. Продавцы, перекупщики, коллекционеры обращались к одним и тем же немногочисленным источникам. Исходные коллекции оказывались разделенными между многими покупателями и попадали в музеи, пройдя через несколько рук. В музейной документации отражены обычно последние известные этапы истории коллекции и имена продавцов или дарителей (реже — собирателей).

Система регистрации в МАЭ не позволяет однозначно выявить все коллекции, поступившие из Стокгольмского музея. В документах указаны разные способы их приобретения: дар, покупка, экспедиционный сбор, обмен (что соответствует истине). Очевидно, в каждом случае следует уточнить способ поступления и то, на какие средства это было сделано. Вещи, приобретенные в поле индивидуальным собирателем или в ходе экспедиции, поступали в музей, где их можно было вновь купить либо обменять на другие предметы, а приобретенные снова продать или передать в дар, например музею в другой стране.

Лев Штернберг впоследствии собирал для Стокгольмского Этнографического музея коллекции по народам Амура: он организовал покупку (№ 1926.28) и затем — дарение (№ 1927.22) нанайских вещей. Коллекции, поступившие из МАЭ в Швецию, еще предстоит исследовать.

Библиография и источники

Ершова Е.А., Корсун С.А. Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // Аборигены Америки: Предметы и представления. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 4–58. (Сборник МАЭ. Т. L).

Соболева Е.С. Братья Ганс и Герман Мейеры как создатели Музея антропологии и этнографии в конце XIX — начале XX века // Россия и Германия. 2011. № 1. С. 48–53.

Шафрановская Т.К., Азаров А.И. Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ // Культура народов Индонезии и Океании. Л., 1984 (Сборник МАЭ. Т. XXXIX). С. 5–25.

Радлов В.В. Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1907. С. 743–748.

Alvarsson, Jan-Åke and Staffan Brunius. A Brief Introduction to the History of Swedish Americanists // Acta Americana. 1994. Vol. 2. No 2. P. 41–64.

Med världen i kappsäcken: Samlingarnas väg till Etnografiska museet. Stockholm, 2002.

Whose Objects? Art Treasures from the Kingdom of Benin in the collection of the Museum of Ethnography, Stockholm. Museum of Ethnography, Stockholm, 2010.

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Е.х. 147–173.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1911. Е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1912 г.). Е.х. 26.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1912 г.). Е.х. 83.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1913 г.). Е.х. 26.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914 г.). Е.х. 26.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914 г.). Е.х. 74.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1915 г.). Е.х. 62.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53–73.

О.В. Соколова

**Роль Л.Я. Штернберга в пополнении фондов МАЭ
коллекциями по культуре индейцев Западной Мексики
(по материалам переписки Л.Я. Штернберга
и К.Т. Пройса)**

Значение деятельности Л.Я. Штернберга в формировании музейных фондов по народам Америки сложно переоценить. При его непосредственном участии в первой четверти XX в. путем покупки, обмена или дарений МАЭ приобрел многочисленные коллекции по различным народам как Северной, так и Южной Америки. В част-

ности, благодаря личным контактам Штернберга с немецким исследователем Конрадом Теодором Пройсом (Konrad Theodor Preuss, 1869–1938), сотрудником Берлинского музея народоведения, в музей поступила обширная коллекция, характеризующая самобытные культуры мексиканских индейцев кора и уичоль. Ученые поддерживали переписку с 1903 г., встречались лично во время Конгрессов американистов. Высоко ценя полевой опыт и научные взгляды своего российского коллеги, Пройс неоднократно предлагал Штернбергу писать статьи для периодического издания *Архив Религиоведения* (Archiv für Religionswissenschaft), редактором которого являлся.

В ходе своей девятнадцатимесячной мексиканской экспедиции 1905–1907 гг. Пройс работал среди индейцев Западной Сьерра-Мадре (горный хребет на северо-западе Мексики). Помимо богатейшего собрания фольклорных текстов, он привез в Германию большую коллекцию предметов материальной культуры в количестве трех тысяч экземпляров (2300 шт. для Берлинского музея и 700 шт. для музея в Гамбурге).

В январе 1910 г. в письме к Штернбергу Пройс предложил поручить своему мексиканскому помощнику — индейцу кора Сотеро Партиде (Sotero Partida) собрать еще одну коллекцию специально для МАЭ. Пройс рекомендовал этот способ пополнения музейных фондов как более выгодный в финансовом отношении, чем организация дорогостоящего экспедиционного выезда. Дирекция МАЭ предложение приняла, и Штернберг выслал в качестве первого взноса 200 немецких марок, в дальнейшем в Мексику были переведены еще два платежа по 200 марок и один на 400 марок. Эти деньги Пройс отправлял собирателю через посредство торгового дома Делиус и К° (Delius & Co.) в Тепике (Мексика, шт. Наярит). Таким образом, коллекция из 649 предметов (588 номеров) обошлась Музею антропологии и этнографии в 1000 марок, отправленных мексиканскому собирателю.

По просьбе МАЭ Императорская Академия наук возбудила ходатайство о награждении К.Т. Пройса российским орденом св. Станислава 3-й степени. Кроме того, 124 немецких марки и 50 пфеннингов Музей выплатил гамбургской судоходной компании Отлинг Гебрюдер, осуществившей перевозку коллекции на судне «Вэстервалд» («Westerwald»).

Публикуемые ниже материалы являются переводом с немецкого языка 17 писем и открытки Пройса к Штернбергу и трех писем Штернберга к Пройсу. Документы расположены в хронологическом порядке. Последнее письмо, датированное 1929 г., адресовано Саре Абрамовне Ратнер-Штернберг, вдове Льва Яковлевича. Эта хоть и неполная переписка является ценным источником для изучения истории развития международных связей МАЭ в начале XX в. и механизмов пополнения музейных фондов. Корреспонденция хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН). 12 писем и одна открытка находятся в фонде Л.Я. Штернберга (Ф. 282). Восемь писем были обнаружены среди делопроизводственных материалов МАЭ (Ф. 142).

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 1–2.

Берлин, от 16 декабря 1903 г.

Высокочитимый г-н доктор!

От г-на доктора Адлера я узнал, что Вы, возможно, были бы готовы написать сообщения о религиозно-этнографическом исследовании сибирских племен для Архива Религиоведения. При этом для меня особенно важна непрерывность сообщений, чтобы можно было тот год, в котором ничего значительного не произошло, объединить со следующим. Но Вы можете устроить так, как Вам покажется желательным, поскольку я понимаю, что невозможно все излагаемые различными докладчиками разделы по Азии объединить в одном годовом докладе. Однако для меня лучше всего был бы ежегодный доклад, начиная с 1902/1903 годов, и если есть несколько слов для меня. Написанный мной американский [доклад] выйдет из печати уже в конце сего месяца, но я не хочу этим сказать, что он должен стать образцом. Напротив, Вы имеете полную свободу действий. Я позволю себе, тем не менее, выслать Вам экземпляр после выхода из печати. Я был бы также очень рад иметь возможность поприветствовать Вас как сотрудника, тем более что именно для русской литературы предпочтителен ученый, ставящий на главное место науку в России всем другим, а Вы, как мне известно, испытываете особый интерес к примитивным религиям. В случае если Вы, как мне написал г-н доктор Адлер, с марта не располагаете временем, я охотно оставляю на Ваше усмотрение начать после этого срока.

Кроме того, для Архива было бы очень желательным получить Вашу статью по религии гиляков, о которой мне также написал господин доктор Адлер. Прежде я уже с большим интересом прочел заметку о Вашем докладе в Русском географическом обществе в Петербурге.

При этом позволю себе выслать Вам проспект о новой организации Архива с указаниями, что сообщение должно быть оплачено в размере 40 марок за лист, а статья 20 марок за лист.

Одновременно высылаю экземпляр моей самой новой, только что вышедшей в Архиве Антропологии работы о фаллических демонах.

Надеюсь получить от Вас дружеское согласие.

С глубочайшим уважением,

преданный Вам,

доктор К.Т. Пройс,

помощник директора К. Музея народоведения.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 3.

(Открытка. Марка вырезана вместе с куском текста.)

Глубокоуважаемый г-н доктор!

Я [текст вырезан]... что Вы религиоведческий доклад о Сибири для Архива [текст вырезан]... хотите получить, и отмечаю, что это не [текст вырезан]... речь идет об одном годе, а именно о конце 1902 до конца 1903, хотя не имеет значения, когда будет использована та или иная важная работа 1902 года.

Также перевод Вашей работы «Религия гиляков» для Архива будет для меня очень желанным. Я надеюсь получить доклад самое позднее в июне, с тем чтобы его можно было напечатать в последнем (четвертом) выпуске 1903 года.

С наилучшими пожеланиями,

преданный Вам Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 4–5.

Штеглиц, Берлин,

Шлоссштрассе, 110. от 6.8.05.

Глубокоуважаемый коллега!

Я позволю себе сегодня обратиться к Вам с очень важными для меня запросом и просьбой.

Г-н доктор Адлер написал мне в апреле, что он в течение 5–6 дней отправит мне религиозоведческий доклад о сибирских народах для Архива Религиоведения. С тех пор я ничего больше от него не слышал. Я не получил от него ни доклада, ни каких-либо других известий, даже запрос от меня, который я послал 2 месяца назад, остался без ответа. Хочется надеяться, что с ним ничего не случилось.

Вы меня очень обяжете, если сможете мне написать пару строк о том, не случилось ли с ним что-то серьезное. Моя вторая просьба касается того, что Вы, возможно, склонны были бы взять на себя сообщение за 1904–1905 гг., в случае если г-н доктор Адлер его еще не подготовил и не хочет срочно отправить. Вы знаете, что я в свое время предложил Вам представить свой доклад, но г-н Адлер согласился, так как Вы не ответили, а г-н Адлер мне пообещал. Поэтому я могу говорить с Вами открыто и еще раз попросить Вас о докладе, тем более что Вы уже отправили мне для Архива Вашу прекрасную статью «Религия гиляков», окончание которой появится в следующем выпуске.

Я надеюсь, что у Вас все хорошо и что Вы не слишком пострадали от волнений в России. Я с удовольствием вспоминаю нашу беседу в музее во время Вашего последнего пребывания здесь. Доклад за 1904/5 года должен быть в моих руках примерно до марта.

С надеждой на скорый ответ и искренним уважением
преданный Вам,
Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 6–7.

Берлин, Музей народоведения
от 11 ноября 1907

Глубокоуважаемый коллега!

Вернувшись домой из почти двухгодичной поездки в Мексику, где я записал особенно много религиозных песен и рассказов на местных языках среди индейцев Сьерра-Мадре на тихоокеанском побережье, позволю себе в интересах моего детища, Архива Религиоведения, еще раз попросить Вас написать.

Вы помните, что в самом начале, когда я только вступил в должность соредатора по этнологии в новообразованном Архиве Религиоведения — в 1904 г., я обратился к Вам с просьбой написать доклад о религии сибирских народов для Архива. К сожалению, я не

смог тогда получить от Вас согласия и обратился к доктору Б. Адлеру, так что доклады в то время были распределены, когда мы беседовали после штутгартского Конгресса американистов в 1904 г. в Берлине, и Вы дали свое согласие. С тех пор Адлер также прислал доклад, который, однако, был непригоден для Архива. Таким образом, дело обстоит точно так же, как и в начале, и я буду Вам очень обязан, если Вы повторите Ваше согласие и приступите к обработке доклада. При этом Вы можете рассчитывать на столь долгие годы, как Вы пожелаете. Но так как сообщение всегда должно охватывать два года, во внимание должны приниматься, по крайней мере, 1906 и 1907 годы.

Ваша статья о гиляках здесь все еще на доброй памяти, и ее часто цитируют. Поэтому А. Дитрих, редактор Архива, с удовольствием бы сотрудничал с Вами. Возможно, Вы отправите мне несколько слов о принятом Вами решении.

Еще я с удовольствием думаю о нашем обмене мнениями в Берлине и сожалею, что это нельзя еще раз повторить. Ведь по некоторым вопросам мы сошлись.

Кстати, гонорар за лист доклада из 16 страниц составляет 40 марок. Проверку доклада относительно немецкого языка я с удовольствием возьму на себя. Вы также можете пользоваться французским языком, если предпочитаете.

С наилучшими пожеланиями,
покорнейше Ваш
доктор К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 8–9.

Штеглиц, Шлосштрассе, 110

от 25 августа 1908

Глубокоуважаемый коллега!

Близится Конгресс американистов в Вене, где я надеюсь вновь с Вами увидеться и многое обсудить. Поэтому я хотел Вам заранее написать, чтобы Вы, когда будете проезжать через Берлин и захотите встретиться со мной, или посетить меня в моей квартире в Штеглице (лучше с предшествующим уведомлением), или пожелаете пригласить меня в свой отель, то я немедленно возьму выходной и не пойду в музей. Я буду чрезвычайно счастлив Вас видеть. Тогда мы снова

сможем поговорить о Вашем докладе о религиозной литературе сибирских народов, который Вы любезно взяли на себя для Архива Религиоведения. Я сердечно благодарю Вас за Ваше согласие в послании от 1 января и надеюсь, что за это время Вы уже нашли какую-либо литературу об этом. Я написал Боасу о том, не хочет ли он Вам отправить труд Богораза о чукчах для рецензии в Архив. Я не знаю, сделал ли он это. Хотя я теперь рассчитываю на то, что очень скоро с Вами лично пообщаюсь, я все же не хочу прекращать уведомлять Вас на всякий случай, что для меня было бы очень желательно получить сибирский доклад к осени, и я был бы также рад, если бы кроме того я мог бы от случая к случаю иметь от Вас какую-либо статью для Архива. Вы ведь знаете, что все читатели Вас там очень ценят после Вашей работы о религии гиляков.

С надеждой на скорую встречу
и наилучшими пожеланиями
полностью преданный Вам Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 10.

Штеглиц, Шлоссштрассе, 110

от 4 мая 1909 г.

Глубокоуважаемый и дорогой коллега!

Вы теперь снова уже давно в Петербурге и из Праги больше не поедете через Берлин. Вероятно, пройдет много времени, прежде чем я снова смогу с Вами побеседовать. Поэтому я хотел бы письменно осведомиться, определили ли Вы уже срок сдачи Вашей статьи о сибирских религиях, кроме сибирских; впрочем, могут быть охвачены все инородцы, проживающие непосредственно в России. Вообще отнюдь не обязательно педантично соблюдать границы, когда в Азии только для Японии, Китая, древней Индии и Индонезии имеется докладчик.

Чтобы иметь лучший обзор развития, с недавних пор статьи всегда распределяются на 4 года, и объем тома в интересах статей расширяется, таким образом, в распоряжении находится любой объем. Чтобы внести порядок в очередность статей, было бы очень желательно узнать, когда примерно Вы это подготовите.

С наилучшими пожеланиями

Ваш К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 11–12.

Штеглиц, от 25 июня 1909 г.

Дорогой коллега!

Премного благодарен за Ваше письмо от 3 июня. Я хотел Вам немедленно написать, как сильно я сочувствую Вашей тяжелой болезни, так как я сам уже дважды имел тяжелое воспаление легких, но в моем доме тоже царит тяжелая болезнь: у моего старшего сына хроническое воспаление слепой кишки, сверх этого отслаивание, так что нас не покидает беспокойство. В ближайшие дни его должны прооперировать.

Во всяком случае, я очень Вам советую пока что поберечь себя, чтобы не случился рецидив.

Вы уже читали книгу А. фон Геннепа «Обряды перехода»? Там Вы найдете многое о волнующем Вас вопросе брака умыканием. Он также рассматривает брак умыканием не как раннюю широко распространенную организацию, а обряды кражи не как простой обряд, а как переход из одной группы в другую. Он подчеркивает здесь скорее социальный, а не религиозный момент. И в этом вопросе, я надеюсь, Вы своей работой, о которой Вы говорили в Вене, внесете большую ясность. Хочется надеяться, что Вы продолжаете делать работу для Архива. Однако теперь для Вас, как говорится: тише едешь — дальше будешь. Если Вы сможете отправить статью к осени, я буду Вам крайне обязан.

Стоимость коллекции Фрича в 4500 рублей = примерно 9500 марок за 400 предметов не кажется мне слишком высокой.

Желаю, чтобы Вы совершенно вернулись к прежней бодрости, и остаюсь с сердечным приветом.

Ваш К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 61 (242 л.). Л. 34–37.

№ 38.

Фриденау, от 3 января 1910 г.

Берлин, Хэнельштрассе, 18

Глубокоуважаемый коллега.

Мой бывший мексиканский служащий интересуется в письме, не хочу ли я дать ему какое-либо поручение по собирательству. Тогда я подумал о Вашем музее, ведь Вы в свое время выразили желание

иметь коллекцию из тех мест. Поскольку он в течение двух лет моего пребывания там помогал мне собирать коллекции и знает, на что нужно обращать внимание, и так как он постоянно проживает среди индейцев кора, то он вполне способен собрать хорошую коллекцию за малые деньги. Расходы на экспедицию совершенно отпали бы, и нужно только было бы помимо фактической стоимости оплатить работу по собиранию.

Я оцениваю минимальную стоимость за коллекцию предметов кора и учошь (150–200 штук) в 600–700 марок. Сам я привез отсюда 3 тысячи предметов, из которых 2300 разные, а 700 — дублиеты (для Гамбурга). Коллекция в 150–200 штук охватит, следовательно, только важнейшие типы, и поэтому вполне вероятно, что Вы для такого большого музея, как петербургский, захотите иметь что-то большее. Но, в любом случае, вещи необходимо закупать постепенно, отправив ему для начала приблизительно 75–100 долларов = примерно чуть более чем 150–200 марок, и после подачи присланных коллекций еще. Поскольку вышеупомянутое лицо является простым человеком, его деятельность нужно постоянно направлять. Это я охотно взял бы на себя, тем более что я сам ради получения интересующих меня сведений поддерживаю с ним связь. Также я постоянно буду давать ему подробные указания и вести с ним переписку, в то время как финансовые вопросы, а также пересылка коллекций будет осуществляться непосредственно через торговый дом Делиус и К° в Тепике, куда мой служащий Сотеро Партида, проживающий в деревне Хесус-Мария в 6-ти днях пути от Тепика, будет их приносить. Пока что я хотел бы иметь Ваше общее согласие, прежде чем мы дальше будем договариваться.

Кроме того, я хотел бы попросить об одном одолжении. Работник нашего музея, который занимается изучением лыж для определенной работы, имеет затруднения в изучении сибирских лыж вследствие того, что весь наш материал отсюда из-за недостатка места плотно упакован, а директор ФВК Мюллер не позволяет вынимать вещи. Не окажете ли Вы большую любезность прислать для изучения фотографии находящихся в Вашем музее лыж?

Я буду очень Вам благодарен, если Вы вскоре захотите взяться за сообщение для Архива Религиоведения.

Наконец, я желаю Вам счастья и процветания в новом году и надеюсь, что Вы полностью поправились после Вашей болезни.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 13.

Фриденау, Хэнельштрассе, 18. от 1.2.10.

Дорогой коллега.

Ваша телеграмма, оба Ваших письма и чек на 200 марок в качестве первого взноса на формирование коллекции по кора и уичоль для петербургского музея дошли до меня. Я переведу деньги в Делиус и К° в Тепик и 75 долларов (приблизительно 160 марок) из них велю отдать моему служащему, к которому я одновременно обращусь, в то время как остальное пока останется у Делиусов. Ваши любезные ответы о подготовке статей для Архива и о подготовке фотографий сибирских лыж я прочел с удовольствием и признательностью.

С наилучшими пожеланиями
полностью преданный Вам
К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918 г. № 61 (242 л.). Л. 113–114.
№ 111.

Фриденау, Хэнельштрассе, 18
от 3 сентября 1910 г.

Уважаемый коллега.

Прошло много времени с тех пор, как Вы прислали 200 марок для сбора коллекции по кора и уичоль через моего бывшего служащего Партиду, который проживает среди них. Вы уже удивляетесь, почему не получаете дальнейших вестей об этом. Но только сейчас я получил от него сообщение о том, что только сейчас деньги поступили в его распоряжение, поскольку он долгое время болел и не мог поддерживать прямой связи с Тепиком, где тем временем в немецкой фирме Делиус и К° хранились деньги. Теперь я отправляю Вам расписку Партиды о выданных ему 75 долларах. Остальное остается в руках Делиус и К° для платы за провоз и т.д. до следующей железнодорожной станции. Я надеюсь, что все пойдет быстрее.

Т.к. Партида написал, что с 75 долларами он многого собрать не может и фактически имеет ряд прямых расходов, чтобы получить вещи, то я считаю целесообразным насколько возможно быстрее отправить ему следующие 200 марок, с тем чтобы развязать ему руки и дать возможность проявить усердие. Остальное можно отправить ему после прибытия первых коллекций.

Сейчас Вы возвращаетесь с Конгресса в Буэнос-Айресе или еще едете на Конгресс в Мехико? Как обстоят дела с вашей поездкой к гилякам? Жаль, что я так мало от Вас слышал. Надеюсь, что Вы в добром здравии прочтете это письмо в Петербурге.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 56 (437 л.). Л. 394.

5/18 ноября 1910 г.

№ 109.

Доктору Карлу Теодору Пройсу.

Глубокоуважаемый коллега.

Несколько дней назад я вернулся из поездки и среди поступивших за время моего отсутствия писем нашел Ваше послание. Одновременно пересылаю упомянутые Вами 200 марок. Что касается меня, то я был не в Аргентине и не в Мексике, а на Амуре и Сахалине, где я продолжил изучать гольдов и гиляков. Моя поездка прошла успешно, и я собрал новый материал. После того как я завершу накопившиеся во время моего отсутствия текущие дела, я напишу Вам более подробно.

Л. Штернберг.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 15.

Фриденау, Хэнельштрассе, 18. от 15.12.10.

Глубокоуважаемый коллега.

Прежде всего, я хотел бы поздравить Вас с благополучным возвращением из успешной научной экспедиции к гилякам и гольдам. Вы ведь хотели там еще закончить Ваш материал для публикации Джезуповской экспедиции? Т.е. Вы несомненно использовали Ваше время с большей пользой, чем если бы Вы поехали на Конгресс в Америку. Жаль только, что каждая поездка влечет за собой так

много работы в связи с публикацией материалов. В настоящее время я нахожусь под грузом моего первого тома путешествий, который содержит тексты кора. На данный момент напечатано 5 листов. Т.е. не хватает еще почти всего.

Подтверждаю получение 200 марок для моего собирателя Сотеро Партида. Я отправил их в Делиус и К^о в Тепик с просьбой ему из этого 90 долларов вручить, как только он что-нибудь принесет.

С наилучшими пожеланиями и поздравлениями
с Рождеством и Новым годом
преданный Вам
К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. Ед.хр. 62 (198 л.). Л. 95.
№ 88.

Фриденау, Хэнельштрассе, 18. от 14.8.11.
Глубокоуважаемый коллега!

Вопреки ожиданию мой служащий Сотеро Партида отправил Вам следующие коллекции согласно прилагаемому списку. Я мог бы теперь рассчитывать на перевод еще оставшихся 200 марок с тем, чтобы переслать их бедняге. Если Вы желаете, принимая во внимание обширность коллекции, заплатить ему больше, то я ничего против этого не имею. Мое прошлое письмо, к сожалению, осталось без ответа.

С наилучшими пожеланиями,
преданный Вам К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 16–17.
Фриденау, Хэнельштрассе, 18. от 23.9.11.
Уважаемый коллега!

Ваше дружеское письмо от 19 августа, так же, как и авизованные деньги (200 марок), я получил и переслал последние далее в Тепик. Примите мою благодарность за это. Я могу себе живо представить, что эти чисто личные придирки, которые Вам ежедневно приходится терпеть, не дают спокойствия внутреннему миру. Адлер на самом деле в июле был здесь и говорил со мной в том, о чем Вы намекаете в Вашем письме. Но я Вас знаю достаточно хорошо, и у меня с давних пор было не очень хорошее впечатление об Адлере, чтобы я мог

ему доверять. Я надеюсь, что Вы во время Вашего летнего отпуска забудете все плохое и хорошо отдохнете.

Между тем наш музей получил уже несколько вещей от моего служащего из Мексики, среди которых находятся экземпляры, о которых я Вас просил для нашего музея. Теперь больше не требуется их отправлять. Однако я очень благодарен Вам за Вашу готовность.

Сердечный привет от меня и моей жены
остаюсь всегда в самом дружеском расположении
Ваш К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). № 63 (520 л.). Л. 185.

22 февраля 1912 г., № 33.

Доктору Т.К. Пройсу

Уважаемый коллега.

Мы предварительно переводим Вам 400 марок для индейца, который собрал мексиканские коллекции. В случае, если Вы обнаружите, что этой суммы недостаточно, уведомите нас, пожалуйста, об этом, и мы немедленно переведем недостающее. Прошу Вас не обижаться на то, что мы, не известив Вас, представили Вас к ордену через Академию. При выборе ордена мы руководствовались немецкими статутами. Нам было бы очень приятно, если бы Ваш индеец и впредь стал собирать коллекции для нашего музея.

Вы собираетесь посетить Конгресс Американистов? Я непременно поеду туда. Если Вы не поедете, тогда мы увидимся в Берлине, куда я заеду на обратном пути.

Л. Штернберг.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 64 (297 л.). Л. 50.

Фриденау, Хэнельштрассе, 18, от 9.4.12.

№ 44.

Уважаемый коллега.

400 марок, который Вы любезно исходатайствовали для моего индейца, поступили в мое распоряжение. И половины было бы достаточно. Тем не менее я сердечно Вас за это благодарю. Я отправлю ему деньги в двух частях с тем, чтобы он больше от этого имел. То, что Вы кроме того инициировали награждение меня орденом, далеко превосходит мои заслуги. Я получил уже достаточное удо-

влетворение тем, что я могу ему помочь и узнаю от него многое о моих индейцах.

Я рад, что Вы тоже поедете на Конгресс в Лондон. Я надеюсь быть с Вами вместе. Возможно, меня будет сопровождать моя жена.

С наилучшими пожеланиями,
всегда преданный Вам К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 19–20.

Фриденау от 9 августа 1912 г.

Уважаемый коллега!

Несколько недель назад я получил любезно выхлопотанный Вами орден св. Станислава 3-й степени одновременно с моим назначением на должность профессора со стороны прусского правительства. Я уведомляю Вас об этом и одновременно выражаю Вам сердечную благодарность за Ваши старания. Как я уже сказал, я не заслужил его за те несколько писем, что я написал в интересах петербургского музея. Вы меня очень обяжете, если скажете мне, должен ли я передать еще какую-либо официальную благодарность кому-либо.

Хочется надеяться, что лондонский конгресс со всеми сопутствующими ему поездками пойдет Вам на пользу.

С самым дружеским приветом
искренне преданный Вам
К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 64 (297 л.). Л. 259.
№ 205.

Генеральное управление Императорских музеев.

КГЛ. Музей народоведения.

Берлин С.В. 11, Кёнихгретцер штрассе 120.

21 декабря 1912 г.

Господину советнику доктору Льву Штернбергу, Петербург, Академия наук, Императорский этнографический музей.

Уважаемый коллега!

Я Вам горячо рекомендую к приобретению коллекцию господина Уле (ботаника). У нас уже есть коллекция из тех мест от доктора Коха, который путешествовал по верхней Риу-Бранку до Рораймы, и поэтому мы можем принять только половину, тем более что Кох,

который все еще находится в пути, возможно, еще больше оттуда придет. Однако купленная нами коллекция еще не разобрана, чтобы собиратель сам ее мог разделить, чтобы продать ее в двух частях. Вторая часть уже предложена в Лейпциг. Но Верле может рассчитывать на то, что также и для него Кох уже собрал. Коллекция от господина Уле исключительно недорого.

С дружеским приветом,
Ваш К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). № 63 (520 л.). Л. 340.
242.

28 декабря 1912 г.

Доктору К.Т. Пройсу

Берлин.

Уважаемый коллега.

Благодарю Вас за ваше письмо. Когда цена за рекомендованную Вами коллекцию будет установлена, мы ее купим, т.к. Вы характеризуете ее как интересную для науки.

Одновременно выражаю Вам свою благодарность за любезно отправленные Ваши труды и посылаю Вам и Вашей семье сердечнейшие поздравления с Новым годом.

С самым дружеским приветом
преданный Вам Л. Штернберг.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 21–22.

Государственные музеи.

Государственный музей народоведения.

Берлин СВ 11, Кёнихгретцер штрассе 120.

от 2.1.1926.

Уважаемый и дорогой друг!

Ваше письмо, доставленное незадолго до конца года, очень меня обрадовало. Моя жена и я благодарим Вас за Ваши любезные пожелания к Новому году и отвечаем Вам на них сердечнейше. Чрезвычайно жаль, что мы больше не поддерживаем связь друг с другом, т.к. мы в наших этнологических склонностях и воззрениях удивительно хорошо подходим друг другу. К сожалению, у меня не часто

бывает возможность следить за Вашими трудами, по причине того, что Вы обычно пишете на русском языке.

Ваша работа на заседаниях гётеборгского Конгресса Американистов стала, к счастью, исключением, поэтому во время праздников я ее подробно изучил. Заключение, которое Вы извлекаете из представления о сексуальном избрании божества у сибирских народов, по моему мнению, совершенно обоснованны. Ваши толкования, включая и те, в которых Вы касаетесь умирающего и воскресающего бога и ритуальной проституции, вполне обоснованны и твердо опираются на факты, которые, кроме того, еще никогда более или менее разумно не были освещены. Вместе с тем Вы должны признать, что никогда еще дуб не падал от одного удара, и тема слишком важна, чтобы материал мог считаться более или менее исчерпанным, пока не будет достигнуто окончательное решение. Насколько я вижу, сексуальный выбор шаманов распространен не повсеместно, и встречаются умирающие и воскресающие боги также без сексуального оттенка божественного избрания. Я думаю, что для полного понимания важно иметь представление о большем географическом распределении, и считаю крайне плодотворным, если Вы и далее будете направлять Ваши силы на эти вскрытые Вами представления, которые я считаю в высшей степени важными. Возможно, однажды Вы напишете об этом статью для моего Архива Религиоведения, где Вашу статью о гиляках все еще хорошо вспоминают и где как раз эта тема божественного избрания в его связях с культурными народами вызовет особый интерес. Когда я буду писать свою общую религиоведческую статью для Архива, я, разумеется, тоже отмечу работу надлежащим образом, но было бы лучше, если Вы сами что-нибудь об этом написали бы. Я охотно готов проверить Ваш труд относительно немецких оборотов речи.

Ваша работа о рождении близнецов также кажется исключительно интересной, и я уже радуюсь Вашему «культу орла», из которого господин Финдейзен мне кое-что сообщит. В следующем месяце, вероятно, выйдет моя книга о кбаба, один экземпляр которой я, надеюсь, смогу Вам послать.

И, наконец, еще одно маленькое музейное дело.

У нас в музее есть только первый том за 1918 г. вашего Сборника Музея этнографии ленинградской Академии наук, и мы очень хотели

бы получить остальные тома в обмен на переданный Вам Бесслер-Архив.

Кроме того, господин Финдейзен сказал мне, что в местную Академию поступил первый том Азиатского музея в Ленинграде (1925). Может быть, было бы возможно, чтобы мы тоже смогли получить этот новый журнал.

Журнал по социологии и этнопсихологии, о котором Вы меня спрашиваете, несомненно, является добротным и интересным журналом, но он дает сравнительно немного о первобытных народах и ориентирован более на антропологию, в том числе современную.

Желая и надеясь, что Вы наряду со своей служебной деятельностью сможете найти достаточно свободного времени для занятий Вашими научными работами и исследованиями, остаюсь дружески преданным Вам

К.Т. Пройс.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. № 238. Л. 23.

Берлин-Фриденау, Хэнельштрассе, 18, от 24.4.29.

Многоуважаемая и дорогая сударыня!

К сожалению, во время прибытия Вашего послания и работы Вашего покойного супруга о культе близнецов я находился в Италии, поэтому лишь теперь после возвращения я могу подтвердить получение. Я прочитал работу немедленно и логичностью выводов и систематическим рассмотрением проблемы очень удовлетворен, убежден и обрадован. Если я Вас правильно понимаю, статья сначала должна остаться лежать здесь, с тем чтобы позднее быть опубликованной вместе с другими в одной книге. Конечно, я хотел бы также разместить ее и в немецком журнале. Было бы, впрочем, приятно знать, что статья уже вышла в русском журнале.

Благодаря превосходному содержанию статьи, для меня вдвойне радостно быть полезным моему покойному другу и Вам в публикации.

С благодарностью,
искренне преданный вам

К.Т. Пройс.

Н.Д. Светозарова, А.А. Бурыкин, А.Х. Гирфанова

**Фонографические записи Л.Я. Штернберга
в Фонограммархиве Института Русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН**

Л.Я. Штернберг¹, как и его современники (В.И. Иохельсон, С.М. Широкогоров, В.И. Анучин и другие исследователи языка, этнографии, фольклора и этнической музыкальной культуры народов Сибири рубежа XIX — первых двух десятилетий XX в.) вошел в историю отечественной науки как один из основоположников аудиоэтнографии. Он принадлежит к первому поколению ученых, которые начали осуществлять звукозаписи образцов языка и фольклора изучаемых народов с использованием фонографа.

В наши дни фонографические записи, сделанные выдающимися исследователями этнографии народов Сибири, не слишком часто привлекают внимание исследователей. Отчасти причиной такого положения дел является то, что они находятся ныне не в коллекциях Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамеры), а в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Обращение к материалам коллекций аудиозаписей показывает, что применение первых звукозаписывающих аппаратов-фонографов для записи образцов речи и произведений устного народного творчества началось в России с самых первых лет распространения фонографической техники и имело место менее чем через 10 лет после изобретения фонографа. Звукозаписывающие аппараты стали спутниками известнейших русских фольклористов и этнографов в их научных экспедициях в самые отдаленные уголки Севера и Сибири.

В Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранятся обширное собрание записей разных жанров фольклора тунгусских и монгольских народов, сделанных С.М. Широкогоровым и Е.Н. Широкогоровой и относящихся к 1910-м годам, многочисленные записи фольклора алеутов и народов Тихоокеанского побережья России, осуществленные В.И. Иохельсоном, уни-

¹ См. о нем: [Гаген-Торн 1975].

кальные собрания образцов устного народного творчества народов Южной Сибири, записанные С.Е. Маловым и А.В. Анохиным, коллекции записей фольклора кетов и других народов Енисейского Севера, собранные В.И. Анучиным, Н.К. Каргером и другими исследователями. Заметное место среди них занимает и коллекция записей фольклора народов Дальнего Востока, собранная Л.Я. Штернбергом в 1910 г. [Прокофьев 2007].

Собрание фонографических записей, сделанных разными учеными в 1900–1917 гг., в наши дни предоставляет в распоряжение исследователей уникальные образцы эпических жанров фольклора, повествовательной прозы, а также многочисленные записи шаманских камланий различных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые позволяют судить о звуковой технике самых разных религиозных и шаманских ритуалов [Бурыкин, Гирфанова, Кастров и др. 2005].

Фонографические записи Л.Я. Штернберга, хранящиеся в Фонограммархиве ИРЛИ, составляют коллекцию № 020 собрания этого хранилища аудиоматериалов по фольклору и музыкальной культуре народов России и мира. Записи выполнены в ходе одной экспедиции, осуществленной летом 1910 г., они сделаны на восковых валиках (фонографических цилиндрах) на территории Амурского края от нанайцев, нивхов, негидальцев и эвенков. Эти материалы переданы в Фонограммархив ИРЛИ вместе с другими собраниями аудиозаписей из Музея антропологии и этнографии в 1931 г. В Рукописном фонде Фонограммархива имеется предварительное описание этой коллекции, выполненное С.М. Широкогоровым (ФА РФ. П. 61). Коллекция № 20 — собрание фонозаписей Л.Я. Штернберга — в общей сложности насчитывает 43 фоновалика.

Наибольшее число записей — 20 валиков — составляют записи от нивхов (ФВ 981.01 — ФВ 1000.01). Прозаический фольклор нивхов в собрании Л.Я. Штернберга представлен сказкой «Путун» (ФВ № 981–984) и «шаманской сказкой», т.е., вероятно, рассказом-быличкой (ФВ № 999–1000: исполнитель — Одрайн). По сказочным текстам удастся определить, что записи относятся к амурскому диалекту нивхского языка. В материалах по нивхскому фольклору Л.Я. Штернберга присутствует еще шесть песен, записанных от Одрайна, пять из которых определены собирателем как шаманские,

а также шесть песен иной жанровой принадлежности, из которых три записаны от Одрайна, две — от Табона и одна — от неизвестного исполнителя.

Как можно судить, нивхская коллекция Л.Я. Штернберга является первым опытом по записыванию образцов фольклора нивхов на фонограф. Все записи Л.Я. Штернберга отличаются хорошим качеством звучания и при наличии информантов или квалифицированных специалистов по нивхскому языку могут быть расшифрованы.

14 валиков из коллекции Л.Я. Штернберга составляют записи, сделанные от нанайцев (ФВ 967.01 — ФВ 980.01). Прозаический фольклор нанайцев в коллекции Л.Я. Штернберга представлен одним охотничьим рассказом (ФВ № 967) и сказкой с распевом (ФВ № 980), а также текстом под названием «История Хадо» — начало текста «Хадо балзихани — Хадо родился» (ФВ № 978–979, конец отсутствует). Судя по имени персонажа Хадо, текст является записью мифа о трех солнцах, широко распространенного у нанайцев и ряда народов Дальнего Востока. Качество этой записи позволяет надеяться на ее расшифровку. К записям, сделанным Л.Я. Штернбергом от нанайцев, относятся также шаманская песня «Сывыну охор», исполнявшаяся при трудных родах, и личные песни от пяти информантов.

Шесть валиков представляют записи Л.Я. Штернберга, произведенные у негидальцев (ФВ 1001.01 — ФВ 1006.01). Эти записи составляют четыре личных песни (ФВ № 1001–1003) и предание о первом человеке, женившемся на дочери рассвета — это предание, как можно судить из опыта прослушивания его, представляет собой вариант героического сказания, близкий к образцам аналогичного жанра, бытующим у эвенков. Запись «Предание о первом человеке, женившемся на дочери рассвета» (ФВ № 1005–1006: текст не имеет конца) представляет собой негидальский вариант тунгусского эпического сказания, героем которого выступает богатырь Умусликон («Одинокый»), который женится на девушке с именем Гевак («Рассвет»). Негидальские версии эвенкийских эпических сказаний фиксировались другими собирателями (в частности, В.И. Цинциус и К.М. Мыльниковой) (см.: [Цинциус 1970]) и известны в литературе по тунгусскому фольклору. Как и другие материалы Л.Я. Штернберга, все негидальские записи имеют хорошее качество звучания

и могут быть прослушаны специалистами по северно-тунгусским языкам.

Три валика из коллекции Л.Я. Штернберга — это записи от эвенков (ФВ 1007.01 — ФВ 1009.01). На них зафиксированы автобиографический рассказ (видимо, один из первых образцов такого жанра), документирующий живую речь информанта на описываемом языке (ФВ № 1007), и две песни-импровизации (ФВ № 1008–1009).

Насколько можно судить по имеющимся каталогам, фоновалики Л.Я. Штернберга являются наиболее ранними образцами записей речи и фольклора эвенков. Более обширное, но худшее по качеству звучания, в основном вследствие работы с валиками в 1920–1930 годы, собрание образцов фольклора эвенков на фоноваликах принадлежит С.М. Широкогорову и Е.Н. Широкогоровой.

Качество этих записей, как и всех записей из коллекции Л.Я. Штернберга, хорошее, и они вполне пригодны для прослушивания и расшифровки.

Работа Л.Я. Штернберга в области записи аудиоматериалов по фольклору народов Сибири не ограничивалась использованием фонографа в экспедиции 1910 г. В рукописном фонде Фонограммархива имеется регистрационный лист, составленный Л.Я. Штернбергом [Фонограммархив ИРЛИ. Рукописный фонд. Папка 58. Л. 15], относящийся к коллекции № 030 Фонограммархива. В нем содержатся записи А.Н. Липского, выполненные на восковых валиках (фонографических цилиндрах) в 1915 г. от алтайцев. Эта коллекция, как и записи Л.Я. Штернберга, была передана в Фонограммархив ИРЛИ из Музея антропологии и этнографии в 1931 г.

Материалы по фольклору нивхов и других народов Приамурья расширяют наши представления о Л.Я. Штернберге как собирателе фольклора и существенно пополняют имеющиеся печатные издания образцов нивхского фольклора, которые ученый успел подготовить в 1900-е годы накануне своей последней экспедиции на Дальний Восток [Штернберг 1900; 1908].

Несмотря на то что работа с фонозаписями начала XX в. имеет технические сложности и требует хорошего знания языков изучаемых народов и специальной подготовки и навыков, фонографические записи Л.Я. Штернберга вызывают значительный интерес у исследователей, и они должны быть востребованы при изучении

нивхского, нанайского, негидальского и эвенкийского фольклора в первые десятилетия XXI в.

Библиография

Бурькин А.А., Гирфанова А.Х., Кастров А.Ю., Марченко Ю.И., Светозарова Н.Д., Шифф В.П. Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

Прокофьев М.М. Последняя экспедиция Л.Я. Штернберга на Дальний Восток // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее). Вып. 11. Южно-Сахалинск, 2007. С. 312–317. [URL] <http://panda.bg.univ.gda.pl/ICRAP/ru/prokofyev11-1.htm>.

Цинциус В.И. Негидальский вариант сказаний восточных тунгусов // Фольклор и этнография. Л., 1970.

Штернберг Л. Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора // Известия Императорской Академии наук. Серия V. Т. 13. № 4. СПб., 1900. С. 387–434.

Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Т. I. Образцы народной словесности. Ч. 1. Эпос (поэмы и сказания, первая половина). Тексты с переводом и примечаниями. Пг., 1908. С. I–XII, 1–232.

Н.В. Ушаков

Значение Инструкции по регистрации коллекций МАЭ РАН Л.Я. Штернберга для полевой документации, камеральной обработки и архивации современных цифровых полевых этнографических материалов

В нашей статье мы попытаемся оценить систему нумерации учетных единиц этнографических вещевых коллекций (номер коллекции — номер учетной единицы — вещи), предложенную Л.Я. Штернбергом, и показать, что она подходит для нумерации учетных единиц современных цифровых полевых материалов всех видов (номер цифровой коллекции — номер учетной единицы — файла).

Система нумерации учетных единиц дана в инструкции для регистрации коллекций МАЭ РАН, составленной Л.Я. Штернбергом

[Штернберг 1916] и утвержденной директором МАЭ В.В. Радловым. В ней четко изложен не только принцип нумерации учетных единиц, но и правила составления музейных описей, книг поступлений (учет на уровне коллекций) и приемов работы с предварительными документами — полевыми списками вещей. В настоящей работе рассматривается только система нумерации учетных единиц коллекций (рассмотрение документов описаний — тема отдельной работы).

1. Система нумерации учетных единиц вещевых этнографических коллекций, предложенная Л.Я. Штернбергом.

Первоочередной задачей музея является учет хранимого материала. Он основан на определении учетных единиц и их идентичной нумерации. Учетными единицами вещевых коллекций являются сами вещи, это одновременно формальные и содержательные единицы, носящие неизменный характер. Учет вещевых коллекций заключается в присвоении учетным единицам-вещам номеров, позволяющих однозначно идентифицировать вещь. В большинстве музеев фонды формируются путем поступления отдельных вещей. Здесь удобно использовать линейную систему нумерации учетных единиц-вещей, сквозную по всем экспонатам музея, — № 1–10 000. Именно эта система в силу ее простоты утверждена в качестве норматива Министерством культуры.

Вещевые фонды этнографических музеев формировались путем поступления не отдельных вещей, а их собраний (коллекций). Конкретные собрания вещей были привезены из определенной страны, отражали быт и культуру конкретного народа, имели географическую привязку к конкретному району и были собраны одним собирателем в определенный период. Поэтому нужно было учитывать не только отдельные вещи, но и их собрания (коллекции), обладающие общими характеристиками.

Исходя из этого Л.Я. Штернберг предложил для регистрации вещевых этнографических коллекций иную систему нумерации учетных единиц: номер коллекции — номер вещи. Номера вещей привязывались к номерам коллекций (табл. 1–3).

Таблица 1**Номера учетных единиц, привязанных к номерам коллекций**

Номера коллекций	1	2	3	4	5	6
Номера учетных единиц	1-(1-100)	2-(1-50)	3-(1-75)	4-(1-200)	5-(1-15)	6-(1-35)

Таблица 2**Количество учетных единиц в коллекции**

625-(1-50) Количество учетных единиц (вещей) в коллекции

Таблица 3**Нумерация учетных единиц вещевых коллекций — музейный номер из двух частей**

625-25 Номер коллекции — учетный номер единицы (вещи)

Музейный номер состоял из двух частей, например 625-25, где первый номер — номер коллекции, второй номер — номер учетной единицы (вещи).

Система нумерации учетных единиц, предложенная Л.Я. Штернбергом, идеально подходила для учета вещевых этнографических коллекций. Она лежит в основе музейной регистрации предметных этнографических коллекций центральных российских этнографических музеев — МАЭ и РЭМ. Данная система нумерации позволяла точно учитывать как коллекции, так и вещи, вне зависимости от того, в каком фонде эти вещи хранятся и из вещей какого фонда состоит экспозиция.

Этот принцип с успехом используется и при составлении музейных баз данных. В базе данных МАЭ (КАМИС) все описания вещей и их цифровые фотографии привязываются к музейному номеру (номер коллекции — номер вещи). При цифровой фотосъемке экспонатов фотографиям экспонатов даются их музейные номера, например 625-25. С учетом того что экспонат снимают в нескольких ракурсах, сумма цифровых фотографий конкретного экспоната обозначается дополнительным номером через подчеркивание: 625-25_001, 625-25_002, 625-25_003... Этот принцип подробно изложен в Методических разработках лаборатории аудиовизуальной антропологии МАЭ.

В целом можно сказать, что система нумерации учетных единиц вещевых коллекций, разработанная Л.Я. Штернбергом, блестяще прошла испытание временем и практикой.

2. Система нумерации учетных единиц цифровых этнографических коллекций.

Система нумерации учетных единиц вещевых коллекций, предложенная Л.Я. Штернбергом, с условием ее дальнейшей разработки подходит и для нумерации учетных единиц цифровых полевых этнографических материалов (номер цифровой коллекции — номер файла).

Учет — это первичная система. Научные классификации — это следующий этап, и они возможны только тогда, когда мы свободно оперируем учетными единицами.

В компьютерном мире информация может существовать только в виде файла, и именно файлы — это одновременно формальные, содержательные единицы, носящие неизменный характер. Это позволяет полноправно определить файлы как учетные единицы.

Файлы цифровых полевых этнографических материалов разных видов (фотофайлы аудиофайлы, видеофайлы) объединяются в соответствующие виды цифровых коллекций (фото-, аудио-, видео-), аналогично вещам, объединенным в вещевые коллекции. Файлы цифровых коллекций имеют общие характеристики (экспедиция, этнос, район, собиратель, время). Соответственно, для цифровых полевых этнографических материалов также подходит система нумерации учетных единиц Л.Я. Штернберга (табл. 4–6).

Таблица 4

Номера учетных единиц — файлов, привязанных к номерам цифровых коллекций

Номера цифровых коллекций	00001	00002	00003 и т.д.
Номера учетных единиц — файлов	00001-(0001–0100)	00002-(0001–0200)	00003-(0001–0050) и т.д.

Таблица 5

Количество учетных единиц — файлов в цифровых коллекциях

00625-(0001–0100)	Количество учетных единиц (файлов) в цифровой коллекции

Таблица 6**Нумерация учетных единиц цифровых коллекций — архивный номер из двух частей**

00625-0025 Номер цифровой коллекции — номер учетной единицы (файла)

Цифровые материалы различаются по видам, следовательно, необходимо определить учетные единицы (файлы) в каждом конкретном виде цифровых материалов.

Можно выделить семь видов цифровых полевых этнографических материалов (табл. 7).

Таблица 7**Семь видов цифровых материалов**

Название	Пояснения
1. Цифровые текстовые материалы	1. Текстовые записи — части полевых дневников (текстовых файлов).
2. Цифровые иллюстративные материалы	2. Цифровые рисунки и чертежи, сделанные сразу в ноутбук или сканы аналоговых рисунков и чертежей на отдельных листах*.
3. Цифровые фотоматериалы	3. Цифровые фотокадры — фотофайлы.
4. Цифровые аудиоматериалы	4. Цифровые треки — аудиофайлы.
5. Цифровые видеоматериалы	5. Цифровые видеокадры — видеофайлы.
6. Предметные материалы	6. Цифровые фотокадры (фотофайлы) вещей, чтобы было удобно оперировать вещевыми сборами в ноутбуке.
7. Цифровые копии	7. Сканы или цифровые репродукционные фотографии аналоговых фотографий, рисунков и чертежей и рукописных, машинописных, печатных текстов информантов.

* Простые рисунки и чертежи можно сразу делать в ноутбуке, сложные рисунки и чертежи проще сначала нарисовать на отдельных листах, а затем сканировать и оперировать уже оцифрованными аналоговыми рисунками и чертежами.

Виды цифровых фондов строго соответствуют видам цифровых материалов (табл. 8).

Таблица 8

Семь видов цифровых фондов — семь видов цифровых материалов

1. Цифровой текстовой фонд	1. Цифровые текстовые материалы
2. Цифровой иллюстративный фонд	2. Цифровые иллюстративные материалы
3. Цифровой фотофонд	3. Цифровые фотоматериалы
4. Цифровой аудиофонд	4. Цифровые аудиоматериалы
5. Цифровой видеофонд	5. Цифровые видеоматериалы
6. Предметный фонд (цифровые фотографии)	6. Предметные материалы (цифровые фотографии)
7. Фонд цифровых копий: сканов (фото)	7. Цифровые копии — сканы (фото)

Теперь определим учетные единицы (файлы) во всех семи видах цифровых материалов (табл. 9). Из таблицы 9 видно, что для цифровых текстовых материалах — это текстовые записи — части цифровых полевых дневников. Текстовые файлы (полевые дневники) в случае необходимости можно легко разбить на дробные текстовые файлы (текстовые записи). Файлы всех видов цифровых материалов (и текстовые записи — части текстовых файлов) являются одновременно формальными, содержательными единицами, носящими неизменный характер, что позволяет полноправно определить их как учетные единицы.

Таблица 9

Единицы семи видов цифровых материалов — семь видов файлов

Название	Файлы
1. Цифровые текстовые записи — части цифровых полевых дневников	1. Части текстовых файлов
2. Цифровые рисунки и чертежи	2. Иллюстративные файлы
3. Цифровые фотокадры	3. Фотофайлы
4. Цифровые треки	4. Аудиофайлы
5. Цифровые видеокадры	5. Видеофайлы
6. Предметы (цифровые фотокадры)	6. Предметы (фотофайлы)
7. Сканы (фото)	7. Скан файлы (фотофайлы)

Далее остановимся на условных сокращениях в архивных номерах учетных единиц (файлов) всех семи видов цифровых материалов.

Начинаться номера учетных единиц должны с условного сокращения организации, которой принадлежит цифровой полевой архив. Цифровыми коллекциями (файлами) в отличие от аналоговых вещевых коллекций (вещей) можно легко обмениваться с другими организациями в научных целях. Для этого просто делается копия необходимого файла и пересылается адресату через сайт или электронную почту либо записывается на компакт-диски и внешние винчестеры. Поэтому очень важно, чтобы для каждого файла была указана его ведомственная принадлежность (табл. 10).

Таблица 10

Условное обозначение организации для нумерации единиц цифровых материалов

Музей антропологии и этнографии РАН	MAE (англ. Museum Anthropology and Ethnography)

Дальше в номере необходимо указать условное сокращение, обозначающее цифровую форму материалов (табл. 11).

Таблица 11

Условное обозначение цифровой формы для нумерации единиц цифровых материалов

Цифровая форма материалов	D (англ. digital — обозначение цифровой формы)

Затем ставится условное сокращение, обозначающее конкретный вид цифровых материалов (табл. 12).

Таблица 12

Условные сокращения семи видов материалов для нумерации единиц цифровых материалов

1. Текстовые материалы	1. Tx (англ. text — текст)
2. Иллюстративные материалы	2. Pc (англ. picture — рисунок)
3. Фотоматериалы	3. Ph (англ. photo — фото)
4. Аудиоматериалы	4. Au (англ. audio — аудио)

5. Видеоматериалы	5. Vd (англ. video — видео)
6. Предметные материалы	6. Ob (англ. object — предмет)
7. Копии — сканы (фото)	7. Cp (англ. copy — копия)

Английские буквы в сокращениях, вставленных в номера файлов, облегчают работу с этими файлами в любых программах, а не только русскоязычных.

Только после этих условных сокращений ставятся номера цифровых коллекций, к которым привязываются номера файлов.

В архивной нумерации учетных единиц номер состоит из пяти частей: сокращение организации, сокращение цифровой формы, сокращение вида материалов, номер коллекции, номера файлов (табл. 13).

Таблица 13

Архивная нумерация учетных единиц (файлов) всех видов цифровых материалов: номер коллекции — номера файлов

№ коллекции — № фай-	Пояснение номеров коллекции — номеров фай-
лов	лов
1. МАЕ-DTx-00001-(01–30)	1. Номер текстовой коллекции — номер текст. записи (части текст. файла)
2. МАЕ-DPc-00001-(01–60)	2. Номер иллюстративной коллекции — номер рисунка (иллюстр. файла)
3. МАЕ-DPh-00001-(0001–0300)	3. Номер фотоколлекции — номер фотокадра (фотофайла)
4. МАЕ-DAu-00001-(01–30)	4. Номер аудиокolleкции — номер трека (аудиофайла)
5. МАЕ-DVd-00001-(001–150)	5. Номер видеокolleкции — номер видеоккадра (видеофайла)
6. МАЕ Ob 5001-(1–60) **	6. Номер предметной коллекции — номер вещи, фото вещи (фотофайла)
7. МАЕ-Cp-00001-(001–150)	7. Номер коллекции копий — номер скана (скан файла), фото (фотофайла)

* Только вещи не имеют цифровой формы. Поэтому обозначения цифровой формы «D» нет в нумерации цифровых фотографий вещей.

****** Как уже говорилось, в МАЭ существует принятая практика нумерации экспонатов (вещей) по системе Л.Я. Штернберга. Это номер коллекции и номер вещи — 625-25. Номера вещевых коллекций обозначаются просто номерами без всяких условных обозначений — 1–4000 (сейчас уже идут четырехтысячные номера коллекций). Так же нумеруются цифровые фотографии вещей. Соответственно, условное обозначение нашей организации — МАЭ — и условное обозначение вида коллекции — Ob — здесь дано без дефиса и только для обозначения цифровых фотографий вещей, согласно системе архивных номеров семи видов цифровых материалов, предложенной в настоящей разработке.

Компьютер воспринимает нумерацию файлов в виде «строки», т.е. номера с нулями — 00001, 00002... Не случайно автоматические номера файлов — фотокадров, треков, видеокادров цифровых фотоаппаратов, диктофонов, видеокамер — даны с нулями. Раз у нас цифровые материалы, то предлагается в нумерации файлов использовать нули, чтобы в любых ситуациях последовательность файлов была строго в порядке возрастания номеров. (При обычной нумерации файлов — 1,2,3,4,5,6,7,8,9,10,11... компьютер в ряде программ может дать последовательность — 1,10,11,2,3,4,5,6,7,8,9..., что неудобно).

Для номеров цифровых коллекций предлагается пятизначный номер — 00001, так как вряд ли в архиве будет больше 100 000 (99 999) коллекций любых видов материалов.

Для нумерации файлов видовых коллекций предлагаются двузначные, трехзначные и четырехзначные номера — 01, 001, 0001. Это зависит от среднего количества собираемых файлов по конкретным видам материалов (см. табл. 13). Если файлов окажется больше, то всегда можно добавить в номер 0. Это позволит иметь нумерацию файлов всегда в строгом порядке возрастания номеров. Исключение сделано только для нумерации вещей и фотофайлов (фотографий) вещей. Здесь она продолжает традиционную нумерацию вещевых коллекций в МАЭ — 1-(1–50)...4000-(1–100).

3. Полевая, камеральная, архивная стадии нумерации учетных единиц (файлов).

Вопрос архивной нумерации учетных единиц цифровых материалов (файлов) методически решен, однако в МАЭ пока нет цифрового

полевого архива. Соответственно, нет системы учета цифровых коллекций, по которой видовым экспедиционным цифровым собраниям даются идентичные номера видовых цифровых коллекций. Это функции отдела учета, так как сотрудник не может сам определять номер коллекции, в этом случае, например, у всех цифровых фотоколлекций будет номер МАЕ-DPh-00001.

Встает вопрос, какие номера давать учетным единицам (файлам) собранных цифровых материалов до архивации, чтобы легко заменить их архивными номерами видовых коллекций тогда, когда в МАЭ появится цифровой полевой архив.

Для решения этого вопроса необходимо определить стадии полевой работы с цифровыми материалами и соответствующие им стадии нумерации учетных единиц — файлов (табл. 14).

Таблица 14

Стадии работы с цифровыми полевыми материалами — стадии нумерации учетных единиц (файлов)

1-я стадия	1. Полевая документация	1. Полевая нумерация
2-я стадия	2. Камеральная обработка	2. Камеральная нумерация
3-я стадия	3. Архивация	3. Архивная нумерация

Полевой документации предшествует нулевая стадия — полевой сбор. Ей соответствует рабочая нумерация (автоматические номера файлов — фотокадров, треков, видеокadres в цифровых фотоаппаратах, диктофонах, видеокамерах), которая в процессе полевой документации переводится в полевую нумерацию. Электронным текстовым записям, цифровым рисункам, вещам, сканам можно сразу, при полевом сборе, давать номера полевой документации.

Нам необходимо рассмотреть полевую и камеральную нумерации, так как архивная нумерация была рассмотрена выше.

Есть различия в нумерации файлов в полевой и камеральной работе.

Полевая нумерация — это отдельные нумерации файлов в видовых именных собраниях собирателей — сотрудников отряда. (В поле собирателю удобнее вести отдельную нумерацию файлов своих именных видовых собраний, не завися от нумерации файлов других сотрудников отряда). Камеральная документация — это еди-

ная (сквозная) нумерация файлов видовых собраний всех видовых именных собраний сотрудников отряда. Проще говоря, здесь суммируются файлы видовых именных собраний.

Номера самих файлов — это просто номера на любой стадии. Различие полевой, камеральной и архивной нумерации заключается в разных обозначениях собраний (коллекций) в них. Соответственно, мы заменяем архивные номера коллекций сокращениями полевых собраний — идентичными описательными обозначениями именных собраний в полевой документации и отрядных собраний в камеральной документации.

Предложим следующие условные обозначения для именных собраний в полевой нумерации и отрядных собраний в камеральной нумерации (табл. 15).

В условные обозначения как именных собраний полевой нумерации, так и отрядных собраний камеральной нумерации, разумеется, не вставляется условное обозначение организации, так еще неизвестно, где эти материалы будут архивироваться.

Таблица 15

Элементы условных обозначений именных и отрядных собраний

Идентичные условные обозначения именных собраний — сокращение фамилий тремя английскими буквами. Этого достаточно, так как в отряде всего несколько собирателей.

Ivn — Иван Иванович	Ptr — Петр Петрович	Sdr — Сидор
Иванов	Петров	Сидорович Сидоров

Идентичное условное обозначение собраний Архангельской экспедиции — отряд (здесь три собирателя)

ArhE2010, где Arh — Архангельская экспедиция; E — англ. expedition — обозначение отряда; 2010 — обозначение года — 2010 г.

Условные обозначения именных собраний в полевой документации состоит из двух частей — собиратель, экспедиция (табл. 16).

Таблица 16

Условные обозначения именных собраний

Ivn-ArhE2010	Ptr-ArhE2010	Sdr-ArhE2010

Условные обозначения отрядных собраний в камеральной документации включают только одну часть — обозначение экспедиции (табл. 17).

Таблица 17

Условные обозначения отрядных собраний

ArhE2010

Теперь дадим примеры полевой, камеральной, архивной стадии нумерации учетных единиц (файлов) цифровых полевых материалов (табл. 18). Видно, что во всех видах цифровых материалов полевые номера — это номера файлов отдельных собраний собирателей, а камеральные и архивные нумерации — это суммарные нумерации файлов отрядных собраний, состоящие из сумм номеров индивидуальных собраний. Привязка к именным собраниям на камеральной и архивной стадиях делается уже не в нумерации, а в документах описаний следующим образом (на примере фотоматериалов):

Камеральная нумерация

Отрядное цифровое фотособрание DPh-ArhE2010 состоит из трех именных цифровых фотособраний:

1-е именовое цифр. фотособрание. Иванов И.И. Фотокадры — фотофайлы: DPh-ArhE2010-(0001–0100).

2-е именовое цифр. фотособрание. Петров П.П. Фотокадры — фотофайлы: DPh-ArhE2010-(0101–0200).

3-е именовое цифр. фотособрание. Сидоров С.С. Фотокадры — фотофайлы: DPh-ArhE2010-(0201–0300).

Архивная нумерация

Цифровая фотоколлекция МАЕ-DPh-00001 состоит из трех именных цифровых фотособраний:

1-е именовое цифр. фотособрание. Иванов И.И. Фотокадры — фотофайлы: МАЕ-DPh-00001-(0001–0100).

2-е именовое цифр. фотособрание. Петров П.П. Фотокадры — фотофайлы: МАЕ-DPh-00001-(0101–0200).

3-е именовое цифр. фотособрание. Сидоров С.С. Фотокадры — фотофайлы: МАЕ-DPh-00001-(0201–0300).

Исключение составляют цифровые текстовые материалы, так как их учетные единицы — текстовые записи — являются частями именных полевых дневников (текстовых файлов). Здесь целесообразнее сохранить отдельные номера текстовых записей именных текстовых собраний при камеральной и архивной нумерации, заменив обозначения фамилий собирателей цифрами — 1.2.3.

Можно видеть, что полевая, камеральная и архивная стадии нумерации учетных единиц (файлов) различаются лишь обозначением собраний — коллекций, за исключением суммирования файлов именных собраний.

Таблица 18

Отряд. Три нумерации учетных единиц семи видов цифровых материалов — файлов

Сокращения трех нумераций учетных единиц (файлов) цифровых материалов в целом

П №	Полевая нумерация
К №	Камеральная нумерация
А №	Архивная нумерация

Примеры

1. Три нумерации учетных единиц текстовых материалов — текстовых записей (частей текст. файлов)

П №	DTx-Ivn-Ar- hE2010-(01-10)	DTx-Ptr-Ar- hE2010-(01-10)	DTx-Sdr-Ar- hE2010-(01-10)
К №	DTx-Ar- hE2010.1-(01-10)	DTx-Ar- hE2010.2-(01-10)	DTx-Ar- hE2010.3-(01-10)
А №	MAE- DTx-00001.1-(01-10)	MAE- DTx-00001.2-(01-10)	MAE- DTx-00001.3-(01-10)

2. Три нумерации учетных единиц иллюстративных материалов — рисунков (иллюстрат. файлов)

П №	DPc-Ivn-Ar- hE2010-(01-20)	DPc-Ptr-Ar- hE2010-(01-20)	DPc-Sdr-Ar- hE2010-(01-20)
К №	DPc-ArhE2010-(01-60)		
	DPc-ArhE2010-(01-20)	DPc-ArhE2010-(21-40)	DPc-Ar- hE2010-(41-60)
А №	MAE-DPc-00001-(01-60)		
	MAE- DPc-00001-(01-20)	MAE- DPc-00001-(21-40)	MAE- DPc-00001-(41-60)

3. Три нумерации учетных единиц фото материалов — фотокадров (фото-файлов)

П №	DPh-Ivn-Ar- hE2010-(0001-0100)	DPh-Ptr-Ar- hE2010-(0001-0100)	DPh-Sdr-Ar- hE2010-(0001-0100)
К №	DPh-ArhE2010-(0001-0300)		
	DPh-Ar- hE2010-(0001-0100)	DPh-Ar- hE2010-(0101-0200)	DPh-Ar- hE2010-(0201-0300)
А №	MAE-DPh-00001-(0001-0300)		
	MAE- DPh-00001-(0001-0100)	MAE- DPh-00001-(0101-0200)	MAE- DPh-00001-(0201-0300)

4. Три нумерации учетных единиц аудиоматериалов — треков (аудиофайлов)

П №	DAu-Ivn-Ar- hE2010-(01-20)	DAu-Ptr-Ar- hE2010-(01-20)	DAu-Sdr-Ar- hE2010-(01-20)
К №	DAu-ArhE2010-(01-60)		
	DAu-ArhE2010-(01-20)	DAu-ArhE2010-(21-40)	DAu-Ar- hE2010-(41-60)
А №	MAE-DAu-00001-(01-60)		
	MAE- DAu-00001-(01-20)	MAE- DAu-00001-(21-40)	MAE- DAu-00001-(41-60)

5. Три нумерации учетных единиц видеоматериалов — видеокadres (видео-файлов)

П №	DVd-Ivn-Ar- hE2010-(001-050)	DVd-Ptr-Ar- hE2010-(001-050)	DVd-Sdr-Ar- hE2010-(001-050)
К №	DVd-ArhE2010-(001-150)		
	DVd-Ar- hE2010-(001-050)	DVd-Ar- hE2010-(051-100)	DVd-Ar- hE2010-(101-150)
А №	MAE-DVd-00001-(001-150)		
	MAE- DVd-00001-(001-050)	MAE- DVd-00001-(051-100)	MAE- DVd-00001-(101-150)

6. Три нумерации учетных единиц предмет. материалов — вещей и цифр. фото вещей (фотофайлов)

П №	Ob-Ivn-Ar- hE2010-(1-20)	Ob-Ptr-Ar- hE2010-(1-20)	Ob-Sdr-Ar- hE2010-(1-20)
К №	Ob-ArhE2010-(1-60)		
	Ob-ArhE2010-(1-20)	Ob-ArhE2010-(21-40)	Ob-ArhE2010-(41-60)
А №	MAE Ob 5001-(1-60)		
	MAE Ob 5001-(1-20)	MAE Ob 5001-(21-40)	MAE Ob 5001-(41-60)

7. Три нумерации учетных единиц копий — сканов или фото (скан файлов или фотофайлов)

П №	DCp-Ivn-Ar- hE2010-(001-050)	DCp-Ptr-Ar- hE2010-(001-050)	DCp-Sdr-Ar- hE2010-(001-050)
К №	DCp-ArhE2010-(001-150)		

	DCp-Ar- hE2010-(001-050)	DCp-Ar- hE2010-(051-100)	DCp-Ar- hE2010-(101-150)
А №	MAE-DCp-00001-(001-150)	MAE- DCp-00001-(051-100)	MAE- DCp-00001-(101-150)

В полевой практике бывают не только экспедиционные выезды отрядами, но и индивидуальные экспедиции. В этом случае все видовые собрания принадлежат одному собирателю.

Предложим следующие условные обозначения для индивидуальных собраний в полевой и камеральной нумерации (табл. 19).

Таблица 19

Элементы условных обозначений индивидуальных собраний

Идентичные условные обозначения индивидуальных собраний собирателя: сокращение ФИО собирателя тремя английскими буквами по типу e-mail для идентификации индивидуальных собирателей.

fpi — Федор Петрович Ильин

Идентичное условное обозначение собраний Вологодской экспедиции — инд. выезд (один собиратель)

VolI2010, где Vol — Вологодская экспедиция; I — англ. **individual** — обозначение инд. выезда; 2010 — 2010 г.

Условные обозначения индивидуальных собраний в полевой документации состоят из двух частей — собиратель, экспедиция (табл. 20).

Таблица 20

Условные обозначения индивидуальных собраний

fpi-VolI2010

Теперь дадим примеры полевой, камеральной, архивной стадий нумерации учетных единиц (файлов) цифровых полевых материалов индивидуальных собраний (табл. 21). Во всех видах цифровых материалов как полевые, камеральные, так и архивные номера — это номера файлов индивидуальных собраний, поэтому они повторяются.

Можно видеть, что полевая, камеральная и архивная стадии нумерации учетных единиц (файлов) в индивидуальных собраниях различаются только обозначением собраний — коллекций.

Полевая и камеральная стадия в данном случае идентичны (нет суммирования), поэтому присутствуют только две стадии — полевая и архивная.

Таблица 21

Индивидуальный выезд. Две нумерации учетных единиц семи видов цифровых материалов — файлов

Сокращения трех нумераций учетных единиц (файлов) цифровых материалов в целом

П-К № Полевая нумерация — камеральная нумерации (не различаются)

А № Архивная нумерация

Примеры

1. Три нумерации учетных единиц текстовых материалов — текстовых записей (частей текст. файлов)

П-К № DTx-fpi-VolI2010-(01-10)

А № MAE-DTx-00002-(01-10)

2. Три нумерации учетных единиц иллюстративных материалов — рисунков (иллюстрат. файлов)

П-К № DPc-fpi-VolI2010-(01-20)

А № MAE-DPc-00002-(01-20)

3. Три нумерации учетных единиц фотоматериалов — фотокадров (фотофайлов)

П-К № DPh-fpi-VolI2010-(0001-0100)

А № MAE-DPh-00002-(0001-0100)

4. Три нумерации учетных единиц аудиоматериалов — треков (аудиофайлов)

П-К № DAu-fpi-VolI2010-(01-20)

А № MAE-DAu-00002-(01-20)

5. Три нумерации учетных единиц видеоматериалов — видеокадров (видеофайлов)

П-К № DVd-fpi-VolI2010-(001-050)

А № MAE-DVd-00002-(001-050)

6. Три нумерации учетных единиц предмет. материалов — вещей и цифр. фото вещей (фотофайлов)

П-К № Ob-fpi-VolI2010-(1-20)

А № MAE Ob 5002-(1-20)

7. Три нумерация учетных единиц копий — сканов или фото (скан-файлов или фотофайлов)

П-К № DCP-fpi-VolI2010-(001–050)

А № МАЕ-DCP-00002-(001–050)

Итак, в предложенной системе нумерации учетных единиц (файлов) цифровых материалов номера полевой, камеральной, архивной нумерации легко заменяются друг другом, что делает предложенную систему нумерации удобной для пользования.

Мы представили «идеальный случай»: все файлы, отобранные после полевого сбора (когда убираются плохие по качеству файлы), остаются неизменными на трех стадиях — при полевой документации, камеральной обработке и архивации. Но может быть отбор файлов при камеральной обработке и более серьезный отбор файлов по содержанию при архивации через приемную комиссию цифрового полевого архива, имеющую те же функции, что и фондо-закупочная комиссия МАЭ. Но это не противоречит предложенной методике, ибо отбирать нужные файлы из учтенных легче, чем из неучтенных.

Материалы экспедиций мы представили полным набором видов. Поэтому все видовые архивные коллекции отряда имеют один номер — 00001, а все видовые архивные коллекции индивидуального собирателя имеют один номер — 00002. На практике экспедиции будут привозить неполные наборы видовых собраний в разной комбинации. Поэтому в архиве будет разное количество видовых коллекций. Соответственно, в реальности собранные отрядом и индивидуальным собирателем видовые коллекции будут иметь разные архивные номера (табл. 22–23). То, что коллекции разных видов, собранные одной экспедицией, имеют разные номера, не является существенным недостатком. Фонды архива должны строго соответствовать видам материалов, а принадлежность видовых коллекций к одной экспедиции легко отражаться в документах описаний.

Таблица 22

Конкретные архивные номера цифровых коллекций Архангельской экспедиции 2010-отряд

1. Текст. коллекция Архангельская эксп-2010-отряд 1. МАЕ-DTx-0051-(01–30)

2. Иллюстр. коллекция	Архангельская эксп-2010-отряд	2. МАЕ- DPc-00006-(01-60)
3. Фотоколлекция	Архангельская эксп-2010-отряд	3. МАЕ- DPh-00111-(0001-0300)
4. Аудиоколлекция	Архангельская эксп-2010-отряд	4. МАЕ- DAu-0076-(01-60)
5. Видеоколлекция	Архангельская эксп-2010-отряд	5. МАЕ- DVd-00026-(001-150)
6. Предм. коллекция	Архангельская эксп-2010-отряд	6. МАЕ Ob 5001-(1-60)
7. Коллекция копий	Архангельская эксп-2010-отряд	7. МАЕ- DCp-00016-(001-150)

Таблица 23**Конкретные архивные номера цифровых коллекций Вологодской экспедиции 2010-индивид. выезд**

1.Текст. коллекция	Вологодская эксп-2010-Ильин-индивид. выезд	1. МАЕ- DTx-00052-(01-10)
2.Иллюстр. коллекция	Вологодская эксп-2010-Ильин-индивид. выезд	2. МАЕ- DPc-00007-(01-20)
3.Фотоколлекция	Вологодская эксп-2010-Ильин-индивид. выезд	3. МАЕ- DPh-00112-(0001-0100)
4.Аудиоколлекция	Вологодская эксп-2010-Ильин-индивид. выезд	4. МАЕ- DAu-00077-(01-20)
5.Видеоколлекция	Вологодская эксп-2010-Ильин-индивид. выезд	5. МАЕ- DVd-00027-(001-050)
6.Предм. коллекция	Вологодская эксп-2010-Ильин-индивид. выезд	6. МАЕ Ob 5002-(1-20)
7.Коллекция копий	Вологодская эксп-2010-Ильин-индивид. выезд	7. МАЕ- DCp-00017-(001-050)

Система Л.Я. Штернберга позволяет учитывать блоки — комплексы вещей и группы вещей от одного информанта — и дроби — детали вещей. В цифровых полевых материалах большое значение имеют блоки (например, группы фотокадров фотосюжета) и дроби (например, аудиосюжеты внутри треков, несущие содержательную информацию). В системе нумерации учетных единиц цифровых материалов должен быть учет блоков, привязанных к именным собраниям, и дробей, привязанных к единицам — файлам. В этом случае номера блоков и дробей будут неизменны в полевом, камеральном и архивном номере, что существенно упрощает нумерацию, но это тема отдельной работы.

Систему нумерации учетных единиц должны дополнять документы описаний в виде таблиц. Принцип таблиц един для всех видов цифровых материалов, специфика материалов отражена в деталях таблиц. В них учитываются как единицы, так и блоки и дроби материалов. Есть полная и краткая форма таблиц (краткая форма быстро делается из полной формы путем сокращения). Таблицы отражают три стадии — полевую документацию, камеральную обработку и архивацию, что позволяет быстро описывать цифровые материалы, так как таблицы составляются один раз и потом только меняют полевые, камеральные и архивные номера.

Изложенную систему нумерации должна дополнять система укладки файлов в цифровом архиве. Для простоты поиска в самом цифровом архиве должно быть только три уровня: 1) папки видовых фондов; 2) папки видовых коллекций; 3) видовые учетные единицы — файлы. Информацию о других формах учета — именных собраниях, блоках, дробях — целесообразнее поместить в документы описаний.

Полевая документация — это первичный учет и описание материала в поле. Камеральная обработка — это итоговый учет, описание материала и подготовка его к архивации. Архивация — это окончательный учет и описание материала.

Камеральную обработку (подготовку к архивации) может сделать любой собиратель. Это важно для архивации, так как цифровых полевых архивов все равно будет меньше, чем организаций и собирателей, занимающихся сбором цифровых полевых материалов.

Сейчас есть проблемы с учетом и описанием цифровых полевых материалов, обусловленные свободой в группировке файлов, приводящей к отсутствию системы их учета и огромному количеству файлов. Для создания системы учета и быстрых способов описаний цифровых материалов нужно продолжение научно-прикладных и методических работ, блестяще начатых таким многогранным ученым, как Л.Я. Штернберг.

Библиография

Штернберг Л.Я. Инструкция для регистрации коллекций в Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого. Пг., 1916. Отдельный оттиск.

М.В. Осипова

Этнографические экспедиции на территории Хабаровского края в первые годы советской власти

Внимание к проблемам традиционной материальной и духовной культуры аборигенных народов (нанайцев, ульчей, удэгейцев, негидальцев, нивхов, айнов, эвенов и эвенков), чей жизненный ареал находится на Дальнем Востоке России, было привлечено землепроходцами еще в XVII в. Однако начало научного изучения их этногенеза и культурогенеза было положено лишь в середине XIX в., когда Амурский край вошел в состав Российской Империи [ГАХК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 48 Л. 1].

Это отчеты, доставленные морскими офицерами экспедиции Г.И. Невельского: Н.К. Бошняком, Н.В. Буссе, Н.В. Рудановским, В.А. Римским-Корсаковым, Д.И. Орловым, Н.М. Чихачевым. Следуя инструкциям своего командира, они должны были не только обращать внимание на обследование береговой линии, рек, природных ископаемых территории, но и тщательно изучать нравы, обычаи, верования аборигенов, «стараться узнавать те из них, которые являются наиболее священными» [Невельской 1947: 237]. Вслед за военными изучение коренных народов Приамурья продолжили ученые Российской академии наук Л.И. Шренк, Р.К. Маак, П. Шмидт и многие другие.

Однако систематические исследования особенностей материальной и духовной культуры аборигенных этносов начались лишь в 20-е годы XX столетия. К сожалению, сведения об этнографических, лингвистических и антропологических экспедициях, проводимых на территории нынешнего Хабаровского края, которые состоялись в означенный период времени, разбросаны по разным историко-этнографическим трудам. Поэтому нам видится необходимым обобщить имеющийся материал и с позиций сегодняшнего дня оценить тот результат для отечественной и мировой науки, который был получен в ходе проведения наиболее значимых из них.

Огромный интерес, который проявила научная общественность к материальной и духовной культуре аборигенов Дальнего Востока,

был вызван несколькими причинами. В конце XIX — начале XX в. сначала в российской, а затем и в зарубежной научной литературе появляются публикации бывших политических ссыльных, отбывавших наказание в северных регионах страны и обративших внимание на народы, в непосредственной близости с которыми они проживали. Российская академия наук издает работы В.Г. Богораза-Тана о чукчах, В.И. Иохельсона о юкагирах, В.Л. Серошевский пишет о якутах, Б.О. Пилсудский — об айнах, Л.Я. Штернберг — о нивхах. Эти труды привлекли внимание и вызвали огромный резонанс не только в среде российских ученых, но и среди научной общественности за рубежом¹.

Другой причиной исследовательского интереса к аборигенам Севера, Сибири и Дальнего Востока можно назвать учреждение в 1917 г. Академией наук комиссии по изучению племенного состава населения России [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 133. Л. 5528]. В нее вошли такие известные российские академики, как А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Е.О. Карский, В.В. Бартольд, В.Н. Перетц. На первом заседании ими был составлен и утвержден план исследований, который, однако, начал претворяться в жизнь лишь с окончанием Гражданской войны.

Еще одной причиной, способствовавшей началу этнографических экспедиций в трудный для страны период становления советской власти, явилось решение Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г. о создании «Комитета содействия народностям северных окраин» («Комитет Севера»). Это был межведомственный правительственный орган, в работе которого приняли участие государственные и партийные деятели, ученые, специалисты в области здравоохранения и просвещения (П.Г. Смидович, А.С. Енукидзе, Ф.Я. Кон, А.В. Луначарский, В.Г. Богораз-Тан, Л.Я. Штернберг, Е. Ярославский и др.). Затем подобные комитеты были созданы на места.

¹ В.Г. Богораз-Тан и В.И. Иохельсон были приглашены американским антропологом Ф. Боасом для участия в знаменитой Джезуповской экспедиции, чтобы провести исследования на Крайнем северо-востоке Азии. О причинах, по которым Л.Я. Штернберг не попал в ее состав, подробно рассказывается в книге: [Кан 2009].

В Хабаровском (тогда еще Приморском) крае такой комитет начал работу 25 октября 1925 г. Основной его задачей было содействие «планомерному проведению на местах работы по устройению жизни малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, в административно-судебном и культурно-санитарном отношении» [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 110. Л. 21, 23]. Помимо этих обязанностей Дальневосточный Комитет Севера оказывал посильную помощь и тем ученым, которые приезжали сюда в составе научных экспедиций. При этом подчеркивалось, что «для более плодотворной работы среди туземцев нужно использовать материалы этнографистов, это даст большую пользу» [ГАХК Ф. П-2. Оп. 2. Д. 330 а. Л. 50–51].

Не оставалась в стороне и дальневосточная наука. В «Объяснительной записке к плану исследований ДВ края на пятилетие 1929–1933 гг.» Дальневосточного исследовательского института указывалось на «малую исследованность <...> края в культурно-историческом отношении. <...> Мы еще немного знаем его население, особенно туземное». Далее определялись задачи, которые способствовали бы «сохранению и дальнейшему развитию самобытности национальных меньшинств». Говорилось о необходимости массового изучения населения «всеми научно-исследовательскими учреждениями края, причем самые методы этого изучения должны стоять на высоте современной научной мысли» [ГАХК Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 26. Л. 1].

Эти высказывания и в XXI в. не потеряли актуальности. Мы являемся свидетелями того, что глобализационные процессы приводят к сужению сферы проявления этнических свойств культуры. Происходит постепенный процесс ее унификации, что с течением времени может привести к утрате уникального опыта тех народов, чей численный состав незначителен.

По мнению С. Кана, «20-е годы могут быть названы золотым веком антропологии в Советском Союзе» [Кан 2009: 355]. В этот период существовало две школы российских этнографов и антропологов: московская под руководством Д.Н. Анучина и ленинградская, созданная усилиями Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза-Тана. Этими учеными была воспитана целая плеяда учеников, чьи труды легли в основу российской и мировой антропологии, этнографии, языковедения и искусствоведения аборигенов Дальнего Востока. Среди них антропологи М.Г. Левин и Г.Ф. Дебец, ученики Л.Я. Штерн-

берга: лингвисты Г.М. Василевич, В.А. Аврорин, Е.А. Крейнович, В.И. Цинциус, этнографы Н.Г. Каргер, И.И. Козьминский, А.Н. Липский, искусствовед С.В. Иванов и многие другие¹.

Начало экспедиционным исследованиям на территории нынешнего Хабаровского края было положено летом 1926 г., когда на берега Амура из Ленинграда отправляется Гарино-Амгунская экспедиция, чьим официальным руководителем был Л.Я. Штернберг [Кап 2009: 367]. Экспедиция работала в трех направлениях научного знания — этнографическом (Н. Каргер и И. Козьминский), лингвистическом (К.М. Мыльников и В.И. Цинциус) и искусствоведческом (Н. Каргер и С. Иванов).

Условия, в которых предстояло работать вчерашним студентам, были нелегкими. Например, С. Иванов сообщает: «Не могли получить письма в течение трех с лишним недель. Денег у нас нет совершенно. Почти голодаем, но решили кое-как докончить экспедицию» [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 14–15.]. Непривычная суровость климата, мороз, доходивший до 30 °С и продолжавшийся в течение месяца или двух, отсутствие дорог, средств передвижения осложняли проведение этнографических исследований [ГАХК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 48. Л. 9].

О трудностях, связанных с передвижением по территории края, свидетельствуют дневниковые записи В.К. Арсеньева, когда он описывает попытки людей попасть на пароход, идущий по Амуру: «Глядя со стороны, можно было подумать, что какие-то пираты берут судно на абордаж. Лодки подходили к пароходу со всех сторон, люди взбирались на судно по веревкам, карабкались по заднему колесу, хватались за всякий выступ. Одним это удавалось, другие падали обратно в лодки или попадали в воду» (цит. по: [Аргудяева 2007: 24]).

Из отчетов Каргера и Козьминского мы узнаем о той работе, которую они успели проделать, посетив 12 нанайских селений и стойбищ, многих из которых ныне уже нет на карте края.

¹ Все перечисленные ученики Л.Я. Штернберга, кроме С.В. Иванова, впоследствии подверглись репрессиям, доступ к их архивам был ограничен, поэтому большинство материалов, собранных этими учеными во время дальневосточных экспедиций, еще ждут своих исследователей. С.В. Иванов, избежавший участи коллег, старался не публиковать полученные им сведения по этнографии аборигенов Приамурья, в частности по шаманизму, ограничившись сферой декоративно-прикладного искусства.

И. Козьминский сосредоточил свое внимание на материальной культуре нанайцев, особенностях пушного и рыболовного промысла селений Кондон, Ямихта, Сорголь, Малмыж, Докиада, Болонь, стойбищ Хуинда, Наан, Боктор, Таломда, Бичи, Намикан. Он перечислил организации, которые закупали пушнину у охотников, составил сравнительную таблицу их заработков в дореволюционный и советский периоды, упомянул о наличии огородничества и тех культурах, которые выращивались нанайцами, рассказал о попытках отдельных жителей Кондона заняться оленеводством, дал описание постройки, средствам передвижения, одежды.

Кроме этого, он коротко остановился на верованиях самагиров (так в то время называли нанайцев, живших на р. Горин), в частности на их воззрениях о душе. Ученый попытался осветить и этногенетические проблемы, высказав мнение, что «самагиры при столкновении с более высокой нанайской культурой утратили свою древнюю тунгусскую» [Козьминский 1929: 48].

Н. Каргер же изучал родовой состав нанайцев, термины родства, вел записи этнографического характера, зафиксировал слова, которые сегодня уже в нанайском языке не употребляются, записал легенды о происхождении родов. Изучая самагиров, Каргер пришел к выводу, что их язык является «диалектом гольдского языка», и предложил заменить самоназвание «самагиры» на «гаринские гольды», тем самым подчеркнув их принадлежность к нанайскому этносу.

Он же в статье, посвященной родовому составу ульчей, попытался проследить пути, по которым шло внедрение чужеродных элементов в ульчскую среду, и в частности айнского компонента в этногенез ульчей Нижнего Амура [Каргер 1931: 125].

Кроме этого, Н.Г. Каргер, вместе с представителями государственных органов А. Липским и Г. Мевзосом принял непосредственное участие в переписи туземного населения Хабаровского края в 1926 г. [Каргер 1929: 3–24].

Оценивая полученные в ходе экспедиционной работы результаты, следует сказать, что молодым ученым удалось уточнить сведения Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга относительно формирования нанайских родов. Сборы Каргера и Козьминского — это материал,

который лег в основу исследований А.В. Смоляк, специалиста по проблемам этногенеза аборигенных народов Амура¹.

Вторая часть экспедиции в составе К.М. Мыльниковой и В.И. Цинциус отправилась на р. Амгунь. Перед ними была поставлена задача — изучить язык такой малочисленной группы аборигенного населения, как негидальцы, и такой малоизученной группы, как орельские тунгусы. Помимо лингвистических исследований, ученые должны были проводить «этнографическое, фольклористическое, антропологическое и отчасти археологическое изучение указанного населения» [Форштейн-Мыльникова 1935: 154]. Но затем было принято решение ограничить исследования только негидальским населением.

В конце 1920-х годов негидальцы р. Амгунь жили в балаганах, и девушкам пришлось разделять бытовые трудности с людьми, чей язык, психологию и особенности культуры они изучали. За время их годовичного пребывания у этой народности был собран довольно значительный материал по устному творчеству коренного этноса. Было записано свыше 320 образцов фольклора, из них 150 сказок и преданий, 70 песен, 60 загадок, 20 различных табу-запретов и др.

Собранный материал послужил источником для написания большого количества научных статей, создания учебника негидальского языка. Помимо сбора лингвистического и этнографического материала К.М. Мыльникова и В.И. Цинциус вели большую культурно-просветительскую работу среди населения [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 84. Л. 1].

В 60–70-х годах прошлого века В.И. Цинциус публикует свои полевые материалы по фольклору эвенков и промысловому обрядовому фольклору негидальцев [Цинциус 1974: 34–41]. Однако главной, на наш взгляд, ее научной работой, которая остается настольной книгой не только российских, но и зарубежных лингвистов, этнографов и антропологов, является «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», где В.И. Цинциус — ответственный редактор. Ею написаны такие его разделы, как введение, раздел о структуре словарной статьи и таблицы транскрипций фонем и от-

¹ Статья Н.Г. Каргера «Родовой состав улчей» помогла автору проследить пути перемещения потомков айных родов на территории края.

дельных звукосочетаний эвенкийского, эвенского, нанайского, солонского и маньчжурского языков, статьи на буквы а, э, к, х. Это говорит о глубоких знаниях предмета, изучению которого Вера Ивановна Цинциус посвятила всю свою жизнь.

Начало изучению богатейшего декоративно-прикладного искусства дальневосточных народов было положено экспедицией С.В. Иванова. Согласно его воспоминаниям, прослушанный курс лекций Л.Я. Штернберга произвел переворот в сознании молодого ученого. Этнография расширила и углубила его знания о человеческом обществе и культуре: «Постепенно, шаг за шагом открывались мои глаза на психологию примитивного человека, его верования и искусство. Незаметно для себя самого я превратился в этнографа, интересующегося различными проблемами этой науки. <...> Более того, я почувствовал любовь и уважение к первобытному человеку, о ком я ранее даже не задумывался. Все это стало возможным благодаря Штернбергу» [Кап 2009: 367].

Амурская экспедиция 1927 г. стала продолжением Гаринской экспедиции Н.К. Каргера и И.И. Козьминского, продолжением начавшихся в 1926 г. исследований аборигенов Амура. В состав этой экспедиции, согласно архивным документам, помимо Каргера и Козьминского вошли С.В. Иванов, В.А. Аврорин, руководителем был назначен И.И. Майков. Внимание ученых было сосредоточено на сборе этнографического материала среди ульчей и наименее изученного народа среди тунгусо-маньчжуров — орочей, их языку и диалектам.

Из отчета орочской этнологической экспедиции узнаем, что ее сотрудники «собрали материалы по грамматике орочского языка, словарю, родовому составу, материальной культуре, космогонии и погребальным обрядам» [Архив МАЭ. Ф. К-І. Оп. 2. Д. 109. Л. 155]. Ими был собран и переведен на русский язык бесценный фольклорный материал, которым исследователи пользуются до сих пор, т.к. орочское культурное наследие подверглось наибольшим деформациям в результате процессов христианизации и русификации населения.

Значительный вклад, обогативший этнографическую науку, был внесен С.В. Ивановым, который обратил особое внимание на орнамент дальневосточных народов. По итогам этой экспедиции С.В. Ивановым был опубликован ряд работ, вызывающих непод-

дельный интерес всех, кто занимается вопросами культуры и искусства аборигенов. Эти работы сочетают в себе не только описание предмета с точки зрения его художественной или исторической ценности, но и ценнейшие сведения этнографического характера [Иванов 1935].

Изучая орнамент, ученый обращает внимание на заложенный в его символах смысл, технические приемы исполнения, орнаментальные мотивы, характерные для того или другого этноса. В своем фундаментальном труде «Орнамент Сибири как исторический источник», куда вошли и полевые материалы экспедиции 1927 г., С.В. Иванов вполне справедливо указывал на то, что типы орнаментального искусства напрямую зависят от исторического пути развития определенной этнической группы. По орнаментальным композициям, утверждал он, можно проследить те межэтнические контакты, которые имели место в далеком прошлом, убеждая тем самым исследователей в необходимости комплексного подхода при изучении народного традиционного орнамента [Иванов 1963].

Кроме непосредственно сбора научного материала Н. Каргер и С. Иванов активно сотрудничали и с Краевым отделом Государственного Русского географического общества. Дело в том, что их экспедиция проходила в тот год, когда страна готовилась отмечать десятую годовщину революции. Край получил задание от Государственной академии художественных наук (ГАХН) представить на Всесоюзную юбилейную выставку искусства национальностей СССР в Москве образцы декоративно-прикладного искусства аборигенов. В Хабаровске была создана комиссия содействия ГАХН, координировал всю работу П.М. Покровский, директор ДВХМ. Комиссия обратилась к работавшим на Нижнем Амуре Е.Р. Шнейдеру, Н.К. Каргеру, С.В. Иванову, а также к Е.А. Крейновичу, находившемуся на Сахалине, с просьбой содействовать в сборе экспонатов [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 29]. В частности, П.М. Покровский пишет С.В. Иванову: «Дорогой Сергей Васильевич, от имени ДВ крайкомиссии содействия ГАХН, к Вам и Нестору Константиновичу еще раз просьба уделить максимум внимания подбору экспонатов для выставки в Москве» [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 37].

Все ученые активно включились в работу. Так, на просьбу Покровского о закупке предметов быта аборигенов Иванов отвечает:

«В районе ульчей — расписные коробки не изготавливаются, их делают только верховские гольды. Резные есть, но только старые. Их не продают. Теперь у нас осталась только Ухта, где почти никого нет, т.к. началась ловля кеты. Попробую спустить в обмен свои вещи и материю. Все что смогу достать в Ухте — вышлю через неделю. Ваш Сергей Иванов» [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 17].

Летом 1927 г. вслед за ленинградцами к тунгусо-маньчжурам направляется московская этнографическая экспедиция, руководимая одним из авторитетнейших этнографов и археологов того времени Б.А. Куфтиным. Экспедиция проводила исследования в течение двух лет. Помощник хранителя отдела Сибири ЦМН Б.А. Васильев и студент-антрополог А.Н. Покровский отправились к орочам. Сам Борис Алексеевич Куфтин через Хабаровск едет к удэгейцам Приморья, в устье рек Анюй, Хор и Нельма. Он осматривает жилища и могильники удэ́, присутствует на шаманских камланиях.

Эта экспедиция была на редкость результативной. Ее участниками было собрано 500 орочских коллекций, предметы быта эвенков, нанайцев, удэгейцев и нивхов, было сделано больше 400 фотографий [Архив МАЭ. Ф. 12. Оп. 1. ДД. 41–50]. Жена ученого В.А. Стешенко-Куфтина обратила внимание на музыкальную культуру аборигенов. Опубликованные ею статьи легли в основу музыковедения аборигенных народов Дальнего Востока.

В это же время материальную и духовную культуру удэгейцев изучал и Евгений Робертович Шнейдер, создавший на основе хорского диалекта удэгейский литературный язык. Его рукописные материалы находятся в архивных фондах, а вышедшие в свет «Краткий удэгейско-русский словарь. С приложением грамматического очерка» и «Материалы по языку анюйских удэ» датируются 1936 и 1937 годами и больше не переиздавались. К сожалению, ученому не удалось продолжить начатое дело, он был репрессирован.

Большая часть сознательной жизни еще одного исследователя, Нины Александровны Вальронд, была связана с работой на Дальнем Востоке. В возрасте 23 лет в 1918 г. вместе со своим мужем А.Н. Липским и В.К. Арсеньевым она впервые отправляется к курумийским гольдам (нанайцам). Впоследствии ею было предпринято еще 10 этнографических экспедиций. В интересующий нас период Н.А. Вальронд как сотрудница ДалькрайОНО командировалась к

гольдам (нанайцам) за сбором материала по нанайскому языку для написания букваря и первой книги для чтения. После прошедшей в 1926 г. переписи населения выяснилось, что необходимо внести уточнения в переписной материал. С этой целью Н.А. Вальронд отправляется к ульчам и гилякам (нивхам) Нижнего Амура.

Публикации исследователя по итогам поездок — изданные в 1928 г. в Хабаровске на нанайском языке букварь и грамматика, опубликованные в «Сибирской живой старине» материалы по этнографии гольдов — привлекли внимание ученых Института антропологии и этнографии АН СССР [Липская-Вальронд 1925: 145–160]. С Вальронд заключается договор об экспедиции к гольдам, которая благополучно завершилась к концу 1937 г. Об объеме работы, которая была проделана исследователем, можно судить по следующим данным: во время экспедиции 1936/37 гг. Вальронд из 97 нанайских населенных пунктов побывала в 90, переписала 1253 хозяйства [Архив МАЭ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 29. Л. 150–170]. Этнографические знания и великолепное владение нанайским языком помогали Н.А. Вальронд в ее работе, она занималась вопросами, связанными с созданием нанайской письменности, работала над составлением и написанием сравнительного словаря основных говоров гольдского (нанайского) и ульчского языков. Ее интерес привлекала тема хозяйственных и языковых процессов у тунгусо-маньчжуров Нижнего Амура [Решетов 1995: 54–56]¹.

Как уже упоминалось выше, в экспедициях на Нижний Амур вместе с Н.А. Вальронд участвовал и ее муж А.Н. Липский, ученик Л.Я. Штернберга. По словам Липского, именно Л.Я. Штернберг убеждал его заняться тунгусо-маньчжурскими народами Амура и Приморья. Особенно он рекомендовал углубленно изучать этнографию гольдов (нанайцев), их язык, быт, социальную организацию, происхождение, формирование особенностей шаманизма, духовной культуры.

После революции Липский уезжает на Дальний Восток, где начиная с 1918 г. занимается полевой работой на Амуре. В 1925 г. А.Н. Липский, выступая на Первом съезде туземных народов Дальневосточного округа, представляет результаты своих многочислен-

¹ К сожалению, материалы Н.А. Липской-Вальронд до сих пор не опубликованы и широкой аудитории недоступны.

ных экспедиций. Он говорит об этногенезе гольдов, ульчей и негидальцев, приводит статистические данные по их численности, описывает основные формы ведения хозяйства и духовной культуры аборигенов Амура, освещает вопросы медико-санитарного состояния жилищных условий аборигенов, выносит на обсуждение вопросы кооперирования и работы Уполтзотдела [Первый туземный съезд ДВО... 1925: 32–66]. Эти сведения до сих пор встречаются во многих этнографических работах.

В 1935 г. семья Липских переезжает в Ленинград, где Альберт Николаевич назначается на должность начальника Нижнеамурского отряда комплексной экспедиции Ленинградского Института антропологии, археологии и этнографии. Зимой 1936 г. Липские выезжают на Амур и в течение двух лет проводят этнографические исследования. По сценариям, написанным самим А.Н. Липским, снимаются два фильма. В одном из них демонстрируется участие шамана в похоронном обряде гольдов, другой посвящен жизни нанайцев при советской власти. Ученые записывают тексты шаманских камланий на нанайском языке, ими изучаются вопросы этногенеза нанайцев, родовой состав, особенности декоративно-прикладного искусства, записываются образцы устного народного творчества. Во время этих поездок Н.А. Липская приходит к выводу о том, что нанайскую письменность необходимо создавать на основе кириллицы, а не латиницы, как это было предложено ранее [Вайнштейн 2003: 468–471].

Ценность сведений, собранных Липскими в этих экспедициях, в том, что они увидели и зафиксировали уже безвозвратно уходящую натуру, элементы нанайской материальной и духовной культуры, которые были неотъемлемой частью жизни этноса. Созданные ими фильмы можно рассматривать в качестве «первых ласточек» набирающей сегодня популярность отрасли этнографических исследований — визуальной антропологии.

Неоднозначность толкований в этнографической литературе научной и государственной деятельности А.Н. Липского¹ в период его

¹ Критика А.Н. Липским работы И.А. Лопатина, его высказывания и прямые действия, негативно сказавшиеся на судьбе В.К. Арсеньева, дали повод к однобокому освещению событий жизни Липского и фактически замалчиванию результатов его исследований. Однако в работе С.И. Вайнштейна [2003] «Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского» приводятся сведения, которые позволяют пересмотреть бытующие взгляды.

работы на Дальнем Востоке не позволяла по достоинству оценить значимость его трудов. Впрочем, в отдельных изданиях, например в «Материалах по нанайскому языку и фольклору» В.А. Аврорина, приводятся довольно обширные цитаты из работ Липского и подчеркивается их ценность и значимость для науки [Аврорин 1986: 8].

Валентин Александрович Аврорин — один из ярчайших представителей российской этнографии. Он являлся членом секции Научно-исследовательской ассоциации и был направлен в 1933 г. в экспедицию на Дальний Восток Комитетом Нового Алфавита (КНА) сроком на один год. Прибыв в Хабаровский край с целью изучения тунгусо-маньчжурских языков, он ведет большую научно-организационную работу. Его избирают заведующим сектором народов Севера Комитета Нового Алфавита при Президиуме Далькрайисполкома. На одном из заседаний Комитета он излагает основные направления работы КНА. Как истинный ученый, он видел их прежде всего в научных исследованиях, в работе по ликвидации безграмотности и созданию в туземных поселениях начальной школы, в организации издательского дела и в работе с начинающими писателями из среды аборигенов [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 138. Л. 13].

Всю жизнь В.А. Аврорин следовал этим направлениям в научной деятельности. К сожалению, многие материалы, собранные В.А. Аврориным во время экспедиций 1930-х годов, увидели свет лишь во второй половине XX в., но каждая книга, будь то «Материалы по нанайскому языку и фольклору» или ороческие сказки и мифы, сразу становилась незаменимым источником фактологического материала не только для российских, но и для зарубежных этнографов-североведов [Аврорин 1978].

Работ чисто этнографического характера написано В.А. Аврориным две. С И.И. Козьминским он публикует статью «Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на 'карте'» с чертежами и рисунками, выполненными самим Аврориным [Аврорин 1949]. В свое время М. Хасанова отмечала, что «каждая затронутая в этой статье тема (о трех мирах орочей, о формировании душ шаманов и их путешествиях, о загробном мире <...> может быть развернута в отдельное исследование». Второй была статья, написанная в соавторстве с женой и соратником Е.П. Лебедевой «Инцест в фольклоре орочей» [Хасанова].

В 1930 г. участником Амурской этнографической экспедиции становится аспирант Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) А.М. Золотарев, который еще дважды, в 1934 и 1936 гг. побывает на Амуре. Итогом его исследований стал труд «Родовой строй и религия ульчей». Заложенные Л.И. Шренком и Л.Я. Штернбергом основы по разработке вопроса о родовом составе аборигенов Амура получили свое развитие в этом научном труде. Золотарев высказал предположение о том, что в основе этногенеза ульчей лежит нивхский субстрат, на который оказали влияние более поздние тунгусский и маньчжурский. В книге собрана информация об обрядах и обычаях ульчей, их родовом составе, брачных отношениях, рассматриваются термины родства, имеется большое количество фольклорных текстов на ульчском языке [Золотарев 1939].

Журнал «American Anthropologist» помещает на своих страницах статью Золотарева о медвежьем празднике ульчей, основанную на полевых материалах автора. В ней он подробно описывает действия людей в течение 15 дней праздника, приводит пример песни, исполняемой ульчами в это время, рассуждает о тотемной составляющей медвежьего праздника этого этноса [Zolotarev 1937: 113–130].

Интересны и наблюдения, изложенные Золотаревым в статье об амурских орочах. Помимо этих сведений, А.М. Золотарев публикует материалы о традиционной торговле нивхов и существовавшем у этой народности институте рабства, подтвердив тем самым сведения, полученные еще в XIX в. японским картографом Мамия Риндзо [Козин 1931: 201–207]. И хотя порой исследователем высказывались довольно спорные точки зрения, все работы А.М. Золотарева отличаются высокой теоретической значимостью, материалы его амурских экспедиций до сих пор не только не устарели, но всякий раз в них можно найти новые сюжеты для осмысления.

Началу широкомасштабных археологических работ положила экспедиция 1935 г. Института этнографии Академии наук СССР, в составе которой находился тогда еще не очень известный широкой научной общественности молодой ученый А.П. Окладников. У села Калиновка нынешнего Ульчского района, на берегу реки участники экспедиции увидели каменную глыбу, на плоской грани которой были высечены изображения людей и лодок [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 26. Л. 1]. Археологам уже было известно о петроглифах Сикачи-

Аляна из работы Б. Лауфера «**Petroglyphs on the Amoor**», автор которой подробно описал личины и представил схематические их изображения [Laufer 1899: 746–747]. О рисунках близ Калиновки писал и Г. Фовке [Fowke 1906: 290], но собственными глазами советские археологи увидели их впервые.

Эти находки свидетельствовали о развитой неолитической культуре первых насельников и дали толчок дальнейшим исследованиям будущего академика А.П. Окладникова исторического прошлого территории Хабаровского края и этногенеза проживающих здесь народов. Позже археологами были получены доказательства, что ранний неолит начался на Нижнем Амуре еще в IV тыс. до н.э. и что местные племена были тесно связаны с приходившими из Сибири таежными племенами.

Хотелось бы осветить и еще одну сторону деятельности ученых, о которых сказано выше. Из своих экспедиций помимо этнографических записей каждый привозил значительное количество коллекций: фотографий, промысловых орудий, предметов быта и культа, одежду, атрибуты шаманов и т.п. Сегодня они составляют основу многих музейных коллекций [Коллекции по культуре народов...].

В статье не рассматривались широко известные в научной литературе этнографические экспедиции 1927 г., участниками которых были В.К. Арсеньев, собравший ценные сведения по культуре уссурийских нанайцев, Е.А. Крейнович, самый авторитетный нивховед, знаток нивхского языка, фольклора, психологии, материальной и духовной культуры этого народа, а также экспедиции 1934 г. Лоучгиза в Нанайский национальный район в составе А.П. Козловского, О.П. Суника, Е.Н. Эйвенбаха.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что хотя 20–30-е годы XX столетия в России были годами становления молодого советского государства, не хватало средств на самое насущное, деньги для проведения экспедиционных исследований материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов края все-таки выделялись. Результаты экспедиций тех далеких лет, когда шел активный процесс накопления этнографического материала, существенным образом повлияли на развитие этнографических, антропологических, лингвистических и археологических исследова-

ний в отечественном и зарубежном североведении. Они предопределили направления научных исследований на многие годы.

Материалы экспедиций этого периода впоследствии легли в основу фундаментальных трудов А.П. Окладникова, М.Г. Левина, Г.Ф. Дебеца, А.В. Смоляк, Б.А. Васильева, В.Г. Ларькина, Ю.А. Сема, Ч.М. Таксами и многих других. Опираясь на полевые материалы тех лет относительно формирования родов амурских народов, дополнив их собственными исследованиями, эти ученые внесли относительную ясность в этногенез нижеамурских этносов. Данные антропологического характера позволили позже М.Г. Левину и Г.Ф. Дебецу отнести тунгусо-маньчжуров Амура к трем типам монголоидной расы: амуро-сахалинскому, байкальскому и восточно-монголоидному.

Антропологические изыскания того периода заложили основу современных серологических, дерматоглифических, одонтологических исследований, которые существенным образом углубили знания современных ученых об антропологических типах тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов.

Что касается исследований в области лингвистики, то благодаря ранним работам и материалам Г.М. Василевич, В.И. Цинциус, В.А. Аврорина, Е.А. Крейновича, Е.Р. Шнейдера и других удалось обоснованно доказать, что тунгусские языки народов Нижнего Амура необходимо выделить в отдельную группу — нижеамурскую. Этими людьми была создана письменность ранее бесписьменных народов, написаны учебники, ими воспитаны первые представители национальной интеллигенции.

На территории края до сих проводятся археологические раскопки, начало которым было положено в далеком 1935 г. Археологические и искусствоведческие находки того периода помогли доказать своеобразие изобразительного искусства аборигенных народов Нижнего Амура и опровергли утверждения участника Дрезуповской экспедиции Б. Лауфера о том, что мотивы орнамента нижеамурских этносов — это китайские заимствования.

Изыскания 20–30-х годов XX в. значительно углубили и расширили сведения, полученные в первый период накопления знаний, существенно дополнив имеющийся массив фактического материала об

особенностях материальной и духовной культуры дальневосточных этносов.

Библиография

Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.

Аврорин В.А. Орочские тексты и словарь / В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. Л.: Наука, 1978.

Аврорин В.А. Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» / В.А. Аврорин, И.И. Козьминский // СМАЭ. 1949. Т. 11. С. 324–334.

Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев — путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток: ДВО РАН, 2007.

Вайнштейн С.И. Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/455-492.pdf>.

Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (По материалам XIX — начала XX в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленинградское отделение, 1963.

Иванов С.В. Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой // СЭ. 1935. № 4–5. С. 62–84.

Каргер Н.Г. Отчет об исследовании родového состава населения бассейна р. Гарина // Предварительный отчет Н.Г. Каргера и И.И. Козьминского. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 3–24.

Каргер Н.Г. Родовой состав ульчей // Советский Север. 1931. № 5. С. 120–125.

Козин С. Дальневосточная комплексная экспедиция // СЭ. 1931. № 3–4. С. 201–207.

Козьминский И.И. Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов // Предварительный отчет Н.Г. Каргера и И.И. Козьминского. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 25–48.

Коллекции по культуре народов Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Сайт Российского этнографического музея. Режим доступа: <http://www.ethnomuseum.ru/section660/1848/1856/2270.htm>.

Липская-Вальронд Н.А. Материалы к этнографии гольдов // Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып. 3–4. С. 145–160.

Невельской Г.Н. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России (1849–1855) М.: Географгиз, 1947.

Первый туземный съезд ДВО. Протоколы съезда с вводной статьей Липского. Хабаровск: ГАХК, 1925.

Решетов А.М. Отдание долга // ЭО. 1995. № 2. С. 54–56.

Форштейн-Мыльникова К.М. Негидальский отряд амурской комплексной экспедиции Института // СЭ. 1935. № 2. С. 154–155.

Хасанова М.М. К 90-летию В.А. Аврорина [Электронный ресурс] / М.М. Хасанова. Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/227-268>.

Цинциус В.И. Обрядовый фольклор негидальцев, связанный с промыслом // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 34–41.

Fowke G. Exploration of the Lower Amur Valley // American Anthropologist. 1906. V. 8. Issue 2. P. 276–297.

Kan S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2009.

Lauffer B. Petroglyphs on the Amoor // American Anthropologist. 1899. V. 1. Issue 4. P. 746–750.

Zolotarev A.M. The Bear Festival of the Olcha // American Anthropologist. 1937. V. 39. Issue 1. P. 113–130.

Источники

Документ о работе краевой комиссии содействия Государственной Академии Художественных Наук по организации Всесоюзной юбилейной выставки искусства национальностей СССР 1927 г., 1928 г. // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 29, 37.

Документ о работе краевой комиссии содействия государственной академии художественных наук по организации Всесоюзной юбилейной выставки искусств национальностей СССР 1927 г., 1928 г. // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 14–15, 17.

Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанайцев // Архив МАЭ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 29. Л. 150–170.

Объяснительная записка к плану исследований ДВ края на пятилетие 1929–1938 гг. // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

Отчет орочской этнологической экспедиции // Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 109. Л. 155.

Протоколы заседаний 2-й Николаевской-на-Амуре окружной конференции ВКП(б) 16 февраля — 19 февраля 1927 г. // ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 330а. Л. 50–51.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената от 4 января 1859 г. // ГАХК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 48. Л. 1, 9.

Фонд Б.А. Куфтина // Архив МАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 41–50.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Языки и фольклор народов Севера // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Памяти Веры Ивановны Цинциус // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Начальный период строительства органов Советской власти. Социалистические преобразования экономики народностей Севера. Машинопись, 1983 г. // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 110. Л. 21, 23.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткин. Остатки древностей в Амурском крае // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 133. Л. 55.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Выписки из фондов ЦГА РСФСР ДВ и Гос. архива края о работе комитета Севера и Комитета Нового Алфавита, сделанные в 1974 г. // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 138. Л. 13.

Список сокращений

ГАХК — Государственный архив Хабаровского края.

СЭ — Советская этнография.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

С. Кан

**Научные взгляды Л.Я. Штернберга
в контексте мировой этнологии
и его собственной идеологии народника
и еврейского патриота¹**

Введение

Взгляд на Л.Я. Штернберга как на ведущего представителя эволюционистской школы в российской этнологии давно утвердился как в отечественной, так и зарубежной науке². Это вполне понятно, поскольку все его основные опубликованные работы действительно написаны с позиций «героев его молодости» Л.Г. Моргана и Э.Б. Тайлора³. Однако, на мой взгляд, более внимательное прочтение не только научных публикаций Штернберга, но и его рукописей, лекций, писем и других архивных материалов, а также рассмотрение его довольно сложных и противоречивых научных взглядов в контексте *мировой* этнологии показывает, что «классический эволюционизм» уживался в его мировоззрении с идеями, перекликавшимися с Дюркгеймом, Боасом и даже Малиновским и Рэдклиффом-Брауном.

Особенно важным мне кажется введение в круг источников по изучению мировоззрения Штернберга его многочисленных статей, напечатанных в различных общественных и политических периодических изданиях середины 1890-х — начала 1920-х годов, как общероссийских, так и еврейских⁴.

¹ Фактические материалы и часть их интерпретации, изложенные в этой статье, почерпнуты из моей монографии *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist* [Кан 2009]. См. также мои более ранние публикации [Кан 2001, 2008; Кан 2003].

² Из наиболее важных работ последних десятилетий, затрагивающих теоретические взгляды Штернберга, нужно отметить статью А.А. Сириной и Т.П. Роон [2004], а также предисловие Б. Гранта к ранее не публиковавшейся рукописи Штернберга, изданной в США под его редакцией [Грант 1999].

³ Выражение В.Г. Богораза [1928].

⁴ Такой широкий подход к интеллектуальному наследию и мировоззрению Штернберга не был применен ни одним из моих предшественников. До появления подго-

Кроме того, следует учитывать тот факт, что между 1890-ми и 1920-ми годами во взглядах Штернберга произошли некоторые изменения. Имея немало коллег среди крупных зарубежных ученых и стараясь внимательно следить за новейшими работами в антропологии (и таких родственных ей науках, как лингвистика, психология и т.д.), Лев Яковлевич никогда не был догматиком и готов был пересматривать некоторые свои взгляды, не «предавая» при этом основ эволюционизма.

В рамках этого небольшой статьи мне хотелось бы на нескольких примерах проиллюстрировать подход к изучению и пониманию мировоззрения Штернберга, который я развивал в ряде статей, опубликованных за последние 10 лет по-английски и по-русски, и в первую очередь в изданной в 2009 г. в США книге «Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist» [Kan 2009].

Основные аргументы

1. Сходство между взглядами Штернберга и Дюркгейма на огромную роль *клана* в первобытном обществе и на его священную символику во многом связано с народническими взглядами первого; эти же взгляды объясняют его двойственное отношение к идее

товленной мной научной биографии Штернберга его политические произведения, упоминавшиеся в научной литературе, относились ко времени его пребывания в рядах «Народной воли». Обвинять авторов работ о Льве Яковлевиче, опубликованных до перестройки, в таких пробелах нельзя: политическая ситуация не позволяла им говорить открыто о его участии как в общественных и политических еврейских организациях (Еврейском историко-этнографическом обществе, Еврейской народной группе и т.д.), так и в партии эсеров (см., например, [Гаген-Торн 1975; Станюкович 1986]). Однако тот факт, что с конца 1980 годов не появилось ни одной научной публикации, использовавшей упомянутые мной источники, говорит о том, что мой собственный подход к изучению истории российской этнологии сильно отличается от того, который по-прежнему преобладает в России.

Что касается зарубежных исследований, следует отметить, что в то время как деятельность Штернберга в Еврейской народной группе и Еврейском историко-этнографическом обществе упоминается в нескольких из них, его активное участие в деятельности правого крыла партии эсеров в Петрограде в 1917–1918 гг. и особенно в газете «Воля Народа» нигде никогда не упоминалось (см. [Gassenschmidt 1995; Veidlinger 2009]).

марксистских этнологов и советских бюрократов о необходимости ускоренного перехода этих народов от первобытного общества к более прогрессивным социальным формациям.

2. Взгляды Штернберга на эволюцию религии были еще более непоследовательными. Соглашаясь с Тайлором и другими классиками эволюционизма в том, что монотеизм является более высокой стадией развития религии, Л.Я. Штернберг явно рассматривал *иудаизм* как *уникальную и наиболее прогрессивную* форму монотеизма и не спешил приветствовать замену ее агностицизмом или атеизмом. Не будучи религиозным человеком, он был страстно предан еврейству и рассматривал иудаизм как основную причину удивительного факта выживания этого маленького и гонимого народа, а также как важнейший источник не только наиболее гуманных идей христианства, но и многих прогрессивных европейских философских и политических учений, в том числе *гуманистического демократического социализма*, которому он оставался верен до конца своих дней.

3. Взгляды Штернберга на необходимость знания и использования этнографом языка народа, культуру которого он изучает, и его большой интерес к собиранию в поле материалов по языку и фольклору явно перекликаются с идеями Боаса по этим вопросам. И в том же, как Штернберг понимал, что такое культура (отдельного народа), тоже было много общего с идеями «отца» американской антропологии. Сходство их взглядов по этому коренному вопросу этнологии особенно заметно в университетских лекциях Льва Яковлевича 1920-х годов. К тому времени он уже успел несколько раз встретиться и подружиться с американским ученым, а также подробно ознакомиться с его работами¹.

¹ [Shternberg 1999; Grant 1999; Kan 2001, 2009]. Следует также отметить, что, хотя Боас и не разделял целиком радикальных политических взглядов Штернберга и Богораза, он всегда оставался умеренным социалистом западно-европейского типа и потому относился с симпатией как к их политической деятельности в 1905–1917 гг., так и к молодому советскому государству, в котором они (в отличие от эмигрировавшего в Америку Йохельсона) решили остаться (см.: [Kan 2006; Kan 2001, 2009]).

Нивхский род в глазах Штернберга-народника

Уже в самой первой научной публикации Льва Яковлевича «Сахалинские гиляки» проявился его особый интерес как к эволюции форм социальной организации (в особенности брака), так и к роли определенных социальных институтов в каждодневной и религиозной жизни этого народа. До сих пор большинство ученых концентрировало свое внимание на первом аспекте, тогда как второй не менее важен и интересен.

Описав нивхский род (*хал*) как институт, регулирующий брак, законы и обряды, связанные с кровной мстью, структуру и принципы проведения медвежьего праздника, а также определяющий основную социальную идентификацию каждого человека, Штернберг практически слагает гимн тому положительному влиянию, которое, по его мнению, первобытный род оказал и до сих пор оказывает на характер (или, как мы бы сказали, «национальную психологию») нивха. «Неизбежная принадлежность каждого гиляка к большому родовому союзу наложила неизгладимый отпечаток на весь духовный склад его, на характер, нравы и умственное развитие. Эта привычка все обсуждать сообща, эта необходимость вступаться в интересы своих сородичей, эта круговая порука в делах мести, эти общие праздники и жертвоприношения, эта братская связь многочисленных отцов, братьев и детей, наконец, эта необходимость и обыкновение жить в больших юртах в сожительстве с десятками себе подобных, — необходимость, заставляющая гиляка постоянно жить на глазах других, — все это должно было выработать характер социальный, общительный, разговорчивый, серьезный и чувствительный в делах чести» [Штернберг 1893: 17–18].

Продолжая свою положительную оценку характера нивхов, Лев Яковлевич говорит об их гостеприимстве, первобытном равенстве и других «добродетелях первобытных племен», которые сохранились еще среди нивхов Амура в 1890-х годах, несмотря на отрицательное влияние эксплуатировавших их манджуров и русских. Заключительные слова Штернберга о будущем нивхов безусловно отражают и его эволюционизм, и народническую идеологию: «Участь их строя решена бесповоротно. Еще одно, два поколения, и гиляк материка

совершенно обрусее, и вместе с выгодами культуры он усвоит и все ее пороки» [Там же: 19].

В то время как реконструкция эволюции нивхской системы брака сконструирована Штернбергом-эволюционистом, описание роли рода в жизни нивхов сделано этнографом-полевиком и гораздо больше напоминает работы Рэдклиффа-Брауна или Малиновского, чем Моргана или Тайлора. Таким образом, можно сказать, что уже в ранних работах Штернберга по социальной организации народов Дальнего Востока классический эволюционист уживался со структурным функционалистом. Более того, его восторженное описание громадной роли, которую играл когда-то и продолжал играть род в социальной и религиозной жизни, а также в формировании национального характера (или того, что К. Гирц мог бы назвать «ethos») такого «первобытного» народа, как нивхи, явно созвучно концепции «механической солидарности» Дюркгейма. И это не удивительно: оба они были социалистами конца XIX в., видевшими в первобытном обществе важные черты, утраченные современными индустриальными обществами.

Иудаизм как высшая стадия эволюции религии

Мысли о том, что, самым главным и даже единственным вкладом иудаизма в сокровищницу мировой культуры было «открытие монотеизма», вырабатывались им постепенно. Они излагались в статьях, напечатанных в «Новом восходе» и «Еврейской неделе», главных русскоязычных еврейских газетах России 1910-х годов, а также в курсе лекций по «Эволюции религиозных верований», читавшихся им регулярно на этнографическом отделении Географического института, а затем на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ в 1919–1927 гг. Наиболее четкое выражение они получили в его докладе «Проблема еврейской национальной психологии», прочитанном в Еврейском историко-этнографическом обществе (ЕИЭО) и напечатанном в «Еврейской старине» в 1924 г. [Штернберг 1924].

В своих лекциях по эволюции религии Лев Яковлевич рисовал более или менее традиционную схему прогресса религиозных представлений от примитивного аниматизма к сложному политеизму

[Штернберг 1936: 519]. Как и другие эволюционисты, его предшественники, он доказывал, что следующим этапом эволюции мировой религии должен был быть монотеизм. Однако монотеизм этот Штернберг разделил на два типа: «анимистический» (более примитивный), свойственный таким народам, как древние египтяне, и «этический», созданный «семитическими народами» [Там же]. Если в первом типе единое божество еще сохраняет антропоморфные черты, то во втором оно, по его словам, теряет эти черты в дальнейшем своем развитии и является уже специальным этическим существом [Там же]. В университетской лекции, которая завершала весь курс по эволюции религии, Штернберг не останавливался на иудаизме. Но даже из его коротких замечаний было абсолютно ясно, что он отдает предпочтение этическому монотеизму. Штернберг настаивал на том, что последний, в отличие от более примитивного монотеизма, не мог мириться с социально-экономическим неравенством Древнего Востока и проповедовал борьбу за «царство Божие» на земле, а не только на небе [Там же].

Если перед аудиторий молодых советских студентов Лев Яковлевич, вероятно, не хотел открыто воспевать иудаизм, в 1924 г. он еще мог спокойно делать это в кругу коллег и друзей — членов ЕИЭО. Вернемся же к его статье о еврейской национальной психологии, основанной на этом докладе. Вначале автор обращает внимание на загадочный факт, который должен был поставить этнолога-эволюциониста в тупик. Почему, пишет он, если каждому типу социально-политического строя обычно соответствует своя религиозная концепция, чистый монотеизм не возник у таких народов, как вавилоняне, египтяне, персы, «создавших огромные империи с неограниченными монархами и главенствующими божествами, у народов, создавших высокоразвитый астральный культ <...> и, наоборот, он возник у маленького народа, едва поднявшегося со ступени племенной организации, не знавшего неограниченных властителей империй и никогда науки неба не культивировавшего» [Штернберг 1924: 19].

Решение этого парадокса Штернберг предлагает искать в том, что еврейский монотеизм «стоит одиноко в мировой истории» и «не укладывается в обычные рамки эволюции» [Там же: 21]. Происхождение такого монотеизма он относит к типу явлений, которые появ-

ляются «путем скачка» и являются «индивидуальными открытиями гениальных открывателей» [Там же]. Штернберг допускает, что этнический монотеизм мог быть открыт и в другой среде, «но для того, чтобы он стал достоянием целой этнической группы, необходимо, чтобы в той группе были в наличии врожденные психические данные, способствующие восприятию такой чисто интеллектуальной концепции» [Там же].

Интересно, что в остальной части статьи автор подробно останавливается именно на том, что он называет «интеллектуально-рационалистическим» характером еврейского монотеизма, и доказывает, что ритуальная его сторона была более поздним наносным явлением. Интеллигент, впитавший с юных лет не только глубокие еврейские знания, но и светскую европейскую (и в том числе русскую) культуру конца XIX в., Лев Яковлевич ценил в иудаизме именно его гуманистическо-философскую и культурно-историческую, а не обрядовую или мистическую сторону. Так, призывая в своих статьях 1907–1916 гг. ассимилированную еврейскую интеллигенцию России «вернуться к своему народу», он указывал ей на то, что соблюдение таких праздников, как Пасха или Ханука, необязательно должно следовать букве традиционного религиозного закона. Однако это прекрасная возможность ознакомить детей с героической историей евреев.

Особенно близки этому старому народнику были древнееврейские пророки, проповедовавшие всеобщую социальную справедливость и сочетавшие в себе рационализм с «социальной эмоциональностью» [Там же: 36]. Они виделись Штернбергу предтечами социалистов, в то время как еврейская национальная психология объясняла, в свете его гипотезы, еврейскую политическую активность на благо всего человечества и присутствие большого количества евреев в социалистическом движении (от Маркса до вождей «Народной воли» и эсеров) [Там же: 37].

Не вдаваясь в подробности гипотезы Штернберга о развитии еврейской национальной психологии и еврейского этического монотеизма, в которой специалисты наверняка могут найти уйму ошибок, я хочу отметить, что она является прекрасным примером того, как взгляды этого еврейского патриота явно влияли на его эволюционизм. По меньшей мере эти взгляды заставляли его пересматривать

такие основные постулаты классического эволюционизма, как то, что все народы мира неизбежно должны пройти одни и те же стадии эволюции (в том числе в области духовной культуры). Не случайно в лекциях 1920-х годов Штернберг не раз упоминает такие факторы в развитии отдельных культур, как заимствование, диффузия и др.

Штернберг и Боас

На первый взгляд, в этнологических взглядах Штернберга и Боаса было мало общего, так как Боас не мог принять эволюционистские построения российского ученого. Так, почтив память Штернберга в своей речи на Международном Конгрессе американистов в Берлине в 1930 г., «отец» американской антропологии назвал его «русским Бастианом» и дал высокую оценку его работе в МАЭ, а также «фундаментальным исследованиям народов Амура». Но при этом он охарактеризовал своего друга и коллегу как «одного из самых ярых современных защитников всей схемы Моргана, да и всей эволюционной теории» [Boas 1934: XL–XLI]. В заключение он дал понять, что высоко ценит Штернберга-этнографа, но не Штернберга-теоретика, закончив выступление такими словами: «Как бы мы ни относились к этим [эволюционистским] теориям, собранный им важный фактический материал должен быть принят в самое серьезное внимание» [Там же].

Тем не менее, если отвлечься от глубокого расхождения по вопросу теории, у этих двух ученых было, на мой взгляд, немало общего. Например, Штернберг писал о том, как рано в своих этнографических исследованиях понял, что без солидного знания нивхского языка «истинная жизнь этого племени <...> и в особенности ее психологические аспекты останутся <...> недоступными» [Богораз 1928: 5]. Вероятно, вывод о необходимости серьезного изучения нивхского языка объясняет тот факт, что, несмотря на свой особенный интерес к социальной организации первобытного общества, Лев Яковлевич собрал такое большое количество материалов по нивхскому фольклору и лингвистике. Таким образом, несмотря на то что Боас попал в этнографию из точных наук, а Штернберг — из социальных,

оба они пришли к одинаковому выводу о невозможности понимания культуры чужого народа без понимания его языка¹.

Интересное сходство во взглядах этих двух этнологов обнаруживается и в вопросе о том, что такое отдельно взятая культура. Хорошо известно, что Боас рассматривал культуру как историческое явление, как совокупность моделей поведения, которые человек усваивает в процессе взросления и принятия им своей культурной роли. А вот как определяет смысл этого термина Штернберг в курсе лекций «Введение в этнографию», прочитанных в ЛГУ в 1925–1927 гг.: «Культура — это единство людей, которое покоится на общем историческом опыте, который, в свою очередь, создает комплекс таких сильных воспоминаний и эмоций, что они объединяют миллионы людей в одно психологическое и историческое целое» [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 21. Л. 26]. Такое историческое / психологическое / идеалистическое понимание культуры явно гораздо ближе боасовскому пониманию, чем тайлоровскому².

Заключение

Мне хотелось бы ответить на вопрос, являются ли те противоречия в научном мировоззрении Л.Я. Штернберга, на которые я указал в этой статье и которые я обсуждаю гораздо более подробно в книге о биографии этого ученого, признаком его слабости как этнолога-теоретика или нет. Ответ зависит от того, как относиться к его эволюционистскому теоретизированию. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что мало кто из ныне работающих ученых и в особенности специ-

¹ Конечно, Штернберг был не единственным дореволюционным российским этнографом, который изучил местный язык и собрал большое количество материала по местному фольклору. Таким этнографом был, например, его коллега Богораз, который впоследствии находился под еще большим влиянием Боаса и которого Боас пригласил участвовать в знаменитой Джезуповской экспедиции. Однако, как мне кажется, в отличие от Штернберга Богораз не выводил из своего полевого опыта каких-то общих теоретических выводов для этнографии.

² Будучи социалистом, Штернберг не мог полностью отрицать существования различий в культуре разных социально-экономических классов одного и того же общества. Однако, по его мнению, многие общие исторические переживания и общий опыт объединяют *всех*, кто разделяет одну и ту же культуру.

алистов по этнологии народов Дальнего Востока принимает большинство этих идей всерьез. Не будучи таким специалистом, я, тем не менее, видимо, не ошибусь, если скажу, что большинство ныне здравствующих коллег ценят Штернберга-этнографа, лингвиста, фольклориста и педагога гораздо выше, чем Штернберга-теоретика эволюциониста.

А если это так, то, как я пытался показать в данной работе, именно в серьезных отступлениях Льва Яковлевича от основных постулатов классического эволюционизма заключались некоторые его весьма интересные и оригинальные идеи, перекликавшиеся с гораздо более новыми и плодотворными теориями и подходами к изучению духовной и социальной культуры конца XIX — начала XX в., с которыми его обычно не идентифицируют¹.

Кроме того, мне еще раз хотелось бы подчеркнуть, что проиллюстрированный мной подход к изучению научных взглядов такого *сложного и противоречивого мыслителя и общественного деятеля*, как Штернберг, который включает в поле зрения исследователя не только его чисто научные работы, но и все им написанное, является гораздо более плодотворным.

Библиография

Богораз В.Г. Штернберг как этнограф // Сборник МАЭ. 1928. № 7. С. 4–30.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. Л.: Восточная литература, 1975.

Кан С.А. Новый подход к изучению жизни и деятельности Л.Я. Штернберга // Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века / Под ред. Т.П. Роон и М.М. Прокофьева. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2003. С. 4–17.

Лев Штернберг в 1905 г. // Известия Института наследия Бронислава Пислудского. 2006. № 10. С. 214–219.

Сирина А.А., Роон Т. П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 49–94.

Станюкович Т. Л.Я. Штернберг и Музей Антропологии и Этнографии // Советская Этнография. 1986. № 5. С. 81–91.

¹ См. также положительную оценку ряда новых течений в западной этнологии первой четверти XX в. в статье «Современная этнология» [Штернберг 1926].

Штернберг Л.Я. Сахалинские гилияки // ЭО. 1893. № 2. С. 1–46.

Штернберг Л.Я. Проблема еврейской национальной психологии // Еврейская старина. 1924. № 11. С. 5–44.

Штернберг Л.Я. Современная этнология // Этнография. 1926. № 1 (1–2). С. 15–43.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Институт народов Севера, 1936.

Boas F. Lev Shternberg // Proceedings of the 24th International Congress of Americanists. Hamburg, 1934. P. 40–41.

Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914. N.Y.: New York University Press, 1995.

Grant B. Foreword // The Social Organization of the Gilyak / Lev Shternberg. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1999. No. 82. P. XXIII–LVI.

Kan S. The “Russian Bastian” and Boas: or Why Shternberg’s “The Social Organization of the Gilyak” Never Appeared Among the Jesup Expedition Publications // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / W.K. Fitzhugh and I. Krupnik, eds. (Contributions to Circumpolar Anthropology 1). Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2001. P. 217–248.

Kan S. Evolutionism and Historical Particularism at the St. Petersburg Museum of Anthropology and Ethnography // Museum Anthropology. 2008. No. 31 (1). P. 28–46.

Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.

Veidlinger J. Jewish Public Culture in the Late Russian Empire. Bloomington: Indiana University Press, 2009.

Источники

Санкт Петербургский Архив Российской академии наук (СПФ РАН). Фонд Л.Я. Штернберга.

М.М. Шахновитз

Л.Я. Штернберг и «наука о религии»

В конце XVIII в. под влиянием сочинения немецкого просветителя И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» формируется представление о единстве человечества, с одной стороны, и о самостоятельной ценности каждой отдельной культуры — с другой. В европейском обществе усиливается интерес к национальным традициям и особенностям отдельных народов, что способствует исследованию нравов и обычаев, изучению национальных языков и народного поэтического творчества. Возникновение этнографии и фольклористики, безусловно, оказывает решающее воздействие на начало серьезного изучения мифологических представлений и обрядов. В этот период зарождается и «наука о религии» — религиоведение.

Как самостоятельная отрасль знания, наука о религии окончательно оформилась в первой половине XIX в. Впервые понятие *Religionswissenschaft* было употреблено в названии ежегодника, выходившего в течение 1804–1806 гг. в Магдебурге под редакцией Х. Хенке [Museum... 1804–1806]. Первой книгой, в которой это понятие было использовано как термин, обозначающий специальную академическую науку, стал изданный в 1834 г. учебник чешского философа, логика и математика Бернарда Больцано, занимавшего с 1805 по 1820 гг. кафедру истории религии в Пражском университете [Bolzano 1834]. В 60–70-е годы в Германии в академических кругах употреблялось и другое выражение — *Wissenschaft der Religion* [Tölle 1865–1871], однако оно не получило широкого распространения.

Во Франции понятие «наука о религии» (*science des religions*) было введено в оборот П. Лебланом [Leblanc 1852–1854]. Он вкладывал в этот термин особое содержание, понимая под наукой о религии аллегорическую интерпретацию мифологии в античной философии религии. В 1864 г. Эмиль Берну назвал свою книгу, посвященную исследованию религии, «Наука о религии», употребив этот термин в том же значении, что Хенке и Больцано [Burnouf 1872].

Впервые это понятие по-английски (*science of religion*) было употреблено соучеником Э. Берну Фридрихом Максом Мюллером в статье «Семитический монотеизм» (1860). Макс Мюллер стал главным популяризатором этого термина, широко используя его в своих трудах 60–70-х годов [Müller 1867: XI–XXVI, 183, 373; Müller 1873]. Он определял науку о религии как критическое и сравнительное исследование различных религий, или теоретическую и сравнительную теологию.

В России начало «науки о религии» как самостоятельной дисциплины следует отнести к последней трети XIX — началу XX в., когда использование сравнительного метода в языкознании повлекло за собой интерес к сравнительно-историческому изучению культур и религий различных народов, в том числе и народов Российской империи.

Этот период связан с возникновением петербургских научных школ в области этнографии и истории, прежде всего истории древнего мира, имевшей большое значение для исследования происхождения и становления религий. Чудесное сочетание в столичном Петербурге Академии наук, университета, Эрмитажа и Кунсткамеры способствовало тому, что именно в этом городе тогда были написаны многие труды по истории религии, которые не только демонстрировали стремительное развитие российской гуманитарной науки, но и выводили ее в авангард европейских исследований.

Наряду с практическим изучением этнографических материалов и памятников древних цивилизаций, имевших отношение к верованиям и обрядам, тогда же были выявлены основные теоретические проблемы, связанные с использованием сравнительного метода при изучении религии. Эти проблемы в равной степени были актуальны и для всей мировой науки о религии того времени.

Среди них:

— является ли сравнительное религиоведение наукой, рассматривающей все религии, включая первобытную, или оно должно ограничиваться т.н. «историческими религиями», имеющими письменную традицию;

— возможно ли сравнительное религиоведение как религиоведение цивилизаций, рассматривающее религию как один из важней-

ших культуuroобразующих факторов, обуславливающих замкнутость культур;

— можно ли рассматривать проблему становления веры в Бога и формирование идеи Бога в контексте всеобщего линейно-поступательного развития.

Изучению истории религии, безусловно, способствовало развитие исторических наук, прежде всего истории древнего Востока и античного мира, направленное как на изучение и публикацию уже обнаруженных древностей, так и на открытие новых путем археологических раскопок. Становление и развитие отечественного антиковедения, египтологии, ассириологии, индологии, синологии тесно связано с изучением религии Греции и Рима, индуизма, буддизма, конфуцианства и даосизма, так как сам материал (прежде всего письменные источники и памятники изобразительного искусства) не позволял отделять так называемую гражданскую историю от истории культуры.

У истоков российского религиоведения как самостоятельной научной дисциплины стоял Л.Я. Штернберг. Он сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии отечественной науки о религии (даже не как этнограф, а как теоретик и методолог целостного изучения религии как культурно-исторического феномена), понимая ее как науку обо всех религиях, не делая разницы между религиями письменных и бесписьменных культур. Многие исследователи XIX и XX веков (как, впрочем и некоторые современные), изучали историю религии только как *Religionsgeschichte* (нем. — история религии), т.е. ограничиваясь изучением только так называемых высших религий или религий, имеющих письменные священные тексты. Штернберг противопоставлял такой точке зрения традицию *Religionswissenschaft*.

В статье «Сравнительное изучение религии», написанной для «Энциклопедии» Брокгауза и Ефрона и опубликованной в 1900 г. в 31 томе, он указывает, что наука о религии не только не исключает исследование религий первобытных племен, но «именно их изучение ставит краеугольным камнем всего здания науки, исходным пунктом эволюции человечества» [Штернберг 1936: 179]. Он выделяет основной методологический принцип антропологического исследования религий: «Между примитивными императивами первобытных культур и грандиозными этическими учениями высших религий —

разница лишь в стадии социального и умственного развития» [Там же: 525]. В этой статье он ссылается на «главнейшего университетского представителя этой науки» Корнелиса Тиле, который считал, что «все религии родились из одних и тех же первоначальных зачатков» [Штернберг 1936: 180].

Главной задачей науки о религии Корнелис Тиле, возглавлявший кафедру истории и философии религии на теологическом факультете Лейденского университета, считал преодоление присущей конфессиональной теологии внутренней несогласованности, вызванной пренебрежением знаниями о нехристианских религиях и господством спекулятивного метода. Он полагал, что наука о религии должна изучать религии всего человечества в целом, преодолевая резкое разграничение естественных религий и религий откровения, интегрируя исследование библейских религий в круг остальных мировых религий. Наука о религии должна состоять из двух частей: исторической, которая занимается морфологией, применяющей в том числе и сравнительную методологию, и психологической, которая вскрывает сущность религии.

В отличие от Пьера Шантепи де ла Соссе, который был последовательным антиэволюционистом, Тиле опирался на идеи Эдуарда Бернетта Тайлора в критике концепции Макса Мюллера о первобытной религии как религии примитивного откровения. Тиле считал неудовлетворительным объяснение происхождения религии Максом Мюллером, который вслед за Шлейермахером связывал источник развития религии с идеей бесконечного. Вслед за Тайлором голландский теолог отрицал теорию фетишизма как раннего этапа религиозной истории человечества, признавая его наличие во всех религиях. Однако в статье «Религии» (1885), написанной для XX тома девятого издания *Encyclopaedia Britannica*, он указал, что примитивные религии представляют собой результат деградации более высоких форм религии, встав на позицию, близкую прамонотеизму.

Штернберг в своей статье для «Энциклопедии» Брокгауза и Ефрона указывает на эту статью Тиле, равно как и на его учебник по истории религии 1876 г.¹ Штернберг отмечает, что в «новейшем по-

¹ См.: Опубликовано на голландском языке в 1876 г., второе издание — в 1897 г. Английский перевод: [Tiele 1877]. Французский — в 1885 г., немецкий — в 1895 г.

зитивном своем направлении сравнительное изучение религии имеет мало предшественников», называя лишь Юма и Шарля де Бросса, а затем указывает в качестве определяющей для современной ему науки о религии сравнительно-антропологическую школу Спенсера, Тайлора, Моргана, Леббока, МакЛеннана, Манхардта и Фрэзера [Штернберг 1936: 181].

Ценность и значение статей Штернберга о религии в энциклопедии Брокгауза и Ефрона для развития религиоведения в России трудно переоценить. Сам Штернберг писал в начале XX в., что русская литература бедна монографическими работами по науке о религии, отмечая только труд В.М. Михайловского 1892 г. «Шаманство». Тем не менее он отмечал, что много статей и материалов разбросано в периодических изданиях. В свое время еще В.Г. Богораз указывал, что для того, чтобы судить о качестве работ Штернберга, надо сравнить их с тем, что им предшествовало. Скажем, в 39 томе той же «Энциклопедии» Брокгауза и Ефрона была помещена статья «Шаманизм» за подписью востоковеда и археолога Н.И. Веселовского, которая начиналась так: «Шаманизм — самая грубая языческая религия, некогда имевшая широкое распространение. Теперь шаманизма придерживаются немногие сибирские инородцы»¹. Кроме того, нам известно, как относилась к сочинениям по так называемым языческим верованиям цензура и какому редактированию они подвергались (достаточно вспомнить историю публикации трудов А.Н. Афанасьева, касающихся обрядов и поверий).

Штернберг, будучи незнаком с анимистической концепцией Э. Тайлора, в своих ранних трудах пришел к тем же выводам, что и британский исследователь: анимизм — универсальное мировоззрение первобытных народов. Первобытный человек приписывает духам свою собственную психологию и облакает их в антропоморфный облик. Анимизм — стадия философско-религиозного мышления, через которую прошло все человечество. Однако, в отличие от Тайлора, рассматривавшего возникновение представлений о душе как начало формирования анимистического мировоззрения, в процессе которого возникает одушевление природы и вера в духов, Штернберг считал, что представления о душе появляются в резуль-

¹ См.: [Богораз 1928: 16]. Богораз считал, что статья «Шаманизм» была написана Штернбергом, но отредактирована Н.И. Веселовским.

тате процесса оживотворения окружающей природы, имеющего три стадии.

Первая — одушевление и очеловечение природы, или аниматизм (всеобщее оживотворение, перенесение на природу основных признаков человеческого естества), вторая — открытие духов — первичный спиритуализм или одухотворение природы, население ее духами, и лишь третья — открытие души — возникновение представления о душе. Причем первоначально душа мыслится как нечто материальное, и лишь постепенно в процессе эволюции формируются представления о бестелесной душе и различных видах душ (внешние, парциальные и т.д.). Штернберг считал, что концепция универсального дуализма, деления духов на добрых и злых, возникает в результате борьбы за существование, в которой он видел основу религии.

Штернберг критиковал и так называемый «маго-динамизм», или преанимизм, считал, что магия — вторичное по отношению к анимизму явление. Он полагал, что вера в мана выросла из первоначального анимизма, считал, что «не тотемизм создал родовых богов, а родовые боги создали тотемизм», что родовая организация, теротеизм и культ природы, так же как и специальный родовой культ и экзогамия, предшествовали возникновению тотемизма. Однако он придавал тотемизму большое значение в процессе эволюции религии.

В статье «Тотемизм» (1901) он писал, что в тотемизме как в зародыше заключаются все главнейшие элементы дальнейших стадий религиозного развития: родство божества с человеком, табу, запретные и незапретные животные, жертвоприношение животного и обязательное вкушение его тела, выделение из тотемного класса избранного индивида и содержание его при жилищах, отождествление человека с божеством-тотемом, власть религии над социальными отношениями, санкция общественной и личной морали и мстительное заступничество за оскорбленное божество.

Штернберг рассматривал процесс формирования представлений о божествах как эволюцию от веры в антропоморфных духов к политеизму, монотеизму и пантеизму. Особое значение он придавал изучению шаманизма, считая, что в основе шаманского избранничества лежит половой мотив, связанный с особенностями патологической психики и эротическими сновидениями.

Сексуальный мотив раскрыл Штернберг и в культе близнецов, рассматривая его на этнографических материалах народов не только Сибири и Сахалина, но и Южной Америки, Африки и Китая. Он доказывал существование этого культа у древних египтян, вавилонян, иранцев, греков, германцев, славян. Штернберг полагал, что близнецность — это не только внешний символ парных божеств, связанный с небесными светилами, а важный элемент первобытных верований и культа, вызванный верой в участие в зачатии близнецов, помимо действительного отца, существа высшего порядка.

Штернберг считал чрезвычайно важными полевые исследования и, критикуя Дюркгейма, отмечал, что тот был кабинетным ученым и именно поэтому считал, что анимизм построен на иллюзии. Описывая практику изготовления инау, Штернберг указывал, что, с нашей точки зрения, ходящая палочка — это вздор. Но на этой нелепости люди строят свою жизнь, действуют благодаря ей с уверенностью, объясняют причины явлений. Эта нелепая гипотеза — рабочий инструмент для созидания практической жизни [Штернберг 1936: 536].

Л.Я. Штернберг был первым, кто стал преподавать «науку о религии» в России, и от его занятий со студентами в кружке на географическом факультете Санкт-Петербургского университета, которые начались еще в 1907 г., ведет свою историю университетская школа религиоведения. Отдельно он занимался со студентами Восточного факультета. О том, с каким интересом слушали эти лекции и какое значение они имели для становления молодых ученых, свидетельствуют их воспоминания. Так египтолог Н.Д. Флитнер писал: «Мало в жизни людей, имеющих право называться учителями, Лев Яковлевич — один из них. И не только словом учил он, сколько всем своим обликом, всей своей деятельностью» (цит. по: [Ратнер-Штернберг 1928: 43]. А фольклорист и литературовед М.К. Азадовский еще в 1927 г. писал, что для него лекции Л.Я. Штернберга значили чрезвычайно много и в значительной степени определили ход и направление дальнейшей работы» [Там же].

В 1915 г. Штернберг принял участие в организации Высших географических курсов, которые были позже преобразованы в Географический институт с особым этнографическим факультетом, деканом которого он стал. В 1925 г. Географический институт был

реорганизован в географический факультет Ленинградского государственного университета, профессором этнографического отделения которого Штернберг был до конца своих дней. В 1925–1926 и 1926–1927 учебных годах именно там Штернберг читал свой знаменитый курс «Эволюция религиозных верований», который на многие годы остался единственным российским систематическим руководством по сравнительному изучению религии и за который его автора в более позднее советское время обвиняли в идеализме [Краткий... 1969: 756].

Интересно, что самые современные теории религии возвращают нас к дискуссиям о природе анимизма, которые велись более 100 лет назад. С начала 1990-х годов в западном религиоведении сформировалось течение, возвращавшее исследования религии в русло объяснительных теорий, искавшее генезис религии в особенностях мышления. Это направление, рассматривая религию как форму познавательной деятельности, связывает проблемы ее генезиса с общими вопросами происхождения сознания и выявления специфики его ранних его форм.

Когнитивное религиоведение возникло как ответ на неудовлетворенность структуралистским и интерпретативным подходами в антропологическом анализе религии и, безусловно, как антитеза герменевтическому феноменологическому религиоведению с его эмпатией как методом познания религиозного опыта. Революционным исследованием в области когнитивного исследования религии стал труд П. Бойера (Буае) «Естественность религиозных идей» [Boyer 1994]. В нем доказывается, что для того чтобы в сознании возникли религиозные идеи, нерелигиозные представления о том, чем является окружающий мир, должны быть нарушены в самых незначительных деталях. Имеются в виду два возможных изменения: либо нарушение одного из представлений внутри одной категории, либо перестановка одного из представлений из одной категории в другую. Например: наши обычные представления о человеке заключаются в том, что он существо биологическое (т.е. физическое и живое) и мыслящее. Нарушение наших представлений относительно только физических свойств существа приводит к возникновению понятия сверхчеловеческого существа, т.е. существа мыслящего и живого, но бестелесного.

Бойер доказывает, что сознание устроено таким образом, что идеи, противоречащие обыденному сознанию, здравому смыслу, укрепляются в нашем сознании намного прочнее. Он называет это мнемоническим преимуществом абсурдных идей. Религиозная идея, по его мнению, должна иметь те свойства, которые присущи любой другой идее, и в то же время иметь что-то, что выделяет ее среди конкурирующих идей, и тогда она оказывается более влиятельной. Строго говоря, не существует никакого специального поля религиозной информации. Человеческий мозг устроен так, что реагирует на любую информацию, если она захватывает его внимание исключительно благодаря запоминаемости или необычности.

В начале этого столетия П. Бойер (Буае) в книге «Объясненная религия» [Boyer 2001] и С. Атран в книге «Веруем в богов. Эволюционный ландшафт религии» [Atran 2002], основываясь на достижениях когнитивной и эволюционной психологий, выдвинули гипотезу о том, что религия представляет собой «побочный продукт» эволюции мозга, возникший в результате определенных сбоев в работе отдельных «модулей», или участков, мозга, предназначенных для обработки информации только определенного типа.

В своей монографии «Лица в облаках», выпущенной в 1993 г., американский психолог С. Гатри утверждает, что у человека существует способность видеть одушевленные, антропоморфные признаки во всем, что нас окружает. Этот присущий всем людям ментальный инструмент был назван «Сверхчувствительным детектором человеческой деятельности» (*Hypersensitive Agency Detection Device*) [Guthrie 1993].

Психолог Дж. Барретт провел экспериментальное исследование детей и взрослых и доказал, что антропоморфизм и анимизм — результат активности этого ментального инструмента. Таким образом, вместе с присущей человеку способностью осознавать, что другие люди обладают разумом и испытывают чувства, сверхчувствительный детектор человеческой деятельности порождает религиозные верования [Barrett 2004] о том, что разумом и чувством обладают животные, неодушевленные предметы природы и т.п.

С уверенностью можно утверждать, что когнитивное религиозоведение в США, Канаде и странах Западной Европы на сегодняшний день является одной из наиболее сильных стратегий междисципли-

плинарного исследования религии и одной из важнейших научных школ в современном религиоведении, что подтверждается созданием в начале 2006 г. Международной ассоциации когнитивного религиоведения («International Association for the Cognitive Science of Religion»). Таким образом, наука о религии, которую создавал Штернберг, продолжает развиваться, осваивая новые методы и предлагая новые теории.

Библиография

Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг как этнограф // Сборник МАЭ. Л.: АН СССР, 1928. Т. VII.

Краткий научно-атеистический словарь. М., 1969.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным) // Сборник МАЭ. Л.: АН СССР, 1928. Т. VII.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. Л., 1936.

Atran S. In Gods We Trust: The Evolutionary Landscape of Religion. Oxford, 2002.

Barrett J.L. Why Would Anyone Believe in God? AltaMira Press: 2004.

Bolzano B. Lehrbuch der Religionswissenschaft. Sulzbach, 1834.

Boyer P. Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought Basic Books. 2001.

Boyer P. The Naturalness of Religious Ideas: A Cognitive Theory of Religion. Berkeley, 1994.

Burnouf É. La science des religions. P., 1872.

Guthrie S.E. Faces in the Clouds. A New Theory of Religion. Oxford University Press. 1993.

Leblanc P. Les religions et leur interprétation chrétienne. T. 1–3. P., 1852–1854.

Müller M.F. Essays on the Science of Religion. L., 1867. P. XI–XXVI, 183, 373.

Müller M.F. Introduction to the Science of Religion. L., 1873.

Museum für die Religionswissenschaft in ihrem ganzen Umfang / Hrsg. von H. Ph. K. Henke. № 1–3. Magdeburg, 1804–1806.

Tiele C.P. Outlines of the History of Religion to the spread of the Universal Religions / Transl. by J.E. Carpenter. L., 1877.

Tölle W. Die Wissenschaft der Religion. Bd. 1–2. Göttingen, 1865–1871.

Н.Ч. Таксами

Теория «аниматизма» Л.Я. Штернберга на материалах по верованиям саамов начала XX в.

Лев Яковлевич Штернберг посвятил истории религии цикл классических работ, описывая основные закономерности развития религиозных верований, опираясь на данные этнографии и исторического языкознания. Будучи сторонником теории первичности всеобщего одушевления природы, Штернберг воспользовался особым термином для обозначения этой стадии — аниматизм. Последний понимался как древнейшая форма религии или, точнее, как ее почва, как стадия сознания, предшествующая вере в духов и душу.

Становление религии начинается, согласно теории Л.Я. Штернберга, с одушевления и антропоморфизации природы, когда возникает представление о ее всеобщей одушевленности, объекты природы живут и действуют подобно самому человеку.

Теория «аниматизма» Штернберга применима к исследованиям 1920–1930-х годов Н.Н. Волковым культуры, быта и верований российских саамов. Последние могут рассматриваться как реализация подхода, предложенного Штернбергом. Именно этим они интересны в контексте конференции, связанной с именем этого выдающегося ученого.

Н.Н. Волков отмечал, что термин «религия» имеет условный характер по отношению к древнейшим верованиям саамов. По сохранившимся пережиткам трудно предположить, что эти верования когда-либо принимали устойчивые религиозные формы.

Возникновение представления о мире духов Штернберг объясняет особенностями первобытного мировосприятия, называет это примитивным сенсуализмом. Первобытное мышление, усматривающее в явлениях окружающего мира действительность разумных существ, по-своему логично, а антропоморфизация явлений природы постепенно усложняется.

Формально все саамы России в течение свыше 300 лет исповедовали христианскую веру. Тем не менее христианство не вытеснило у саамов их древнейших религиозных воззрений. Христианство было

воспринято внешне, как одно из средств магического воздействия на природу. Например, кильдинские саамы с большой охотой служили молебен на тонях с помощью попа и святили воду перед началом лова, освященной водой кропили больных оленей, церковными свечами прижигали больное место, медный складень прикладывали к опухолям и т.д. [Волков 1996: 72].

Для первобытной религии саамов характерны три ее признака: магия, фетишизм, анимизм. По мнению исследователя, смысл подчеркивания их в верованиях саамов в том, что здесь они не усложнены мифологией, не прикрыты философией, а выступают во всей первобытной простоте. Еще в XVI–XVII веках слава о могущественных лапландских чародеях была известна далеко за пределами Лапландии. В пределах самой Лапландии славой наиболее могущественных чародеев пользовались саамы Кольского полуострова. Саамский фольклор и предания насыщены образами множества колдунов.

Наряду с магией изображение древних саамов привлекают к себе сейды-фетиши. «Сейдом у нас раньше считали такие камни, будто в них что-то было» [Волков 1996: 73]. И сегодня в любом селении укажут два-три камня, считавшиеся сейдами. Иногда указывают в качестве сейда гору, хотя сейдом, вероятно, была не гора, а камень на ней. Сейды как вещественное выражение древнейших верований саамов распространены были в равной мере среди саамов как российских, так и зарубежных. Сейд обычно был объектом почитания всего селения и, по-видимому, связан с почитанием предков-родоначальников.

Есть основания полагать, что распространение сейдов зависело от распространения охотничьих и рыболовных угодий. Есть упоминания, что с возникновением оленеводства благотворное влияние сейдов было распространено и на стада прирученных оленей. Указанные в 1930-х годах местными жителями сейды были расположены вблизи рыболовных и охотничьих угодий саамов.

Первоначально сейды были, несомненно, родовыми фетишами. По мере дробления родовых угодий сейды превращались в семейные фетиши.

Еще одним элементом верований саамов является одухотворение сил природы — солнца, луны, облаков, грома, северного сия-

ния и т.д. Отражение анимистических представлений о природе мы находим также в фольклоре саамов России и в некоторых материальных атрибутах как олицетворение, по-видимому, изображения солнца (кольцеобразные подвески на поясах и предпочтение белого цвета в оленях). По мере развития анимистических представлений и усложнения анимистических отношений сознание саамов населяет окружающую природу различными духами. Первоначально это зооморфные духи хозяйки и хозяина.

Жертвоприношения, по словам стариков, устраивались с целью увеличить стада оленей, для увеличения благосостояния всех саамов и общего здоровья. К 1930-м годам у саамов России уже полностью утратились какие-либо воспоминания о медвежьем ритуале.

В связи с магией и анимизмом среди саамов были широко распространены понятия об антропоморфизме и зооморфизме или о возможности перевоплощения людей в животных. Стремясь избежать голода, старик превращается в медведя и проводит зиму в берлоге; колдуны и колдуньи в ряде случаев оборачиваются в оленей, собак, волков и даже рыб. Современный вариант сказки о смерти Няла, записанной Н. Волковым, гласит, что Нял помешался, вообразил себя глухарем и полез на сосну. Вероятно, по более древним вариантам Нял принял образ глухаря.

В некоторых сказках колдуны и колдуньи превращаются в мышей и лягушек. От перевоплотившихся людей рождаются соответствующие дети: олени, собаки, лягушки, которые, однако, иногда могут принимать человеческий образ. В древнейших верованиях саамов, несмотря на многообразие всюду воображаемых духов и сверхъестественных сил, отношение их к саамам скорее благожелательное, нежели враждебное. В худшем случае — безразличное. Почти во всех ранее изложенных элементах верований сквозит превосходство человека над окружающим его миром духов.

Из многочисленных примеров, связанных с очистительным значением ольхового дерева, можно заключить, что оно считалось священным. Не менее многочисленны примеры применения в качестве очистительного средства золы из костра или очага. Понятие о священных свойствах золы, по-видимому, находится в связи с некогда бытовавшим культом очага. Наиболее распространенными оберега-

ми являлись рога диких оленей и щучьи зубы. Также оберегами являлись когти медведей, носимые мужчинами на поясах, и лосиные зубы, привязываемые к колыбели. Из амулетов известен лишь «камень счастья» («живой камень»).

Несмотря на то что на смену многим положениям теории Штернберга пришли новые теории и гипотезы о развитии религиозных верований, работа выдающегося этнографа до сих пор имеет для российской науки огромное значение и является богатым материалом для глубокого теоретического анализа.

Библиография

Волков Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. СПб., Каутокейно, 1996.

Штернберг Л.Я. Анимизм // Энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 2. С. 857–867.

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева

Становление индологического направления научных исследований МАЭ в эпоху Радлова и Штернберга (по архивным материалам)

Отдел, посвященный народам Южной Азии, является одним из богатейших в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге. В нем сконцентрированы этнографические коллекции, относящиеся к народам практически всех стран региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Непал). Фонды его содержат более 13 тыс. предметов, характеризующих различные стороны быта и культуры этих народов. С помощью собранных в отделе экспонатов можно рассказывать об основных занятиях, жилище, одежде и пище, мировоззрении, религии и верованиях, а также искусстве и ремеслах различных этносов, проживающих в Южной Азии [Краснодембская 1983]. При этом в экспозицию отдела включена примерно десятая часть его фондов.

«Индийский зал» МАЭ имеет длительную историю. О чем-то подобном мечтал еще сам Петр I. Он придавал важнейшее значение

отношениям России с Индией. В его личных коллекциях, которые легли в основу собраний созданной им в 1714 г. Кунсткамеры, были и индийские предметы. В первых каталогах музея упоминались сосуды, украшения, скорлупа кокосовых орехов. В музейных документах существуют и упоминания о ранней коллекции индийских монет. После расформирования Кунсткамеры большинство этих предметов было передано в Эрмитаж.

Те, что остались в Этнографическом музее (основан в 1836 г.), после его реорганизации в 1879 г. в Музей антропологии и этнографии, как свидетельствуют документы, долгое время оставались неатрибутированными. Следовательно, их практически не задействовали в экспозициях. Многие из этих ранних вещей были позднее идентифицированы как южно-азиатские и зарегистрированы уже в позднее время под грифами «Из бывшей Кунсткамеры» или «Из старых поступлений МАЭ». Так, только в 1910 г. были зарегистрированы две ступки из слоновой кости, как мы предполагаем, приобретенные самим Петром I.

В 1931 и 1938, 1940–1941 гг. было составлено несколько подобных описей [Краснодембская 1983: 50]. Наибольшее число таких предметов были в 1949 г. объединены в единую коллекцию «Из старых собраний» (№ 4804). В нее вошли около 500 предметов без номеров неизвестного происхождения. Лишь частично впоследствии среди них были обнаружены вещи, числившиеся пропавшими по другим коллекциям. Но история выделения индийских предметов из фондов МАЭ требует особого исследования.

Возможно, индийские предметы имелись и в составе буддийских собраний Академии. Необходимость развития буддологии как направления научных исследований оказалась одним из главных аргументов при рассмотрении вопроса об учреждении при Императорской Академии наук «Музея антропологии и этнографии преимущественно России». В проекте записки-обоснования утверждается, что «упомянутые выше влияния Китая, а равно и Тибета на наших южно- и восточно-сибирских инородцев в особенности сказываются в религиозном отношении, в их буддийско-ламайском вероисповедании. Предметы и принадлежности этого богослужения имеют поэтому особое значение и для изучения многих из наших инородцев, и, согласно с тем, им отведено немаловажное место и в нашем Музее.

Коллекции, составленные по этой части еще Палласом и другими путешественниками прошедшего столетия, были много пополнены вследствие состоявшейся в прошедшем году, по Высочайшему повелению, передачи в Этнографический музей предметов этого рода из Эрмитажа, а в последнее время еще значительно обогатились вследствие приобретения для Музея, по Высочайшему повелению, коллекции буддийских предметов, вывезенной князем Ухтомским из Забайкальской области, из Монголии и из Китая» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1878. Е.х. 6. Л. 31–32].

В июне 1886 г. Государственный совет разрешил постройку нового флигеля для Библиотеки Императорской Академии «по переулку подле Библиотеки Академии и насупротив здания Академических Музеев» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1888. Е.х. 14. Л. 32]. В 1887 г. директор Библиотеки Академии наук академик А.А. Куник «уступил помещение в верхнем этаже нового флигеля в Таможенном переулке для нового музея (над Книжным складом). Там в двух больших и светлых залах верхнего этажа была устроена выставка зоологических коллекций генерала Пржевальского».

Особая Комиссия, назначенная Президентом ИАН графом Д. Толстым для обсуждения вопроса о выгоднейшем размещении Библиотеки и открытых для публики музеев Академии, в составе академиков В. Радлова, А. Штрауха, Ф. Шмидта, А. Куника, под председательством Л. Шренка, приняла решение соединить два музея [Там же. Л. 40–47об.]. Решением Государственного совета № 31 12 мая 1879 г. был создан Музей по антропологии и этнографии [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1878. Е.х. 6. Л. 14].

Директором музея был назначен академик Леопольд Иванович Шренк. 23 сентября 1889 г. вновь устроенный музей, готовый к открытию, осмотрел Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович, только что назначенный Президентом Императорской Академии наук. На содержание нового учреждения, в том числе на охрану экспозиции, требовались специальные ассигнации из Государственного казначейства, поэтому открытие музея для публики состоялось лишь 1 января 1891 г., и к открытию ученый помощник-хранитель Ф.К. Руссов подготовил путеводитель. Передача коллекций музея Императорского Русского географического

общества сделала МАЭ «центральной для России музеем по этим наукам» [Императорская... 1917: 246].

До конца XIX в., однако, все еще не были выработаны научные принципы показа коллекций «культурных стран Азии». Все еще был принят обычай экспонирования «чудес и редкостей», и индийские артефакты демонстрировались в МАЭ вместе с предметами из других регионов Азии. Возможно, поэтому первоначально внимание привлекли только две ступки гоанской работы из слоновой кости, выполненные в индо-португальском стиле, и резной ящик XVIII в. Только они и были названы предметами индийскими.

Как известно, серьезные перемены в музее начались лишь с 1894 г. Тогда на должность директора 15 марта 1894 г. был избран В.В. Радлов. Именно он занялся радикальной реорганизацией всех сторон жизни музея. Много, действительно, требовалось изменить. Музей был выведен из ведения Физико-Математического Отделения Императорской Академии наук (далее — ИАН) в переведён в ведение Историко-Филологического Отделения. Был минимален штат сотрудников музея — всего три человека (он включал директора, ученого-хранителя и служителя музея). Даже для уже скопившихся за почти два века коллекций стали малы площади (как для хранения, так и для экспонирования). Сам В.В. Радлов, готовясь к новой должности, так оценил положение в музее: «Осмотрев ныне подробно вверенный моему управлению Музей Антропологии и Этнографии, я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций. Кто знает затруднительное положение, в котором находится этот Музей, не располагающий достаточным местом для выставления предметов и даже для подготовительных работ и не имеющий в своем распоряжении необходимых денежных средств, может только удивляться, как заботами прежних директоров удалось собрать такое множество драгоценных предметов» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1894. Е.х. 24. Л. 2–3об.].

Он сразу же (12 марта 1894 г.) просил Историко-Филологическое отделение Императорской Академии наук (далее — ИФО ИАН) «дать мне право войти в сношение с лицами, живущими в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и, в случае надобности, представить Отделению имена тех лиц, которые могли бы быть официально

назначены корреспондентами Музея по Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук с выдачей на это звание диплома» [Там же. Л. 2]. Благодаря введенному в 1898 г. институту корреспондентов МАЭ музей обогатился коллекциями из разных стран мира, но индийских вещей среди них было немного. Из скудных бюджетных сумм выкраивались средства и на содержание музея, и на покупку предметов. В.В. Радлов, изучив опыт музеев Европы, вводил в Санкт-Петербурге многие новшества, которые принесли ему успех.

В 1893 г. МАЭ приобрел буддийскую коллекцию И.П. Минаева у его наследниц В.П. и А.П. Шнейдер (274 пр. — бронзовые бурханы, иконы на холсте). Это первые южноазиатские приобретения музея — из Непала и Бирмы [Императорская 1917: 248].

Одна из первых крупных индийских коллекций поступила в МАЭ от императора Николая II. 9 декабря 1894 г. по предложению августейшего Президента Императорской Академии наук Великого Князя Константина Константиновича было принято решение передать в МАЭ предметы, «привезенные Государем Императором в бытность его Наследником Цесаревичем из своего путешествия на Восток в 1890–1891 гг.» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1894. Е.х. 31. Л. 15, 16–18].

Другая крупная коллекция стала началом европейского отдела МАЭ. 29 апреля 1897 г. «Государю Императору благородно было повелеть передать в Этнографический Музей при Императорской Академии наук находящуюся в Зимнем Дворце коллекцию одежд, поднесенную Болгарским народом в Бозе почившему Императору Александру II, по случаю 25-летия Его Царствования, 19 февраля 1880 г. [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1896. Е.х. 1. Л. 14]. Таким образом, директору МАЭ удалось получить две крупные и ценные этнографические коллекции из районов, не представленных в российских музеях. Эти царские коллекции впоследствии легли в основу концепции создания Императорского музея, каждый зал которого показывал бы значение той или иной царской особы в преумножении культурных ценностей России.

20 декабря 1899 г. Министерство Императорского Двора уведомило ИАН, что из Императорского Эрмитажа передаются в МАЭ костюмы (бурятский, мингрелский, греческий (в другом варианте документа — албанский. — *Авт.*), черногорский — мужской и женский на манекенах с подставками, три татарских шёлковых кафтана,

две чохи Сидского Раджи (Tschoha — robes de Rajah), кашмирская шаль [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 51. Л. 58, 77–78].

16 февраля 1900 г. В.В. Радлов уведомил Историко-Филологическое Отделение ИАН, что Берлинский Этнографический Музей отдает МАЭ две большие коллекции из дублетов (Африка; Южная Азия — Индия, Сиам, Зондские о-ва). Мена была расценена как крайне выгодная. Приём дублетов в Берлине и составление их списков было поручено старшему этнографу МАЭ Д.А. Клеменцу [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 53. Л. 168–170].

Начиная кампанию по увеличению бюджетного финансирования, В.В. Радлов писал 3 января 1898 г. в записке Министру финансов: «В нашем музее оставили следы своих трудов великие русские исследователи и путешественники прошлого и текущего столетия — материалы для истории русской науки, памятники ума, бесстрашия и усердия ее работников. У нас хранятся фактические свидетельства живого и сердечного отношения к этнографической [науке] Русских государей, начиная с Великого Петра и оканчивая ныне благополучно царствующим Государем Императором — Николаем Александровичем. Коллекция вещей и принадлежностей быта, поднесенных Болгарией, из 25 местностей Княжества, Освободителю своему, императору Александру II, коллекция из путешествия Государя Императора Николая Александровича, в бытность его Наследником Престола, помимо своего высокого научного значения, представляют собою целые страницы Русской Истории» [Там же. Л. 7].

Последовательная политика по разбору и каталогизации старых коллекций давала В.В. Радлову всё больше оснований утверждать, что «МАЭ более, чем все другие наши Музеи, связанные с именем Петра, связан с его кунст-камерой и кабинетом». По его ходатайству накануне празднования двухсотлетия Петербурга было возбуждено 13 ноября 1902 г. ходатайство о переименовании Музея, и 21 декабря 1902 г. «Государь Император Высочайше соизволил на наименование Музея по Антропологии и Этнографии ИАН «Музеем антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Е.х. 90. Л. 1, 4].

В 1901 г. началось переоборудование Музея новой выставочной мебелью, в 1902 г. к зданию была добавлена пристройка со стороны двора (прихожая, раздевальная, комната для распаковки вновь по-

ступающих вещей). Это позволило увеличить количество экспонируемых вещей и включить музей в систему народного образования.

Впрочем, Комиссия для осмотра переустроенного Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого в составе: председатель — В.В. Латышев, члены — академики К.Г. Залеман, О.Н. Чернышев, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Ф.Н. Чернышев — осмотрела новые экспозиции 25 ноября 1903 г. и разрешила его открыть после публикации нового «Путеводителя», что и было сделано [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 51. Л. 166].

Большую роль в развитии индологического направления играл Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934). Известный востоковед, санскритолог и знаток буддизма, преподававший на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, был председателем этнографического отделения Императорского Русского Географического общества. С 1903 г. — экстраординарный (с 1908 г. — ординарный) академик. Для его исследований в 1904 г. были специально заказаны фотоснимки с древностей Индии и Индийского архипелага, причем 100 руб. были выделены из средств I и III отделений ИАН [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Е.х. 46. Л. 27]. Ольденбург руководил изучением и каталогизацией буддийских коллекций, участвовал в выставлении и описании в «Путеводителе» по МАЭ отдела буддизма (который располагался в верхнем зале музея). В 1909–1910 гг. и 1914–1915 гг. руководил академическими экспедициями в Туркестан. Он являлся непрямым секретарем Академии наук в 1904–1929 гг., в 1916 г. стал директором Азиатского музея.

Рядом с директором МАЭ В.В. Радловым с 1902 г. находился его соратник и помощник — Л.Я. Штернберг. И не только он. Новые работники музея считали, что задачей МАЭ должно стать не случайное собирательство, а планомерные и систематические этнографические изыскания и экспедиционные сборы. Выставки музея они хотели превратить в подлинно научное пособие по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира. Однако вернемся к «индийской части» музея.

Напомним, что 21 декабря 1902 г. по ходатайству В.В. Радлова, поддержанному Историко-Филологическим Отделением ИАН, «Государь Император Высочайше соизволил на наименование Музея по

Антропологии и Этнографии Императорской Академии Наук «Музеем антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1903. Е.х. 150. Л. 253]. Надо понять, насколько серьезно обретение высокого статуса позитивно отразилось на развитии музея, привлекло к нему дотации и спонсоров.

Дирекция оказывала помощь вновь создаваемому в Санкт-Петербурге Этнографическому Отделу Русского Музея Императора Александра III (ныне — Российский Этнографический музей). В 1904 г. Комиссия, выбранная III-м Отделением Императорской Академии Наук в составе академиков В.В. Радлова, В.В. Латышева и С.Ф. Ольденбурга, обсудив вопросы, возбужденные в письме Великого Князя Георгия Михайловича касательно разграничения в будущем сфер деятельности Этнографического Отдела Музея Императора Александра III и состоящего при Императорской Академии Наук Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, пришли к заключению, в частности, что:

«2. Назначение Академического музея состоит в том, чтобы в тщательно подобранных этнографических объектах из быта самых различных племен и народов представить более или менее полную картину и материал для изучения эволюции человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности.

3. Что касается Этнографического Отдела Музея Александра III, то, судя по тому, что в своей деятельности он ограничивается исключительно Россией и прилегающими странами, то является музеем территориальным; по этому самому цель его — скорее практическая, патриотическая. Его цель — представить картину этнографического протяжении нашего отечества, картину быта народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею. Каковы бы ни были достоинства этой картины, но в научном отношении она по необходимости всегда будет страдать некоторою отрывочностью, именно благодаря принципу территориальности. Ламаизм, например, будет оторван от своего индийского собрата — буддизма и брахманизма, тюрки и арабы будут оторваны от соплеменников африканских, чукчи от своих американских сородичей, евреи европейские от азиатских и африканских и т.д. <...>

6. Музеи не конкурируют и в финансовом отношении. Академический музей в течение своего долгого существования поддерживается главным образом пожертвованиями членов академии и привлеченных или сочувствующих лиц. Только в 1892 г. Музей добился суммы в 3000 р. на приобретение коллекций, но и эта скудная сумма, ввиду общей скудности средств, расходовалась по другим статьям бюджета, и новые коллекции в последние годы по-прежнему получались исключительно в виде дара сочувствующих целям музея лиц. Между тем, музей Императора Александра III обладает ежегодной суммой в 40000 р. на приобретение коллекций.» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 55. Л. 15–16об., 19].

И далее С.Ф. Ольденбург неоднократно вовлекался в дела, связанные с вышеуказанными музеями. Так, В.В. Радлов, К.Г. Залеман, А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург как члены Комиссии по вопросу об упорядочении академических изданий на заседании Общего Собрания ИАН № 13 14 октября 1906 г. высказались в пользу перемещения Книжного склада с первого этажа здания по Таможенному пер. и упорядочения помещения [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1906, Е.х. 153. Л. 68]. Это помещение было передано МАЭ, и там были развернуты американские экспозиции.

С.Ф. Ольденбург неоднократно принимал на себя обязательства по управлению МАЭ: в 1907 г., пока В.В. Радлов был в командировке [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1907. Е.х. 154. Л. 356], затем — в 1912 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Е.х. 159. Л. 366]. От академика С.Ф. Ольденбурга поступили в дар Азиатскому музею рукописи, а МАЭ — три буддийских образа (танка и две статуэтки) [СПФ АРАН. Ф. 1, Оп. 1а-1909, Е.х. 156. Л. 312об.]. Он передал в МАЭ статуэтку Майтреи — дар Далай-Ламы, за что ему была выражена благодарность [СПФ АРАН. Ф. 1, Оп. 1а-1908, Е.х. 155. Л. 316об.].

В.В. Радлов был председателем Выборной Комиссии по избранию С.Ф. Ольденбурга, экстраординарного академика, в ординарные академики по литературе и истории азиатских народов [Там же. Л. 385об.].

Когда 12.05 (29.04) 1918 г. ординарный академик Василий Васильевич Радлов на 83 году жизни скончался в Петрограде, С.Ф. Ольденбург опубликовал некролог в «Известиях» Академии [СПФ

АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Е.х. 165. Л. 45об.]. Затем С.Ф. Ольденбург как директор Азиатского музея ассигновал из сумм Музея 6 тыс. руб. на уплату за приобретенное для музея собрание книг и журналов от Александра Васильевича Радлова, академик В.В. Бартольд выделил на эти же цели 6 тыс. руб. из сумм МАЭ [Там же. Л. 486 об.].

В МАЭ целенаправленно создавался буддийский отдел, но регулярный приток экспонатов туда начался с 1897 г., в основном, из Центральной и Восточной Азии (фрески и др. образцы древнебуддийского искусства). Эта тематика интересовала многих зарубежных специалистов, в т.ч. профессора А. Грюнведеля (Albert Grünwedel), который неоднократно посещал Россию, работал в академических музеях, участвовал в археологических экспедициях и собрал экспонаты для Берлина. Он был избран в 1908 г. иностранным почетным членом-корреспондентом Императорской Академии наук по разряду Восточной Словесности и Истории Искусств [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1922. Е.х. 170. Л. 57об.].

С началом Первой мировой войны правительство потребовало исключить из состава союзов, обществ и др. подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений, в том числе академиков, почетных членов и членов-корреспондентов, состоящих в подданстве воюющих с Россией держав. На Экстраординарном Общем Собрании ИАН 14 марта 1915 г. члены Академии отказались это сделать, мотивируя своё решение тем, что «выборы были произведены за личные заслуги, а не за коллективную деятельность» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 40об.–41]. Тем не менее в числе других членов-корреспондентов немецкого подданства он был исключен из списков ИАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1919. Е.х. 166. Л. 299].

Особенно интенсивно и систематически росли Восточноазиатский и Европейский отделы МАЭ. «Нечто совсем другое мы видим в отделах индийском и индокитайском. Благодаря энергии В.В. Радлова эти отделы, насчитывавшие ранее по 1–20 предметам (две ступки из слоновых клыков и резной ящик), приняли характер систематических коллекций. Государем Николаем II были пожертвованы сиамские вещи (предметы роскоши), д-р Ягор из Берлина подарил богатую коллекцию из Индии, лейпцигский профессор Ганс Мейер поднес Музею богатейшую (до 400 пр.) коллекцию индокитайских

одежд, с Международной рыболовной выставки поступила коллекция сиамских рыболовных принадлежностей, от А.Н. Казнакова, барона Стаэль фон-Гольштейна и русского консула Некрасова в Бомбей поступили, наконец, коллекции по брахманизму. В последнее время есть надежда и на приобретение большой коллекции с Цейлона, Сиама, Китая и Японии, собранной Н.И. Воробьевым — таким образом и маленький цейлонский отдел, едва намеченный в Музее и являющийся в зародыше (коллекция от братьев Хэт [Хэйт. — *Авт.*], купленная с Костюмной выставки в 1907 г.), будем надеяться, разовьется и представит нам один из интереснейших в этнографическом отношении уголков мира. Оба отдела — Индийский вместе с Цейлоном и Индо-Китаем, связывающий азиатский культурный пояс с полукультурной Индонезией, в настоящее время насчитывает примерно до 1 тыс. предметов» [Музей 1907: 87–88]. В отчетах МАЭ этого периода об южно-азиатских коллекциях не упоминается. В 1907 г. Индия включена в один раздел с Китаем, Японией, Кореей и Индокитаем, но никаких конкретных фактов об особо выдающихся индийских вещах не приведено.

Собираателям коллекций сотрудники МАЭ посылали инструктивные письма, давали консультации. Эти советы превращали их в исследователей, которые накапливали ценный, нередко монографический научный материал (это особенно заметно в сборах по сибирскому искусству). Накопленный опыт переносился и на собирательство за рубежом.

Приведем пример подобного письма от 9 декабря 1899 г. от исполняющего должность старшего этнографа Музея Д.А. Клеменца самаркандскому уездному врачу Константину Евгеньевичу Островских, который предложил свои услуги по собиранию этнографической коллекции среди узбеков, таджиков, бухарцев, но не определил условий сотрудничества. Ему не предлагали денежный аванс, опасаясь перерасхода бюджета, тем более что ни с ним, ни с его коллекциями МАЭ пока знаком не был:

«Наиболее удобный для Музея способ Вашего сотрудничества был бы такой: получение коллекций, собранных Вами, и уплата по представленному Вами счёту их стоимости. Пересылка вещей может проводиться почтою в посылках весом не более пуда. Таковые,

на основании Устава ИАН и §60-го почтовых правил, должны быть принимаемы бесплатно.

Музей интересуется, прежде всего, домашней обстановкой, промыслами и занятиями населения. Все самодельное ценно для нас, все покупное и привозное имеет мало значения. Дорогих изданий Музей приобретать не имеет средств; нам доступно только повседневное.

Желательно было бы иметь орудия земледелия местной работы, изделия из кожи, образцы тканей. Справьтесь, сколько могут стоить ткацкие [принадлежности. — *Авт.*] для тканей и ковров, пряжи для выпрядения ниток бумажных и шерстяных, красильные вещества.

Очень интересны были бы сартовские колыбели: нет ли разницы в устройстве колыбелей между разными народами. Важны очень детские игрушки и игры взрослых. Ещё большее значение могли [бы. — *Авт.*] иметь принадлежности дервиша.

Из деревянных поделок могут быть удобны только негромоздкие вещи, важнее других между прочим производство горшочков. Равным образом, конечно, имеет большое значение одежда, особенно женская и детская.

В Туркестанском крае теперь немало фотографов. Вы чрезвычайно обязали бы Музей, если узнали, от кого можно приобрести более или менее полные коллекции типов и сцен местных жителей и по каким ценам» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 52. Л. 83–86].

Благодаря активной разносторонней деятельности своих сотрудников музее удалось установить отношения со многими профильными учреждениями страны.

Так, в Музее Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества (далее — ОИРГО) имелся костюм сингалезского рыбака (правильнее говорить *сингальского*, сингалы — основное население о-ва Цейлон) — единственный предмет из подобного рода коллекций. «Ввиду этого Распорядительный Комитет Западно-Сибирского Отдела ИРГО, имея в виду, что в Музее Академии имеется во всяком случае более полная коллекция подобного рода, постановил принести в дар Музею Академии Наук выше упомянутый костюм сингалезского рыбака, каковой и препровождается». Предмет был получен 21 октября 1901 г., о чем 24 октября

доложено Академии «на предмет выразить благодарность Отделу» в г. Омск [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 50. Л. 169, 175]. В дополнение 13 декабря 1901 г. в МАЭ препровождались шляпа и сандалии к этому костюму [Там же. Л. 175]. 24 октября 1901 г. Западно-Сибирскому ОИРГО была выражена благодарность [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1901. Е.х. 148. Л. 312об.].

В реальности это было только начало формирования цейлонской коллекции. Позже целая серия предметов пополнила цейлонский отдел музея. В сентябре 1905 г. у унтер-офицера Ивана Семенова была куплена для МАЭ модель судна с острова Цейлон (коллекция № 941) [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1906. Е.х. 153. Л. 332]. Ещё одна модель сингальской лодки (№ 1616) поступила в 1908 г. от В.В. Святловского, который впоследствии стал членом Попечительного Совета музея. Д-р Герман Мейер в 1907 г. преподнёс в дар МАЭ коллекцию театральных масок с о-ва Цейлон (№ 1180). Она была зарегистрирована Н.И. Воробьевым, который сам посетил этот остров и собрал для МАЭ коллекцию (№ 1044, 1906), частично подаренную, частично проданную им музею.

4 сентября 1902 г. Великая Княжна Ксения Александровна просила для Первой Международной выставки исторических и современных костюмов выдать одежду русских и др. из дублетов МАЭ, обязуясь вернуть их [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 51. Л. 101]. По завершении выставки МАЭ получил и все подаренные организаторам этнографические объекты, и даже манекены. Как указано выше, среди них имелись цейлонские и индийские коллекции от братьев Хэйт.

27 мая 1903 г. академик В.В. Радлов довел до сведения Отделения, что за последние два месяца текущего года профессором доктором Гансом Мейером из Лейпцига принесены в дар МАЭ три очень ценные этнографические коллекции: коллекция предметов быта жителей Новой Зеландии, состоящая из 35 вещей; коллекция предметов одежды народов Индокитая, состоящая всего из 170 вещей; коллекция костюмов бомбейских рыбаков, состоящая из 26 вещей. «Ввиду значительных заслуг проф. Ганса Мейера по отношению к Музею, академик В.В. Радлов просил Отделение разрешить выдать проф. Мейеру диплом корреспондента Музея антропологии и этно-

графии им. Императора Петра Великого» [Там же. Л. 130]. 3 июля 1904 г. Государь Император Николай II пожаловал Гансу Мейеру орден св. Анны 2 ст. с бриллиантовыми знаками [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Е.х. 79. Л. 32].

С 1905 г. переписку с собирателями о приобретении, затем — обмене коллекциями стал вести Л.Я. Штернберг. Объем корреспонденции и география деловых контактов быстро расширились. Некоторые контрагенты даже обращались к Л.Я. Штернбергу «Господин Директор». Наибольшую для МАЭ актуальность представляли коллекции и отдельные предметы из Африки и Америки, которые заполняли лакуны в коллекциях. Приобретение южноазиатских предметов в этот период составляло скорее исключение, чем правило. В 1906 г. МАЭ приобрел у г-на И.М. Мирвиса три стереоскопа и «300 оригинальных стереографов, представляющих интересные в этнографическом отношении полные комплекты снимков по Индии, Японии, Египту», всего на сумму на 127 р. 50 к. (оплаченных из кредита музея) [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1906). Е.х. 26. Л. 34].

Заметим, что в описываемый нами период и несколько ранее активизировался практический интерес российских востоковедов к Индии. В частности, целая плеяда специалистов собирала оригиналы или заказывала копии рукописей на восточных языках. Эти сборы составили отделы в Азиатском музее ИАН, Публичной и университетской библиотеках и др.

История индийского отдела Азиатского музея перекликается с историей МАЭ. Азиатский музей был устроен в 1818 г. во флигеле Главного здания Академии, обращенном к Университетской линии. В 1903 г. Азиатский музей переместился в новое помещение. Тогда даже обсуждался проект разместить его в Библиотеке Академии наук, поскольку Азиатский музей представлял собой скорее библиотеку, чем собственно музей. Там содержались восточные монеты, камни и предметы с надписями, рукописи по Востоку, книги (в том числе по Египту и Африке). Этнографические предметы из Азиатского музея были переданы в академический Этнографический музей, а дирекция МАЭ регулярно передавала профильные предметы в Азиатский музей. Академик В.В. Радлов заведовал Азиатским музеем в 1885–1890 гг. 2 мая 1907 г. он вновь принял заведование

Азиатским музеем на время пребывания академика К.Г. Залемана за границей [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1907. Е.х. 154. Л. 338об.].

В академическом Азиатском музее «скромное собрание рукописей на индийских языках пополняется случайными и редкими поступлениями, отчасти копиями, заказанными в Индии для работ русских индологов». В 1914 г. каталог этих рукописей готовил к печати Н.Д. Миронов. В своих отчетах Азиатский музей указывает пожертвованные бароном А.А. Сталь-фон-Гольштейном в 1906 и 1908 гг. коллекцию из 178 санскритских и одной пенджабской рукописей, а также одну на неизвестном наречии. В 1907 г. скончался в Ашхабаде индийский торговец Хаса-Джас, от которого было получено 24 рукописи. В 1910 г. за 1000 руб. куплено 15 единиц хранения от Н.И. Воробьева (Сиам, Цейлон). 16 «тамульских рукописей» в 1913 г. прислал М.С. Андреев. Но самым драгоценным достоянием считались «древние рукописи, добытые в Китайском Туркестане (буддийские сборники изречений Dharmapada на пракритском языке, писанные на березовой коре, являющиеся, по всей вероятности, древнейшими из известных доселе индийских рукописей; приобретены для генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского)». Значительная часть этих рукописей была описана и издана С.Ф. Ольденбургом [Императорская 1917: 230–233].

В 1907 г. Николай Иванович Воробьев, командированный в Индокитай, на о-ве Цейлон собирал ценный этнографический материал, поступивший в МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 59. Л. 57об.].

15 октября 1908 г. привет-доцент Санкт-Петербургского Университета А.С. Щепотьев принес в дар Академии два лубочных индийских образа, приобретенных им в апреле в Мадуре. Историко-Филологическое Отделение ИАН приняло решение передать лубки в МАЭ и выразить дарителю благодарность Академии [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1908. Е.х. 155. Л. 392об.]. 11 марта 1909 г. от Музея Императорского Ботанического Сада получено собрание сельскохозяйственных орудий Японии, сиамской керамики и индийских копий [Там же. Л. 308].

В 1909 г. общее количество вещей в МАЭ выросло почти втрое (увеличившись на 8 тыс. пр. только в последний год). Вещей из Юж-

ной Азии было по-прежнему мало, они находились в ведении младшего этнографа Б.Ф. Адлера, который одновременно должен был заниматься славянскими народами России, Китаем, Японией, Индией, Сиамом, археологией [СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Е.х. 31. Л. 93об.]. Предполагалось, что в дальнейшем в музее будет введена штатная единица специалиста по культурным странам Азии. Но особых планов по изучению Индии в МАЭ пока не строилось.

Тогда же, в 1909 г., по инициативе В.В. Радлова с разрешения Государственного Совета был создан Попечительный Совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого. Первое заседание Совета состоялось 21 апреля 1909 г. в составе председателя Совета директора МАЭ В.В. Радлова, представителя ученого персонала старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга и почетного члена Ф.Ю. Шотлендера [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1910. Е.х. 157. Л. 362]. Личный состав Совета постепенно пополнялся. Почетным Председателем в 1912 г. стал Его Императорское Высочество Князь А.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский. За первые четыре года Совет выделил на нужды МАЭ 136 тыс. руб.

Совет немало способствовал расширению сферы деятельности МАЭ, пополнению его коллекций, развертыванию экспозиционно-выставочной и издательской деятельности. К сожалению, этот аспект истории МАЭ, как, впрочем, и ряд других, пока исследован совсем мало.

С помощью Попечительного Совета (а именно на средства Ф.Ю. Шотлендера) в том же 1909 г. был создан новый Отдел. В записке В.В. Радлова Государю Императору, доложенной на Историко-Филологическом Отделении, предлагалось к трехсотлетию юбилею Дома Романовых (к 1913 г.) открыть Галерею Петра Великого в МАЭ. Для ее устройства были выявлены и соединены все коллекции и предметы научного характера, имевшие отношение к особе Петра I, но до того времени хранившиеся в различных музеях и учреждениях. А для размещения данной экспозиции был надстроен третий этаж в музее [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1909. Е.х. 8. Л. 2]. Завершающим этим Отделом 6 октября 1910 г. был избран надворный советник Н.И. Воробьев, ранее предложивший идею создать в МАЭ

Галерею Императора Петра Великого [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1910. Е.х. 157. Л. 397об.].

Личные вкусы и интересы попечителей позволяли сотрудникам музея привлекать их к широкому спектру программ. Так, почетные члены Совета причисленный к Государственной Канцелярии дворянин Б.А. Игнатъев (утвержден в сем звании августейшим Президентом ИАН 12 декабря 1913 г.) и текстильный фабрикант К.К. Шейблер (утвержден 24 февраля 1914 г.) имели в числе приоритетов Индию.

Обменных коллекций из Индии другие музеи (кроме Берлинского музея народоведения) больше МАЭ не предлагали. Музеем же настоятельно требовались уже не любые, а цельные, научно собранные и описанные собрания. Постепенно формировалось убеждение, что наилучшие результаты может дать «экспедиционный» способ приобретения коллекций.

В 1910-е годы МАЭ удалось начать целенаправленную работу по приобретению коллекций в Южной Азии. Одновременно несколько человек предложили свои услуги в этом плане.

Завязал деловые отношения с МАЭ известный дилер Джона (Йон) Гагенбек (1866–1940), младший брат знаменитого гамбургского звероторговца Карла Гагенбека. Сбежав в юном возрасте из дома в Южные моря, он сделал там успешную карьеру как торговец перламутром. Поселившись в 1891 г. на о-ве Цейлон, он прожил там 25 лет и заложил базу первого зоопарка в Коломбо (Дехивала). Письмом из г. Коломбо от 7 марта 1912 г. Дж. Гагенбек предложил МАЭ приобрести этнографическую коллекцию из Андаманских островов (49 пр. культа, оружия, украшения, среди которых есть экземпляры ценные и редкие) за 750 марок, а также недорого — цейлонские маски и оружие. Как свидетельствует письмо от 28 мая 1912 г., он согласился на сумму в 500 марок, которые МАЭ должен был перевести Карлу Гагенбеку, и даже организовал перевозку четырех ящиков в Гамбург и далее в Петербург [Соболева 2007]. Эта андаманская коллекция МАЭ № 1997 состоит из 91 пр. [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1912. Е.х. 8. Л. 30об.].

К 300-летию Дома Романовых в Главную Дирекцию Императорского Русского Географического Общества поступило 24 индийских музыкальных инструмента от Радж-Кумар Шиама Кумар Тагора

из Калькутты. Была создана Комиссия для их оценки, и 24 сентября 1914 г. вещи было решено передать в Консерваторию [Там же. Л. 45].

В 1905–1914 гг. вице-консулом и помощником генерального консула России в Бомбее А.А. Половцева был Михаил Степанович Андреев (1873–1948). В те годы для музея российских товаров при Генеральном консульстве в Бомбее ожидали присылки экспонатов от ситцевой мануфактуры К. Шейблера, позже ставшего попечителем МАЭ [Шуваева 2000].

По рекомендации профессора Ф.К. Щербатского, в 1910 г. М.С. Андреев, восхищенный уникальным произведением традиционного индийского искусства, приобрел на собственные средства и отправил в МАЭ часть дворца пешвы из Махараштры XVII в. (коллекция № 1789, из г. Насик) [Кудрявцев 1953]. Взаимный энтузиазм собирателя и руководителей МАЭ позволил музею в 1912 г. обрести и другие уникальные (и в этнографическом, и в художественном отношении) предметы — собрание деревянных рельефов (части священной храмовой колесницы) и металлической пластики из Южной Индии (почти 300 ценнейших предметов, коллекция № 2055). В 1914 г. у этого же собирателя музей приобрёл редкую коллекцию по Южной Индии: около 170 предметов, характеризующих типы населения и повседневный быт жителей региона.

Когда группа слушателей Психоневрологического Института собралась отправиться в научную экспедицию в Индию и в Японию, руководство Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого ходатайствовало о них перед Правлением Добровольного Флота. 20 марта 1913 г. студентам было предоставлено право проезда от Одессы до Владивостока и остановки в попутных портах за плату со скидкой 25 % от установленной тарифом. В поездку собирались Борис Эйсурович, Даниил Лурье, Генрих Шлегель, Антонина Кравцова, Сергей Гейман, Иван Казанский, Исаак Розенталь, Николай Щелкунов и Георгий Барметов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 65. Л. 68]. Сергей Вениаминович Гейман, мещанин г. Иркутска, привез в МАЭ предметы из этого путешествия, в т.ч. из Индии (№ 2256). А в 1914 г. он отправился в Южную Америку в составе так называемой Студенческой экспедиции, успешно там работал, поддерживал активную переписку с Л.Я. Штернбергом.

Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970), магистр персидской словесности, прибыл для сбора книг в Индию в 1913 г. К тому времени он уже приобрел для МАЭ несколько коллекций в Персии. 27 марта 1913 г. он писал из Калькутты: «А потому я опять хочу предложить Музею свои услуги, по примеру прошлых лет, в качестве “коллектора”. Разумеется, прошу точно указать, если Вам интересны такие коллекции, — что именно собирать — Индия так громадна, так подавляет своей бесконечной множественностью, что до некоторой степени трудно ориентироваться здесь. Конечно, редкостей здесь найти трудно — ведь сказывается Английское Правительство. Но “быт”, ежедневный, — очень богат и доступен» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 105–106].

Дирекция МАЭ выразила В.А. Иванову благодарность за персидские коллекции, но 21 апреля 1914 г. музей отказался от его услуг, т.к. в Индию на два года была отправлена экспедиция Мервартов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 358]. В 1914 г. В.А. Иванов поступил на должность временного сотрудника в Азиатский музей ИАН, для которого впоследствии собирал рукописи и книги, в том числе и в Индии.

Хотя о южноазиатских коллекциях в официальных публикациях МАЭ в те годы специально не писали, в сводной таблице № 5 значится, что на 1913 г. в Отделе Индии, Цейлона, Сиам и Бирмы числилось 39 коллекций и 1702 пр. (причём 1225 пр. были получены в дар, 472 куплены), и все они были зарегистрированы (кроме одного предмета), а до 1889 г. было известно всего о двух коллекциях из вышеуказаного региона, состоящих из пяти предметов (4 поступили из Кунсткамеры, 1 получен в дар) [Императорская 1917: 297]. Для сравнения скажем, что всего за 25 лет в МАЭ поступило 130 698 пр. [Там же. С. 292–293].

Изменилась система сборов этнографических материалов. Сначала МАЭ играл чисто пассивную роль приемника того, что по тому или иному случаю ему доставалось (случайные дары, иногда — поручения экспедициям Академии). Благодаря помощи Попечительного Совета стал возможен переход к активной инициативе, к планомерному научному собранию, к реализации принципа собирания путем научных экспедиций и командировок лиц, предварительно подготовленных к такой деятельности в Музее. Такие экспедиции

предпринимались либо самостоятельно Музеем, если это позволяли его средства, либо совместно с другими учреждениями. Официально самостоятельными предприятиями МАЭ с 1897 г. по 1913 гг. значатся экспедиции Г.М. Осокина (Монголия 1897), П.Е. Островских (Енисейская губ. 1898), С.М. Дудина (киргизы 1899), П.К. Саминова (о-в Эзель 1899), Б.О. Пилсудского (айны о-ва Сахалин, о. Есо 1902–1904), В.Л. Серошевского (Маньчжурия, айны о-ва Есо, 1902), В.Н. Васильева (Туруханский край, Якутская область, карагасы, сойоты 1904–1908), В.И. Каменского (Нижегородская, Костромская губ. 1907–1908), Н.В. Шабунина, А.В. Журавского (самоеды 1906–1908), В.В. Святловского (Австралия, Северная Америка 1908), чеха А.В. Фрича (Южная Америка 1910–1911), А.А. Ромаскевича, В.А. Иванова (Персия 1912–1913), Н.С. Гумилева (Восточная Африка 1913).

В 1913 г. планировались экспедиции к канадским индейцам и в Мексику под руководством профессора Колумбийского университета Ф. Боаса (которые осуществить не удалось) и экспедиция в Индию Г.Х. Мерварта. Также для приобретения требуемых вещей по инициативе и плану МАЭ использовались все экспедиции Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, причем многие командированные лица получали инструкции и подготовку в МАЭ (например, участники экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и др.) [Там же. С. 258–259].

Отправка экспедиции в Индию имела далеко идущие планы, как в науке, так и в музейно-административном плане. Решался вопрос о выводе Библиотеки Академии наук из исторического здания Кунсткамеры (для книжных хранилищ строилось новое здание). В.В. Радлов предложил логичное и убедительное обоснование права МАЭ на здание Кунсткамеры.

Ещё в 1910 г., открыв Галерею Петра Великого, он предложил продолжить увековечение темы императорского коллекционирования. Более того, в 1913 г. от В.В. Радлова поступило предложение в библиотечное здание бывшей Кунсткамеры перевести Галерею Петра Великого, отделы Китая, Японии, Америки, Индии, антропологии и археологии [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Е.х. 161. Л. 382].

Почетный председатель Попечительного Совета А.Г. Романовский обратился к Историко-Филологическому отделению ИАН 29 января 1914 г. с рядом конкретных предложений, в том числе о переводе Галереи Петра Великого, в переустроенное здание Кунсткамеры, а также «о наименовании отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества Государя Императора, залами Его Императорского Величества Императора Николая II» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 20].

В 1896 г. в МАЭ были переданы около 250 индийских предметов, привезенных Николаем Александровичем ещё в бытность его цесаревичем, из путешествия на Восток в 1890–1891 гг. В основном это были образцы индийских ремесел: изделия из мрамора, серебра, бронзы, слоновой кости, черного дерева, образцы тканей, вышивки. Частью также присутствовали различные виды традиционного индийского оружия (катары, палицы, ритуальные мечи), старинный шлем. Именно это собрание (ныне коллекции № 308, 309, 312) сочли главной базой для создания в МАЭ специального индийского отдела. Но эти предметы имели скорее художественно-историческую ценность.

Экспонаты по Южной Азии представляли быт и культуру народов индийского субконтинента неполно, отрывочно и часто односторонне. Их было недостаточно для создания современной по методике экспонирования и научному замыслу экспозиции, посвященной этнографии индийских народов. Поэтому задача приобретения комплексов вещей, пригодных для экспонирования, была поставлена перед организованной МАЭ специальной экспедицией на Цейлон (ныне Шри Ланка) и в Индию (от которой тогда еще не отделились Пакистан и Бангладеш).

27 марта 1913 г. В.В. Радлов обратился в Историко-Филологическое отделение ИАН: «Считаю необходимым устроить в Музее специальный отдел культуры Индии и Индо-Китая и для осуществления этого подготовить специалиста, знакомого с языками этих стран, которого можно было бы впоследствии командировать в Индию для собирания коллекций, и с этой целью предложил рекомендованному мне специалистами доктору философии Гейдельбергского Университета, преподавателю гимназии Герману Христиановичу

Мерварту, специально занимавшемуся санскритским и дравидийскими языками, научно подготовиться к предлагаемой мною экспедиции и оправиться в Берлин, чтобы работать там в течение лета в местных библиотеках и Музее народоведения под руководством профессора Грюнведела. Ввиду этого прошу разрешить Конференции командировать г. Мерварта в Берлин с 1 мая с.г. и одновременно сделать распоряжение об исходатайствовании для него заграничного паспорта» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Е.х. 160. Л. 367 об.].

Отправленный за консультациями в Германию, Г.Х. Мерварт общал В.В. Радлову 22/9 июля 1913 г., что в Берлине проф. А. Грюнвельд вдохновил его исследовать Цейлон, горы Нилгири, Внутренний Декан, Ориссу и Гималаи, особенно культы [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 65. Л. 263–266]. В Мюнхене директор Королевского Этнографического музея Л. Шерман также рекомендовал ему изучать демонические культы. Тем самым музеи разных стран сумели разделить между собой районы, в изучении которых они были особо заинтересованы, чтобы не распылять силы и не дублировать друг друга. В конце 1913 г. проф. А. Грюнвельд вновь посетил Санкт-Петербург и работал в его музеях «как тибетолог и буддовед» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Е.х. 161. Л. 376].

С 1 октября 1913 г. был принят на службу по вольному найму в МАЭ с жалованием 80 р. в месяц Герман Христианович Мерварт, «который благодаря подготовке в санскрите и дравидийских языках мог бы научно обрабатывать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 81]. Он был причислен к МАЭ 1 февраля 1914 г., затем 28 апреля 1914 г. заочно избран на сверхштатную должность младшего этнографа.

В феврале 1914 г. средства на экспедицию супругов Г.Х. и Л.А. Мерварт предоставили Попечительному Совету Почетные Члены Б.А. Игнатьев и К.К. Шейблер [Там же. Л. 271]. О серьезной подготовке экспедиции свидетельствует и тот факт, что у Генеральной Компании фотографов и синематографов Братьев Пате была куплен съемочный аппарат. Огромная по тем временам сумма — 485 руб. — была выплачена в 1915 г., с согласия Правления ИАН, из сумм, ассигнованных для МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 416].

Вернуться на родину семье Мерварт удалось лишь в 1923 г.

В феврале 1914 г. Его Высочорodie Виктор Викторович Голубев принес в дар МАЭ «большое ценное собрание детальных снимков религиозных изображений из храмов в Южной Индии. Снимки эти являются результатом предпринятого г-ном В.В. Голубевым специального обследования всех храмов Индии, рассчитанного на целый ряд лет». В.В. Радлов уверял, что «в лице г. Голубева Музей приобретает ценного и бескорыстного сотрудника, энтузиаста индийского искусства, и крайне желательно было бы поэтому избрать его в корреспонденты Музея», что и было исполнено. В.В. Голубеву от имени Академии была выражена благодарность. 12 февраля 1914 г. в заседании Историко-Филологическое Отделение ИАН его избрали и утвердили корреспондентом Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого, о чем сообщили директору МАЭ для выдачи г. Голубеву диплома на это звание [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Е.х. 161. Л. 393]. Дипломы для В.В. Голубева на звание корреспондента МАЭ были отпечатаны 13 марта 1914 г. в Типографии ИАН и отправлены ему 21 марта 1914 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 297, 359].

Музей в марте 1914 г. удостоил своего посещения и сам император. В.В. Радлов сообщал в Академию Наук: «Имею честь доложить Отделению, что 5-го числа сего марта Его Императорское Величество Государь Император осчастливил Музей своим посещением». Николай II «одобрил проект реставрации и переустройства бывшего здания Кунсткамеры, предназначавшегося для упомянутого Музея, а также помещения в этом здании Галереи Императора Петра I». Одновременно он изволил выразить Высочайшее соизволение «наименовать залы Отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества, залами Его Императорского Величества Николая II». Во время своего визита, рассматривая галерею Петра Великого как собственность императорской фамилии, царь также предложил для специального надзора за ней создать особую комиссию «из лиц персонала Музея и чинов Министерства Императорского Двора» [Там же. Л. 323–324]. Тем самым В.В. Радлов сумел привлечь к исполнению своих грандиозных планов и замыслов расширения и усовершенствования музея внимание царствующей фамилии [Краснодембская, Соболева 2009].

Таким вот образом была проявлена личная заинтересованность самого императора в делах музея. По-видимому, это сыграло немаловажную роль в осуществлении различных музейных проектов, в том числе и в организации индийской экспедиции. Заметим, между прочим, что Л.А. Мерварт до своего перехода в сотрудники музея служила «преподавательницей немецкого языка в гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 260].

26 марта 1914 г. в Отчете о деятельности Попечительного Совета о Музее Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого за 1913 г. сообщается, что перед новыми почетными членами Совета «открываются новые щедрые перспективы».

Борис Александрович Игнатъев, Губернский Секретарь, причисленный к Канцелярии Государственного Совета, Почетный Член Попечительного Совета Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, снарядивший для Музея на свои средства экспедицию в Индию, 28 мая 1914 г. выразил желание на свой счет поехать на некоторое время в Индию, чтобы принять посильное участие в работе экспедиции, и затем отправиться в Японию и Северную Америку для ознакомления с местными музеями и при случае приобрести этнографические предметы для Музея. В.В. Радлов приветствовал эту идею: «Считая эту поездку г. Игнатъева весьма полезной для интересов Музея, прошу Отделение командировать г. Игнатъева в упомянутые страны и вместе с тем возбудить ходатайство перед Государственным секретарем о разрешении ему отпуска на время командировки» [Там же. Л. 406]. 4/17 июня 1914 г. ему был выписан от МАЭ Открытый лист [Там же. Л. 421]. Но Канцелярия МИД отказалась выдать ему дипломатический паспорт, т.к. Игнатъев оправлялся за границу не по Высочайшему повелению [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 42].

На экспедицию Г.Х. и Л.А. Мервартов на о. Цейлон и в Индию Б.А. Игнатъев выделил 13825 руб. 14 коп. Им было поручено, «кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел им. Государя Императора». На средства того же г. Игнатъева за 2035 руб. была приобретена «ценная коллекция С.Д. Андреева (пра-

вильно — М.С. Андреева. — *Авт.*) по религии Индии, хранившаяся в Музее до сего времени условно до благоприятного для приобретения случая» [Там же. Л. 421–421об.].

Но с началом Первой мировой войны Б.А. Игнатъев находился на театре военных действий в качестве уполномоченного Красного Креста [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 420об.] и помогать музею уже не мог. Затем в Индию экспедиции Г.Х. и Л.А. Мерварт были посланы от Попечительного Совета ещё 2 тыс. руб.

История борьбы В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга за коллекции, усилия Академии наук по оплате их хранения за рубежом, помощь Мервартам и их возвращение в Музей подробно описаны в специальной статье [Краснодембская, Соболева 2009].

Попечители МАЭ получали награды в соответствии со своим вкладом. Так, по докладу Почетного Председателя Попечительного Совета А.Г. Романовского по случаю посещения Музея Николаем II К.К. Шейблер был представлен к чрезвычайной награде с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения: «Почетный Член Попечительного Совета Карл Шейблер принес в дар Музею обширнейшие собрания, исключительные по количеству и научной ценности, по народам Индонезии и сверх того участвует в финансировании многолетней экспедиции в Индию, собирающей специально коллекции для вновь образуемого Отдела Индии имени Государя Императора. На возведение Карла Шейблера в потомственное дворянство, как видно из рескрипта Его Императорского Высочества Герцога Лейхтенбергского на имя Главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества, последовало Высочайшее соизволение» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 41–42].

Первая мировая война оборвала многие планы. Помощь К.К. Шейблера прекратилась, поскольку он «оказался во время нашествия германцев в Лодзи и, по газетным сведениям, был увезен военнопленным в Германию» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 420об.].

17 сентября 1916 г. по ходатайству МАЭ был выдан Открытый лист Анне Алексеевне Каменской для поездки в Индию с целью изучения местных религий, сбора предметов культа и быта [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 375]. Но 1 октября 1917 г.

А.А. Каменская вернула Открытый лист в МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Е.х. 71. Л. 54].

После революции 1917 г. ситуация с приобретением зарубежных коллекций резко изменилась. До середины 1920-х годов МАЭ удавалось, преодолевая огромные трудности, сохранять коллекции в Петрограде, добиваться возвращения экспедиций и воссоединять разрозненные собрания. Проблема распределения предметов и доли индийских вещей в межмузейных обменах послереволюционного периода требует особого изучения.

Как видим, международное музейное сотрудничество в «радловско-штернбергский период» жизни МАЭ вообще рассматривалось как норма. Именно в это время осуществлялся международный межмузейный обмен экспонатами, в котором одну из ведущих ролей играл Л.Я. Штернберг.

До недавнего времени казалось, что для осуществления подобных масштабных мероприятий было достаточно просветительских идей, а также энтузиазма В.В. Радлова и помощников. По умолчанию считалось, что финансирование новых проектов, в том числе экспедиции в Индию, осуществлялось Императорской Академией наук. Однако более внимательное и подробное изучение архивных материалов открыло много новых интересных подробностей как в отношении идей, которые лежали в основе бурной музейной жизни на стыке двух веков, и их материальной поддержки, так и в отношении организации самих научных и практических деяний.

Обратившись к приведенным архивным материалам (кстати сказать, почти все они еще не были введены в наш научный оборот), мы открываем новые грани и иные стороны деятельности МАЭ тех времен в отношении индологического направления.

Прежде всего, необходимо отметить важность создания и деятельности Попечительного Совета музея. В него входили влиятельные люди, через него осуществлялись дарения в МАЭ коллекций, в том числе и от иностранцев. Собирателей и дарителей избирали корреспондентами МАЭ, а за щедрые пожертвования и оказанные музею услуги награждали российскими орденами.

Материальные вопросы, видимо, вообще было решать непросто. В переписке членов различных экспедиций с дирекцией МАЭ тема средств, субсидий, переводов всегда стоит достаточно остро. Так

или иначе, В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг старались использовать любые возможности для приобретения новых коллекций. В документах, хранящихся в СПФ АРАН, обычно указывается, за счет каких средств осуществлялись эти сделки: в них перечислены суммы, ассигнованные Музеем на приобретение коллекций, частные пожертвования, целенаправленные покупки, дарения.

Способствовали пополнению (или хотя бы пересылке) пересылке индийских коллекций также Российские Генеральные Консульства в Бомбее, Калькутте и Коломбо. Правление Добровольного Флота разрешило перевозить грузы ИАН бесплатно на своих пароходах, а Управление железных дорог давало МАЭ значительные скидки на провоз груза; оплата проезда участников экспедиций также осуществлялась особо, в льготном порядке.

Характерно для рассматриваемого периода, что все участники этого необычайного по своей активности «музейного штурма» работали, как сказали бы теперь, «в тесной спайке». Очевидно, что в это время они стояли на общей платформе, стремились к общим целям, трудились, как настоящие единомышленники, поддерживали друг друга. Л.Я. Штернберг был ближайшим помощником директора, а в некоторых делах его заменял. Так, некоторые документы вместо В.В. Радлова подписывал Л.Я. Штернберг. В роли представителя музея выступал и С.Ф. Ольденбург.

Вновь МАЭ обращается к теме пополнения коллекций в 1923 г. Академик-секретарь доложил, что 25 мая 1923 г. утвержден Советом МАЭ проект распределения Отделов МАЭ в старом и отведенном ему новом здании Академии [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Е.х. 172. Л. 217об.]. Для индийских коллекций отводился нынешний зал на втором этаже.

26 июня 1923 г. Академик-секретарь сообщал, что МАЭ в обмен на музейные дублетные номера (отрезы бухарских, китайских, индийских, болгарских тканей, не имеющих научного значения) приобрел коллекцию персидских тарелок (24 шт.), киргизский свадебный головной убор (*саукеле*), персидское стекло (6 пр.), всего 46 предметов большого научного интереса [Там же. Л. 217об.].

Только в 1925 г. южноазиатская тематика нашла адекватное отражение в новой экспозиции МАЭ. Л.Я. Штернберг, супруги Мерварт и коллектив музея разработали концепцию Юбилейной выставки

к 200-летию Кунсткамеры. Были выделены средства, в частности, на изготовление манекенов и моделей для выставки. Из юбилейных сумм на установку и монтировку коллекций 28 мая 1925 г. было уплачено Н.Ф. Вальдману 104 руб. за женскую фигуру андаманки с ребенком для Отдела Индонезии, раскрашенную и в парике, 3 июня — 80 руб. за фигуру андаманца, 19 августа — 8 руб. 80 коп. за 1 пару рук и 1 пару ног; Н. Дыдыкиной 10 июня — 106 руб. за фигуру сидячую брамина и мужскую голову с наклеенной бородой; А. Вернер 11 июля — 140 руб. за работы для Отдела Индии и 19 августа — за бюсты тамилки, сингалезки, пару рук для сингалезки и пару ног. Тогда же С.И. Юнкер-Крамская для Отдела Индии изготовила модели. [СПФ АРАН. Ф. 4/ Оп. 2 (1925)/ Е.х. 20. Л. 151, 160, 164, 225, 293, 295, 317].

Как видим, о пополнении «индийского отдела» заботились все устроители обновляющегося музея: индийские предметы покупал и преподносил в дар музею сам В.В. Радлов, академик С.Ф. Ольденбург, сотрудники МАЭ Н.И. Воробьев, Г.Х. и Л.А. Мерварты и др. Ныне в экспозиции (а большей частью пока в фондах) Южной Азии присутствуют многие ценнейшие предметы из коллекций Андреева и Мервартов. Примечательно, что М.С. Андреев, а вслед за ним и Мерварты доставили в МАЭ многие экспонаты, характеризующие культуру и быт народов Южной Индии, то есть того региона, который был почти совершенно незнаком европейской науке в первой половине XX в. Таким образом, названные собиратели и сам МАЭ оказались в этой области одними из первопроходцев, а обретенные нами таким образом коллекции уникальны.

Практический опыт, накопленный В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом в экспедициях и в ходе переговоров по приобретению коллекций из других континентов (Америки, Африки), очевидно, показал, что следует найти иной способ для пополнения коллекций азиатских. Южная Азия не была районом интенсивной музейно-собирательской работы зарубежных исследователей, и практика МАЭ в этом плане оказалась уникальной. Отечественные исследователи выработали свои методы полевой работы. Состав их коллекций наглядно это показывает. Неслучайно посетители МАЭ и жители нашего города высоко ценят индийские коллекции академического музея, приветствуют их показ на временных выставках.

Библиография

Императорская Академия наук 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1-я. Пг., 1917.

Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители Снегов. М.: Наука, 1983.

Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Мечта об Императорском зале: неизвестные идеи устройства МАЭ РАН (конец XIX — начало XX века) // Россия — Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: Материалы XV Царско-сельской научной конференции. Сборник научных статей. В двух частях. Ч. 1. СПб.: ГМЗ «Царское Село», 2009. С. 257–266.

Кудрявцев М.К. Фрагмент дворца из г. Насик (Индия) // Сборник МАЭ. Т. XIV. М.; Л.: Наука, 1953. С. 140–146.

Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова 1894–1906 // Природа. № 925, № 7–9 (Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года). СПб., 1907.

Соболева Е.С. Из истории отношений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Гамбургского Музея народоведения (конец XIX — начало XX века) // Санкт-Петербург — Гамбург: Балтийские побратимы. СПб.: Европейский дом, 2007. С. 179–203.

Шуваева Л. Роль Российского консульства в Индии в установлении русско-индийских связей в 1900–1917 гг. // Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества (Липецкая область). М.: Институт востоковедения РАН, 2000.

Источники

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Е.х. 148–172.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1878. Е.х. 6.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1888. Е.х. 14.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1894. Е.х. 24.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1894. Е.х. 31.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1896. Е.х. 1.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1909. Е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1912. Е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Е.х. 90.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Е.х. 46.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Е.х. 79.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1906). Е.х. 26.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Е.х. 20.

СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1, Е.х. 31.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 50–71.

А.Б. Островский

Проблема первобытного мышления в трудах Л.Я. Штернберга

Проблема первобытного мышления затрагивается Л.Я. Штернбергом в нескольких ракурсах, всякий раз она соотносится с этнографическим материалом либо возникает в его контексте. В ранних работах — при изучении языка и мифологии нивхов, верований народов Дальнего Востока, что и составляет осмысляемый им этнографический контекст, а позднее — в лекциях для студентов, изданных посмертно («Первобытная религия в свете этнографии». М.; Л., 1930).

Начнем с более поздней ситуации, когда ракурс рассмотрения был задан необходимостью ознакомить студенческую аудиторию с концепциями, объясняющими «своеобразие мышления примитивного человека» [Штернберг 1930: 281], в первую очередь с концепцией «дологического мышления» Л. Леви-Брюля, оценить ее и очертить свою позицию по этой методологически значимой проблематике. В лекции VI Штернберг формулирует три основных положения леви-брюлевской концепции: 1) безусловное подчинение мышления индивида тем идеям, которые возникли в обществе прежде; 2) всеобщность мистического компонента в восприятии примитивного человека; 3) «закон соучастия» (в переводе на русский язык утвердилось словосочетание «закон сопричастия») — способность примитивного человека «отождествлять самые различные объекты, которые, с нашей точки зрения, не могут иметь никакой логической связи», таково свойство мышления благодаря «мистическому отношению к миру» [Там же: 281–283].

Штернберг делает критический разбор этих положений, фактически отвергая их научную ценность. Во-первых, идеи, признаваемые коллективом, вряд ли возникли некогда с помощью дологического

мышления. Во-вторых, как этнограф со значительным полевым опытом Штернберг не может принять тезис о доминирующем мистическом отношении примитивного человека ко всему, что его окружает. Наконец, леви-брюлевский «закон соучастия», не открывая никакой специфической черты мышления, маскирует собой действительную проблему (о ней впервые заявлено Штернбергом). Какие именно постепенно совершавшиеся ментальные преобразования в примитивной культуре (мы сказали бы, посредством ряда шагов) привели к тем выводам, которые выглядят, в примерах Леви-Брюля, как «странные ассоциации идей» (Л.Ш.), как отождествление объекта с его изображением и т.п.?

Позиция Штернберга относительно проблемы некоей интеллектуальной особенности сформулирована им вполне отчетливо: «Странные выводы, которые делает примитивный человек, являются результатом долгого процесса выработки идей, как общих, так и, в частности, религиозных, но не результатом особого ума примитивного человека» [Там же: 284].

Итак, за своеобразием ментальных связей, по Штернбергу, стоит *история мышления*, осуществлявшегося в конкретной культуре, а не мистическая направленность ума носителей этой культуры. В этом анти-леви-брюлевском положении еще нет, конечно, принципов «науки конкретного» и базовых классификаций, характерных для первобытного мышления, что спустя несколько десятилетий сформулирует К. Леви-Строс (La pensée sauvage. Р., 1962)¹.

Позиция Штернберга (как и позднее Леви-Строса) основана на безусловном доверии к интеллектуальным возможностям носителей бесписьменной культуры и безусловном отказе трактовать эмоциональные связи и переживания в качестве особых интеллектуальных процедур, якобы присущих примитивному человеку. Интересна формулировка Штернберга, заключающая его рассмотрение леви-брюлевской концепции: «В сложном процессе психики примитивного человека несомненно участвуют и процессы рационалистические, и процессы бессознательные, процессы автоматического мышления, которые подчеркнуты этим ученым, но из этого не следует, что ин-

¹ Издание в русском переводе: [Леви-Строс 1994]. Переиздания: [Леви-Строс 1999; Леви-Строс 2008].

теллеktуальный аппарат примитивного человека отличен от нашего» [Там же: 284–285]. Эта формулировка знаменательна, во-первых, тем, что вместо эмоциональных мистических связей, фигурирующих у Леви-Брюля, Штернберг называет «процессы автоматического мышления», что свидетельствует о его знакомстве с психологической литературой (и, возможно, с трудами по психологии мышления Л.С. Выготского). Во-вторых, здесь содержится тезис об интеллектуальном аппарате, сходном с тем, каким обладает современный человек. Покажем, каковы обнаруженные Штернбергом интеллектуальные процедуры при изучении им языков и фактов культуры народов Амура и Сахалина.

Одним из первых (вслед за Н. Зеландом, В. Грубе и Л.И. Шренком) Штернберг обратил внимание на специфику имен числительных (количественных) в нивхском языке: для различных групп исчисляемых объектов используются разные «разряды» (Л.Ш.) имен числительных. В работе «Образцы материалов по изучению гилацкаго языка и фольклора» (1900) Штернберг называет «четыре крупных класса» объектов, обладающих специфическими числительными: люди, животные, деревья, «неодушевленные предметы» (приведен пример — дом) — и еще несколько «мелких классов», в которые входит один или несколько объектов, также со специфическими числительными. Именно Штернберг впервые подчеркнул, что специфика разрядов распространяется только на количества от одного до пяти и кратные им десятки, сотни и т.д., а начиная с шести «счет происходит почти единообразно» [Штернберг 1900].

В 1932 г. его ученик — Е.А. Крейнович — выделил и описал 24 группы объектов, обладающих специфическими именами числительных, а позднее, в 1973 г., привел наиболее полное описание — 28 групп (в книге «Грамматика нивхского языка» (1962) лингвиста и философа В.З. Панфилова их 26) [Крейнович 1932; Крейнович 1973: 160–162; Панфилов 1962: 204–220]. Крейновичу удалось обнаружить для всех групп объектов отчетливые унифицирующие признаки — формы, назначения и др. (длинные предметы, мелкие округлые предметы, парные предметы, снасти на горбушу и кету, остроги на нерпу, лодки, связки юколы и т.д.), а также, во многих случаях, для суффиксов соответствующих имен числительных — этимологическую связь с наименованием исчисляемых объектов. Панфилов,

продолживший изучение нивхских числительных, установил для некоторых из них, входящих в первую пятерку (1, 2, 5), этимологию корневых элементов, общих для различных разрядов; в частности, происхождение корня в словах «пять» и «десять» от слова «рука». Лингвистические изыскания этих ученых развили заложенную Штернбергом проблематику логики классификаций, соотнесения конкретного и абстрактного в их построении.

В крупной работе Штернберга, внесшей значительный вклад в изучение мифологического эпоса и верований нивхов («Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора», 1908), также можно обнаружить ценные сведения, проливающие свет на лингвистическую фиксацию классификаций.

Благодаря тому, что почти все тексты, вошедшие в это издание, опубликованы на двух языках (нивхском и русском), можно проследить, каким образом такая проблема мышления, как соотнесение двух категорий (люди и животные), находит конкретное лингвистическое проявление в ситуациях разного типа.

Согласно систематизации Крейновича (это повторено затем у Панфилова) один и тот же разряд числительных используется «для счета людей и человекоподобных духов, морских, горных (лесных), небесных и духов подземного мира», а злые духи какой-либо сферы исчисляются посредством тех же терминов, что животные [Крейнович 1932: 6]. Однако злые духи отнюдь не всегда имеют звериный облик, они могут быть антропоморфными, в силу чего возникает ментальная проблема: в зависимости от какого фактора или при каких обстоятельствах они исчисляются как люди или как животные.

Под этим углом зрения нами проанализированы все случаи фиксации имен числительных, сочетаемых со зловредными антропоморфными существами, содержащиеся в опубликованных в данном издании текстах. Оказалось, что зловредные антропоморфные существа горно-таежной либо водной стихии *милк*, *кинриш* («черти») могут исчисляться то как звери, то как люди. Во всех случаях, когда они упоминаются вне непосредственного взаимодействия с людьми, их исчисляют, используя числительные *ньан*, *марш* (соответственно, «один», «два») [Штернберг 1900: 6, 10, 49, 95, 99], т.е. как зверей. Во всех же ситуациях, где эти существа крадут людей, убивают их,

чтобы съесть, съедают, их исчисляют, используя термины *ниның* или *неның* («один») [Там же: 11, 35, 79–80, 93], т.е. как людей, при этом сами они называют своих жертв «зверьми». Как только людям удастся одолеть «чертей», тех снова исчисляют, используя термины для разряда животных [Там же: 93, 111].

Исчисление рукотворных изображений духов-помощников *чхнай* также зависит от ситуации, точнее от того, в какой мере эта «фигура» (Л.Ш.) наделена функцией, важной для человека. Так, при простом упоминании деревянной, металлической или каменной «фигуры» употребляется числительное из разряда «для неодушевленных предметов» — *ньахриш* («одна»). Когда деревянная «фигура», оставленная в доме, рассказывает возвратившемуся герою о произошедшем в его отсутствие, ее исчисляют, используя термин *ниның* — как человека. Когда герой берет с собой в путь серебряную «фигуру», чтобы она ему помогала, ее исчисляют термином *ньан* — как животное [Там же: 64, 65, 85, 112].

Несомненно, подобное лингвистическое различие типов ситуаций, в которых упоминаются зловредные обитатели иных космических сфер или же пластические изображения духов-помощников, определяется деятельностью мышления. В ситуациях, описывающих взаимодействие людей с «чертями», эту ментальную деятельность направляет признак (не названный, но подразумеваемый) — субъект / объект охоты; а при взаимодействии с «фигурами»-помощниками — характер выполняемых ими функции.

Итак, благодаря изучению опубликованных Штернбергом на языке оригинала пространных мифопоэтических повествований, выверенных фонетически и грамматически, можно придти к заключению, что высказанное им при разборе концепции Леви-Брюля предположение о рациональной логике, присущей мышлению «примитивного человека», получает документальное подтверждение. Не только осознаваемые суждения, но и бессознательные («автоматические». — Л.Ш.) ментальные процессы, совершаемые сказителем, также носят рациональный характер. Вместе с тем эта логика, далекая от подчинения мистицизму, подвержена антропоцентризму: фиксируемые однозначно в языке ментальные свойства тех или иных существ и предметов определяются их ролью, функцией по отношению к человеку.

Необходимо отметить, что в картине мира нивхов, высвечиваемой мифопоэтическими повествованиями (в обеих публикациях Штернберга — 1900 и 1908 гг.), также присутствуют и отчетливая логика, и антропоцентризм. Именно Штернберг первым охарактеризовал мировоззренческую функцию промысловой обрядности и связанных с ней верований нивхов в качестве культов стихий. «Стихия» (горная тайга, море и реки, небо, подземная сфера) в описываемой им модели мироздания нивхов — это наиболее общая ментальная категория, а более частными выступают хозяева («боги») каждой из этих четырех стихий, их обитатели, в том числе зловредные духи, а также четыре души шамана, полученные им, соответственно, от хозяев стихий — от *Пал'а*, *Тол'а*, от *Тлы* и *Млы-ызн'а* [Штернберг 1933: 322].

Конструирование модели мироздания из природных стихий и задает, таким образом, логическую ось общее / частное, и предоставляет инструмент для классификаций. Так, именно Штернбергом впервые описано присутствие двух очагов в доме амурских нивхов: *палл эриш туур* и *тол эриш туур* — очага горного хозяина и очага хозяина водной стихии, располагавшихся симметрично относительно матрицы [Там же: 315–316]. Систематизация культов нивхов — в рамках модели Штернберга — позднее была продолжена Е.А. Крейновичем и Ч.М. Таксами [Крейнович 1929; Таксами 1977], а идея ученого о матрице стихий как инструменте классификации — в нашем изучении композиции и семантики лечебных амулетов [Островский 1997; 2011].

Следует подчеркнуть, что благодаря значительному полевому опыту, не только тщательно фиксированному, но и постоянно осмысливаемому самим исследователем, ему удалось обнаружить и другие логические свойства первобытного мышления: использование аналогий, построение плана *объективации* (термин Л.Ш.) — для внутрикультурных интерпретаций представлений о душе.

Приведем примеры аналогий, зафиксированных Штернбергом; нередко они сопряжены с уподоблением человеку и антропоцентризмом. В одной из наиболее ранних работ («Орочи Татарского пролива», 1896) читаем: «У орочей, как и у первобытных народов вообще, не бог создал нас по образу и подобию своему, а, наоборот, они создали богов по своему образу и подобию. Чего нет в их

общественной жизни, именно верховной власти, того они не могли внести и в мир богов» [Штернберг 1933: 426]. Здесь же, восстанавливая семантику касатки у орочей, исследователь пишет: «Касатка отнюдь не хозяин моря — хозяин моря другой, существо человекоподобное, у которого касатки играют роль полицейских (матросов, по выражению орочей), специально занятых тем, чтобы доставлять рыбу и тюленей орочу. <...> Кормя касатку, ороч или амурский нани частью дает взятку низшему чину, полагая, что тот добросовестно поделится с хозяином» [Там же: 430].

Есть и более явный пример обнаружения Штернбергом аналогии в мышлении «примитивного человека». Комментируя небольшой мифологический текст о небесной удочке, зафиксированный им у сахалинских нивхов, автор отмечает, как бы восстанавливая интерпретацию, подразумеваемую в культуре нивхов: «Потерять колокольчик (упавший сверху вместе с небесной удочкой. — А.О.) значит потерять ум» [Там же: 345].

При описании конструкции лечебных амулетов у тунгусоязычных народов Штернберг большое внимание уделяет присутствию в композиции изображения больного органа, порой она сводится к этой «объективации»: «Манегры больное место лечат вырезанным изображением его, хромые привязыв[ают] к больной ноге маленькое изображение ноги или бедра; у слабогрудых висит на шее сердце» [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 69]. Согласно его описанию у нанайцев при болезни рук делается трехчастный амулет (с петельчатым соединением частей между собой), на одной из его частей имеется обычно изображение руки либо медвежьей лапы. Когда болит голова, нанайцы делают из гнилушки голову совы или деревянное изображение головы медведя, тигра. При болезни живота — изображение антропоморфного существа с птичьим лицом и выпяченным животом [Там же: 514]. В приведенных примерах присутствует объективация (как бы вынесение вовне того места, где болит) в единстве с аналогией, уподоблением здоровому органу животного.

Термин «объективация» введен Штернбергом позднее, в его лекциях для студентов — при описании того, каким образом в самой культуре интерпретируется «душа» — некая субстанция, ответственная за биологическую, психическую жизнь индивида. Обек-

тивацию, наблюдаемые проявления души — *чегң / техн* — у нивхов примитивный человек, согласно исследователю, усматривает в образах сновидения и в особенности в таких процессах организма, как дыхание и кровообращение [Штернберг 1930: 15, 288–289, 293–294]. Еще один лингвистический коррелят души у нивхов — *ңарш* (кровь); исследователем зафиксировано, что этим же термином обозначаются орлиное перо и плавник рыбы [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 331], служащие животному средством движения. Позднее лингвистом Г.А. Отаиной были изучены корреляты представлений о душе — *тегң, ңар, мегң* в различных диалектах, говорах нивхского языка [Отаина 1984].

Отчетливая мировоззренческая позиция Л.Я. Штернберга, тщательная фиксация им результатов полевых наблюдений, включая и лингвистические корреляты категорий, позволили исследователю заложить основы концепции первобытного мышления, его логического ядра. Свободное от религиозно-мистического тумана, мышление «примитивного человека» рационально, активно прибегает к аналогиям, движется в рамках классификаций, восходящих к космологии стихий, при этом окрашено антропоцентризмом.

Библиография

- Крейнович Е.А.* Гиляцкие числительные. Л., 1932.
Крейнович Е.А. Нивхгу. М., 1973.
Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений гиляк о-ва Сахалина // Этнография. 1929. № 1.
Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999.
Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008.
Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб., 1997.
Островский А.Б. Религиозный менталитет и композиция лечебных амулетов нивхов // Нивхи / Ред. Т.П. Роон. М., 2011.
Отаина Г.А. Отражение мифологических и религиозных представлений в нивхском языке // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток, 1984.
Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. М., 1962. Ч. 1.
Таксами Ч.М. Система культов у нивхов // Сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977.
Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. М.; Л., 1930.

Штернберг Л.Я. Образцы материалов по изучению гилацкаго языка и фольклора // Известия Императорской Академии наук. 1900. № 4.

Источники

Нивхско-русский словарь, составленный С.А. Штернберг на основе словарной картотеки Л.Я. Штернберга // СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 331.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 69.

Д.В. Арзютов

Полевые программы Штернберга и Богораз: от концепции поля к категоризации этничности¹

О Льве Яковлевиче Штернберге было сказано и написано много и подробно [Кан 2009]. Однако такая монументальная личность привлекает внимание по множеству причин, и одной из них является его совместно с Владимиром Германовичем Богоразом формулирование самой проблемы поля как основы этнографического исследования.

Именно в этой связи я хочу обратиться к формам концептуализации нашего знания в рамках полевых исследований. Моей задачей является проследить формы перехода от программы (или даже структуры) полевых исследований к описанию собственно локальных сообществ, а затем к своеобразной власти этой самой структуры над эвристическими поисками этнографов. Это взгляд сквозь призму рефлексивной антропологии. В качестве материала для рассуждений я привлек данные из известной мне этнографии Шории и Алтая.

¹ Работа выполнена при поддержке Wenner-Gren Foundation (USA), International Collaborative Research Grant, «The Concept Of The 'Ethnos' In Post-Soviet Russia: The Ethnogenesis of the Peoples of the North» (Prof. David G. Anderson and Dr. Dmitry V. Arzyutov). Хочу выразить признательность всем участникам конференции, посвященной 150-летию Л.Я. Штернберга, за ценные замечания, которые позволили уточнить и улучшить предлагаемую статью. Моя особая благодарность за комментарии профессору Сергею Кану (Dartmouth College, USA) и д.и.н. Александру Борисовичу Островскому (РЭМ, Санкт-Петербург).

Этнографические исследования Алтая складываются из трех основных генеалогических линий: 1) миссионерская (с 1830–1840-х годов), 2) путешествующая (середина XIX в.) и 3) собственно этнографическая (с 1920-х годов).

До начала XX в. собственно этнографии как научной дисциплины не было. Как особое направление науки она смогла появиться стараниями Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Первыми профессионально подготовленными исследователями Горной Шории и Алтая в ту пору были этнографы: Надежда Петровна Дыренкова, Леонид Павлович Потапов, Лидия Эдуардовна Каруновская, Андрей Григорьевич Данилин и др. Все они были выпускниками этнографического отделения ЛГУ.

Каждый из этих учеников выезжал в поле: от нескольких месяцев до предпочтительного этнографического года (по формуле Богораза: лето — зима — лето). Подготовка к полю была внушительной: занятия по языкам народов Севера, естественным наукам и даже верховой езде, но что важно для настоящей статьи — это прочтение лекций по методике проведения этнографических исследований.

Программы по собиранию коллекций и записям различного рода материала по культуре и социальным отношениям народов Российской империи имеют довольно длинную историю, уходящую корнями в эпоху сибирских экспедиций XVIII в. Между тем представление программы по собиранию материала для формирования научного метода и собственно этнографии как научной дисциплины одним из первых предпринял Л.Я. Штернберг. Он не только имел этнографический опыт ссыльного народовольца на Сахалине (1889–1897 гг.), но и помогал Соломону Рапопорту (Ан-скому) в разработке программы по еврейской этнографии [Кап 2009: 216].

Одной из первых программ Штернберга стала программа 1910-х годов [Штернберг 1914], которая предполагала кодификацию и упорядочивание полевого метода и материала в линневском духе. Объектом полевого исследования в этой программе было население, которое в соответствии с сословным делением Российской империи попадало в категорию «иногородцы». В целом эта программа в том или ином виде продолжала программы РГО, в частности известную программу 1848 г., разосланную по всей стране в 7 тыс. экз.

Эти программы представляют интерес по многим обстоятельствам, но прежде всего — как взгляд государства на свое население. Анкетирование как способ сбора информации не являлся еще этнографией в полном смысле слова, здесь не было взаимодействия «лицом-к-лицу» исследователя и представителя той или иной культурной группы: контексты поля не были в достаточной степени определены.

Вынужденный полевой опыт Льва Яковлевича на Сахалине и Владимира Германовича на Чукотке не только открыл мир «полевой этнографии», но и заставил поставить вопрос о профессионализации их деятельности. Уже тогда им становилось понятно, что этнография — это дисциплина, которую делает профессиональный этнограф, знающий язык изучаемого народа, а поле должно иметь цель, задачи и метод.

Среди пре-концепций, которые определяли полевую работу студентов ЛГУ, отправляемых Штернбергом и Богоразом на Алтай, главными были три.

О первой вспоминала студентка тех лет и коллега по полевым исследованиям одной из самых талантливых учениц Штернберга и Богораза (Надежды Петровны Дыренковой) Иоанна Дмитриевна Старынкевич (Хлопина): «Загадкой было происхождение тюркоязычных народностей, населявших Сибирь. Он [Штернберг. — Д.А.] считал, что изучение шорцев, как наиболее примитивных тюрков, обитавших в почти непроходимой тайге, куда не добирались ни миссионеры, ни скупщики пушнины, сможет пролить свет на их появление в Западной Сибири с юга, а не с севера, как полагал В.Г. Богораз. Для сбора нужного ему материала летом 1927 г. он послал Н.П. Дыренкову и меня в Горную Шорию» [Хлопина 1992: 108].

В этой связи замечу, что при просмотре работ тех лет обращает на себя внимание дискуссия, которую начал В.Г. Богораз. Она затрагивала выдвинутую им идею праазиатов / протоазиатов как своеобразного очень раннего «пласта» в культуре большинства народов Сибири и Севера. Шорцам в этой связи отводилось особое место:

«В области южной Сибири я склонен причислять к тому же палеоазиатскому корню шорцев бывшего Кузнецкого района, ныне особого Шорского района, карагасов и, быть может, сойотов, живущих в Саянских горах. Шорцы, карагасы и сойоты, хотя и говорят

на турецких наречиях, но по культуре своей резко отличаются от турков. Карагасы, вероятно, являются древнейшими оленеводами, а шорцы до сих пор являются пешими охотниками, собирателями дикого меда, неохотно усваивающими турецкое скотоводство и русское земледелие» [Богораз 1927: 42].

Владимир Германович выступил с развернутым докладом «Paleoasiatic tribes of South Siberia» на Конгрессе американистов в Риме в 1926 г. [Bogoras 1926]. Конечно, концепция праазиатов была навеяна сотрудничеством с Боасом и участием в Джезуповской экспедиции и поисками историко-культурных связей азиатского северо-востока и Северной Америки. Между тем в этой концепции можно увидеть и некоторого рода влияние (во многом вынужденное) со стороны Марра и его пресловутой идеи яфетидов. Обоих ученых связывали довольно тесные коллегиальные отношения, а последний к этому времени обрел уже достаточно сильное влияние на всю гуманитарную науку [Slezkine 1996].

Второй идеей поля была мысль Богораза о том, что этнограф — это миссионер нового образа жизни. Это обстоятельство выражалось в самом активном участии этнографов в создании регионов, определении этнической принадлежности, что порой происходило не без участия их учителей. Так, В.Г. Богораз писал: «Остяками *следует называть* только угорских остяков, финскую или финнизированную народность. Енисейских остяков, не имеющих ничего общего с угорскими остяками. Но так как они, как будет указано ниже, резко отличаются от северных самоедов (юраков), для них *нужно было бы создать какое-то другое имя*» [Богораз-Тан 1928: 236; курсив мой. — Д.А].

Из студентов-алтаистов самое активное участие в судьбе, в частности, шорцев сыграла Н.П. Дыренкова, помогавшая в создании Горно-Шорского, или, как писали тогда, Горно-Шорцевского района. Она собирала сведения для Комитета Севера и направляла туда записки о границах будущей территории и возможности интеграции этого района в состав Ойротии (Алтая) [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 247. Л. 1–2].

Наконец, третьей идеей экспедиционных поездок были коллекции для МАЭ или для передачи в другие музеи мира, чем в то время активно занимались.

Вернемся, однако, к полевым программам. Их структура очень напоминает оглавление будущих работ по этнографии различных культурных и этнических групп: пища, промыслы, охота, оленеводство, средства передвижения, одежда и т.п. Подобного рода классификации сохраняются и далее. Структура эта, видимо, была продуктом коллективного творчества, в частности творчества Франца Боаса, стремившегося к схожим классификациям, привитым ему в Германии от школы Фридриха Ратцеля. В программе 1920-х годов, которую Богораз представит как курс лекций [СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 3, 4, 170], а его ученик С.А. Макарьев превратит в своеобразный учебник полевой этнографии [Макарьев 1928], детальность фиксации должна была быть поразительной. В самом тексте программы Штернберга и лекциях Богораз 1920-х годов удивительно много общих характеристик, которыми они стремились придать этнографии естественно-научный оттенок.

У Штернберга: «Наблюдайте этнографические явления с такой же тщательностью, всесторонностью и объективностью, как натуралист изучает явления и объекты природы» [Штернберг 1914: 212].

У Богораз: «Метод [полевой. — Д.А.] работы. Точность. Тщательность и индивидуальность наблюдений. Она старается приблизиться к методам естественных наук, и в этом ее основное родство с общими методами географического факультета» [Богораз 1927: 1].

Конечно, ни программы, ни идеи не были выполнены строго каждым учеником. Впрочем, Г.Н. Прокофьев, работавший среди остяко-самоедов (селькупов), представил статью «Proto-Asiatic Elements in Ostyak-Samoyed Culture» для журнала «American Anthropologist» [Prokofjew 1933], а впоследствии выступил с докладом, переключив искания Марра в области глоттогенеза на сибирское поле, где одним из первых употребил термин *этногония* [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 169; Прокофьев 1940], который впоследствии будет заменен термином *этногенез*.

Таким образом, концепция поля сплеталась из трех основных линий: происхождение народов (в дальнейшем эта концепция сменит еще несколько названий: этногония — этногенетика — этногенез), вклад в собственно развитие национальной политики и собирание музейных коллекций.

Вместе с этим создаваемое поле, судя по первым сборникам этноотделения, должно было сформировать переход, который пролегал от «старого» к «новому» быту. Этнографы 20-х годов помещались в положение между этими двумя островами. Эпоха Штернберга и Богораза задавала эталонные описания «старого» быта, а молодым тогда этнографам нужно было сделать описание быта «нового».

При выраженном эволюционистском подходе работ Штернберга и Богораза и их первых учеников [Кап 2008] термин «традиция» / «традиционное общество» не играл еще столь ярко выраженной роли, которую он займет позже, а вместе с ним и представит классификатор описания как единственную возможную модель. Это начало происходить, очевидно, после совещания 1929 г., в котором Штернберг уже не участвовал (можно даже сказать, к счастью) и усилилось уже после Великой Отечественной войны. Строгость и однолинейность интерпретаций вместе с политическими изменениями в государстве потребует создания серии «Народы мира», где полевая программа Штернберга и Богораза превратится в модель описания. Удивительно и то, что их поиск по описанию современности превратится в модель описания традиционных («несовременных» / «до-современных») обществ, что можно проследить на примере работ по этнографии Шории и Алтая [Тоцакова 1978, Кимеев 1989, Функ 1993 и др.] и даже на примере оглавления томов из современной серии «Народы и культуры».

Со временем, с установлением поисков традиции и традиционного общества в противоположность объяснения современности изменилась и концепция поля. Этот процесс можно назвать своеобразным растягиванием времени Штернберга и Богораза (тем самым они просто пережили себя). Именно их полевые работы рассматривались как эталонные описания традиционного общества конца XIX — начала XX в., времени их полевой деятельности. Именно поэтому, сопоставляя программы полевых работ начала XX в. и современных (например, сделанных омской школой этнографии [Татауров и Томилов 2002]), мы обнаруживаем уточнения, дополнения и т.п., но не кардинальную ревизию или же пересмотр. Дискурс описания, созданный Штернбергом и Богоразом, из полевой программы пре-

вратился в парадигму и отличительный характер отечественной этнографической школы.

Библиография

Богораз В.Г. Древние переселения народов в северной Евразии и Америке // Сборник МАЭ. Т. VI. Л., 1927. С. 37–62.

Богораз-Тан В.Г. Новые данные к вопросу о прото-азиатах // Известия ЛГУ. Т. I. Л., 1928. С. 235–243.

Кимеев В.М. Шорцы, кто они? Историко-этнографические очерки. Кемерово, 1989.

Макарьев С.А. Полевая этнография. Краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР. Л., 1928.

Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) // СЭ. 1940. № 3. С. 67–76.

Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов. Омск, 2002.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978.

Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII — первой половине XX века: историко-этнографическое исследование / Мат-лы к сер. «Народы и культуры». Вып. XVII. М., 1993.

Хлопина И.Д. Горная Шория и шорцы // ЭО. 1992. № 1. С. 107–118.

Штернберг Л.Я. Краткая программа по этнографии // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. СПб., 1914. С. 212–251.

Bogoras W. Paleoasiatic tribes of south Siberia. In Estratto da Atti Del XXII Congresso Internazionale degli Americanisti. Roma. Settenbre 1926. Rome, 1926. P. 249–272.

Kan S. Evolutionism and Historical Particularism at the St. Petersburg Museum of Anthropology and Ethnography // Museum Anthropology. 2008. 31(1). P. 28–46.

Kan S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. University of Nebraska Press, 2009. (Critical studies in the history of anthropology).

Prokofjew G. Proto-Asiatic Elements in Ostyak-Samoyed Culture // American Anthropologist, New Series. 1933. 35(1). P. 131–133

Slezkine Yu.N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // Slavic Review. 1996. 55(4). P. 826–862.

Источники

АМАЭ РАН Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 247. — Записка об образовании Горно-Шорского района. Фрагмент. Автограф. 1925–1926 гг. 2 л.

СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 3. Богораз-Тан, В.Г. Работа этнографа в поле. Машинопись с авторскими поправками. 1927. 5 л.

СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 4. Богораз-Тан, В.Г. Методы полевой работы. Тезисы доклада. Рукопись и машинописный экземпляр. Без года. 7 л.

СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 170. Богораз-Тан, В.Г. Программа по полевой этнографии. Машинопись. 1925. 66 л.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 169. — Прокофьев, Г.Н. Самодийские языки и проблема происхождения современных народностей самодийской группы — ненцев, нганасанов, энцев и селькупов (Тезисы доклада на Отделении Общественных Наук АН СССР от Института Этнографии Академии Наук совместно с Институтом Языка и Мышления имени Н.Я. Марра). Машинопись. 1930-е. 6 л.

А.К. Салмин

Орел в этнографии чувашей

Тема орла в традиционных обрядах и верованиях, а также в фольклоре увлекала Льва Яковлевича многие годы. Так, в 1913 г. на заседании этнографического отдела РГО он сделал доклад под названием «Орел в сравнительном фольклоре». Доклад вызвал оживленный интерес и пространное обсуждение [Штернберг 1913: L–LIV]. В 1925 г. Л.Я. Штернберг опубликовал статью «Культе орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору)» в Сборнике МАЭ [Штернберг 1925: 717–740]. Эта статья была воспроизведена в 1936 г. в его монографии «Первобытная религия в свете этнографии» [Штернберг 1936: 111–126].

Сам он относительно темы говорил, что работы в этом направлении крайне важны, однако к исследованиям подобного рода необходим осторожный подход. В частности, в статье об орле он писал:

«Дело в том, что в каждой области культуры мы находим двоякого рода элементы. Одни из них — те, которые можно назвать общечеловеческими, элементы, которые могут вырабатываться у самых различных народов совершенно самостоятельно, в силу тождества психико-интеллектуальной природы человека. Таким именно образом можно объяснить универсальность таких, например, культурных категорий, как анимизм, шаманство, колдовство, или такие социальные институты, как экзогамия, род, половые табу и т.д. Сравнительное изучение таких элементов очень важно для общей науки о культуре, но для этнической генетики или для истории общения народов ничего дать не может. С другой стороны, в силу вариационности и различий в условиях среды, в отдельных местах могут вырабатываться индивидуальные особенности, нигде более не встречающиеся. Но подобные совершенно индивидуальные особенности, которые не могут быть объяснены как логическое развитие какой-нибудь общечеловеческой идеи или как продукт одинаковости условий среды, мы находим часто и у целого ряда отдаленных друг от друга народов. В таких случаях мы в праве видеть следы стародавнего культурного общения или генетического родства, но опять-таки только тогда, когда такие особенности представляют сходство не одной какой-либо чертой, которая может быть результатом конвергентности, а целым рядом деталей, представляющих комплекс характерных черт» [Там же: 111].

Следует помнить, что Л.Я. Штернберг заложил основы сравнительно-исторической методологии в российской этнографической науке. Как известно, эта методология берет начало в языкознании первой четверти XIX в.

Орел *аймрт кайак* — самая крупная из известных чувашам птиц — занимает особое место в религиозно-мифологических сюжетах. Этимология слова восходит к персидскому и означает «собака» + «птица». В сасанидском искусстве это фантастическое существо изображалось именно так: верхняя часть — орел, нижняя — собака [Тревер 1937: 39].

Орел — представитель сакрального мира. Согласно имеющимся текстам, дерево или столп, на котором он сидит, находится в мифической стране посреди океана, моря или степи. В заговорах разного

толка создается именно аналогичное состояние; в конце ставится условие: пусть свершится несчастье с этим человеком только тогда, когда этот орел свалится с этого столба.

Иначе говоря, орел находится в центре мироздания. Как невозможно его падение (т.е. разрушение гармонии в мировом масштабе), так и невозможна беда с человеком. Например, в заговоре от порчи: «На острове семидесяти семи морей на дереве осокорь орел. Когда человек сумеет нанести ему порчу, пусть только тогда человек N сумеет навести порчу (дует и плюет)» [ЧГИ. Ед. хр. № 284. Л. 42]. В заговорах, в посиделочной песне, а также в плаче невесты орлица сравнивается с родной матерью.

В речи свадебного дружки также упоминается орел, но дерево, на котором он мог бы отдохнуть, помещается в центр двора свата [ЧГИ. Ед. хр. 174. Л. 341; ЧГИ. Ед. хр. 208. Л. 559, 560].

В сказочной традиции орел выступает в качестве спасителя, выносящего героя из иного мира [Салмин 1994: 281–284]. Наиболее распространенный тип мотивов выхода с того света — это полет на благодарной орлице. При этом режется бык (варианты: готовятся бочка, две бочки, сорок бочек мяса; мясо сорока коров; три, двенадцать, шестьдесят пудов мяса; еда в сорокаведерной бочке), готовится сорок бочек воды (варианты: вода; вода в бочке; вода в сорокаведерной бочке; двенадцать бочек воды), 60 пудов сухарей, которыми подкармливается орлица во время полета. Но мясо кончается, герой *паттър* отрезает кусок от своего бедра (варианты: часть икры своей ноги или правого бедра; кусок мяса из-под мышек; кусок ягодицы).

Примечательно, что дерево, где орлица свила себе гнездо, священное. На обрядовый характер деревьев указывают сопровождающие их эпитеты, употребляющиеся при описании *киреметей* и других священных мест. Это сломанный вяз или очень высокий дуб на высокой горе. А в чувашской свадебной поэзии такое дерево издали кажется черным, вблизи — белым, золотая орлица свивает гнездо на золотом дубе, где золото — знак сакральности и символ иного мира. Дерево, по которому забирается *паттър* в гнездо к орлятам, одновременно служит лестницей в верхний мир и заменяет мировое дерево, соединяющее три уровня мироздания.

Дав согласие вынести на себе богатыря на белый свет, орлица велит приготовить много мяса и воды, которые охотно и с удовольствием преподносятся избавившимся из плена чудовища народом. В таком массовом способе сбора еды нельзя не усмотреть элементы чувашского обряда *чӱк* — моления божествам с просьбой послать на землю дождь, избавить от поголовного падежа скота, от массовых болезней. Ведь в обоих вариантах, типологически восходящих к одному и тому же инвариантному тексту в широком понимании, продукты (мясо, хлеб, питье в бочках и ведрах) собираются у сельчан. Иначе говоря, готовится мероприятие, касающееся не одного только *паттӑра*, а всех его сородичей (как эндогамных, так и экзогамных), ибо юноша, пришедший из собственного локуса в мир суженой, собирается вернуться в свой постоянный дом.

Может показаться, что в эпизоде, где змей хотел съесть орлят, но его убил юноша, возникает конфликтная ситуация. Однако дело обстоит несколько иначе. В сказке «Рождение паттӑра» юноша после поединка идет к большому дереву, где было гнездо орлицы. В гнезде оказались одни орлята. Сюда вот-вот должен явиться змей, чтобы пожрать птенцов. *Яшкӑ-паттӑр* вырезал дерн и им заложил сверху гнездо орлят и сам спрятался туда же. Явился змей, посмотрел и сказал: «Обманул меня, здесь давно травой проросло», — и ушел. Случая, где змей бы пожрал птенцов, нет ни в одном тексте. Его, конечно, убивают (чисто сказочная развязка), но тексты не говорят о нем как о пожирателе. В сказке и эпосе убийство оправдывается ссылкой на то, что он будто бы не давал покоя орлятам. На самом деле змей приходит, чтобы вызвать какую-то (ставшую непонятной теперь) суматоху у орлиного гнезда.

Змей-враг, с которым возникает эпическая коллизия, и змей, явившийся к орлиному гнезду, — совершенно разные персонажи. Их функции нигде не пересекаются. Цель змея, вызывающего беспокойство орлицы, — проложить связь между *паттӑром* и орлиным гнездом. Орел не собирается обороняться от змея.

Аналогичный сюжет имеет место в маргианском материале. На каменном амулете с композицией дракона и орла орел передан не в оборонительной, а, напротив, в спокойной позе. У него гордо по-

вернута голова, широко распростерты крылья и распушен хвост [Сарианиди 1986: 69].

В этом свете весьма ценным представляется диалог между старшим дружкой и публикой на чувашской свадьбе.

Предводитель свадьбы описывает некое гнездо на дереве:

*После, как пересекли лес 60-километровый,
Встретили одно дерево.
Издали кажется черным,
Вблизи — белым.
Посмотрели вверх —
Увидели одно гнездо, залезли и посмотрели —
Не узнали, чье это гнездо.
Чье же это гнездо?*

На вопрос следует дружный ответ публики: «Гнездо девушки и парня» [Золотов 1928: 76]. Именно этот свадебный пассаж следует считать ключом к фольклорному мотиву. Защита орлиного гнезда в сказке символизирует не что иное, как защиту новой семьи.

Симург (из авестийского «орел») — мифическая птица. Упоминается в Авесте [Яшт 14: 41]. «Симург иногда изображается когтящим змею, в связи с чем отождествляется с героем Вэрэтрагной, убившим змея Даххака. Это подтверждается изображениями на клинках XIII–XIV веков. Авеста и среднеперсидская литература поселяют симурга на дереве — вместилище семян всех растений, находящемся на середине священного зороастрийского озера Воурукаша» [Башарин 2008: 1168].

Аналогичную с чувашской ситуацию находим в нартском эпосе, где, помимо перечисленных видов продуктов, присутствует кровь («два бурдюка с мясом и кровью буйволов»), что явно указывает на свежесть и специальное назначение жертвенной еды [Дебет 1973: 74]. Кормление животного, и орла в частности, «есть подготовка к убиению», но «в сказке убивание переосмыслено в пощадку, в отпуск на волю и улетание» [Пропп 1946: 152].

Дохристианские субстраты можно усмотреть и в тех случаях, когда мифическая птица эпоса вытесняется образом иноэтничного про-

исхождения (например, Гаруда в алтайском эпосе). Как правильно замечают исследователи, образ птицы Гаруды здесь является поздним наслоением на культ орла народов Южной Сибири и Центральной Азии [Жуковская 1977: 71].

В кетском мифе герой предстает как разоритель орлиных гнезд, причем «отчетливо обнаруживается прозрачная связь разорения гнезда с получением орудий для добывания огня: заставив пищу орлят, герой вынуждает орлицу вступить с ним в переговоры» [Иванов 1974а: 55]. В кавказском эпосе одним из существенных характеристик змея (в эпосе «Нарт Сосрук» — дракона) является «разоритель гнезд» [Дебет 1973: 73]. Естественно, птица-орел символизирует верх и противопоставлена низу в образе змея.

Анализируя варианты устных рассказов и древние письменные памятники о змее и орле, И.Х. Левин пришел к выводу, что «история изучаемого сюжета не случайно, а вполне закономерно уводит исследователя современного фольклора, хотя бы русского, в древнюю Месопотамию» [Левин 1967: 8]. Архаическое ядро сюжета о шумеро-аккадском герое Этане бытовало в Двуречье еще в I тыс. до н.э. Изображения орлов, связанных с религиозной символикой, часто присутствуют в прикладном искусстве колхов [Кошеленко 1985: 23]. Раскопки французских археологов под руководством Ж.-Ф. Жарриж в Пакистане выявили печати мургабского стиля. Руководитель раскопок вполне справедливо заявляет, что пакистанский археологический комплекс отражает влияние не бактрийско-маргианской глиптики, а месопотамского и эламского мира на Восточный Иран, Белуджистан и долину Инда. Его замечание верно и в отношении Маргианы и Бактрии [Сарианиди 1986: 71].

В целом образ орла на вершине мирового дерева лучше всего проявляется в переднеазиатской, среднеазиатской, кавказской, древнеиндийской и древнеисландской мифологиях.

Источники и сравнительный материал дают возможность предполагать, что образ орла у чувашей формировался в два этапа. В первый раз — с древнейших времен до конца I в. н.э. на юге Западной Сибири в регионе Тобольска между угорскими и иранскими племенами. Во второй раз — во II–IX веках на Кавказе, т.е. до ухода предков чувашей на Среднюю Волгу.

Библиография

Башарин П.В. Симург // Энциклопедия религий. М.: Академический проект, 2008.

Дебет Златоликий и его друзья: Балкаро-карачаевский народный эпос. Нальчик: Эльбрус, 1973.

Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977.

Золотов Н.Я. Краткий очерк народной поэзии чуваш. Шупашкар: Чăваш кĕн. уйрăмĕ, 1928.

Иванов Вяч.Вс. Восстановление первоначального текста кетского мифа о разорителе орлиных гнезд // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. I (5). Тарту: Изд-во ТГУ, 1974. С. 51–64.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Под ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1985.

Левин И.Х. Этана: Шумеро-аккадское предание. Источниковедческое исследование. Л.: ИВ АН СССР, 1967.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1946.

Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1994.

Сарианиди В.И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 66–71.

Тревер К.В. Сэнмурв=Паскудж: Собака=птица. Л.: Б.и., 1937.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. Л.: изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936.

Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. V. Вып. 2. Л.: изд-во АН СССР, 1925. С. 717–740.

Штернберг Л.Я. Орел в сравнительном фольклоре // Живая старина. 1913. Вып. I–II. Пг., 1914. С. L–LIV.

Источники

ЧГИ (архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Ед. хр. № 174. Никольский Н.В. Этнография, фольклор. 1908–1910 гг.

ЧГИ. Ед. хр. № 208. Никольский Н.В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг.

ЧГИ. Ед. хр. № 284. Никольский Н.В. Народная медицина. 1912–1925 гг.

Орел в мифологической традиции селькупов

В известной работе «Культе орла у сибирских народов» Л.Я. Штернберг называет две причины совпадения основных элементов того или иного культа у очень широкого круга народов. Первая причина — это общечеловеческие элементы, которые могут вырабатываться у самых различных народов совершенно самостоятельно, в силу тождества психико-интеллектуальной природы человека и одинаковости условий среды. Вторая — это свидетельство древних культурных связей между ныне очень отдаленными друг от друга народами. Свою мысль Л.Я. Штернберг иллюстрирует на примере максимально универсального по своей географии и содержанию культа орла.

Зафиксированный на всех континентах, культ орла имеет комплекс одинаковых для всех народов особенностей, а именно, орел повсюду выступает как:

- 1) хозяин и повелитель солнца;
- 2) хозяин огня;
- 3) возродитель природы;
- 4) творец;
- 5) тотем;
- 6) родоначальник и творец шаманов;
- 7) хозяин священного дерева.

Пополнение и сравнительная обработка материалов по культу орла у разных народов, как считал Л.Я. Штернберг, «могли бы дать много ценного по целому ряду историко-культурных вопросов высокой важности».

Следуя заветам Л.Я. Штернберга, я постаралась собрать информацию об образе орла в традиционных представлениях одного из этносов Западной Сибири — селькупов. В мировоззрении селькупов Орел — *лимбы*, *лэбыра* — наиболее почитаемая птица, связанная с небом и солнцем. Селькупы никогда не убивали орлов, их подстреливали, ловили живыми и держали в чуме, давая дожить до старости [Прокофьева 1952: 98]. Со слов Е.Д. Прокофьевой, место мифической птицы орла было на вершине или на солнечной стороне священного дерева селькупов, в дупле которого хранятся души еще не

родившихся людей [Прокофьева 1961: 69]. Орел — это большекрылая птица, облако, «закрывающее» и охраняющее солнце от злого начала. «Связь солнца — огня — облака — орла — птицы — с “огнем дышащего коня” — ярко выявляется в фольклоре», — пишет Е.Д. Прокофьева [Там же: 70].

Орел также связывается с мифическим и фольклорным героем *Ием (Ичей)*. *Ий* — небожитель, его чум всегда стоит на солнечной стороне неба [Там же: 63]. Восседая на облаке, *Ий* стреляет из лука громовыми стрелами на землю в слуг злого духа *Кызы* [Там же: 70]. Гром — это голос гневающегося *Ия* [Прокофьева 1976: 108]. «*Ича* спускается иногда на землю на своем чудесном коне. Это “небесный конь конца неба; от него рождаются шаманские олени”. Это его бег на небе вызывает гром. Это огонь из его ноздрей полыхает на небе молниями, когда *Ича* стреляет» [Прокофьева 1961: 56]. *Ий*, «огнем дышащий конь», облако, гром, огонь и солнце — ипостаси орла в селькупском фольклоре.

По материалам, собранным у селькупов Г.И. Пелих, орел — *Минлей* — могущественный древний дух, дьявол с железными крыльями. Другие его имена — *Лаб-ира* (орел-старик) и *Шелаб* (змей-старик). «Рот у него, как огромная дыра. *Минлей* очень стар. Он жил еще до всемирного потопа. Когда *Минлей* махал крыльями, начиналась буря. Когда он раскрывал крылья, начиналось солнечное затмение. Недавно *Минлей* уничтожил такую страшную болезнь, как цинга. Он долго гонялся за ней, наконец поймал, разрубил на куски своим страшным клювом и проглотил. *Минлей* вездесущий дух. Он знает все, что было и что будет» [Пелих 1998: 67].

Орел у селькупов определяется преимущественно как существо мужского пола: он «праотец всех птиц» [Прокофьева 1976: 118], солнечный царь-мужчина [Там же: 107]. *Лаб-ира* — орел-старик. Однако, по сведениям Г.И. Пелих, среди изображений духов-помощников шамана из села Ратта в связке металлических птиц к одной из птиц, именуемой *Лаб-ира* — орел-старик, был прикреплен предмет, который информанты называли «колыбелью *ниты*» или «гнездом орлихи». Этот предмет, несомненно, указывает на женский пол птицы. Сквозь гнездо-колыбель орлица могла видеть всю Вселенную и жизнь каждого человека от начала до конца [Пелих 1992: 80–82]. Функция такого далекого ясновидения в традиционном мировоззрении сель-

купов является прерогативой главного божества прародительницы-жизнедательницы (а также покровительницы материнства и детства) старухи *Илынтыль kota*, имеющей множество ипостасей. Ипостась орлицы / орла — одна из самых главных в ряду образов старухи прародительницы, так как и старуха, и орел — воплощение огня и самого солнца [Степанова 2008].

Орел ассоциируется также со священным деревом старухи-предка, в дупле которого хранятся души людей, ожидающих своего рождения. Он венчает его вершину и, значит, как и она, является его властителем. В лице старухи орел обучает молодых шаманов и выдает им рабочие инсигнии. Полиморфный образ старухи-первопредка связывается с орлом и через другие логические цепочки. Например, изображением орла *лэбыра* служит знак *туши*, который селькупы рисуют на шаманских бубнах, называя его «очень древним духом-предком», этот знак также называют змеей, ящерицей, рыбой, лягушкой, медведем, выдрой и мамонтом. Все эти животные в селькупском мировоззрении — ипостаси матери-старухи, что подтверждается определенными материалами.

Дух *лэбыра* является духом-предком, «охраняющим» границы иного мира: в образе облака / тучи он охраняет солнце, небесный огненный мир или «солнечную» половину неба. Образ духа-предка-«охранителя» мы уже рассматривали в своих работах и можем сказать, что в момент перехода умершим (или умирающим) человеком границы миров дух-«охранитель» «пожирает» его, воплощая собой также сам иной мир [Степанова 2009]. Как дух-охранитель и опять-таки как ипостась матери-предка (она определяет срок жизни человека и выдает умершему колоду для гроба) орел связан со смертью и миром мертвых.

Орел присутствует у селькупов не только в мифологии, но и в социальной организации: орел — тотемный предок «половины народа» селькупов — фратрии *Лымбель пелак* [Прокофьева 1961: 56], которая вступала в брачно-родственные связи с другой половиной народа — фратрией *Кассыль куп* — людьми Кедровки. По легенде, предок «людей орла» богатырь *Лымбель-матур* вырвался из ненецкого окружения, превратившись в орла [Пелих 1998: 34]. Как отмечает Р.А. Ураев, Лымбельский культовый родовой амбарчик слыл когда-то на Тыму самым сильным. В нем помимо изображений

духов-предков хранилось изображение орла — «самого сильного духа» [Ураев 1994: 77–79].

Тому, что орел представлялся самым сильным из духов-предков, существуют интересные доказательства: убивая медведя (который тоже считается предком селькупов и является одним из самых ярких образов старухи-прародительницы), селькупы перекладывают вину на орла. В XVIII в., по сведениям Г. Новицкого, остяки воздавали почести шкуре убитого медведя следующим образом: «Снемше кожу пред кумирнею поставляют, распростирая оную, приподобляюще аки жив, сошедшеся убо игралища, плясания около сего творят, изъясняет же песнями невиновна себе его убиению, глаголя: яко не он делатель железца и стрелы, ниже его пера: Русак укова железо, пера орел-родитель» [Новицкий 1884: 53].

Из материалов Е.Д. Прокофьевой следует, что текст «извинения» перед убитым медведем к XX в. не изменился: «Младший брат мой! Не гневайся на меня, это не я убил тебя, а стрела воткнулась в тебя, так как перья орла направили ее в тебя. Это орел убил тебя» [Прокофьева 1949: 367].

По сведениям Е.Д. Прокофьевой, на шаманском языке орел носил название *чаука* или, иносказательно, *эсыныль сурьт* «птица-отец» [Прокофьева 1952: 98]. По данным Г.Н. Прокофьева, на шаманском языке орел обозначается словом *CanGa*, он живет на «от бога рожденном наплавном шаманском дереве» [Прокофьев 1930: 370]. Авторы «Мифологии селькупов» слово *сэнкы* приводят как один из вариантов названия орла [Мифология 2004: 186]. По другим материалам, слово *санг* (*санга*, *санге*, *санкы* и т.п.) обозначает глухаря, ястреба, селезня и утку [Мифология 2004: 264; Ириков 1988: 67]. *Сэнгилькуп* — богатырь, который вылетел из окружения ненцев глухарем [Пелих 1998: 34; Мифология 2004: 264]. *Санкыль тамтыр* — Глухаря род, *Сангелькы* — Глухариня река [Прокофьева 1952: 90]. *Санкеты* — ястреб, который мог сбить орла [Мифология 2004: 263]. *Сангоде* — селезень, хранитель яйца, содержащего жизнь хозяина земли и один из его обликов [Мифология 2004: 261; Пелих 1972: 345–347; Гемуев 1984: 145–147].

Кроме того, *Санг* — «главная утка» в сказке, записанной нами на Тазу, а *Сянгэячи* — новый утиный вожак, сменивший благодаря своей «мудрости» на посту эту «главную утку» (ПМА). Г.И. Пелих

упоминает, что селькупы называли своих военачальников-князьцов *сенгира* — старик-глухарь [Пелих 1981: 133]. В коллекции культовых предметов Лымбельского (рода Орла) культового амбарчика, хранящейся в Колпашевском музее, главное зооморфное изображение — орла — значится глухарем [Пихновская 2001: 68]. Получается, что образ орла идентичен, эквивалентен образам глухаря, ястреба, селезня и утки. В «птичьих» персонажах мифов и фольклора путаются породы (виды) птиц или названия пород птиц. Почему?

По сведениям Г.И. Пелих, *санг* (*шан, щан, шонь, шош*) — жизненная сила человека, сила, исходящая из женской утробы, душа-сила, связывающаяся с пупом — каналом, по которому она приходила к человеку [Пелих 1980: 27–28]. По нашим полевым материалам, лексема *сан-* обозначает «жизнь» (ПМА). По мнению А.А. Ким, душа *санг* может носить название *сюмеш* [Ким 1997: 36], а душа *сюмеш*, как сообщает Г.И. Пелих, имеет образ птицы и посылается человеку солнцем [Пелих 1972: 115]. В.В. Быконя основу селькупского слова *san* (сила) соотносит с числительным *siti* («два») и отмечает, что она несет семантику разделения, двойника [Быконя 1998: 45–46, 48].

Логично заключить, что все вышеперечисленные птицы служат образами-двойниками материнской утробы предка-птицы, ее силы и самой матери-предка. Мать-предок мыслилась орлицей, глухарем, ястребом, уткой и селезнем, т.е. птицей вообще, и для мифа часто не имело значения, какой породы эта птица.

Можно выдвинуть и другую версию путаницы в названиях, обозначающих селькупских птиц-предков. М.А. Кастрен писал: «Караконские самороды, как намекает и самое русское название, пришли от реки *Karalg*, или *Karol-ki*, т.е. Журавлиной реки (от *Kara* — журавль), и переменили свое настоящее название *Karal-gum* (журавлиные люди) на *Limbel-gum* (орлиные люди). Весьма вероятно, что енисейские остяки познакомились с этим племенем прежде, чем с другими, и назвали его гусиными людьми. Племя *Казель-гум* (окуневые люди) называет этих орлиных, гусиных или журавлиных людей и тетеревиными людьми (*Sengel-gum*) [Кастрен 1999: 178]. В примечании к этому предположению М.А. Кастрена А.П. Зенько и С.Г. Пархимович поясняют: «Журавлиные люди входили на правах рода в состав фратрии Орлиных людей».

Здесь нет противоречия и смены названий — Журавлиных людей в более широком смысле можно именовать и Орлиными» [Зенько, Пархимович 1999: 338]. Что подтверждает и Е.Д. Прокофьева: «Роды Журавля, Ястреба, Ворона, Лебеда, Орла входили в одну фратрию Орла» [Прокофьева 1952: 106]. Применительно к нашему материалу, глухарь, ястреб, селезень и утка — «подопечные» орла и его воплощение. Одинаково орел — ипостась глухаря, ястреба, селезня и утки. Возможно, о том, как происходило дробление народа селькупов, идет речь в легенде, в которой говорится, что после ссоры двух богатырей (двух половин народа) при дележе орлиных перьев обиженная сторона отправилась искать орлиные перья на север [Головнев 1995: 116]. Принцип деления крупных объединений селькупского народа на более мелкие соответствует принципу деления образов птиц-матерей-предков, которые «выходят» один из другого: каждый новый птичий образ осмысливается также тем образом, из которого он «вышел». Мать-предок мыслилась птицей вообще и могла быть названа птицей любой породы.

Итак, в традиционных верованиях селькупов орел — очень древний и очень сильный дух-первопредок. Орел у селькупов ассоциируется в первую очередь со старухой-жизнедательницей-прародительницей *Илынтыль кот*, а также с солнцем, огнем и священным деревом. Как воплощение старухи, он может быть назван творцом и возродителем природы, родоначальником и творцом шаманов. Кроме того, орел — тотем «половины народа» селькупов.

Все характеристики культа орла, данные Л.Я. Штернбергом, у селькупов наличествуют. Следует добавить лишь две не названных им особенности культа орла. Первое: старуха-предок и, следовательно, орел, ведают у селькупов не только жизнью, но и смертью и воплощают собой иной мир — мир предков, мир мертвых. Второе: контуры образа орла, при всей его значимости, силе и колоритности, все-таки недостаточно четкие, во многих сегментах мировоззрения селькупов они перебиваются линиями полиморфного, в частности онитоморфного, образа священной старухи-предка.

Библиография

- Быконя В.В.* Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998.
- Гемуев И.Н.* Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Зенько А.П., Пархимович С.Г.* Комментарии // Кастрен М.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. С. 320–350.
- Ириков С.И.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Л., 1988.
- Кастрен М.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999.
- Ким А.А.* Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997.
- Мифология селькупов. Томск, 2004. (Сер. «Энциклопедия уральских мифологий»).
- Новицкий Григорий.* Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб., 1884.
- Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Пелих Г.И.* Селькупская мифология. Томск, 1998.
- Пелих Г.И.* Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981.
- Пелих Г.И. Шелаб* — крылатый дьявол (из истории селькупской мифологии) // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 76–91
- Пихновская А.А.* Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 67–69.
- Прокофьев Г.Н.* Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Т. II. Л., 1930. С. 365–373.
- Прокофьева Е.Д.* К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. Новая серия. Т. 18. М.; Л., 1952. С. 88–107.
- Прокофьева Е.Д.* Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 335–375.
- Прокофьева Е.Д.* Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сб. МАЭ. Т. 20. М.; Л., 1961. С. 54–74.

Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.

Степанова О.Б. Мать-змея и образ духа-охранителя в мифологических представлениях селькупов // Сибирский сборник — 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. II. С. 87–93.

Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб., 2008.

Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // ТТГОИАМ. Т. 7. Томск, 1994. С. 73–85.

Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов // Сборник МАЭ. Т. V. Вып. 2. Л., 1925. С. 717–740.

Н.Е. Мазалова

Русский колдун и его помощники

Л.Я. Штернберг отмечал, что сила шамана связана с его помощниками: «Сверхъестественная сила шамана покоится не в нем самом, а в тех духах-помощниках, которые находятся в его распоряжении. <...> Без этих духов шаман бессилён. Шаман, потерявший своих духов, перестает быть шаманом, иногда даже умирает» [Штернберг 1936: 141]. По народным представлениям русских, магическая сила колдуна также материализована в его помощниках. По мнению Д.К. Зеленина, наличие помощников у колдуна отличает их от других категорий русских ритуальных специалистов: «Они, подобно языческим шаманам, лишь пользуются помощью различных представителей нечистой силы» [Зеленин 1991: 421].

Магическая сила ритуальных специалистов не раз становилась предметом исследования в науке [Максимов 1994; Малиновский 1998; Эванс-Причард 1992, Добровольская 2001; Щепанская 2001 и др.]. Вместе с тем до сих пор в русской этнологии не существует определения магической силы, способов ее существования и возобновления.

На наш взгляд, можно выделить несколько типов русских знающих на основе различных признаков *сила* и *знание*. Представляется, что

эти два понятия следует разделять. Можно выделить несколько видов магической силы. Прежде всего, существуют представления о магической силе, которой человек наделен от рождения. Такие «знающие» считаются самыми сильными ритуальными специалистами. Это магическая сила ведьм и «природных» колдунов («колдунов-самородков», «рожаков»), которая представляется как некая субстанция, локализованная в их теле.

Достаточно четко дифференциация понятий «магическая сила» и «тайное знание» прослеживается на примере колдуна. Колдун получает магическую силу и тайное знание в результате прохождения обряда инициации. Одна из форм обряда посвящения — поглощение неофита огромным животным: собакой, змеей, лягушкой. Это архаический обряд посвящения, во время которого неофит переживает «временную смерть», отправляясь в царство мертвых, а затем возрождается, наделенный особым знанием и магической силой в виде помощников: «Мужик один колдовство перенять решил, в баню с колдуном пошел, а в бане собака. Колдун велел ему в пасть броситься, и тут у его бесей в помощниках стало, стал он им задачи задавать, людей портить» [Добровольская 2001: 98]. Чем больше помощников получал колдун, тем более сильным ритуальным специалистом он считается: «Слабый колдун мог отдавать приказания двум-трем чертям, сильный колдун, словно генерал, командовал legionами [Логинов 2000: 181].

После прохождения обряда инициации неофит получал некое «высшее» знание, иначе — «понимание», «видение». Так, колдунья спрашивает у посвящаемой, побывавшей в утробе лягушки: «Все ли ты видела, все ли теперь знаешь?». «Та сразу же все поняла и стала с тех пор колдовать» [Никитина 1994: 186]. Одно из определений восприятия «тайного» знания — «понять» в значении «взять». Он «внутренне усваивает» это знание [Топоров 1993: 17]. Сакральное, или вещее, знание (сверхзнание), полученное после пребывания в «ином» мире, заключается в способности колдуна владеть помощниками (животными, чертями). Так, возможность колдуна вступать с ними в контакт называется *знаться с чертями*, колдуна также называют *чертознай*. Это знание проявляется и в способности к превращениям в животных (колдуна — в волка, медведя, собаку и др., колдуньи — в собаку, кошку, свинью, лошадь, лягушку и др.),

в стихии (например, в вихрь), а также в способности колдуна превращать животных других людей, умерщвлять их магическими способами.

Помощники колдуна могут иметь облик животного. Например, северно-русская икота предстает в виде хтонических животных (лягушки, ящерицы, мыши, реже — мушки, паука, комара). В соответствии с более поздними (христианскими) представлениями помощники имеют «облик дьявольский» — чертей. Нередко помощники колдуна имеют антропоморфный облик, именуют их *маленькие, мальчики, солдатики, шишки* и т.п. [Мифологические рассказы 1996]. Колдунов и колдуний иногда номинируют по их помощникам: так, колдунья — *чертиха, бесистая, чертистая*, колдун — *чертистый, вражней* (от враг — черт).

Магическая сила колдуна проявлялась в способности колдуна *портить* людей, вселяя в них помощников, и лечить их. Она определяет его провидческие способности: благодаря помощникам он может узнавать будущее, определять вора и т.п. Колдун находится с помощниками в особых отношениях. Он именуется как их «хозяин», т.е. помощники находятся в зависимом от него положении: например, в заговоре порчу, которая вызвана вселением помощника в жертву, отправляют к «хозяину в пята» [АМАЭ. № 1644. Л. 3]. Однако отношения эти могут быть и равноправными: по другим представлениям, колдун называет помощников «товарищами». Нередко отношениям колдуна и помощников приписывается кровно-родственный характер: так, помощники колдуна-икоты называют колдуна «батюшкой», а колдунью — «матушкой».

Вместе с тем колдун также находится в своеобразной зависимости от помощников: он должен постоянно приносить им жертвы. Так, «бесованный» Тарас — колдун, у которого помощники — бесы в виде маленьких солдатиков, должен был постоянно их кормить: «Их солдатиков. Кормить надо. Также едят, как люди» [Мифологические рассказы 1996: № 343]. Чаще всего их кормят зерном, кашами. В.Я. Пропп следующим образом объяснял мотив вкушения пищи сказочным героем в царстве мертвых: «Пища мертвых придает им специфическую волшебную, магическую силу, нужную мертвецам»

[Пропп 1986: 67]. Вероятно, вкушение мифологическими персонажами обычной пищи можно рассматривать как приобщение их к миру людей. Кроме того, зерно является жертвой помощникам.

Помощники колдуна постоянно требуют от него «работы» — «вселить их в кого». Основная функция колдуна, по народным представлениям, — портить людей. Колдун вселяет помощника в тело жертвы. По традиционным представлениям русских, помощники, внедрившиеся в тело больного, похищают его жизненную силу. Так, в сибирском заговоре «От живой порчи» встречается образ порчи — нечистой силы, которая «ломает кости», «сушит сердце», «пьет кровь», «ест тело», т.е. уничтожает целостность организма и забирает жизненные силы больного:

*«Отойди, нечистая сила,
от крестьянского сердца (имярек),
не пей горячую кровь,
не ешь белое тело»*

[Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири 1997: 393].

Состояние испорченного человека определяется как «сохнут», «чахнут». Слово сохнуть имеет значение — о человеке «худеть», о растении — «засохнуть, умереть» [Даль 1: стлб. 781]; слово чахнуть — родственно — «исчезать, усыхать» [Фасмер 4: 319], имеет значение «терять жизненные силы, болеть, сохнуть» [Словарь XI–XVII 26: 256]. Мифологический персонаж, внедрившийся в тело человека, «пожирает» его жизненную энергию, поддерживая, таким образом, свою силу. Кроме того, заимствование жизненных сил людей способствует его существованию в человеческом мире так же, как вкушение пищи людей.

Если знахарю удалось извлечь порчу или икоту (в виде мыши, лягушки или ее икры и т.п.), ее следовало немедленно сжечь в печке, где она кричала страшным голосом, и крестить заслонку: «Как в печь на огонь бросить, они заревут на всякий голос, как человек. Если на улицу выбросить, они в человека войдут» [АМАЭ. № 1644. Л. 34]. Если икоту закопать в землю или просто выбросить на улицу, она старалась проникнуть в новую жертву или вернуться

к своему хозяину-колдуну. По некоторым представлениям, только колдун, наславший порчу, может вылечить больного, т.е. «извлечь» помощников из его тела.

Если колдун не смог внедрить помощников в тело жертвы, они причиняли вред ему самому: «Колдуны обязаны давать работу своим помощникам. По данным из Слободского уезда (Нижегородской обл. — *Н.М.*), подвластные колдуну черти каждый 10-й и 40-й день приступают к нему и просят работы, т.е. позволения мучить болезнями людей. Если нет работы, то малоопытных и пьяных колдунов черти коверкают и мучат. Поэтому над домом колдуна бывает слышен стон, гам, писк и крики» [Никитина 1994: 190]. Слова «коверкать», «мучить» сопоставимы с «портить» в значении 'ломать, гнуть, причинять вред, нарушать целостность'. Если колдун постоянно не портит людей, «он теряет чары, хиреет и умирает» [Новичкова 1993: 243]. «Незанятые» помощники могут замучить колдуна до смерти: «А не дашь работу, они тебя затерешут, жива не будешь» [Мифологические рассказы 1996: № 341].

Следовательно, колдун вынужден быть «злым» и причинять вред окружающим, задавая работу помощникам. Так, одна из трудных задач для них — перебрать зерно: «Дал другой (колдун. — *Н.М.*) меру овса и меру льняного семени, велел обе смешать и отобрать по зернышку» [Максимов 1994: 95]. Зерно — средоточие вегетативной силы, символ плодородия, возрождения жизни, бессмертия, вечного обновления, здоровья; наделяется продуцирующей и защитной символикой; как и другие мелкие сыпучие предметы, имеет значение множественности и богатства. Перебирая зерно, помощники магическим способом восстанавливают свою силу. Хлеб, зерно — доля человека и сила, в мотиве трудных задач его можно рассматривать как замену человека, которого может испортить помощник. Как уже говорилось, колдун кормит помощников зерном, восстанавливая их силы.

Другая задача колдуна помощникам — пересчитать листья, хвою на дереве. Мотив счета имеет архаическую семантику восстановления: «Числа становились образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [Топоров

1991: 629]. Вершина дерева соотносится с верхним миром, рождением («упал с груши» — обозначение рождения), птицами, откуда приходят дети. С вершиной дерева связаны русские посвятельные обряды колдуна. На ней помощники восстанавливают силу магическим способом: считая хвоинки или листья.

Вместе с тем деревья, с которыми связано выполнение трудных задач (ель, осина), соотнесены с комплексом отрицательных представлений, прежде всего о смерти. Таким образом, «материал», который использован в обряде возобновления магической силы помощников, подтверждает ее связь с миром мертвых.

Еще одна трудная задача колдунов помощников — «вить бесконечные веревки» из песка или золы. Технологические процессы завивания, навивания (на основу), растягивания, завязывания связаны с идеей роста, увеличения в объеме, распространения в пространстве, т.е. с главной идеей жертвоприношения как «первоначального» способа заполнения безжизненной пустоты [Топоров 1989: 24]. Свивание — ритуальное действие, имеющее защитные продуцирующие функции, оно соотносится с соединением, собиранием разрозненного в целое, зарождением, ростом, приумножением, но также и с вредоносными действиями нечистой силы. Здесь помощники тоже имеют дело с «неправильными» материалами, которые в народных представлениях связаны со смертью.

Представляется, что цель обрядовых действий помощников (перебирание зерна, счет листьев, витье веревок) заключается в обретении ими новой силы. Эти действия заменяют другую жертву — поглощение жизненной силы человека. Таким образом, занятия («работа») помощников также направлены на восстановление их силы и являются заменой их назначения портить людей.

Помощники колдуна могут находиться как вне колдуна, так и в его теле. Они могут «внедряться» в него, и тогда магическая сила заключена внутри «знающего»; так, умирающий колдун поместил своих помощников в стакан с водой, которую передал мальчику, «после смерти колдуна стали слышаться голоса, раздающиеся из этого мальчика: “Давай нам работы, давай нам работы!”» [Никитина 1994: 182]. Ребенок не может совладать с этой силой и вскоре умирает.

Черти вселяются в колдуна, если он не использует их в обрядах наведения порчи или не занимается иначе: «А если работы не дает, дак самого колдуна-то, как приступы трясет, мучает» [Мифологические рассказы 1996: № 198]. В том случае, если колдун не передал помощников, они внедряются в его тело и не дают ему умирать или после смерти заставляют его возвращаться в мир живых.

Потеря помощников приводит к утрате магической силы колдуна, а иногда — к его смерти. «Знающий» — пастух, помощниками которого были черви, заболевает и утрачивает силу после их сожжения (Вологодская обл.). Жена колдуна в его отсутствии сжигает в печи чертей, живущих в пестере, это приводит к его смерти: «Ох, они все тамака запищали». Колдун бежит домой: «Вывернул, в дыру башку-то запихал. Больше ему нельзя жить-то, черти сгорели! Тамака и умер — башка в дверях» [Шумов 1991: № 249].

Помощники могут проникать в колдуна и локализоваться в его теле, иначе говоря, колдун способен «вмещать в себя духов» [Широкогоров 1919], особенно если колдун не обеспечивает их работой: «А если работы не дает, дак самого колдуна-то, как приступы, как трясет, мучает» [Кузнецова 1997: № 124]. Особые психофизиологические состояния колдуна во время проведения магических обрядов определяются тем, что в него вселяются помощники и по крови передвигаются по телу. По представлениям белорусов, «колдун чародействует, «когда крой ему вочи зальець, когда нячистая сила к голове подступиць, у голову удариць» [Богданович 1895: 140].

При вмещении помощников в собственное тело колдуна он ими управляет, осуществляя контакт с потусторонним миром. Один из важнейших признаков пребывания в особом, «сверхчеловеческом» состоянии — «магический жар» (термин М. Элиаде). Магическая сила колдуна сравнима с огнем. Это универсальное представление, во многих культурах магическая сила выражается с помощью понятий «жар» [Элиаде 1999: 437]. Так, колдуна «мает» перед обрядом наведения порчи, т.е. он испытывает ощущение жара и тяжести. Помощник колдуна может иметь название Жар. Магический жар свидетельствует о том, что колдун во время проведения обрядов утрачивает человеческую сущность и приобретает новое состояние — «состояние духа» или «состояние животного» [Элиаде 2001].

Другие определения ощущений магической силы — на колдуна «находило» («находит» — 'охватывает'), «накатывало»: 'переполнять', в переносном значении 'о тягостных, гнетущих ощущениях': на него иногда то-то находило, накатывала какая-то сила, и он старался уйти из дому на несколько дней»; «прет из него эта сила, беда тогда ему попасться на глаза <...> родную дочь испортит» [Никитина 1994: 189]. Таким образом, магическая сила имеет свои параметры: она воспринимается как тяжесть и как жар и временами требует выхода.

Основные признаки психофизиологического состояния колдуна во время отправления магических практик — дрожь, беспокойство, ощущение жара. Колдун во время проведения обряда может потерять сознание: в Радзивилловской летописи XV в. «кудесник же лежаще оцепенев и шибе им бес» [Словарь XI–XVII 14: 91]. Оцепенеть — очень емкое понятие: его значения в словаре В.И. Даля: «Приходить в бесчувствие, замирать, остывать, леденеть, твердеть внезапно» [Даль 2: стлб. 2014], это признаки мертвого. Затем колдун бьется в судорогах, его охватывает дрожь. С. Широкогоров и другие исследователи рассматривают дрожь как симптом шаманского избраннычества и его квалификации, а также как показатель вселения духов [Широкогоров 1919; Матроматеи 2001].

С.В. Максимов приводит описание обряда отыскания вора и наведения на него порчи. Колдун смотрит в горшок с водой, в это время его корчит, сводит судорогой, он испытывает дрожь: «Начало его корчить и передергивать... А вода та в горшке так и ходит, так и плещет, а ему харю так и косит» [Максимов 1994: 102]. И далее: во время проведения вредоносной акции: «Колдун тем временем ну шипеть, ну реветь, зубами, как волк, скрежещет. А рыло-то страшное. Глаза кровью налились» [Там же]. Корчить — сводить судорогами, в памятниках древнерусской литературы это состояние обозначает вселение злого духа: «Дух же лукавый не малу ей пакость творяше; овогда же корчаша жилы ея и лице ея назадь обращаеше» [Словарь XI–XVII 7: 350]. Нет свидетельств о том, что помощником колдуна является волк. Вместе с тем возможно, это следы ранних представлений о помощнике-волке. В.Я. Пропп отмечал, что неопит наде-

ляется способностью превращаться именно в то животное, которое служит ему помощником [Пропп 1986], а, как известно, колдун чаще всего превращается в волка.

Во время отправления магических практик у колдуньи идет пена из рта, ее бьет дрожь, у нее безумные глаза, она на время теряет сознание и падает: «Она повернулась: вся раскосмачена стоит, волосы распустила и таки бешены глаза у нее — ой-е-ей! Ну, она ково там — я не знаю, че она делала там. Бешены таки глаза. Ну, она — раз! раз! — ково-то по избе круга три дала, как-то пена из рта пошла. У-ю-юй! Но она че? Я, не знаю че. Может, колдовала че ли... Я тут ворвался и помешал, может. И вот я не могу уйти и все... И вот она ходила-ходила, потом упала, старуха-то. Я думаю: “Ну, померла, все, меня час повяжут за эту старуху”. Упала, минут пять полежала где-то, раз! — встала. Потом нормально все. Сходила, помылась, волосы подобрала» [Зиновьев 1987: № 237].

По народным представлениям, нечистая сила, которая летала в женщине в виде огненного змея, могла заставить стать ее ведьмой. Так, в Новгородской области бытовали рассказы о том, как тоскующая по отсутствующему или умершему мужу женщина вступала в связь с огненным змеем (здесь его называют «носак»). Он начинал носить ей молоко и деньги, которые воровал у соседей [Щепанская 2005: 623]. В одной из деревень Пошехонского у. Ярославской губ. змей навещает «пожилую девицу», которая становится богатой колдуньей [Русские крестьяне 2006: 197].

Эти факты напоминают сексуальное избранничество духов у шаманов [Штернберг 1936]. Но и здесь, как справедливо отмечает Е.С. Новик, анализируя становление шамана, отбор производился самим коллективом, а «поведение неофита во многом навязывалось соответствующими социальными нормами и обычаям» [Новик 1984: 197]. Женщина, жизнь которой не соответствовала общепринятым нормам (старая дева, вдова или женщина, у которой временно отсутствовал муж), по народным представлениям, могла стать колдуньей.

Зафиксированы достаточно редкие указания на то, что колдун меняет пол. Вероятно, это происходит в результате прохождения об-

ряда посвящения. В сборнике О.А. Черепановой приведена быличка, в которой мужчина-колдун наделен некоторыми физическими признаками женщины. Он носил женскую одежду, выполнял некоторые не свойственные мужчинам обязанности (например, доил корову) и проводил свободное время в женском коллективе: «Его звали Олядева. Голос-то у него был женский. Так он платок оденя и пел с женщинами. Может и спортить, и наладить» [Мифологические рассказы 1997: № 296]. Прояснить этот вопрос может исследование мифологического персонажа — икоты, который выступает в роли помощника колдуна и вселяется в женщин. Обычно в женщину вселяется икота мужского пола, она имеет мужское имя, заставляет больную надевать мужскую одежду, поведение больной становится соответствующим мужскому стереотипу.

Основная характеристика колдуна в русских представлениях — злой. Колдуны вынужденно злы, они заложники своих помощников. С одной стороны, помощники помогают осуществить их призывания — стремление к власти над природой, людьми, к богатству. С другой стороны, колдуны обязаны постоянно давать работу своим помощникам — наводить порчу, иначе они будут причинять вред им самим, без этого их сила может иссякнуть.

Библиография

Богданович А.Е. Остатки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895.

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь, 1991.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1912.

Добровольская В.Е. Народные представления о колдунах в сказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.

Логинов К.К. Колдуны Заонежья: истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. III Международная конференция «Рябининские чтения». Петрозаводск, 2000.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998.

Мастроматеи Р. Дрожь как признак шаманского признания и квалификации // Материалы Международного конгресса. Шаманизм и иные традиционные верования и практики. М., 2001.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комм. О.А. Черепанова. СПб., 1996.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987.

Никитина Н.А. *К вопросу о русских колдунах* // Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб., 1994.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. (Опыт сопоставления структур) / Отв. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Наука, 1984.

Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Сост. В.П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. Пошехонский уезд. СПб.: Изд-во «Деловая типография», 2006.

Русский демонологический словарь / Сост. Т.А. Новичкова. СПб., 1995. Словарь русского языка XI–XVII.

Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: Индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология 1986–1987. М., 1989.

Топоров В.Н. Об одной индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской культуры: Заговор. М., 1993.

Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 2.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 2008.

Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета. Владивосток, 1919. Вып. 1.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Щепанская Т.Б. Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001.

Щепанская Т.Б. Сожительство с животным // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. М., 2005.

Эванс-Причард Э.Э. Колдовство, оракулы и магия у азанде // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М., 1994.

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999.

Источники

АМАЭ. Ф. 1. Оп. 2. № 1644. Архангельская обл. Пинежский р-н. — Полевые материалы автора.

ШТЕРНБЕРГ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

А.А. Бурыкин

**Этногенез нивхов, межэтнические связи
в Приамурско-Сахалинском регионе
и проблема генетической принадлежности
нивхского языка**

Нивхский язык стал предметом изучения отечественных ученых несколько позже, чем другие языки Северо-Востока Азии и Дальнего Востока. Первые публикации, посвященные этому языку, относятся ко второй половине XIX в., и Л.Я. Штернберг с полным правом может считаться одним из пионеров в изучении этого весьма любопытного во многих отношениях языка, столь непохожего на языки соседей, особенно если смотреть на языковую картину в Приамурье и на Сахалине с Запада, а не с Востока.

С начала 1890-х годов Л.Я. Штернберг вел исследования в области этнографии, фольклора и языков народов Приамурья и Сахалина. Нет ничего удивительного в том, что его интересовали прежде всего материалы по лексике языков народов, которые он изучал, поскольку она отражает как материальную и духовную культуру народа, говорящего на данном языке, так и межэтнические связи, проявляющиеся в контактирующих языках. Хорошо известно, какой научный и общественный резонанс вызвали открытия Л.Я. Штернберга в области терминологии родства и социального устройства нивхов СР вместе с особенностями СТР [Штернберг 1893]. Этнографические публикации Л.Я. Штернберга заметил Ф. Энгельс и отозвался на них статьей, которая позже публиковалась в приложении к его трудам и изучалась вместе с ними на родине ученого [Энгельс 1893: 377–378].

Л.Я. Штернберг внес выдающийся вклад в изучение нивхского языка и фольклора прежде всего как собиратель текстов. Его труд «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора» до сих пор не превзойден ни по количеству материала, ни по его качеству. Только недавно мы получили возможность сравнивать вклад Л.Я. Штернберга с тем, что в этой области сделали его современники (Б.О. Пилсудский) и последователи (Г.А. Отаина). Все прочие публикации по фольклору нивхов сильно проигрывают тому, что сделал Штернберг, и в объеме, и в качестве публикаций.

Будучи крупнейшим теоретиком этнографии и разносторонним исследователем культуры народов Приамурья и Сахалина, Л.Я. Штернберг не слишком много внимания уделял проблемам этногенеза, эти вопросы в его трудах обычно увязывались с конкретикой. Однако его статья «Айнская проблема» не только является образцом этногенетических изысканий ученого, но и показывает, насколько он был внимателен к вопросам языковых и этнокультурных связей изучаемых им народов. В этой статье, кажется, впервые после Айнско-русского словаря М.М. Добротворского (1875–1876), где были отмечены гиляцкие слова в айнском языке и некоторые культурные термины, был поставлен вопрос об объеме и характере нивхско-айнских языковых связей. Заметим, что данная тема исключительно долго, вплоть до настоящего времени, оставалась без внимания, отчасти из-за того, что айнский язык мало интересовал отечественных лингвистов, кроме того, их занимали в основном вопросы грамматики и типологии, но не лексики.

Вот что писал Л.Я. Штернберг о перспективах изучения этногенеза нивхов: «Естественнее всего напрашивается мысль о племенном родстве гиляков либо с айнами, либо с их тунгусскими соседями. Наружное сходство в значительной степени как будто подтверждает эту мысль. Но мы увидим далее, что физиономическая близость этих племен ничего общего не имеет с единством их происхождения, между тем самый важный и б<ыть> м<ожет> единственный признак племенной общности, язык, дает в этом случае категорическое отрицательное показание. Язык гиляков не имеет ничего общего ни по своему строю и фонетике, ни по грамматическому строю с языками соседних племен; да и на всем материке Азии мы не знаем пока ни одного языка, который мог бы претендовать на близость его с гиляцким» [Штернберг 1905: 2].

Эта же мысль повторяется по существу до сих пор. Ч.М. Таксами, в частности, пишет: «Первая научно обоснованная гипотеза о происхождении нивхов была высказана Л.И. Шренком в середине XIX в. Он обратил внимание на изолированное положение нивхского языка: “Гиляки по языку не состоят ни в каком родстве ни со своими соседями, айнами или тунгусскими племенами, ни с каким-либо из народов Сибири, Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки” [Шренк 1883: 216, 257]» [Таксами 1980: 197].

Материальная и структурная специфика нивхского языка по отношению к другим языкам народов северо-востока Азии сразу же поставили его в изолированное положение, что и привело к тому, что нивхский язык до сих пор числится среди «палеоазиатских» языков. Тем не менее уже самые первые исследователи этого языка, в частности автор первого объемного нивхского глоссария В. Грубее, отметили в этом языке несколько десятков слов, в основном культурных терминов, совпадающих со словами тунгусо-маньчжурских языков Приамурья (лучше других к этому времени был изучен нанайский) и маньчжурского языка. Эта работа определила на грядущие десятилетия интерес ученых-тунгусо-маньчжуроведов к нивхскому языку. Лексические сходжения нивхского языка и тунгусо-маньчжурских языков, в основном по имевшейся литературе, отмечаются в «Тунгусском словаре» С.М. Широкогорова, этими вопросами активно интересовалась на протяжении всей своей жизни В.И. Цинциус, ученица Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза., а также А.М. Золотарев.

Описание звукового и грамматического строя нивхского языка, а также и изучение лексического состава этого языка были продолжены одним из прямых учеников Л.Я. Штернберга — Е.А. Крейновичем. Им был подготовлен систематический очерк грамматического строя этого языка, а в 1937 г. вышла в свет «Фонетика нивхского языка» — книга знаковая, написанная в содружестве с фонетистами, давшая исчерпывающее описание звукового строя языка. Среди прочего она интересна и тем, что в ней, хотя она посвящена другим проблемам, приводятся некоторые нивхско-тунгусо-маньчжурские соответствия.

Позже, в 1955 г., Е.А. Крейнович опубликовал специальную работу, в которой дал обобщение нивхско-тунгусо-маньчжурских лексических параллелей, и она стала надолго основанием для оценки характера нивхско-тунгусо-маньчжурских языковых связей именно как контактных, ареальных. Она и ныне не утратила своего значения, хотя бы потому, что в ней приводятся такие нивхские примеры, которые не вошли в появившиеся позднее словари нивхского языка. В более поздней публикации Е.А. Крейнович привел несколько десятков лексических параллелей нивхского языка с чукотско-камчатскими языками.

Работы Е.А. Крейновича, а также активное развитие сравнительно-исторического изучения алтайских языков вызвали к жизни гипотезу о принадлежности нивхского языка к алтайской языковой семье. Эта гипотеза изложена в ряде работ Т.А. Бертагаева и В.З. Панфилова. Определенным недостатком их является то, что они основаны по преимуществу на уже известном материале и, по существу, не содержат оснований для каких-либо модификаций реконструкции архаического состояния нивхского языка или каких-то групп алтайских языков.

Активизация исследований в области сравнительного тунгусо-маньчжуроведения (где оказалось крайне трудно сказать что-то новое), необходимость совершенствовать сравнительно-историческую фонетику и лексику алтайских языков вкупе с нерешенностью нивхской проблемы и осознанием ценности нивхского материала для сравнительного тунгусо-маньчжуроведения заставили автора обратить внимание на нивхско-тунгусо-маньчжурские параллели в работах Е.А. Крейновича, потом — всех предшественников и современников.

Долгое время считалось, что первая и в течение длительного времени единственная работа, специально посвященная ареальным связям нивхского языка, в частности нивхско-тунгусо-маньчжурским связям, принадлежит Е.А. Крейновичу [Крейнович 1955]. Однако, как показывает изучение истории вопроса, тот же Е.А. Крейнович отмечал наличие тунгусских параллелей у нивхских слов еще в своих работах 1930-х годов [Крейнович 1934; Крейнович 1937]. Более того, работы Е.А. Крейновича дали в распоряжение тунгусо-маньчжуроведов материал для сравнения нивхских слов со словами тунгусо-маньчжурских языков.

В дальнейшем такими связями занималась В.И. Цинциус, она отмечала нивхско-тунгусо-маньчжурские параллели и параллели в лексике нивхского и других алтайских языков [Сравнительный словарь 1975–1977] и посвятила небольшую, не слишком хорошо известную, но довольно важную работу проблематике нивхско-алтайских языковых связей [Цинциус 1974: 1983]. Позднее на лексические параллели между тунгусо-маньчжурскими языками и нивхским языком обращали внимание этнографы, занимавшиеся материальной и духовной культурой народов Приамурья и Сахалина (например, [Смоляк 1975;

1984)), однако их наблюдения не могли решить вопрос о причинах общности происхождения культурной терминологии в этих языках.

С начала 1970-х годов появляются публикации Т.А. Бертагаева и В.З. Панфилова [Бертагаев, Панфилов 1972; Панфилов 1973], в которых, кажется, впервые поднимается вопрос о том, что нивхский язык может принадлежать к алтайским языкам. Эти работы, в особенности статья В.З. Панфилова [Панфилов 1973], играют важную роль в истории изучения проблемы прежде всего ее верным пониманием. Недостатком статьи В.З. Панфилова, как понятно сейчас, является привлечение сравниваемых слов по сходству без внимания к реконструкции, а также то, что в этой работе большая часть материала повторяет наблюдения Е.А. Крейновича, которые привели последнего к другому выводу — о контактных связях нивхского и тунгусо-маньчжурских языков.

С середины 1980-х годов проблема генетических связей нивхского языка, в первую очередь — отношения нивхского языка к алтайским языкам, составляет предмет внимания автора настоящей работы. После анализа нивхско-тунгусо-маньчжурских параллелей, представленных в программной статье Е.А. Крейновича и его других работах, в материалах «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков», стало понятно, что все нивхско-тунгусо-маньчжурские лексические изоглоссы делятся на четыре группы:

1) параллели не вполне ясного происхождения (например, термины родства), которые могут свидетельствовать как об общности происхождения языков, так и о контактных связях;

2) очевидные заимствования из тунгусо-маньчжурских языков в нивхский язык: в основном это заимствования из языков Приамурья; иногда из маньчжурского языка при отсутствии похожих слов в других алтайских языках;

3) культурные термины не тунгусо-маньчжурского происхождения, заимствованные в нивхский язык при посредстве тунгусо-маньчжурских языков;

4) очевидные или вероятные заимствования из нивхского языка в тунгусо-маньчжурские языки.

Приведем некоторые культурные термины, проникшие из тунгусо-маньчжурских языков или через их посредство в нивхский язык и из нивхского — в айнский язык:

Нивх. *андх*, *антх* ‘гость’, айн Д16 *анта* ‘друг’ из нивх — эвенк. и др. т.-ма. *анда* ‘друг’ См.: [Крейнович 1934: 183; Крейнович 1955: 158; Цинциус 1983: 94].

Нивх. *к»'а* сталь — уд., ульч., нан., ма. ср. нан *га(н)* сталь ([ТМС 1: 139аб] — с монгольскими параллелями, но без нивхского). [Крейнович 1955: 163].

Нивх. *орнг* ‘корыто’, айн. Д235 *отока* ‘корыто для рубки пищи’ — уд. *ото*, ульч., нан *отон*, ма *отон*. Ср.: [Крейнович 1955: 159].

Нивх. *ова*, ВС офанг ‘мука’, айн. Д215 *обба* ‘мука’ — ульч. упан, нан. опа, ма. *уфа* ‘мука’ > нивх. Сюда же эвенк. *о:ва:дитэми*: тесто [ТМС 2: 46]. См.: [Grube 1892: 50; Крейнович 1955: 159].

Нивх. *сета* ‘сахар’, айн. Д282 *садо* ‘сахар’. — ма. *шатан* ‘сахар’, Ср.: [Grube 1892: 976; Крейнович 1934: 183; Крейнович 1937: 54; Крейнович 1955: 163; Панфилов 1973: 8]: нивх ~ нан.

Нивх. *х»аза*, ВС *х»асанг* ‘ножницы’, — нег, орооч., уд, ульч., орок., нан. *хаза* ‘ножницы’ [ТМС 1: 4576–458а] — т.-ма. ~ нивх., при отсутствии данного слова в маньчжурском. См.: [Grube 1892: 64а; Крейнович 1934: 183; Крейнович 1937: 54; Крейнович 1955: 165; Бертагаев, Панфилов 1972: 5]: нивх. ~ монг.; [Панфилов 1973: 8]: нивх. ~ т.-ма. ~ мо.

Нивх. *ч'афк* ‘палочки для еды’ — айн Д285 *сахка* ‘палочки для еды’. Ср. солонск. *сарпа* (< дагурск. — А.Б.), нег. *санки*. орооч. *санпун*, уд. *сафузу*, ульч. *салбу*, орок. *сабу*, нан. *сарби* (< дагурск. — А.Б.), *санки*, ма *сабка* + монг. *савх* ‘палочки для еды’ [ТМС 2: 666–67а] без нивх. См.: [Крейнович 1937: 53]: нивх. ~ уд. [Крейнович 1955: 163]: нивх. < уд., нан., ульч., ма.

Нивх. *ылч*’, ВС *алч*’ ‘раб’ — айн. Д379 усю ‘раб, слуга’. Ср. нег. *олчи*, *элчи*, орооч. *экчи*, орок. *элчу*, *элту*, ульч. *элчу*, нан. *элчи* слуга, работник, раб [ТМС 2: 991б], ма. *олзи* пленник, военная добыча [ТМС 2: 13б]. См.: [Золотарев 1939: 195] ульч. ~ ма. ~ нивх. [Крейнович 1955: 159]: нивх. < нан., ма., [Цинциус 1983: 95].

Анализ фонетических соответствий между нивхскими и тунгусо-маньчжурскими словами позволил установить неоднородный характер этих соответствий, что само по себе было ожидаемым для фактов заимствований. Однако предположения о заимствованиях какой-то лексики из тунгусо-маньчжурских языков в нивхский язык ставили вопрос о конкретном языке-источнике тех или иных заимствований

(ульчский, нанайский, маньчжурский и т.д.) либо об определенном состоянии тунгусо-маньчжурских языков на тот период, когда такие заимствования могли иметь место, например для общетунгусского состояния.

Но здесь начали вскрываться непонятные на первый взгляд факты. Многие нивхско-тунгусо-маньчжурские параллели стали соответствовать фактам «никакого» тунгусо-маньчжурского языка — языка с такими чертами, которые в своей комбинации не были свойственны ни одному из тунгусо-маньчжурских языков. Это было особенно выразительно тогда, когда нивхские формы почему-то сочетали в себе черты северно-тунгусских (эвенкийского, негидальского) и южно-тунгусских языков (ульчского, нанайского). Неоднородность соответствий наводила на мысль о разных источниках заимствований.

Нивх. *нгыһ,с*, **ВС** *нгаһ,зыри* ‘зуб’ ~ **эвенк.** и:ктэ зуб; **сол.** и:ттэ зуб, **эвен.** и:т зуб, **нег.** и:ктэ (икта *Шт.*) зуб; **ороч.** иктэ зуб; **уд.** иктэ зуб; **ульч.** иктэ зуб; **орок.** иктэ зуб; **нан.** хуктэ *Их* (икээ *К-У*, хуктэ-лэ *Бк*) 1) зуб; **ма.** вэйхэ зуб; клык, бивень; **чж.** wei-hei зуб. [ТМС 1: 300аб].

Нивх. *нгыки*, **ВС** *нгаки* ‘хвост’ — **эвенк.** ирги хвост, **сол.** игги~ирги хвост, **эвси.** иргэ хвост; **нег.** ийги, идги хвост; **ороч.** игги хвост, **уд.** иги хвост, **ульч.** хузу хвост; **орок.** худу хвост, **нан.** хужу хвост, **ма.** унчэхин ~ унчэхэн хвост [ТМС 1: 325а].

Нивх *ынги*, **ВС** *анги* ‘пятка’ — **эвенк.** нги:нти пятка; **сол.** нинтэ пятка. **эвен.** нгингтэ пятка, пяточная кость; каблук, **нег.** Нинти — ницти пятка, **ороч.** цинги пятка, **уд.** нгингти пятка, **ульч.** уцгти пятка; каблук, **орок.** укт’и ~ укчи пятка; задняя часть обуви, задник. **нан.** унгчи) пятка; каблук., + нивх. [ТМС 1: 662а].

Нивх. *һилх* ‘язык’ — **эвенк.** инги анат. язык; **сол.** инги анат. язык, **эвен.** иеннгэ анат. язык; **нег.** ин’ни~ин’нги, ини *Шт* анат. язык; **ороч.** инги~анат. язык, **уд.** инги анат. язык; **ульч.** син’у анат. язык, **орок.** сингу анат. язык, **нан.** сингму ~ сирму анат. язык, **ма.** илэнггу анат. язык; **чж.** yih-leng-ku язык. [ТМС 1: 316б–317а].

Все нивхские формы, приведенные в сравнении с тунгусо-маньчжурскими словами, не выводимы из форм отдельных тунгусо-маньчжурских языков, но они полностью соответствуют представ-

лениям о возможном развитии пратунгусо-маньчжурских форм в нивхском языке, если признавать его одним из языков тунгусо-маньчжурской группы.

Одновременно с этими наблюдениями умножившееся число нивхско-тунгусо-маньчжурских изолексов стало давать основания для проверки их по материалам нивхских диалектов, прежде всего амурского и восточно-сахалинского. Эти факты — в сочетании с данными отдельных тунгусо-маньчжурских языков разных групп с учетом их различий — позволили нам осуществить в основных чертах реконструкцию архаического состояния нивхского языка в системе гласных [Бурыкин 1987б; 1989а]. В этой области наиболее существенными оказались такие закономерности:

1. На месте соответствия амурского *ы* ~ восточно-сахалинского *а*, где Е.А. Крейнович видел архаику восточно-сахалинского, восстанавливаются гласные *и* или, несколько реже, *э*, соответствующие аналогичным гласным тунгусо-маньчжурских языков.

2. Одновременно с этим на месте нивхского гласного *и*, характерного для обоих диалектов, восстанавливаются дифтонгоидные гласные *иа* или *иэ*, точно соответствующие аналогичным гласным тунгусо-маньчжурских языков и являющиеся эксклюзивной особенностью тунгусо-маньчжурских языков в сравнении с другими алтайскими языками.

3. Для нивхского языка характерной особенностью оказывается утрата начального гласного в словах, некогда начинавшихся с гласного.

В области консонантизма открылась возможность проецировать такие морфонологические особенности нивхского языка, как чередования начальных согласных, на исторические изменения согласных внутри слова в нивхском языке и упрощения групп согласных внутри слова [Бурыкин 1987а]. Здесь оказываются значимыми три простых правила:

1. Интервокальные смычные в нивхском языке, если они унаследованы из архаического состояния, переходят в щелевые.

2. Интервокальные смычные в нивхском языке, наблюдаемые ныне, восходят к сочетаниям «сонант + смычный».

3. Сочетания согласных в словах нивхского языка образуются за счет синкопы гласных не первых слогов.

Наличие в нивхском языке множества общих признаков, сближающих его архаическое состояние с тунгусо-маньчжурскими языками, в том числе проявление в нивхском языке черт, свойственных лишь тунгусо-маньчжурским языкам, а также присутствие в нивхском языке эксклюзивных комбинаций признаков, свойственных разным тунгусо-маньчжурским языкам, позволило сделать неожиданный вывод. Нивхский язык входит в алтайскую семью не как самостоятельная ветвь, он является одним из представителей тунгусо-маньчжурских языков, очевидно, ранее других отделившимся от остальной массы языков.

Данное заключение подтверждено результатами анализа 100-словного списка нивхского языка и основных тунгусо-маньчжурских языков [Бурыкин 1988]. Проверка реконструкции архаического состояния нивхского языка на материале культурных терминов (названий металлов и нивхского названия кремня) позволила прийти к выводу, что все названия металлов, в том числе обозначения кремня (для огня), в нивхском языке являются одновременными заимствованиями, имеющими разные источники [Бурыкин 2005]. Существенная реконструкция обладает достаточной объяснительной силой для идентификации, стратификации и ареальной дифференциации иноязычных и исконных элементов в нивхском языке.

Этому заключению не противоречат и данные грамматики: морфология нивхского языка давала и дает основания сравнивать именные парадигмы (число, падеж) нивхского языка с тунгусо-маньчжурскими языками в целом, а структура глагола (при отсутствии форм спряжения) оказывается сходной с маньчжурской. Помимо грамматики, достаточно много параллелей имеется и в словообразовании нивхского и тунгусо-маньчжурских языков [Бурыкин 1988бв; 1989б].

Обобщение нивхско-тунгусо-маньчжурских параллелей, выявление неочевидных нивхско-монгольских лексических параллелей, анализ разнообразных нивхско-корейских параллелей и присутствие в материале изолированных нивхско-тюркских параллелей точечных диспаратных нивхско-японских параллелей, которые никак не могут быть признаны заимствованиями, выдвинуло на первый план поиски интерпретации того массива нивхской лексики, который считался исконным для языка в статусе изолята.

Как известно, помимо рассмотренных выше нивхско-алтайских и нивхско-тунгусо-маньчжурских генетических и ареальных связей, делались отдельные наблюдения над нивхско-чукотско-камчатскими лексическими схождениями [Крейнович 1979]. Однако как ограниченное количество, так и большое внешнее сходство собранных примеров (даже на значительно большем объеме материала [Мудрак 2000]) говорят о том, что такие лексические совпадения являются следствием заимствований. Можно с уверенностью говорить — заимствований из чукотско-камчатских языков, некогда распространенных в Приамурье и в охотоморском ареале, в нивхский язык.

Между тем в нивхском языке выявляется около 200 заимствований из айнского языка, и как раз этот массив лексики и создает иллюзию специфики и «эксклюзивности» словарного состава языка, так похожего на изолят. Считалось, что амурский диалект нивхского языка испытал влияние тунгусо-маньчжурских языков, в то время как восточно-сахалинский диалект лучше сохранил исконную лексику [Таксами 1980: 205]. В самом деле, если нивх. Ам. *мулк* 'чумашка' признавалось тунгусо-маньчжурским заимствованием благодаря сходству с названиями плетеных изделий в тунгусо-маньчжурских языках, нивх. ВС *тык* 'чумашка' оказалось заимствованным из айнского языка, ср. айн. *tekka*, *tekko* 'a hand basket', причем факт заимствования данного слова куда более очевиден, нежели предположение о заимствовании нивх. Ам. *мулк* из тунгусо-маньчжурских языков.

Все сказанное здесь о реконструкции архаического состояния нивхского языка и истории его словарного состава заставляет вспомнить то, что писал об этногенезе и этнической истории нивхов в конце 1950-х годов М.Г. Левин (во многом повторяя то, что было высказано в начале XX в. Л.Я. Штернбергом). По М.Г. Левину, нивхи могли рассматриваться по этнографическим и антропологическим данным как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами. Но такому утверждению (повторяю, во второй половине 1950-х годов! — А.Б.) категорически препятствовали данные языка [Левин 1958: 340–341]. В наше время как раз данные языка более чем выразительно указывают именно на то, что нивхский язык является в своей основе тунгусо-маньчжурским, что в своем развитии он испытал заметное влияние палеоазиатских языков, некогда распро-

страненных в Нижнем Приамурье и Охотоморском бассейне, и подвергся довольно сильному влиянию айнского языка, который и оказал влияние на появление в нивхском языке префиксальных форм, на формирование системы чередований начальных согласных и развитие сложной системы выражения пространственных отношений.

Библиография

Бертагаев Т.А., Панфилов В.З. Нивхско-монголо-тюркские связи // Проблемы алтаистики и монголоведения (тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции). Элиста, 1972. С. 5–6.

Бурыкин А.А. Происхождение чередований начальных согласных в нивхском языке // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987. С. 185–190.

Бурыкин А.А. Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма // Лингвистические исследования 1987. Общие и специальные вопросы языковой типологии. М., 1987. С. 46–54.

Бурыкин А.А. Эскимосско-алеутские субстратные элементы в лексике языков Охотского побережья // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. Т. II. Языкознание, литературоведение. М., 1987. С. 26–29.

Бурыкин А.А. Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера. Л., 1988. С. 136–150.

Бурыкин А.А. Фрагменты сравнительно-исторической грамматики нивхского языка. I. Местоимения // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР. Языкознание. М., 1988. С. 20–23.

Бурыкин А.А. Фрагменты сравнительно-исторической грамматики нивхского языка. II. Словообразовательные и словоизменительные суффиксы // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР. Языкознание. М., 1988. С. 23–25.

Бурыкин А.А. Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма. II // Лингвистические исследования 1989. Структура языка и его эволюция. М., 1989. С. 45–49.

Бурыкин А.А. Фрагменты сравнительно-исторической грамматики нивхского языка. III // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. II. Языкознание. М., 1989. С. 200–202.

Бурыкин А.А. Названия металлов в нивхском языке // Кюнеровские чтения (2001–2004): Краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 177–185.

Добровольский М.М. Аинско-русский словарь. Казань, 1875.

Крейнович Е.А. Нивхский (гиляцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1934. Вып. III. С. 181–222.

Крейнович Е.А. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. Л., 1937.

Крейнович Е.А. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, 1955. № 8. С. 135–167.

Крейнович Е.А. Из истории заселения Охотского побережья (по данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. М., 1979. Вып. XX. С. 186–201.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

Мудрак О.А. Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 133–148.

Панфилов В.З. Нивхско-алтайские языковые связи // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 3–12.

Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М., 1984.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975; 1977.

Цинциус В.И. О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса — является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. Тезисы докладов. М., 1974. С. 82–85.

Цинциус В.И. О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса — является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983. С. 92–102.

Штернберг Л.Я. Гиляки. СПб., 1905.

Штернберг Л.Я. Айнская проблема // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. VIII. С. 334–374.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Вяз.С. Кулешов

Наследие Л.Я. Штернберга и спорные вопросы нивхской грамматики

Л.Я. Штернберг был не только одним из основоположников (вместе с Л.И. Шренком) этнографического нивховедения, но и наряду с Н. Зеландом (автором маленькой заметки и словарика [Зеланд 1886]) зачинателем отечественной традиции нивхской филологии. Перу Штернберга принадлежат сохранившие огромное документальное значение первые академические публикации нивхских текстов [Штернберг 1900; 1908], включающие многочисленные лингвистические комментарии и наблюдения, а также доклад [Sternberg 1906], в котором впервые представлена гипотеза о возможной близости нивхского языка языкам аборигенного населения Северной Америки, базирующая на выделении черт *инкорпорации* в нивхском морфосинтаксисе.

Неопубликованными пока остаются бесценные лексикографические материалы и рукописная грамматика ученого. Как указывает Е.Ю. Груздева, содержание последней «дает возможность понять, каким широким кругом лингвистических проблем занимался Штернберг, представить себе взгляды ученого на грамматический строй нивхского языка и по достоинству оценить его вклад в исследование» [Груздева 2003: 187].

Дальнейшее развитие нивхского языкознания в России связано с именами Е.А. Крейновича, преданного ученика и выдающегося продолжателя начинаний Штернберга в области нивхской этнографии, филологии и культурного строительства (его подвижническую работу 1920–1930-х годах трагически оборвали первый арест и ссылка), и В.З. Панфилова, ученого совершенно другого склада, но столь же глубоко интересовавшегося нивхским языком [Панфилов 1962; 1965]. Благодаря содержательным работам Панфилова, выполненным в перспективе общего языкознания, типологии и семантики грамматических категорий, логики и эпистемологии языка [Панфилов 1963 (б); 1971; 1977; 1982], лингвистическое нивховедение заняло достойное место в советском языкознании и приблизилось к мировому уровню науки о языке. Последняя оценка не является общепринятой в связи с хорошо известными идеологическими обстоятельствами развития советской лингвистики; обоснование спра-

ведливости этой оценки, связанное со специальным анализом достижений В.З. Панфилова, здесь опускается.

Как ключевое явление следует оценить продолжительную дискуссию Е.А. Крейновича и В.З. Панфилова на страницах «Вопросов языкознания» 1950–1960-х годов по наиболее острым и актуальным проблемам нивхской грамматики [Панфилов 1954; 1958; Крейнович 1958; Панфилов 1960; 1963 (а); Крейнович 1966], постановка которых восходит к Л.Я. Штернбергу. Что же это за проблемы?

В области морфологии наибольший интерес всегда вызывал вопрос о статусе нивхских «мутаций»-сандхи, создавших нивхскому языку славу «дальневосточного кельтского»; впервые о них в типологической перспективе заговорил Н.В. Юшманов (его рукописные заметки были опубликованы лишь посмертно [Юшманов 1972]). В области морфосинтаксиса — вопрос о наличии / отсутствии в нивхском языке инкорпорации северо-американского типа, тесно связанный, с одной стороны, с вопросом о границах нивхской словоформы в ее противопоставлении морфеме и словосочетанию, а с другой — с проблемой возможных генетических связей нивхского языка на американском континенте. Наконец, в области именной и частеречной классификации большое внимание было уделено наличию в нивхском языке системы из 26 серий числительных, употребляющихся с именами «своих» нумеративных классов.

Л.Я. Штернберг отмечал, что «гиляцкие согласные <...> отличаются необычайной подвижностью, выражающейся в крайне легкой замене одних звуков другими, часто самыми отдаленными по физиологическому родству. Чаще всего эти замены зависят от комбинаторных причин, которых в этом языке особенно много, так как положение согласных изменяется не только под влиянием словообразований, но и от обыкновения сливать в связной речи целый ряд слов в одно слитно произносимое выражение» [Штернберг 1900: 396].

Автор, таким образом, связывал «мутации» согласных (четкие правила которых он, тем не менее, определить не смог) с фонетическим / фонологическим контекстом, словообразованием и «слитным произношением» того, что впоследствии будут называть инкорпоративным комплексом или словокомплексом. Контексты (стык прямого дополнения и переходного глагола; стык определения и определяемого) и правила чередований согласных в нивхских сандхи были полностью описаны лишь Е.А. Крейновичем [Крейнович 1937], ква-

лифицировавшим их как в целом фонетическое / фонологическое явление. В настоящее время фонологическую трактовку «мутаций» защищает Сираиси Хидетоси [Shiraishi 2006]. Все же, несмотря на сильную корреляцию с левым фонологическим контекстом, нивхские сандхи — явление не фонологического, а морфонологического уровня. Выбор типа чередования в анлауте правой морфемы определяется левой морфемой, а именно ее признаком «морфонологический класс», принимающим одно из трех значений, которые на уровне пранивхской реконструкции соответствуют шумному, гласному и носовому ауслауту [Кулешов 2010].

Гипотеза о наличии в нивхском языке инкорпорации, признаки которой были отмечены Л.Я. Штернбергом [1900: 433], защищалась Е.А. Крейновичем (при этом они не употребляли термин *инкорпорация*), но была подвергнута решительной критике В.З. Панфиловым [1954; 1960], справедливо указавшим на зависимость трактовки *инкорпорации* от определения границ словоформы. Конечно, всегда есть возможность так определить инкорпорацию [Мельчук 2001: 127], что нивхский материал не создаст диссонанса (см. нивхские примеры: [Мельчук 2001: 128]). Но поскольку, по Э. Сепиру, «суть инкорпорации состоит в том, что синтаксические отношения между глаголом-сказуемым и его дополнением выражаются морфологически» [Мельчук 2001: 133], это выводит нас на самое пограничье морфологии и синтаксиса, которые в нивхском языке противопоставлены весьма нечетко.

Дело в том, что нивхский язык являет собой пример переходной системы — исходно аналитической, но почти полностью «спрессовавшейся» до агглютинативной (что соответствует общей динамике перехода от пранивхского к нивхскому на фонетическом уровне (см.: [Кулешов 2011: 197–198])). В этой системе мы наблюдаем не только «старый синтаксис» в обличье «современной морфологии», но и, по-видимому, такие ритмо-синтаксические единицы, которые могут являться диахронически исходными для формирования словоформ любых структурных типов. На мой взгляд, есть смысл говорить не столько о внешних границах словоформ и внутренних границах инкорпоративных комплексов, сколько о позициях синтаксически обязательных речевых пауз (после первого актанта, сирконстанта и любого предиката) и позициях синтаксически значимого запрета на паузу (после определения и второго актанта).

Сложная система серий числительных, описание которой было намечено Л.Я. Штернбергом [Штернберг 1900: 409–410], полностью исследована Е.А. Крейновичем и В.З. Панфиловым [Крейнович 1932; Панфилов 1953]. Несмотря на свою удивительность и типологическую исключительность, ее происхождение вполне прозрачно: формы числительных от 1 до 10 в каждой из 26 серий развились из старых словосочетаний «числительное + нумератив». Существование в пранивхском подсистемы нумеративов / именных классификаторов, аналогичной имеющимся во многих языках Восточной и Юго-Восточной Азии, является весомым аргументом в пользу гипотезы о южных языковых связях предков нивхов — носителей пранивхского языка.

Библиография

Груздева Е. Ю. Л.Я. Штернберг о грамматике нивхского языка: по материалам неопубликованной рукописи, подготовленной Е.А. Крейновичем // Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века. Южно-Сахалинск, 2003.

Зеланд Н. Заметка о гиляцком языке. Словарь гиляцкого языка // Тр. Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. VII. М., 1886.

Крейнович Е.А. Гиляцкие числительные. Л., 1932.

Крейнович Е. А. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. М.; Л., 1937.

Крейнович Е. А. Об инкорпорировании в нивхском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 6.

Крейнович Е. А. Об инкорпорировании и примыкании в нивхском языке // Вопросы языкознания. 1966. № 3.

Кулешов Вяч.С. Сандхи и нулевой префикс в нивхском языке // Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России. СПб., 2010.

Кулешов Вяч.С. Нивхские лексические заимствования в орокском языке // Изв. Института наследия Бронислава Пилсудского. № 15. Южно-Сахалинск, 2011.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. IV. Ч. 5. М.; Вена, 2001.

Панфилов В.З. Нивхские количественные числительные: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.

Панфилов В.З. К вопросу об инкорпорировании. На материалах нивхского (гиляцкого) языка // Вопросы языкознания. 1954. № 6.

Панфилов В.З. Сложные существительные в нивхском языке и их отличие от словосочетаний. (К проблеме слова) // Вопросы языкознания. 1958. № 1.

Панфилов В.З. Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 6.

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л., 1962.

Панфилов В.З. О происхождении склонения в нивхском языке. (К проблеме становления грамматических категорий в агглютинативных языках) // Вопросы языкознания. 1963 (а). № 3.

Панфилов В.З. Грамматика и логика. Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения. М.; Л., 1963 (б).

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. Глагол, наречие, образные слова, междометия, служебные слова. М.; Л., 1965.

Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.

Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977.

Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.

Штернберг Л.Я. Образцы материалов по изучению гилацкого языка и фольклора, собранных на острове Сахалин и в низовьях Амура // Изв. Императорской академии наук. 1900, Ноябрь. Т. XIII. № 4.

Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора. Т. I. Образцы народной словесности. Ч. 1. Эпос (поэмы и сказания, первая половина). СПб., 1908.

Юшманов Н.В. Материалы по типологии / Рукопись к публикации подготовлена А.Б. Долгопольским // Проблемы африканского языкознания: типология, компаративистика, описание языков. М., 1972.

Shiraishi H. Topics in Nivkh Phonology. Proefschrift ter verkrijging van het doctoraat in de Letteren. Groningen, 2006.

Sternberg L. Bemerkungen über Beziehungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen // Internationaler Amerikanisten-Kongress. XIV. Tagung (Stuttgart 1904). 1. H. Stuttgart, 1906.

Сиро Сасаки

Исследование Л.Я. Штернбергом нивхского общества и структурная антропология

В статье предпринята попытка оценить роль исследований Л.Я. Штернберга в истории изучения культуры нивхов, которая ведет начало от Мамия Риндзо (XIX в.) и до Брюса Гранта (конец XX в.).

Нами будет проанализирована и уточнена характеристика методики этнографических исследований Штернберга в контексте изучения истории Восточной Азии и мировой антропологии.

Лев Яковлевич Штернберг был одним из выдающихся этнографов России и Советского Союза. Его вклад в развитие русской и советской этнографии не ограничивается изучением нивхского общества и культуры на Дальнем Востоке: он разработал методологические принципы антропологических и полевых исследований, вырастил многих этнографов. Кроме того, результаты его исследований имели большое влияние на развитие мировой антропологии, особенно на эволюционный и структурный принцип изучения человеческих обществ.

Этнографам-марксистам хорошо известно, что Ф. Энгельс использовал статью Штернберга по нивхскому обществу для создания своей теории эволюции семьи. Он отметил, что родственная терминология и семейная система нивхов, описанные Штернбергом на основании его полевых данных, могли бы поддержать идею о существовании группового брака в эволюционной истории человеческой семьи [Engels 1990].

Влияние Штернберга на мировую антропологию не ограничивалось только примером эволюционной антропологии. Его статью о брачной системе нивхов позже цитировал К. Леви-Строс в качестве примера обобщенной модели обмена женщинами и калыма между родственными группами [Lévi-Strauss 1969].

Между тем его исследования вне России известны мало. Можно сказать, что результаты его исследований были использованы западными антропологами только как материал для иллюстрации собственных теорий. Никто пока не оценил по-настоящему его работ по развитию общества нивхов, его место в истории мировой антропологии.

В качестве одного из предшественников Л.Я. Штернберга как исследователя культуры нивхов вполне можно назвать японского путешественника Риндзо Мамия, который в начале XIX в. проводил свои исследования на Сахалине и Нижнем Амуре. Некоторая информация о народах Амура и нивхах имеется в китайских исторических и географических записях XIV в., но они не были основаны на полевых исследованиях специалистов по антропологии и географии.

Р. Мамия был прекрасным географом, он подготовил детальные карты островов Хоккайдо, Кунашира, Сахалина. Его экспедиция на

Сахалин и Нижний Амур проходила в 1808–1809 гг. Ее целью было составление топографии северной части Сахалина, решение вопроса о существовании пролива между Сахалином и материком, а также изучение социальных и политических условий жизни обитателей этого острова. В этой экспедиции он познакомился с культурой айнов, ульта, нивхов на Сахалине и ульчей, нанайцев и других народов в бассейне Амура, установил дружественные отношения с нивхами на западном побережье Сахалина. Мамия Риндзо жил в их стойбище Нотэто (Тык) в течение нескольких месяцев, вместе с ними он ездил на китайский рынок в Дырен на Амур и подробно наблюдал их жизнь во время этого путешествия. Впоследствии Мамия Риндзо написал отчет о своей экспедиции на Сахалин и передал его правительству [Mamiya 1810].

Отчет состоит из восьми томов, в двух из них описана жизнь и культура нивхов Сахалина: хозяйство, занятия, поселения, элементы общественной жизни и духовного мира. Каждое описание довольно краткое, однако оно содержит много важных этнографических данных о культуре и обществе нивхов начала XIX в. Отчет был частично переведен на немецкий язык П.Ф. Зибольдом, его цитировал Л.Я. Шренк [Siebold 1897; Шренк 1883, 1899].

Леопольд Иванович Шренк (**Leopold von Schrenck**) — один из выдающихся русских этнографов XIX в. Он провел фундаментальную экспедицию в бассейне Нижнего Амура в 1854–1856 гг., которая состояла из этнологических, географических, геологических, ботанических, зоологических исследований, и опубликовал ее результаты в нескольких томах. Сначала труды были написаны на немецком языке, а затем переведены и опубликованы на русском. Они и в настоящее время являются наиболее подробными и целостными этнографическими работами по культуре коренных народов бассейна Амура, особенно по нивхам (гилякам). Описания охватывают все предметы культуры нивхов, включая географическое расселение, политическую историю, физические характеристики, материальную культуру, социальную организацию и духовную культуру.

Работы Шренка получили высокую оценку за исследования культуры амурских этносов, которой тогда еще не подверглась влиянию европейской цивилизации. Однако коренные народы этого региона

уже испытали сильное воздействие политических, экономических и других факторов со стороны народов Восточной Азии. Л.И. Шренк был единственным европейским этнологом, который смог засвидетельствовать «сантанскую торговлю» на Сахалине и элементы управления маньчжурской империи (династия Цин) в бассейне Амура.

Этнографический труд Л.И. Шренка является целостным и подробным, но не лишенным недостатков. Его знаменитая этнолингвистическая классификация народов Амура подвергалась резкой критике С. Патканова, И.А. Лопатина и других исследователей, которые настаивали на том, что Шренк совершил много ошибок [Патканов 1906, Лопатин 1922].

В основном Шренка упрекают в том, что он подробно описал многие культурные события и элементы, но не анализировал их для того, чтобы понять их структуру. Однако такая методика была характерна практически для всех этнографов XIX в. Методология структурного анализа стала использоваться уже во времена Л.Я. Штернберга.

Западными антропологами, принадлежащими к поколению Л.Я. Штернберга, были Ф. Боас, Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун. Боас подчеркивал важность полевого исследования, настаивал на концепции культурного релятивизма и перестроил американскую культурную антропологию. Б. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун совершили «революции» в современной социальной антропологии. Они разработали антропологический метод длительного полевого наблюдения и теоретические рамки функционального или структурно-функционального анализа.

Ф. Боас, Б. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун также настаивали на важности изучения местного языка для проведения исследований. Штернберг начал свои антропологические исследования и академическую карьеру раньше, чем Боас, Малиновский и Рэдклифф-Браун и самостоятельно разработал и использовал те же научные методы.

Как известно, он начал исследования, находясь в ссылке на Сахалине, где часто видел нивхов, живших в суровых условиях, которые усугублялись жесткой колониальной политикой. Осознав важность этнологических исследований их культуры, Штернберг начал изучать их язык и фольклор, наблюдал их поведение, брал у них интервью, изучал их социальные обычаи и религиозные верования.

Он был сосредоточен на описании нивхского языка и фольклора, но главным его вкладом в мировую антропологию стали исследования по терминологии родства и семейным отношениям нивхов.

В отличие от Риндзо Мамя¹ и Л.И. Шренка, которые не знали нивхского языка, Штернберг мог сам задавать информантам деликатные вопросы об общественных отношениях и нравах. Умение говорить на нивхском языке позволило ему ближе подойти к ним. Он составил подробный словник по терминологии родства, описал табу инцеста, брачные отношения между родами, «порядок движения» невест и калыма. Он занимался исследованием мировоззрения нивхов и шаманизма. В последнем случае основным информантом был молодой ученик великого шамана. Ученый не анализировал данные с функциональной или структурно-функциональной точки зрения, но сама методология его исследования и способ описания позволяют предположить, что у него были функциональные или структурные идеи для изучения общества нивхов.

Штернберга отличает от более поздних антропологов (функционалистов и структурных функционалистов), в первую очередь, его богатейший полевой опыт. Прежде чем отправиться в поле, Малиновский и Рэдклифф-Браун изучали математику и физику в университете, прошли специальную подготовку под руководством К.Г. Селигмана и ряда других антропологов. А Штернберг не имел базового антропологического образования. Он, наоборот, сначала занимался полевыми исследованиями и лишь после окончания ссылки стал изучать методологию антропологии. Таким же образом складывалась научная карьера В. Богораза и В. Иохельсона.

Известно, что краткий отчет Штернберга по терминологии родства и брачной системы нивхов дал Ф. Энгельсу конкретные доказательства его эволюционной теории истории человеческой семьи. Энгельс настаивал, что родственная терминология нивхов указывала на существование группового брака между братьями и сестрами из двух кланов и так называемой семьи пуналуа [Engels 1990: 348–351]. Тем не менее детальное описание Штернберга привело антропологов к другой теоретической модели. Это была обобщенная модель обмена в брачной и родственной структуре.

¹ Р. Мамя хорошо понимал важность изучения местного языка. Он хорошо говорил и понимал по-айнски. Может быть, он общался с нивхами на айнском языке.

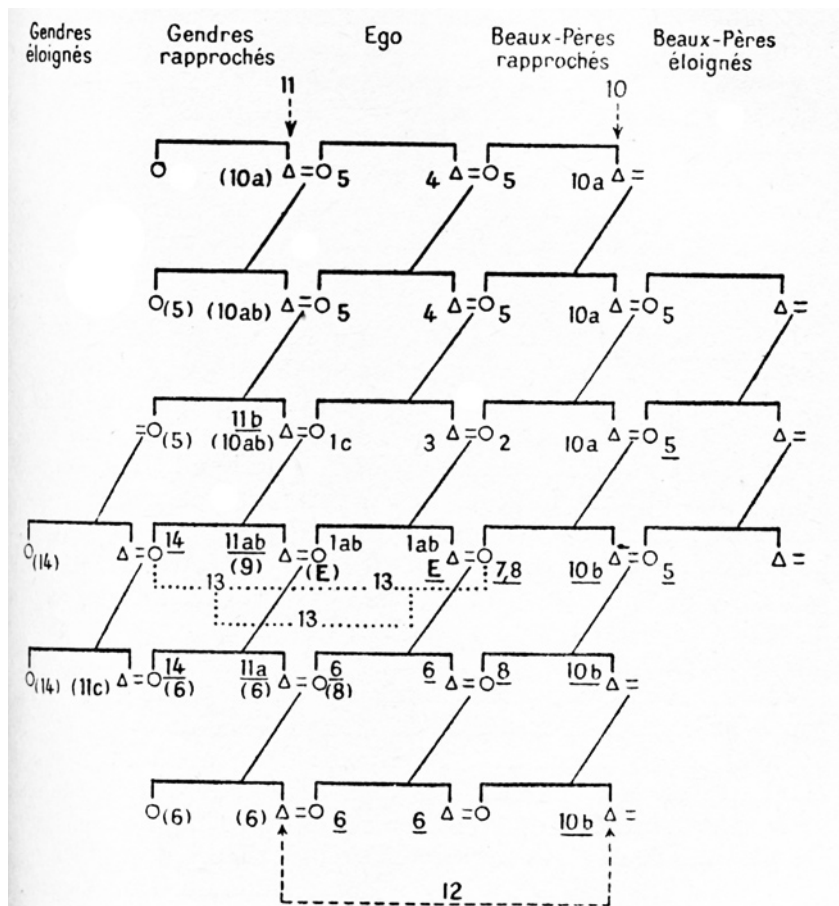

FIG. 55. — Système Gilyak.

Chiffre simple : terme employé indifféremment par *E* et (*E*).

Chiffre : terme employé par *E* seulement.

(Chiffre) : terme employé par (*E*) seulement.

..... : terme réciproque.

-----> : terme s'appliquant à une ou deux lignées masculines

Рис. 1. Схема родственной терминологии нивхов [Lévi-Strauss 1949: 365]

«Обобщенный обмен» (Echange généralisé, или Generalized exchange) является одной из самых известных моделей родственной структуры, которая была предложена К. Леви-Стросом наряду с «ограниченным

обменом» (*Echangerestrain*, или **Restricted exchange**). Анализ классовой системы аборигенов Австралии позволил Леви-Стросу определять первую модель следующим образом: «Но есть и второй вариант. <...> Это может быть выражено формулой: если мужчина из класса А женится на женщине из класса В, мужчина из В женится на женщине из С. Здесь связь между классами выражается одновременно браком и происхождением. Мы предлагаем называть систему, описанную этой формулой, системой обобщенного обмена, указывая тем самым, что она может быть установлена взаимоотношениями между любым количеством партнеров. Эти отношения, более того, являются направленными отношениями» [Lévi-Strauss 1969: 178].

Леви-Строс предполагал, что родственная система нивхов (гиляков) была одним из конкретных примеров «простейшей формы» обобщенного обмена. Для этой цели он использовал некоторые работы Л.Я. Штернберга, например такие, как «Социальная организация гиляков» (рукопись, хранящаяся в Американском музее естественной истории), «Образцы фольклора гиляков» (1908), и «Тураноганованская система и народы Северо-Восточной Азии» (Международный конгресс американистов, Лондон 1912).

При анализе родственной терминологии (*рис. 1*) и семейного права он установил, что элементарная структура нивхов являлась одним из типов обобщенного обмена, который был похож на структуру качинов в горных районах Бирмы. Он писал: «Как видно из данного отрывка, этот цикл альянса требует минимум пять родов, но может включать в себя и многие другие. Таким образом, гипотеза разделения на фрагменты (*moiety*), которая была представлена Штернбергом, не только бесполезна, но и противоречит фактам» [Lévi-Strauss 1969: 301].

Леви-Строс использовал материалы Л.Я. Штернберга, но отрицал его предположение о существовании дихотомической социальной системы среди нивхов и предложил систему, составляющую структуру из пяти родов как минимальную социальную единицу для реализации обобщенного обмена (*рис. 2*).

Модель К. Леви-Строса была переосмыслена и дополнена профессором Синъитиро Курода (*Shin'ichiro Kuroda*). Он подтвердил существование системы из пяти родов в цикле альянса, основанного на материнских кросскузенных браках, и «перемещение» женщин и калыма, проанализировав оригинальные тексты Штернберга

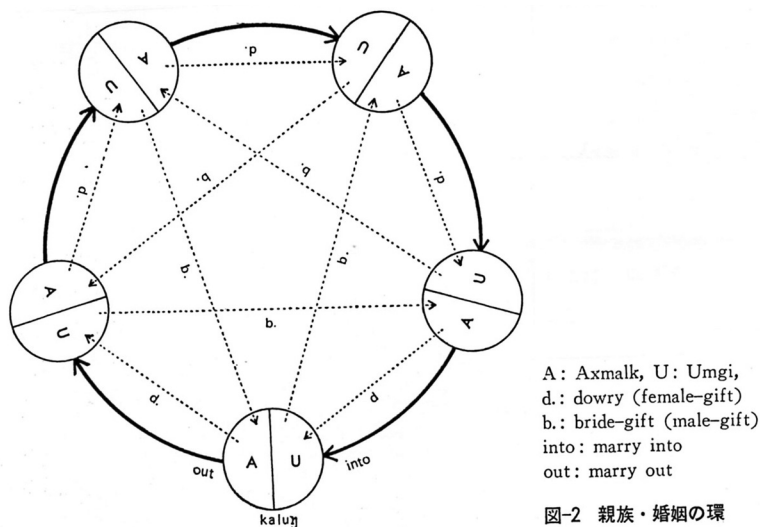

図-2 親族・婚姻の環

Рис. 2. Родственная структура нивхов: пять родов, направления обмена женщинами и дарения калыма [Kuroda 1974: 42]

и лингвистические материалы Кен Хаттори (японский лингвист, который проводил полевые исследования среди нивхов в южной части Сахалина в 1930–1940-х годах) [Kuroda 1974].

Более того, он соединил выше упомянутую структуру родства с символической системой и мировоззрением нивхов. Изучение материалов Штернберга, К. Хаттори, Е.А. Крейновича о церемониях похорон и медвежьего праздника привело профессора Куроду к выводу о том, что символический мир нивхов имеет в своей основе систему родства, он состоит из трех миров в вертикальной оси и четырех по горизонтальной оси. Он также настаивал на том, что вертикальное мышление расположено по линии мужчин, которые произошли от родового предка. В то же время каждый из них был связан друг с другом и по женской линии, которая была аналогична с линией женского движения в модели системы из пяти родов в цикле альянса [Kuroda 1975: 55–58] (рис. 3). Сегодня сложно пересматривать и интерпретировать гипотезы Леви-Строса и Куроды, но важно их убеждение в том, что материалы Штернберга по социальным отношениям среди нивхов должны быть высоко оценены и использованы для структурного анализа.

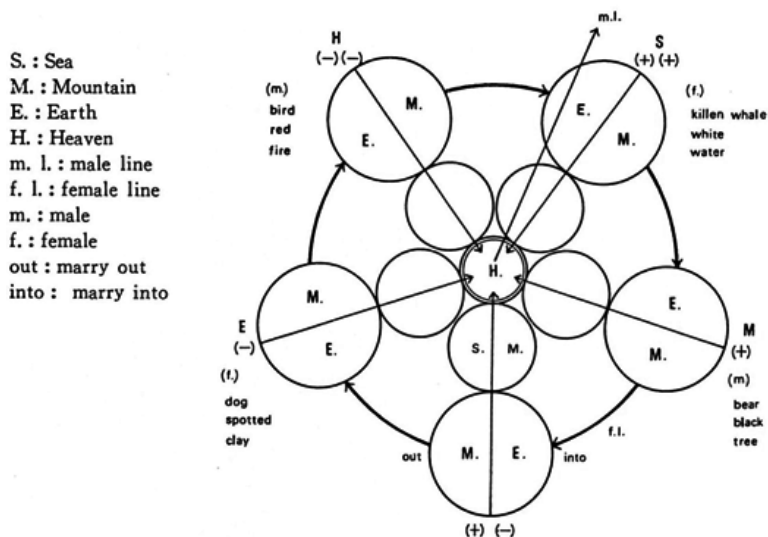

Рис. 3. Схема мировоззрения нивхов, предположенная С. Курода
 [Kuroda 1975: 55]

Работы Штернберга об обществе нивхов настолько обстоятельны и сложны, что невозможно оценить их в такой краткой статье. Они в равной степени описывают вопросы, касающиеся экономики, материальной культуры, социальной структуры, религии и мировоззрения, народной медицины, науки, политической и культурной истории. В его произведениях можно найти влияние эволюционной теории Л.Г. Моргана и марксистской теории Ф. Энгельса, но они могут быть переосмыслены и согласно структурной теории альянса обобщенного обмена, предложенной Леви-Стросом. Несомненно, труды Штернберга несут в себе большой потенциал «гибкости и применимости».

До 1990-х годов западные антропологи, которые изучали народы Сибири и Дальнего Востока России, часто цитировали и использовали материалы и статьи Штернберга как чисто этнографические описания, представляющие существенный интерес для исследования общества и культуры нивхов. Они считали такое описание уместным при исследовании любой эпохи истории нивхов. Более того, они не имели представления о собственной истории нивхов. Они предпола-

гали, что в истории нивхов был только один переломный момент — модернизация в конце XIX в. и начале XX в. Многие исследователи были уверены, что история нивхов должна быть разделена только на два периода: до модернизации и после модернизации. Советские этнографы считали, что лучше говорить «до революции» и «после революции». Однако исторические факты, которые были выявлены при анализе китайских, маньчжурских и японских архивных документов, показывают, что нивхи и их прямые предки имели свою собственную историю и что в ней много точек поворота. Октябрьская революция была лишь одной из них.

Произведения Штернберга создавались под сильным влиянием такой же академической волны, как, например, эволюционизм, диффузионизм и функционализм, и были ограничены политическими, экономическими и социальными условиями, в которых существовал объект исследования. Что касается последнего, то экономические условия нивхов в тот момент были худшими за всю их историю. Так, Б. Грант отмечал, что «в отличие от идиллических картин, предлагаемых Риндзо, чтобы понять голод, повлиявший на нивхов в эти годы (1908, 1914 и 1917 гг. — С.С.) в том же районе, только на сто лет раньше, нужно учитывать влияние интенсивного и повторяющегося использования русскими поселенцами самых востребованных рыболовных и охотничьих угодий» [Grant 1995: 65].

Л.Я. Штернберг, а также Б. Пилсудский и другие европейские антропологи провели свои полевые исследования именно в таких условиях. Все этнологи и этнографы отмечали бедность коренных малочисленных народов Дальнего Востока России, в том числе нивхов, и обсуждали, как вывести их из такого жалкого состояния. Позже советские этнографы также приняли участие в дискуссии. Однако, как отметил Б. Грант, Мамия Риндзо создал портреты нивхов, живших двести лет назад. По его словам, рисунки нивхов, созданные Риндзо, «представляют редкие портреты коренных жителей Сахалина за пределами обычных природно-культурных континуумов». По мнению Гранта, «такие факты обеспечивают основы политики отсталости и изоляции северных обществ Сахалина по прибытии советских переселенцев» [Grant 1995: 50].

В этнографических материалах Штернберга, несомненно, нет никакой фантастики. Тем не менее нельзя считать, что факты, уви-

денные и описанные Штернбергом в поворотный момент истории нивхов, можно прилагать к любому периоду их истории. С тех пор как в XIII в. предки нивхов впервые появились в исторических документах, они часто испытывали серьезные социальные и культурные изменения. Это и завоевания монгольских армий, и антагонизм в отношениях с предками айнов при правлении династии Мин и Цин, и соперничество между маньчжурами и японцами на Сахалине, и пограничные переговоры между Японией и Россией. По нашему мнению, исходя из особенностей истории региона и местных этносов, ряд результатов этнографических исследований Штернберга следует пересмотреть.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что антропологические исследования Л.Я. Штернберга имели следующие характеристики.

1. По сравнению с этнографическими работами М. Риндзо и Л.И. Шренка исследования Штернберга были, несомненно, более детальными и отвечали современным на тот период подходам. В отличие от предшественников он провел многолетние полевые исследования. Результатом стали этнографические исследования с «насыщенным описанием» («thick discription»).

2. Штернберг изучал антропологическую методологию под сильным влиянием эволюционной теории, но собранные им этнографические данные оказались достаточно гибкими и настолько широко применимыми, что их можно переосмысливать в рамках теории структурной антропологии.

3. Его работы не были свободны от исторических условий своего времени. Нивхи находились под сильным влиянием колониальной политики русского правительства, они серьезно страдали от нищеты и дискриминации. По понятным причинам его исследования отличаются от работ Р. Мамия и Л.И. Шренка, они часто дают нам негативное представление об обществе и культуре нивхов. Используя его материалы, мы должны помнить, что его работы — лишь одно из исторических описаний культуры нивхов.

Библиография

Лопатин И.А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские // Записки общества изучения амурского края. Т. XVII. Владивосток: Владиво-

стокское отделение Приамурского отдела Русского географического общества, 1922.

Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 2 // **Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии**. Т. 31. Ч. 2. СПб.: Императорское русское географическое общество, 1906.

Шренк Л.И. Об инородцах амурского края. СПб.: Императорская академия наук, 1883. Т. 1.

Шренк Л.И. Об инородцах амурского края. СПб.: Императорская академия наук, 1899. Т. 2.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933.

Engels F. A Newly-Discovered Case of Group Marriage // Marx K. and F. Engels. Collective Works. Vol. 27. P. 348–351. Moscow: Progress Publishers, 1990. (First published in Die Neue Zeit. Vol. 1. No. 12, 1892–93).

Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton NJ: Princeton University Press, 1995.

Kuroda Shin'ichiro. Notes on the Gilyak kinship system (1) // Journal of the Center for Northern Humanities. 1974. 8. P. 29–44. (На японском языке с английским резюме).

Kuroda Shin'ichiro. Notes on the Gilyak kinship system (2) // Journal of the Center for Northern Humanities. 1975. 9. P. 29–60. (На японском языке с английским резюме).

Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. Paris: Presses Universitaires de France, 1949.

Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969.

Mamiya Rinzo. Хокуибункаийова (Отчет экспедиции на Сахалине в 1808–1809 гг.). Национальный архив Японии, 1810. (На японском языке).

Siebold Ph. Fr. von. Nippon: Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen neben- und Schutzländern Jezo mit den südlichen Kurilen, Sachalin, Korea und den Liukiu-Inseln. Würzburg; Leipzig: Verlag der K.U.K. Hofbuchhandlung von Leo Woerl, 1897.

ГРАЖДАНИН, КОЛЛЕГА, ПЕДАГОГ

С. Кан

Гражданское мужество ученого: Л.Я. Штернберг после Октября 1917 г.

Введение

О мужественном поведении Льва Яковлевича Штернбега в царской тюрьме и ссылке хорошо известно и немало было написано. Из воспоминаний его жены, друзей и соратников по «Народной воле» и сахалинской ссылке вырастает образ смелого, принципиального и отзывчивого человека, всегда готового прийти на помощь преследуемому и обиженному¹. Характер «старого народовольца», как часто называл себя сам Лев Яковлевич, вовсе не изменился после прихода к власти большевиков, но по весьма понятным причинам советские биографы вынуждены были умалчивать о его смелых поступках послеоктябрьского периода жизни².

Однако даже за последние двадцать лет эта тема не была затронута ни одним из историков этнологии. Единственное упоминание о «неприятностях» Штернберга после большевистского переворота появилось в библиографическом словаре востоковедов, жертв политического террора в советский период, где содержится очень краткая биография ученого [Васильков и Сорокина 2003: 428–429]. В ней упоминается о том, что в феврале 1921 г. он был арестован и вскоре освобожден по ходатайству Максима Горького, но при этом не указано, по какой причине он был арестован.

Возможно, отсутствие интереса к гражданской позиции Штернбега в годы советской власти объясняется тем, что он не был репрессирован и помимо этого ареста, длившегося всего несколько дней, никогда не имел прямых столкновений с карательными органами. Возможно также, что многие ученые воспринимали и до сих пор воспринимают этого народовольца и эволюциониста, не эмигрировавшего из России, как вполне лояльного советского ученого, кото-

¹ Фактический материал, использованный в этой статье, заимствован из моей монографии [Кан 2009].

² См., например: [Гаген-Торн 1975].

рый принял новую власть и которому ничто не грозило в последнее десятилетие его жизни.

Действительно, если можно так выразиться, Льву Яковлевичу «повезло»: он умер в 1927 г., т.е. до начала высылки и арестов старой интеллигенции конца 1920-х — начала 1930-х годов и массовых репрессий конца 1930-х годов. Как писал один из его учеников Николай Поппе [1983: 68], «Штернберг был революционером старой школы, для которого свобода была превыше всего, и потому он страдал духовно при советской власти. Если бы он прожил дольше, он, вероятно, был бы арестован и закончил бы свою жизнь в лагере».

Не занимаясь догадками, я хотел бы в этой статье изложить те немногие сведения, которые мы имеем о гражданском мужестве Льва Яковлевича 1920-х годах. Они весьма интересны как штрихи к портрету одного из ведущих российских этнологов конца XIX — первой четверти XX в., **а в более широком плане — представителя дореволюционной левой антибольшевистской интеллигенции в первом десятилетии нового режима.**

Прежде чем рассмотреть гражданское поведение ученого после октября 1917 г., необходимо кратко охарактеризовать его отношение к большевикам к моменту их прихода к власти. В ходе работы над биографией Штернберга мне удалось установить, что со времени основания партии эсеров (ПСР) и до Февральской революции он, безусловно, поддерживал контакты с некоторыми из ее лидеров (например, с Виктором Черновым), хотя, видимо, и не принимал активного участия в подпольной работе этой партии. Главное, что, как многие бывшие народовольцы, он разделял основы идеологии эсеров, хотя, по-видимому, с годами стал более умеренным в своих взглядах.

В годы Первой мировой войны Лев Яковлевич занял «оборонческую» позицию, Февральскую революцию встретил с энтузиазмом, а с приходом к власти Временного правительства активно включился в работу правого крыла эсеровской партии в качестве журналиста. На страницах органа Петроградских правых эсеров «Воля народа» он резко критиковал врагов нового правительства, при этом указывая на то, что «контрреволюция слева» (т.е. большевики) представляет для страны гораздо большую опасность, чем монархисты и другие «контрреволюционеры справа».

Постепенно правые эсеры Петрограда все больше и больше стали расходиться во взглядах не только с левыми эсерами, но даже и с центристами типа Чернова, которых они обвиняли в недостаточно твердой поддержке Временного правительства и его политики «войны до победного конца». Эти разногласия привели, в конце концов, к тому, что в сентябре 1917 г. они образовали отдельную группировку под названием Петроградская группа социалистов-революционеров. Настаивая на том, что не собирается выходить из ПСР, эта группа выставила своих кандидатов на выборы в Учредительное собрание, в том числе Штернберга, который, однако, в него не прошел [Дело народа. 1917. 180: 3].

Не удивительно, что Лев Яковлевич воспринял большевистский переворот как предательство революции и трагедию для страны, а его газета стала немедленно призывать к свержению нового режима. В конце ноября — первых числах декабря 1917 г. он принимал участие в съезде ПСР, где выступил с критикой левых и центристских течений в партии [Шелухаев 2000: 145–146]. Через несколько дней после этого большевики разогнали Учредительное собрание, а через полтора месяца (после серии рейдов и арестов ряда членов редколлегии) «Воля народа» была окончательно закрыта.

Немолодой ученый, здоровье которого было уже подорвано, встал перед выбором — продолжать борьбу с новым режимом нелегально или прекратить ее и сконцентрироваться на музейной, научной и педагогической работе, жизненно важной для него. Не удивительно, что он выбрал второе, тем более что к тому времени пожилой директор МАЭ В.В. Радлов был уже сильно ослаблен голодом и руководство музеем было в значительной степени в руках Льва Яковлевича. Оставить свое любимое детище без присмотра он не мог.

Л.Я. Штернберг и советская власть

Как известно, пойдя на сотрудничество с новой властью, Штернберг, безусловно, достиг многого, в особенности в области преподавания. Так, впервые в жизни он мог открыто преподавать этнографию в вузах и стал (совместно с В.Г. Богоразом) главой «ленинградской

школы» советской этнографии. У него появилось много учеников, которых он мог отправлять «в поле» на государственные деньги.

Архив самого Льва Яковлевича и архив Географического института содержат ряд интересных документов, показывающих, как широко были его планы подготовки профессиональных этнографов¹. Мне кажется, что если бы ему удалось воплотить их в жизнь, ленинградская этнографическая школа превзошла бы любую зарубежную по разнообразию своих курсов и широте тематики.

Беда, конечно, была в том, что с 1924 г. эта программа сужалась, так как идеологи, отвечавшие за высшее образование в стране, начали заменять ряд ее предметов такими пресловутыми и не относящимися к делу курсами, как история ВКП (б). Несмотря на это идеологическое давление, которому он старался активно противостоять, как педагог Лев Яковлевич в целом выиграл от того, что остался в СССР. Можно также утверждать, что поскольку в первое десятилетие советской власти идеологическое давление на музеи было довольно слабым, после завершения Гражданской войны МАЭ продолжал существовать в тех же или даже в лучших условиях, чем до 1917 г.²

Как ученый Лев Яковлевич тоже, по-видимому, не испытывал каких-то притеснений со стороны властей, а тот факт, что он напеча-

¹ Автор приносит глубокую благодарность Людмиле Ковальчук за большую помощь в поисках, а также интерпретации архивных документов, связанных с работой Штернберга в Географическом институте.

² Если Штернберг-ученый и сильно страдал от чего-то после октябрьского переворота, то это было прекращение личного общения и переписки с зарубежными коллегами, а также почти полное прекращение получения научной литературы из-за границы. Как он писал Ф. Боасу в одном из первых писем, посланных им в Америку после восстановления переписки между двумя старыми коллегами, «человек еще может выжить без достаточного количества еды, тепла и одежды, но без веры в человека, без симпатии ему подобных, без коммуникаций, особенно научных, выжить очень трудно» [American Philosophical Society, Boas Papers. June 22. 1922] (перевод С. Кана). К счастью для Штернберга, в начале 1920-х годов такая переписка и обмен литературой с Западом постепенно возобновились, а в 1924 г. ему удалось еще раз выехать из страны и встретиться с зарубежными коллегами, побывав на очередном Международном Конгрессе американистов в Гааге и Гетеборге.

тал сравнительно мало работ после 1917 г., объясняется его огромной педагогической и музейной деятельностью. Не стоит забывать и то, что в 1924 г. он был избран в Академию наук, которая до 1917 г. была закрыта для него как еврея и, вероятно, как бывшего политического ссыльного.

Арест Штернберга во время Кронштадтского восстания

По всей вероятности, власти ценили то, что такой маститый ученый пошел на сотрудничество с ними довольно скоро после октября 1917 г. Помогали Штернбергу, безусловно, и такие факты его биографии, как борьба с царизмом и многолетние тюрьма и ссылка. Однако из этого не следует, что ВЧК полностью закрыла глаза на его эсеровское прошлое и особенно антибольшевистские публикации.

Именно это, скорее всего, и послужило причиной его ареста в феврале 1921 г. Согласно справке, выданной Штернбергу 3 марта 1921 г., он находился в Доме предварительного заключения с 25 февраля по 2 марта и был выпущен по распоряжению областного ЧК [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 156]. Совершенно неожиданный арест старшего куратора МАЭ и декана этнографического отделения Географического института, по совместительству преподававшего в Петроградском университете, несомненно, потряс и переполошил его коллег.

Уже 28 февраля ректор университета и несколько других его руководителей направили письмо в городскую ЧК с просьбой освободить «профессора Штернберга, чья работа в университете в качестве старшего специалиста не может быть выполнена никем другим»¹. В прошении было сказано, что в случае невозможности полного освобождения Штернберга податели просят выпустить его на поруки университета. Те же лица отправили подобного рода послание в ЦЕКУБУ с просьбой, чтобы эта организация заступилась за него.

¹ Этот интереснейший документ был обнаружен мной в 2001 г. в архиве Петербургского университета [Ф. 95. Д. 3410. С. 47–49]. Думаю, что такого же рода прошение было послано в ЧК и администрацией Географического института, однако подобный документ не найден.

Неизвестно, какое именно из этих прошений помогло освобождению Льва Яковлевича — может быть все вместе, а может быть именно послание от ЦЕКУБУ, поскольку известно, что выпустили его по просьбе Максима Горького, основателя этой организации [Минц 1968: 211, 219].

Остается выяснить, почему арест Штернберга произошел в конце зимы 1921 г., т.е. через три с лишним года после победы большевиков. Ответ на этот вопрос найти, на мой взгляд, нетрудно. Как известно, Кронштадтскому восстанию, начавшемуся 1 марта 1921 г., предшествовали забастовки и митинги рабочих в Петрограде, в ответ на которые в городе было введено военное положение и последовала волна арестов, захватившая не только рабочих-активистов, но и деятелей социалистических партий, в особенности эсеров. Повидимому, ретивые чекисты не старались делать большого различия между активными борцами против советской власти и старыми врагами большевиков, давно смирившимися с новым режимом.

Как записал в своем дневнике 27 февраля 1921 г. видный историк С.М. Дубнов, старый знакомый и соратник Льва Яковлевича по еврейскому освободительному и просветительскому движению, «объявлено военное положение в Петербурге: хватают, арестовывают. Забрали Штернберга, старого больного эсера, в последние годы отставшего от политики» [1998: 456].

Штернберг и процесс социалистов-революционеров (1922 г.)

Казалось бы, после ареста Лев Яковлевич должен был стать более осторожным и уже никогда не вмешиваться ни в какие несанкционированные режимом общественные выступления. Однако как человек, всегда откликавшийся на чужие страдания и глубоко преданный партии своей юности, он не мог не отреагировать на показательный процесс над видными деятелями ПСР, состоявшийся летом 1922 г. Он подписал первое обращение ветеранов народовольческого движения во ВЦИК с протестом против намечавшегося приговора (смертная казнь) двенадцати подсудимым¹.

¹ В советских анкетах на вопрос о своей партийной принадлежности Штернберг неизменно отвечал: «беспартийный, старый член партии “Народная воля”».

В отличие от других подобных обращений, посланных во ВЦИК с таким же протестом и подписанных двумя дюжинами старых народныхольцев, первый протест, кроме Штернберга, подписало всего пять человек, в том числе два других видных этнографа-народовольца — Э.К. Пекарский и В.Г. Богораз. Основной идеей этого обращения было осуждение смертной казни, «исходящей от правительства и суда», как «нравственно недопустимой и противной духу социализма меры», в особенности после окончания Гражданской войны, когда «советскому государству уже не грозила никакая опасность и страна встала на путь умиротворения»¹.

Конечно, по сравнению с 1930-ми годами или даже с периодом «Академического дела» (1929–1931 гг.), 1922 г. был временем относительно спокойным. Но подобного рода обращение к властям не сулило подписавшим его лицам ничего хорошего и могло вполне быть припомнено им в будущем, тем более что Штернберг был, по видимому, автором его текста².

Помощь преследуемым коллегам и студентам и заступничество за них

Лев Яковлевич пришел на помощь и Надежде Владимировне Брюлловой-Шаскольской (1886–1937). Власти сначала собирались судить ее на том же процессе, но затем выдели ее дело в отдельное производство³. Она была специалистом по античной истории и этнологом. Штернберг познакомился с ней в 1910-х годах в ходе совместной работы в общественных организациях, занимавшихся борьбой против притеснения евреев России⁴. Они часто встречались и обсуждали как общественно-политические дела, так и общие научные ин-

¹ Красильников [2002: 558–559]. Авторы как этого, так и двух других обращений подчеркивали, что многие из них в свое время на собственном опыте убедились, как мучительно ожидание смертной казни для приговоренного [Там же].

² В архиве Штернберга находится копия этого обращения, написанная его собственной рукой [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 102].

³ «Брюллова-Шаскольская, Н.В.» (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/622757>).

⁴ Научная и политическая деятельность Брюлловой-Шаскольской и основные вехи ее биографии подробно изложены в моей статье, опубликованной в «Этнографическом обозрении» [Кан 2008].

тересы, а в предреволюционные годы Надежда Владимировна посещала этнографический кружок Штернберга при МАЭ. Постепенно между ними завязалась крепкая дружба¹. Когда в 1918 г. умер муж Брюлловой-Шаскольской, историк и видный деятель ПСР, П.Б. Шаскольский, Штернберг и его жена проявили к ней, по ее словам, «сердечность и ласку» [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 34].

С установлением в Петрограде красного террора Брюлловой-Шаскольской пришлось срочно выехать на Украину, где она занималась преподавательской и благотворительной деятельностью. В 1921 г. она смогла вернуться в родной город, где с помощью Штернберга ей удалось устроиться на работу в МАЭ сначала научным сотрудником, а потом хранителем и заведующей отделом Африки. Кроме того, она получила возможность преподавать в Еврейском университете и Географическом институте, что, мне думается, произошло тоже не без вмешательства Льва Яковлевича. В этот период, по словам Брюлловой-Шаскольской, она стала «ученицей Штернберга в полном смысле слова»².

Всей этой деятельности талантливого ученого пришел конец 25 июля 1922 г., когда она была арестована и приговорена к трем годам ссылки в Среднюю Азию по обвинению в контрреволюционной деятельности [Кан 2008: 94–95, 102]. Пока она находилась под следствием, Штернберг хлопотал об ее освобождении, посылал ей в тюрьму книги и убеждал продолжать заниматься научным трудом. Единственными друзьями, приехавшими на вокзал проститься с ней, были те же Штернберги [Там же].

Первые годы, проведенные в ссылке, из которой она смогла вернуться не через три года, а только через семь, одним из важнейших источников моральной силы для Брюлловой-Шаскольской были регулярные письма ее соратника, друга и учителя. По иронии судьбы этот старый революционер, который сам нашел спасение от безумной тоски и скуки на Сахалине в этнографических исследованиях, подбадривал теперь ссыльного товарища и коллегу тем, что вдохновлял

¹ Историю своих отношений со Штернбергом Брюллова-Шаскольская описала в воспоминаниях, которые она (как и другие ученики Штернберга) составила по просьбе супруги Льва Яковлевича, С.А. (Ратнер) Штернберг вскоре после кончины ученого [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 34].

² Штернберг руководил всеми ее научными работами, а она посещала его семинар в Географическом институте [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 34].

ее на изучение культуры местных жителей (туркменов) и посылал новинки научной литературы. Кроме того, он продолжал хлопотать о досрочном ее возвращении из ссылки.

Известие о смерти Льва Яковлевича легло черной тенью на все дальнейшее пребывание Брюлловой-Шаскольской в среднеазиатской ссылке. Как писала она его вдове в 1927 г., «он всегда был маяком, суровым и дорогим судьей всякой слабости. А теперь его нет... и, кажется, нет, совсем нет сил тянуть лямку ташкентской жизни» [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 5. Д. 68. Л. 110].

А в письме Надежды Владимировны Богоразу сказано следующее: «Он был моей живой нитью, связывавшей меня с Академией и вообще с наукой... и она порвалась» [СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 51. Л. 2].

Брюллова-Шаскольская была не единственной жертвой режима, которой помогал Лев Яковлевич. Мне удалось установить также, что он поддерживал нескольких студентов, исключенных из университета и высланных на Север России и в Сибирь. Как писал ему из Тобольской области бывший студент-этнограф Георгий Штром, пострадавший, вероятно, из-за своего дворянского происхождения, «хотя я и не являюсь больше Вашим студентом, Вы по-прежнему мой декан!». Из писем Штрома учителю явствует, что, как и в случае с Брюлловой-Шаскольской, Штернберг настаивал на том, чтобы он воспользовался ссылкой для занятий этнографическими исследованиями местного населения [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 342. Л. 6–6а].

Есть сведения, что глава ленинградских этнографов вступался и за студентов, отчисленных из вузов в период злосчастной чистки 1924 г. Так, когда двух дочерей его старого друга и соратника по «Народной воле» и ПСР Моисея Кроля исключили из Петроградского университета «за отсутствие пролетарской идеологии», глубоко возмущенный Штернберг предъявил университетскому начальству ультиматум: или они будут восстановлены, или он уйдет с поста декана этнографического отделения географического факультета и даже профессора. Угроза подействовала, и двух опальных студенток-отличниц восстановили [Кроль 2008: 607]¹.

¹ Стоит отметить, что сам М.А. Кроль, видный сибирский эсер, избранный в Учредительное собрание, выехал в Харбин еще в начале 1919 г., а затем в Париж, где высказывал в печати резкие антисоветские суждения [Кроль 2008: 606–641].

Заключение

Мне хотелось бы подчеркнуть, что, хотя вскоре после прихода к власти большевиков Лев Яковлевич Штернберг отошел от активной борьбы с ними, он в целом не изменил своего гражданского поведения. Как и до 1917 г., он старался приходить на помощь жертвам произвола властей и не боялся помогать политзаключенным и выступать в их защиту.

Не боялся он и переписываться с некоторыми эмигрантами, которых власти никак не могли рассматривать как симпатизировавших Советскому Союзу. Так, после отъезда Дубнова за границу в 1922 г. Штернберг не только продолжал переписку с ним, но и приглашал его присылать работы для печатания в журнале «Еврейская старина», который Лев Яковлевич редактировал в 1922–1927 гг. [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 94]¹.

В августе 1924 г. он навестил Дубнова в Берлине по дороге на Международный Конгресс американистов в Гааге и подробно рассказал ему о чистке студентов и увольнениях неугодных властям профессоров [Дубнов 1998: 506]. 27 августа 1927 г. выдающийся историк российского еврейства сделал в дневнике следующую запись: «Умер еще один из нашего петербургского кружка: Л.Я. Штернберг. Три года назад он здесь был проездом, и мы говорили о печальной судьбе оставшихся в советской России» [Дубнов 1998: 523]².

Автор данной статьи преследовал две цели. С одной стороны, мне хотелось показать, что представление о Л.Я. Штернберг как о вполне лояльном «просоветском» ученом, до сих бытующее среди довольно многих моих коллег в России и за рубежом, не совсем соответствует действительности. С другой стороны (и это главное), я стремился привести примеры гражданского мужества этого замечательного ученого и человека.

Пусть по сравнению с 1930-ми годами 1920-е были, пользуясь выражением А. Ахматовой, «вегетарианскими», описанные мной

¹ Когда «Еврейская старина» была закрыта властями в конце 1929 г., одним из обвинений против редакции журнала были сношения с антисоветским эмигрантом Дубновым.

² К всему этому стоит добавить, что Штернберг не кривил душой и в своих печатных работах 1920-х годов.

поступки Штернберга — в особенности его выступление в защиту осужденных эсеров — безусловно, требовали значительного гражданского мужества. Насколько мне известно, не все его коллеги обладали этим качеством.

Библиография

Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период, 1917–1991. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. Л.: Восточная литература, 1975.

Дубнов С.М. Книга жизни: воспоминания и размышления. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.

Кан С.А. Брюллова-Шаскольская — этнолог, эсер, человек эпохи // ЭО. 2008. № 2. С. 87–105.

Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.: Мосты культуры, 2008.

Минц З.Г. Горький и КУБУ // Тартуский университет. Труды по русской и славянской филологии. 1968. 217. С. 170–250.

Судебный процесс над социалистами-революционерами в июне-августе 1922 г. / Ред. С. Красильников. М.: РОССПЭН, 2002.

Шелохаев В.В. Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900–1922. Т. 3. Ч. 1–2. М.: РОССПЭН, 2000.

Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 209.

Poppe N.N. Reminiscences. Bellingham: Western Washington University, 1983.

Источники

Архив Л.Я. Штернберга. СПФ АРАН. Ф. 282.

Архив В.Г. Богораза. СПФ АРАН. Ф. 250.

Boas Correspondence American Philosophical Society (available on-line).

Е.В. Иванова

**Л.Я. Штернберг и В.К. Арсеньев
(воспоминания участника странной дискуссии
1970-х годов)**

Узнав о подготовке в нашем музее конференции в честь 150-летия Л.Я. Штернберга, я вспомнила один эпизод из научной жизни 70–80-х годов минувшего века. В то время, когда Н.И. Гаген-Торн писала книгу о любимом учителе [Гаген-Торн 1975] (не без существенных трудностей увидевшую свет), несколько ученых из академических институтов Ленинграда и Москвы также обратили свои мысли к личности и творчеству этого выдающегося ученого, но под весьма своеобразным углом зрения — в связи с «проблемой» его влияния на этнографический аспект кипучей деятельности его младшего современника — В.К. Арсеньева (Владимир Клавдиевич был на 11 лет моложе Льва Яковлевича) — знаменитого путешественника, писателя, ученого. Взгляды на этот счет оказались разными. Я была вовлечена в эту странную полемику [Иванова 1981; 1986].

Горький осадок, оставшийся на душе после растянувшегося на несколько лет наблюдения за этим бесплодным занятием, побудил меня вернуться к этой надуманной проблеме и еще раз (в память о Л.Я. Штернберге, его внимательном и в высшей степени уважительном отношении к В.К. Арсеньеву и его творческому дару, благодарности Штернбергу со стороны Арсеньева) выразить солидарность с позицией Б.П. Полевого и А.М. Решетова, отразившейся в статье «В.К. Арсеньев как этнограф». Статья эта, приуроченная к 100-летию со дня рождения Арсеньева (годы жизни — 1872–1930), и вызвала последующую дискуссию [Полевой, Решетов 1972]¹.

Задача этой публикации заключалась в том, чтобы показать заслуги В.К. Арсеньева перед этнографической наукой. До того времени

¹ Полевой Борис Петрович (1918–2002) — крупный ученый, знаток истории изучения Дальнего Востока (на чествовании в РГО по случаю его 80-летия был назван ученым секретарем общества «географом № 1» России). В юные годы общался с героем статьи. Решетов Александр Михайлович (1932–2009) — сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР / МАЭ РАН, специалист по этнографии народов Восточной Азии, выдающийся историк отечественной этнографической науки.

этот аспект деятельности Арсеньева специальному рассмотрению не подвергался (имя Арсеньева, например, не было упомянуто в книге С.А. Токарева об истории отечественной этнографии). Целью данной статьи было устранение этой несправедливости.

Авторы, опираясь на литературное и научное наследие Владимира Клавдиевича, а также на архивные документы, переписку с современниками, работы предшественников, проливающих свет на историю жизни и творчества Арсеньева, отзывы выдающихся этнографов о его уникальном даре общения с представителями изучаемых народов и чрезвычайной ценности собранного им полевого материала, убедительно показали масштаб деятельности исследователя в отечественной этнографии. В результате проделанной работы они пришли к выводу о весьма значительной роли Льва Яковлевича Штернберга в судьбе Арсеньева.

Как этнограф-полевик сам Л.Я. Штернберг сформировался на Дальнем Востоке и знал те этносы, которые исследовал Арсеньев, всегда живо интересовался новым богатым этнографическим материалом, собранным талантливым коллегой, пристально следил за его научной деятельностью, высоко ценил его труды по удэгейцам. Общение с теоретиком и эрудитом в области этнографической литературы было необходимо Арсеньеву, обогащало его. Поручения Штернберга направляли в нужное русло собирательскую деятельность Арсеньева, благодаря которой фонды Музея антропологии и этнографии АН СССР пополнились превосходными коллекциями по культуре малых народов Дальнего Востока. Штернберг приглашал Арсеньева на работу в МАЭ в 1925 г., когда состоялись его заочные выборы на должность «научного сотрудника первого разряда». Связь с Дальним Востоком Арсеньев не мог оборвать и этим предложением не воспользовался.

Б.П. Полевой и А.М. Решетов закончили статью так: «В литературе В.К. Арсеньева называют путешественником, писателем, краеведом, охотоведом, топографом, знатоком ботаники и зоологии и т.д. Все изложенное, однако, показывает, что он был, прежде всего, этнографом, крупнейшим знатоком народов Советского Дальнего Востока. Своими большими успехами он во многом обязан ленинградским ученым, особенно Л.Я. Штернбергу, благодаря помощи которого он смог преодолеть уязвимость и неуверенность провинциального мыш-

ления, стать ученым с мировым именем. Труды В.К. Арсеньева навсегда останутся ценнейшим источником этнографических сведений, ибо многое из того, что он успел зафиксировать, теперь уже исчезло бесследно» [Полевой, Решетов 1972: 87].

К сожалению, эта работа, выполненная скрупулезно, по всем правилам научной корректности и, безусловно, полезная, выявившая заслуги Арсеньева перед этнографической наукой, неожиданно задела чувства некоторых ученых читателей. Последние ревниво оберегали идею независимости Арсеньева от чужеродных влияний и нашли в статье преувеличение заслуг Штернберга в становлении Арсеньева-этнографа. (Вторая фраза в приведенной выше цитате, с точки зрения оппонентов Полевого и Решетова, — квинтэссенция их заблуждения по этому вопросу. Они публично осудили за это авторов.)

Первым критиком «ереси», в которую впали Полевой и Решетов, стал М.В. Воробьев¹, посчитавший, что в их статье «сознательно или нет этнографической деятельности В.К. Арсеньева придан несамостоятельный, школярский характер» [Воробьев 1973: 543].

Спустя несколько лет Ю.В. Маретин² и С.И. Федин солидаризировались с М.В. Воробьевым в критике публикации Полевого и Решетова в своих статьях, напечатанных в посвященном памяти Арсеньева сборнике «Страны и народы Востока» (издан в 1979 г. Восточной комиссией Географического общества СССР).

Ю.В. Маретин писал: «Некоторые авторы словно опасаются признать масштабность личности ученого, всегда самостоятельного и в человеческих проявлениях, и в науке; отсюда — стремление расчленить его научное наследие на элементы и каждый из них приписать тому или иному влиянию. Разумеется, подобный аналитический анализ оправдан, если за ним следует синтез. К примеру, в одной из статей всячески подчеркивается роль ленинградских этнографов, в особенности Л.Я Штернберга, в становлении Арсеньева-ученого, и в частности Арсеньева-этнографа, и утверждается, что без Штернбер-

¹ Воробьев Михаил Васильевич (1922–1995) — крупный ученый, автор трудов по древнейшей истории стран зарубежного Дальнего Востока, сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

² Маретин Юрий Васильевич (1931–1990) — этнограф-индонезист, научный сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР, видный деятель Восточной комиссии ГО СССР.

га Арсеньеву угрожала бы “узость и опасная самоуверенность провинциального мышления” [Полевой, Решетов 1972: 86]. Эти своеобразные “ленинградцентризм” и “штернбергианство” понятны и естественны, когда речь идет о восстановлении изрядно забытых заслуг ленинградской школы в этнографии или значения ведущих ее представителей — Штернберга или Богораза. Но они неоправданны, когда речь идет о таком выдающемся ученом, каким был В.К. Арсеньев» [Маретин 1979: 13].

Мне уже довелось выразить недоумение и протест против избретенного Ю.В. Маретиным термина «штернбергианство»: «Содержание его никак не определено. В русском словоупотреблении слова подобного типа (см. «нищезанство» и т.д.) имеют почти однозначно отрицательный оттенок. Едва ли один из крупнейших отечественных этнографов заслуживает того, чтобы его имя связывали с уничижительным ярлыком» [Иванова 1981: 188].

В том же духе высказался и С.И. Федин: «В статье Полевого и Решетова, — писал он, — Л.Я. Штернберг подан как “столичный учитель”, а В.К. Арсеньев как “провинциальный ученик”. В статье методически неправомерно использованы некоторые частные письма и отдельные высказывания. Что ведет к искажению отношений между двумя учеными и что уже было уже отмечено М.В. Воробьевым» [Федин 1979: 32]¹.

В этом же сборнике А.И. Тарасовой, одним из самых глубоких исследователей многогранного творчества В.К. Арсеньева, были опубликованы 19 писем Л.Я. Штернберга к В.К. Арсеньеву (хранящихся во Владивостоке в местном филиале Географического общества) [Письма... 1979]². Письма Штернберга дышат искренней симпатии

¹ В 1981 г. в Ленинграде состоялось заседание Восточной комиссии Географического общества СССР, на котором с докладом об Арсеньеве выступила Т.Ф. Аристова (1926–2003), дочь первого биографа В.К. Арсеньева Ф.Ф. Аристова, научный сотрудник Института этнографии АН СССР (Москва), специалист по этнографии народов Ближнего Востока. Присутствовавшие на заседании М.В. Воробьев, Ю.В. Маретин, Б.П. Полевой и Е.В. Иванова приняли участие в обсуждении доклада, в котором вновь акцентировалось допущенное «некоторыми авторами» «преувеличение заслуг Л.Я. Штернберга в становлении Арсеньева-этнографа».

² Тарасова Анна Ивановна — научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. В 1985 г. вышла в свет книга А.И. Тарасовой «Владимир Клавдиевич Арсеньев», в которой сделан подробный обзор этнографических исследований Ар-

ей к В.К. Арсеньеву, деятельным интересом и глубоким уважением к его творчеству. Они заслуживают самого пристального внимания и как ценнейший человеческий документ, и как источник сведений, интересных для биографов обоих исследователей.

В своих комментариях к публикации А.И. Тарасова заметила, что переписка эта не была до того времени введена в научный оборот. И в этом, по ее мнению, «кроется основная причина однобокого освещения в советской литературе характера взаимоотношений ученых: преувеличивается роль Л.Я. Штернберга в становлении В.К. Арсеньева как этнографа» [Там же: 58]. Это утверждение публикатора писем выглядит неубедительным: из последующих ее рассуждений следует, что основание для неправильной оценки роли Штернберга в формировании Арсеньева как этнографа в «советской литературе» заложил сам Арсеньев (а он был, несомненно, внимательным читателем писем Льва Яковлевича).

Перечисляя видных этнографов и антропологов, с которыми вел переписку Владимир Клавдиевич (11 имен, в т.ч. Б. Адлера, С.М. Широкогорова, Б.Э. Петри, С.И. Руденко, Л.Я. Штернберга и др.), А.И. Тарасова замечает: «Из этого перечня имен самым близким и дорогим для него было имя Л.Я. Штернберга, с которым его связывала кроме научных интересов большая личная дружба. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в докладе “Памяти Л.Я. Штернберга”, прочитанном на заседании Владивостокского отдела РГО 19 мая 1928 г., В.К. Арсеньев, отдавая справедливую дань

сеньева на основании его личного архива (по рукописям и экспедиционным дневникам). Автор книги пришла к выводу, что из 60 работ, опубликованных Арсеньевым, почти все в большей (некоторые из них — целиком) или меньшей степени связаны с этнографией. В.К. Арсеньев начал заниматься этнографией удэгейцев в 1906 г. В результате десяти экспедиций в районы Уссурийского края он уточнил картину расселения орочей и удэгейцев (удэхе). Он исследовал родовой состав и местные этнонимы, брачные отношения, записывал легенды об их происхождении, их представления о вселенной, поверья, связанные с рождением детей, со смертью и загробным миром, со священными деревьями, сказки и пр. Собранный им этнографический материал и богатейшие этнографические коллекции высоко оценили ленинградские этнографы Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров, Л.Я. Штернберг. В.К. Арсеньев надеялся издать книгу «Страна Удэхе» под редакцией Льва Яковлевича, но преждевременная смерть Штернберга (1927 г.) и самого Арсеньева (1930 г.) помешали сбыться этой надежде [Иванова 1986].

уважения и благодарности своему учителю и другу, несколько “завысил” оценку его влияния на свои этнографические работы» [Письма... 1979: 59]¹.

Но, на наш взгляд, подобное сомнение в искренности этого проникновенного признания заслуг Штернберга нелестно для исследователя Дальнего Востока (далее следует гипотеза А.И. Тарасовой о причине такового. «В.К. Арсеньев, сильно преувеличивая роль Л. Штернберга как своего учителя, становился как бы под защиту его авторитета, бесспорно признанного в мировой науке, дабы противостоять своим врагам, стремившимся опорочить его этнографические работы» [Там же: 59]. Такое объяснение мне представляется неприемлемым, абсолютно не соответствующим светлому образу В.К. Арсеньева как человека, чуждого фальши и по-настоящему ценившего Л.Я. Штернберга. Да и какая оценка может быть выше признания человека Учителем? Даже если это признание делается гением, ставшим на много голов выше своего наставника, но понимающим, как многим он ему обязан...

Спустя два года после кончины Льва Яковлевича В.К. Арсеньев писал С.Ф. Ольденбургу: «Штернберг был моим учителем и руководителем, и я многим обязан ему своей научной подготовкой» [СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. № 20. Л. 12–13.].

Арсеньев был скромным и очень благодарным человеком, он называл своими учителями не только многих ученых (и Б. Адлера, и Д.Н. Анучина, и Г.Н. Потанина, и С.И. Руденко), но и проводников по тайге, и охотников, от которых узнавал много ценного о природе и людях Дальнего Востока. А.И. Тарасова признает, что, хотя круг научных связей Арсеньева был широк, особое место в нем принадлежало, несомненно, Льву Яковлевичу Штернбергу — по интенсивности общения, по близости интересов, по уровню научного и человеческого взаимопонимания.

Вернемся, однако, к публикации писем Л.Я. Штернберга А.И. Тарасовой в 1977 г.

¹ В.К. Арсеньев сказал тогда: «Оглядываясь назад, в прошлое, могу сказать, что в своих работах от этапа к этапу, от ерунды к положительным результатам я пришел по указаниям Льва Яковлевича, могу сказать, что своей научной подготовкой я всецело обязан покойному» [Записки... 1966: 104].

Среди публикуемых — под № 12 — то самое письмо Л.Я. Штернберга (от 20 февраля 1917 г.) с замечаниями по поводу работы Арсеньева «Этнологические проблемы на востоке Сибири» и докладов в «Вестнике Азии», которые, будучи приведенными в статье Полевого и Решетова (и воспринятыми ими как пример конструктивной критики), послужили яблоком раздора между авторами и их критиками.

Вот выдержка из этого письма: «На этих вещах лежит печать спешности и вследствие этого некоторой несерьезности». И далее: «Много, много неточного и поспешного в Вашей статье: это все результат провинциальной работы, и это жаль. Между прочим, по этой работе можно думать, что Вам еще многое следовало бы дополнить и у удэхе. А хотелось бы, чтобы эта работа (об удэхе) вышла образцовой. Тяжело мне огорчать Вас своим отзывом, но думаю, что для Вас полезно выслушать искренний голос весьма расположенного человека. Так что не огорчайтесь, а примите просто к сведению» [Письма... 1979: 69–70].

Судя по реплике относительно этого письма, А.И. Тарасова старается быть объективной (несмотря на высказанную ею и отвергнутую нами гипотезу о лукавстве Арсеньева), когда пишет: «Л.Я. Штернберг был суровым, но справедливым критиком работ В.К. Арсеньева (письмо № 12), что последний особенно ценил в нем. Указывая на отдельные недостатки, Л.Я. Штернберг оценивал этнографические труды и материалы В.К. Арсеньева в целом очень высоко. В личном архиве Л.Я. Штернберга, хранящемся в Архиве АН СССР в Ленинграде, имеются материалы для его статьи «Народы Приамурского края» с подробными выписками из этнографических докладов В.К. Арсеньева, прочитанных и опубликованных в Харбине в 1916 г.» [Там же: 60].

Слова о «провинциальном мышлении», упомянутые в статье Полевого и Решетова, шокировали их оппонентов. Их осуждение коснулось не только авторов статьи, осмелившихся признать их уместными по адресу знаменитого человека, гораздо более известного широкому кругу читателей, чем Л.Я. Штернберг, но и самого В.К. Арсеньева, с благодарностью выслушивавшего требование старшего коллеги («Учителя»!) о доведении важной работы до самого высокого научного уровня.

Арсеньев никогда не упивался славой, которую ему принесли писательский талант, щедро отпущенная ему природой неисчерпаемая энергия, с которой он предавался исследованию Уссурийского края, удивительный дар этнографа, глубокое понимание образа жизни и мировоззрения малых народов и гуманное отношение к ним.

Кому, как не самому Арсеньеву, судить о роли Штернберга в его этнографической работе, а он, будучи человеком незаурядного ума, ценил внимание к своей работе этого замечательного ученого.

Библиография

Воробьев М.В. О месте В.К. Арсеньева в этнографии (по поводу одной юбилейной статьи) // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 5. 1973. Вып. 6.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

Записки Приморского филиала Географического общества СССР. 1966. Т. 25.

Иванова Е.В. Рец. на: Страны и народы Востока. Вып. XX (Страны и народы бассейна Тихого океана). Кн. 4. М.: Наука. Гл. ред. вост. литературы. 1979 // СЭ. 1981. № 5. С. 188–189.

Иванова Е.В. Рец. на: Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985 // СЭ. 1986. № 6. С. 153–155.

Маретин Ю.В. Жизнь и деятельность В.К. Арсеньева // Страны и народы Востока. Вып. XX. 1979.

Письма Л.Я. Штернберга к В.К. Арсеньеву. Публикация А.И. Тарасовой (Васиной) // Страны и народы Востока Вып. XX. 1979. С. 57–80.

Полевой Б.П., Решетов А.М. В.К. Арсеньев как этнограф // СЭ. 1972. № 6. С. 74–87.

Федин С.И. Основные проблемы изучения жизни и трудов В.К. Арсеньева (по материалам из архива Ф.Ф. Арсеньева и опубликованным данным) // Страны и народы Востока. Вып. XX. 1979.

Источники

СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. № 20. Л. 12–13.

С.В. Березницкий

Юмор в жизни и творчестве Л.Я. Штернберга

Verus amicus amici nunquam obliviscitur

Истинный друг никогда не забывает друга.

(латинская пословица)

Достижения Льва Яковлевича Штернберга в мировой и отечественной этнографической науке, языкознании, религиоведении, истории культуры, фольклористике общеизвестны и отражены в его научных трудах, энциклопедических статьях, архивных документах и музейных коллекциях. Гипотезы и открытия Л.Я. Штернберга, его тексты обильно цитируются и в наши дни российскими и зарубежными исследователями.

Одной из главных моральных и мировоззренческих характеристик Льва Яковлевича было свободолобие. Именно неодолимая тяга к свободе, равенству, всеобщему братству изменила всю жизнь Л.Я. Штернберга, а впоследствии привела к науке. Из-за свободолобия он пришел к революционной борьбе, к активному участию в организации «Народная воля». В тюрьме Штернберг познакомился с эволюционистской концепцией Л.Г. Моргана и стал ее сторонником. Подробно этот и последующий сахалинский период жизни Л.Я. Штернберга осветила в своей монографии его ученица Нина Ивановна Гаген-Торн [Гаген-Торн 1975: 240].

Три года в тюрьме закалили волю Штернберга не только как революционера, но и как человека, умеющего противостоять тяжелейшим условиям сначала в камере, а затем и в ссылке, дали мудрость целесообразного препровождения свободного времени. Большую роль в этом процессе сыграли чувство юмора и самоирония Льва Яковлевича. Поэтому хотелось бы рассмотреть именно эту черту многогранной гениальной натуры ученого: его чувство, степень понимания и применения юмора в драматический период жизни. Сатирический юмор Л.Я. Штернберга, используя классификацию В.Я. Проппа, ближе всего можно попытаться отнести к типу *насмешливого смеха*, ибо эта сфера наиболее прочно связана с сатирой [Пропп 1999: 17–20].

Проследить роль юмора и сатиры в творчестве Л.Я. Штернберга можно на основе анализа некоторых его статей и фельетонов, написанных для газеты «Владивосток» в 1893–1896 гг. **во время пребывания** в ссылке на Сахалине [Владивосток 1893; 1894; 1895; 1896].

В 1895–1896 гг. **Л.Я. Штернберг жил на материке и мог продолжать** этнографические исследования коренных народов российского Дальнего Востока, писать десятки очерков, статей и фельетонов для газеты «Владивосток».

Распространение фельетона в России стало наиболее характерным с середины XIX в. [Черных 1999, Т. 2: 307]. К данному жанру в первой трети — середине XIX в. нередко обращались А.С. Пушкин (под псевдонимом Феофилакт Косичкин), Н.А. Некрасов, В.Г. Белинский, М.Е. Салтыков–Щедрин и другие известные российские писатели, поэты, критики. Главным здесь было высмеивание различных событий в стране, недостатков общественной жизни, разоблачение чиновников, виновных в злоупотреблениях, коррупции и других преступлениях.

Л.Я. Штернберг также использовал фельетон как особый художественно-публицистический жанр своих газетных зарисовок, с применением элементов юмора, сатиры и даже сарказма, для острой критики сахалинских чиновников в попытке улучшить положение политических ссыльных и каторжан.

Анализируя этот этап творчества Л.Я. Штернберга, Н.И. Гаген-Торн приводит возможное дословное высказывание ученого по этому поводу: «Не умею поплавам выныривать из водоворота... не хватает юмора... Ну, посмотрим» [Гаген-Торн 1975: 106]. Штернберг боролся, прежде всего, с глупостью чиновников, высмеивая их косность и жестокость, скрывая, по известным причинам, свое авторство, чаще всего, под псевдонимом «Verus» [Там же: 92, 104–105 и др.]. Этимология этого слова показывает его происхождение от древнееврейского *werus*, а затем — от латинского *verus*, что означает «верный», «истинный». Скорее всего, ученый этим псевдонимом хотел подчеркнуть факт того, что, даже находясь в условиях ссылки, он сумел сохранить верность своему революционному делу, любимым людям, семье, друзьям и товарищам. Кроме того, Штернберг подчеркивал, что характер излагаемой им в фельетонах информа-

ции правдивый, несмотря на то что сам автор во многом ограничен в гражданских правах.

В статьях 1893–1894 гг., имевших сквозное название «Беседы о Сахалине», Штернберг часто прибегает к юмору, насмешливому смеху, сатире, критикуя Сахалинскую администрацию [Штернберг 1893 № 42: 8–9; № 43: 8–9; № 44: 6–9; 1894. № 11: 12–14; № 13: 9–10]. Характер написания этих и других подобных статей, фельетонов Штернберга сходен со всемирно известным литературным памятником «Похвала глупости» (1509) голландского писателя и философа Эразма Роттердамского (1469–1536). Эразм писал в XVI в. о том, что спутниками глупости являются пьянство, разгул, чревоугодие, лень, лесть. О таких же недостатках пишет в конце XIX в. Штернберг. Оба мыслителя обличают человеческую глупость, пошлость, косность и сожалеют о том, что в их руках нет других механизмов борьбы, кроме насмешки.

Штернберг высмеивал администрацию за отсутствие планов развития острова, профессиональных навыков работы с людьми, высокомерие. Иронически он высказывался о перспективах колонизации Сахалина. Несмотря на то что на острове активно строились дороги и телеграфные линии, это все создавалось, по мнению ученого, как «Сахалино-вавилонская башня», ибо делалось без плана, а бывший начальник Сахалина генерал В.О. Кононович (годы правления 1888–1893) хотел, чтобы остров оставался просто местом каторги.

Высмеивая сахалинских чиновников за использование бесплатного труда каторжан в качестве слуг и горничных, Штернберг сравнивал судьбу последних с положением римских рабов или слуг-индусов, получавших рупию раз в столетие. Штернберг пришел к феноменальному выводу о том, что силами этой прислуги можно было бы за один год раскорчевать половину таежной зоны, освоенной за все время существования каторги.

Каждый год, отбыв свой каторжный срок, несколько сотен человек выходили на поселение. Их можно было бы обеспечить землей для собственного пропитания, если бы каторжное начальство вело разумную и гуманную политику. Предлагаемое Штернбергом наделение бывших каторжан землей развивало бы остров в экономическом и культурном отношении. Однако из-за недалекости чиновников Сахалин в их отчетах рисовался, как пишет Штернберг,

фантастической страной с медовыми реками, ананасы и бананы там считались обычными растениями, вроде клюквы и морошки.

Часто происходили курьезы, случались и случаи прямого обмана, когда семена, привезенные из Америки и России, выдавались за местные злаки. Сахалинская администрация не развивала на острове сельское хозяйство, не использовала метеорологические наблюдения, не пыталась разводить тягловых животных. Бездействовала она и в отношении браконьерства японских рыбаков в заливах Анива и Терпение, увозивших огромное количество соленой горбуши и селедочного тука. В то же время для нужд сахалинских поселенцев администрация покупала кету на Амуре, добываемую тем же каторжным трудом.

Штернберг иронически оценивал попытки американцев и европейцев захватить в конце XIX в. Японию и Китай в экономическом отношении, ибо прозорливо видел будущее мощное развитие этих стран, особенно Японии. Остро высмеивая экономический потенциал России, Штернберг относил его по уровню развития к бронзовому веку [Штернберг 1895. № 44: 11–12].

С известной долей сарказма Штернберг описывал практически стопроцентное распространение на Сахалине «продажной любви» при прямом попустительстве администрации: «Когда в середине месяца кончился паек, получаемый каторжной бабой, паек, от которого кормится ея сожитель-поселенец, последний, кряхтя и напуская на себя храбрости, говорит своей дражайшей половине: “Ну, Дарьюшка, сходи-ка в Александровск, паек доставать”. Тогда баба надевает красный сарафан и расшитый передник, которые хранятся у каждой сахалинской бабы для такого случая и которые часто приводят в умиление наивных путешественников, и, наряженная, отправляется промышлять — “на фарт”, как здесь говорят» [Штернберг 1894, № 13: 10].

Здесь следует подчеркнуть интересную деталь: сам Л.Я. Штернберг в то время лишь становился профессиональным этнографом, но благодаря своей прозорливости интуитивно высмеивал неопытных исследователей, принимающих за «этнографию» совсем другие явления жизни.

Конечно же, для развития проституции на Сахалине существовали и объективные причины: например катастрофическая нехватка

женщин, которых в качестве каторжанок прибывало на остров в несколько раз меньше, чем мужчин. По наблюдениям Штернберга, ласками этих жриц любви не брезговали и чиновники каторжной администрации, выбиравшие себе «наложниц» из очередной партии каторжан.

Критикуя и высмеивая островное начальство, Штернберг отметил важный мировоззренческий момент: несмотря на тяжелейшие условия жизни, на Сахалине человеку недостаточно было довольствоваться только материальной стороной (жилище, еда, одежда). Существует еще психическая сторона личности, которая является не только источником страданий, но и механизмом возрождения к лучшей жизни, основой надежды на возвращение когда-нибудь свободы и даже родины [Штернберг 1894. № 22: 14–15; № 24: 12–14]. Но для этого мало одной мечты, здесь необходима помощь общества, церкви, просвещения, школ, библиотек, приютов для сирот и т.п.

Искрометный юмор и приемы салтыковско-щедринской или даже гоголевской сатиры использовал Л.Я. Штернберг в другой статье, где высмеивал действия администрации острова, озабоченной приездом высокого начальства с материка. Секретари разом заскрипели перьями, пошла клубами пыль от архивных документов, старались чуть ли не снег растопить. Рекам власти приказывали не разливаться на время ревизии помощника Амурского губернатора, командующего войсками Приамурского военного округа, генерала Н.И. Гродекова (1843–1913), а мостам не проваливаться (хотя часть пристани все же обрушилась), государственные флаги должны были развиваться над домами поселенцев исключительно весело [Штернберг 1894. № 21: 9]. Однако о самом Н.И. Гродекове Штернберг пишет с уважением, ибо генерал принялся проверять сахалинские дела добросовестно.

Нам самим хорошо известны многочисленные случаи пускания пыли в глаза проверяющему военному или гражданскому начальству в виде побелки солдатами грязного снега, покраски порывевшей осенью травы и листьев на деревьях зеленой краской, срочного ремонта асфальта и фасадов домов на центральных улицах по пути следования кортежа депутата или президента.

Несколько иной характер имеет следующая статья Штернберга, освещающая повседневный быт поселенца, контраст его унылого положения и мечтаний о блистательном будущем [Штернберг 1896.

№ 1: 13–16]. Во многом этот рассказ автобиографичен. Очень иронично Штернберг описывает небольшое поселение на берегу Таттарского пролива, в котором царит смертная тоска. Любое событие здесь уже считается новостью: пройдет мимо солдат из гарнизона, примчится тунгус на оленьей упряжке или прискачет гиляк на своей воздушной собачьей нарте. Скорее всего, Штернберг специально подбирал такие словесные формулы, чтобы показать, как эти незначительные в обычной жизни события меняют покой данного поселения. Когда зазвонят колокольчики «собачьей почты», то это уже очень большое событие. В здание кордона сразу же собираются все местные жители, жаждущие «новостей и спирта». Разожженная печь моментально превращает «стылую Лапландию в жаркую Сахару».

Частые метели засыпают поселение снегом, и тогда вся жизнь в нем замирает на несколько суток. В один из таких периодов Штернберг и описывает быт политического заключенного, живущего на поселении. Только в его жилище горит свет, ибо остальные поселенцы, простые люди, давно уже спят на печах. Интеллигент постоянно занимается гигиеной духа, чтобы не убить себя в тоске (один из его товарищей не выдержал ссылки и застрелился в минуту малодушия).

Глядя на фотографию возлюбленной, он мысленно проходит весь путь их знакомства и платонической любви. Он добровольно отказался от реальной любви, чтобы не привлечь к возлюбленной внимание полиции. Человек пожертвовал своей любовью ради идеалов свободы всего человечества. В ссылке он нашел успокоение не у других поселенцев, а среди местных коренных народов, в частности нивхов. Он был восхищен их психическими качествами. Нивхи не знали ни беспокойства, ни сомнений, чем и вносили в его душу уверенность. Поселенец заражался их оптимизмом, играл с их детьми и шутил с молодежью. Эта жизнерадостная энергия коренных народов, незатейливый юмор и смех спасли его и помогли выжить в тяжелейших материальных и особенно психологических условиях.

И вот поселенец получил письмо, из которого узнал, что скоро его возлюбленная приезжает к нему, чтобы разделить его участь и облегчить его страдания. Он настолько преобразился, что его друг нивх (который и привез письмо) подумал, что это не простое письмо, а важная бумага о назначении поселенца на большую должность.

Здесь можно провести параллель с известным памятником русской литературы XII в. «Моление Даниила Заточника». В.Г. Белинский одним из первых подметил сатирическую направленность этого памятника. Д.С. Лихачев в своем анализе особо подчеркивал народные элементы юмора «Моления», пародийность и самоиронию автора, который делает сатирические выпады против бояр и богатых людей вообще [Белинский 1954: 348–351; Лихачев 1954: 106–119].

Даниилу Заточнику и герою рассказа Штернберга, находившимся вдали от родных и любимых, помогает юмор, насмешливое отношение к окружающей действительности и самому себе. Тот и другой пострадали за свой ум, беспокойную душу, свои высказывания, которые и не понравились властям. Заточник ожидает милости от князя, а героя сюжета Л.Я. Штернберга спасает душевный порыв его возлюбленной.

Мировоззренческие, нравственные, религиозные проблемы человечества рассматривает Штернберг в фельетоне 1896 г. [Штернберг 1896. № 6: 14–16]. Однажды Л.Я. Штернберг, выходя из музея, увидел девушку, которая при нем спросила молодого человека, что означает услышанное ею только что выражение: «Стикс высох и Цербер исчез». Тот кратко пересказал ей верования древних греков о том, что вход в ад проходил через стигийские болотные топи (Стикс), а охранял вход ужасный трехглавый пес Цербер. И вот «техники осушили болота и уничтожили Цербера». Девушка спросила снова: «Значит, теперь вход в ад свободен?».

Что ответил ее спутник, Штернберг не услышал, но по размышлении написал острый фельетон. Лев Яковлевич сделал вывод о том, что сейчас в ад ведет не тропинка через топи, а широкая железная дорога, освещенная электричеством, люди едут в комфортабельных вагонах в дорогих одеждах и пахнут прекрасными духами. Цербера заменил швейцар в форме и фонарем в руках. Вместо прежней огненной Геенны имеется праздничный зал с оркестром и танцами. Вино здесь течет рекой, делаются миллионные ставки в казино. Проигравшие весело стреляются из золотых револьверов или травятся ядом из алмазных фужеров. Однако вход в этот новый ад открыт только для избранных владельцев ворованных капиталов и предприятий. При входе требуется документ от продавца шампанского или игральные

карт, содержателя оперетты и т.п. Писатели, мыслители, творческие натуры попадают не в этот прекрасный зал, а в ночлежку.

По мнению Штернберга, Стигийские болота защищали человека от ада (то есть от области зла). Современные люди, переполненные грешными помыслами, сами строят ад на земле. Штернберг показывает это на примере встреченной им молодой пары: глуповатая девушка-мещанка мечтает лишь о выгодном браке, а жених берет девушку в жены лишь потому, что это необходимо для его карьеры и положения в обществе. По их мнению, люди, размышляющие о смысле жизни, страдающие за свои идеалы, — просто дураки, юродивые и ослы. Чтобы изменить эту ситуацию, человек должен стать лучше или хотя бы стремиться сделаться лучше. Он должен положить на это всю свою жизнь.

Юмор помог Штернбергу выжить, выстоять, остаться человеком в условиях неволи, отрыва от родины, родственников, друзей, привычного ритма. С помощью юмора, едкой сатиры, эзопова языка Л.Я. Штернберг изобличал, критиковал порядки не только на Сахалине или на Дальнем Востоке, он в целом желал счастья для всей страны и всего человечества. В своих статьях Штернберг предлагал меры по улучшению землеустройства, лесотехнических и дорожных предприятий, демографических показателей, морали и нравственности.

Жанровое сходство штернберговских фельетонов с творчеством таких известных писателей-сатириков, как Эразм Роттердамский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.В. Гоголь, **показывает широчайший кругозор Штернберга, незаурядный писательский талант и высочайшую гражданскую позицию.** Получив такой подарок судьбы, как жизнь не на Сахалине, а на материке, возможность заниматься этнографическими исследованиями, передвигаться по огромной территории от Владивостока до Татарского пролива, Штернберг мог бы жить тихо и мирно, но он продолжал в статьях и фельетонах высмеивать каторжные порядки.

Штернберг шел от легкой самоиронии к злему сарказму. Чувство юмора, которое ему удалось не только сохранить, но развить и использовать для улучшения социальных условий каторжан, характеризует Льва Яковлевича Штернберга именно как гражданина в самом

полном смысле этого слова — как свободного человека, борющегося за освобождение всех членов общества.

Библиография

Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М.: АН СССР, 1953–1959. Т. V. Статьи о народной поэзии. 1954. С. 348–351.

Владивосток. Газета морская и общественно-литературная. Выходит по воскресеньям. 1893. № 42–44; 1894. № 11, 13, 18, 21–22, 24; 1895. № 44; 1896. № 1, 6.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Глав. ред. восточ. литературы изд-ва «Наука», 1975.

Лихачев Д.С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // *Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы*. М.; Л.: АН СССР, 1954. X. С. 106–119; *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*. М.: Худож. лит., 1969. С. 224–235, 728–730.

Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2: Панцырь — Яшур.

Штернберг Л.Я. [Verus] Беседы о Сахалине // Владивосток. 1893. № 42. С. 8–9; № 43: 8–9; № 44. С. 6–9.

Штернберг Л.Я. [Verus] Беседы о Сахалине // Владивосток. 1894. № 22. С. 14–15; № 24. С. 12–14.

Штернберг Л.Я. [Verus] Беседы о Сахалине // Владивосток. 1894. № 13. С. 10.

Штернберг Л.Я. [Verus] Приезд генерал-лейтенанта Гродекова на Сахалин // Владивосток. 1894. № 21. С. 9.

Штернберг Л.Я. [Verus] Шансы торговли с Китаем и Японией // Владивосток. 1895. № 44. С. 11–12.

Штернберг Л.Я. [Л.Ш.] Великопостные мотивы (Фельетон) // Владивосток. 1896. № 6. С. 13–16.

Штернберг Л.Я. [Л.Ш.] Письмо (Новогодний рассказ) // Владивосток. 1896. № 1. С. 13–16.

СОДЕРЖАНИЕ

«Командир» и «Комиссар» (Е. Резван).....	3

МУЗЕЙ, КОЛЛЕКЦИИ, ЭКСПЕДИЦИИ

Е.А. Михайлова

Л.Я. Штернберг в Музее антропологии и этнографии АН: успехи и разочарования.....	9

П.А. Матвеева

«Музей общечеловеческой культуры»(еще раз о роли Л.Я. Штернберга и В.В. Радлова в становлении МАЭ)	22

Н.Г. Краснодембская

Л.Я. Штернберг и индийская экспедиция МАЭ	32

С.А. Корсун

Л.Я. Штернберг как американист.....	65

В.Н. Кисляков

Японские коллекции Л.Я. Штернберга, хранящиеся в МАЭ РАН	83

В.Н. Семенова

Л.Я. Штернберг и его роль в пополнении африканского фонда МАЭ РАН	91

Е.С. Соболева

Переписка Л.Я. Штернберга и К.В. Хартманна как источник по истории коллекций Петербургского и Стокгольмского этнографических музеев	96

О.В. Соколова

Роль Л.Я. Штернберга в пополнении фондов МАЭ коллекциями по культуре индейцев Западной Мексики (по материалам переписки Л.Я. Штернберга и К.Т. Пройса).....	119

Н.Д. Светозарова, А.А. Бурыкин, А.Х. Гирфанова

Фонографические записи Л.Я. Штернберга в Фонограммархиве Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.....	136

Н.В. Ушаков

Значение Инструкции по регистрации коллекций
МАЭ РАН Л.Я. Штернберга для полевой документации,
камеральной обработки и архивации современных
цифровых полевых этнографических материалов 140

М.В. Осипова

Этнографические экспедиции на территории
Хабаровского края в первые годы советской власти 159

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

С. Кан

Научные взгляды Л.Я. Штернберга в контексте мировой
этнологии и его собственной идеологии народника
и еврейского патриота 179

М.М. Шахнович

Л.Я. Штернберг и «наука о религии» 190

Н.Ч. Таксами

Теория «аниматизма» Л.Я. Штернберга на материалах
по верованиям саамов начала XX в. 200

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева

Становление индологического направления научных
исследований МАЭ в эпоху Радлова и Штернберга
(по архивным материалам) 203

А.Б. Островский

Проблема первобытного мышления в трудах
Л.Я. Штернберга 232

Д.В. Арзютов

Полевые программы Штернберга и Богораза:
от концепции поля к категоризации этничности 240

А.К. Салмин

Орел в этнографии чувашей 247

О.Б. Степанова

Орел в мифологической традиции селькупов 254

<i>Н.Е. Мазалова</i>	
Русский колдун и его помощники	261

ШТЕРНБЕРГ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

<i>А.А. Бурькин</i>	
Этногенез нивхов, межэтнические связи в Приамурско-Сахалинском регионе и проблема генетической принадлежности нивхского языка	275
<i>Вяч.С. Кулешов</i>	
Наследие Л.Я. Штернберга и спорные вопросы нивхской грамматики	287
<i>Сиро Сасаки</i>	
Исследование Л.Я. Штернбергом нивхского общества и структурная антропология	291

ГРАЖДАНИН, КОЛЛЕГА, ПЕДАГОГ

<i>С. Кан</i>	
Гражданское мужество ученого: Л.Я. Штернберг после Октября 1917 г.	305
<i>Е.В. Иванова</i>	
Л.Я. Штернберг и В.К. Арсеньев (воспоминания участника странной дискуссии 1970-х годов)	316
<i>С.В. Березницкий</i>	
Юмор в жизни и творчестве Л.Я. Штернберга	324

Научное издание

**ЛЕВ ШТЕРНБЕРГ — ГРАЖДАНИН, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ
К 150-летию со дня рождения**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор М. Ильина
Корректор Л. Амбросенко
Компьютерный макет А. Банковича

Подписано в печать 20.05.2012. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 20. Усл. печ. л. 24.
Заказ № 28.

РИО МАЭ РАН.
199034. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., 3.

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”».
199004. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24